

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2014

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2014
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2014

Технологическая и типологическая вариабельность кареноидных изделий в верхнем палеолите Средней Азии <i>Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К.</i>	5
Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье <i>Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В.</i>	19
Москворецкие памятники фатьяновской культуры <i>Кренке Н.А.</i>	29
Природное окружение фатьяновских поселений и могильников в долине Москвы-реки по данным спорово-пыльцевого анализа <i>Ершова Е.Г.</i>	43
Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. <i>Сыроватко А.С.</i>	48

Дискуссии

О некоторых новых результатах раскопок на городище Тахти-Сангин <i>Кошеленко Г.А.</i>	62
Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из Храма Окса, Тахти-Сангин) <i>Болелов С.Б.</i>	64
Котлы типа “Тахти-Сангин–Бармашино”: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии <i>Демиденко С.В.</i>	75
Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма <i>Балахванцев А.С.</i>	89

Публикации

Боровка III – мастерская по изготовлению ножей из плиток серого кварцита (поздний неолит-энеолит) <i>Серигов Ю.Б.</i>	97
Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье <i>Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г.</i>	107
Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 <i>Рукавишников И.В., Яблонский Л.Т.</i>	118
Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосковья <i>Гавритухин И.О.</i>	134

История науки

В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений <i>Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.</i>	145
Борис Александрович Колчин: металлография на службе археологии <i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i>	155

Критика и библиография

История башкирского народа в семи томах. Том II. Уфа: Гилем, 2012 <i>Васильев Д.В., Иванов В.А., Коренько В.А.</i>	162
Клейн Л.С. Этногенез и археология. СПб.: Евразия, 2013 <i>Яблонский Л.Т.</i>	167
Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012 <i>Трейстер М.Ю.</i>	174

Хроника

Семинар “Междисциплинарные археологические и естественно-научные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск”. Казань, 2014 <i>Лазукин А.В.</i>	178
Памяти Светланы Вячеславовны Студзицкой <i>Белоцерковская И.В., Кузьминых С.В.</i>	179
Столяр Абрам Давидович (<i>In memoriam</i>) <i>Носов Е.Н., Тихонов И.Л., Алексеев А.Ю., Остаинский С.М., Пиотровский М.Б., Пиотровский Ю.Ю., Терехин В.С., Чугунов К.В., Васильев С.А., Всевиов Л.М., Гиря Е.Ю., Сакса А.И., Хвоцинская Н.В., Шумкин В.Я., Козинцев А.Г., Чистов Ю.К., Ельяшевич А.М., Державин В.Л., Сорокин А.Н., Энговатова А.В.</i>	181
Игорь Сергеевич Каменецкий <i>Гей А.Н., Сорокина И.А.</i>	183
Памяти Вадима Александровича Ранова <i>Несмеянов С.А., Никонов А.А., Лаухин С.А.</i>	186
Список сокращений	188
Авторский указатель за 2014 г.	190

Сдано в набор 14.07.2014 г.	Подписано к печати 29.09.2014 г.	Дата выхода в свет 27 кв.	Формат 60 × 80 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл. печ. л. 24.0	Усл.кр.-отт. 9.3 тыс.	Уч.-изд.л. 25.6
	Тираж 379 экз.	Зак. 613	Бум.л. 12.0
		Цена свободная	

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 4, 2014

Technological and typological variability of the carenoid works in the Upper Paleolithic in the Middle Asia <i>Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K.</i>	5
The experience of identifying and systematization of the infrastructure characteristics of the settlement of the catacomb culture Rykan-3 in the forest steppe Don region <i>Gak E.I., Chernysheva E.V., Khodzhaeva A.K., Borisov A.V.</i>	19
Moskva district monuments of the Fatyanovo culture <i>Krenke N.A.</i>	29
The natural surroundings of the Fatyanovo settlements and burials in the valley of the Moskva River according to the data of the spore-pollen analysis <i>Ershova E.G.</i>	43
Burials with cinerations on the Middle Oka River of the second half of the I neillenum AD <i>Syrovatko A.S.</i>	48

Discussions

On some new results of the excavations at the settlement Takhti-Sangin <i>Koshelenko G.A.</i>	62
Notes on the Bactrian pottery (on the question about dating the cast form of the bronze cauldron from the Temple of Oxus, Takhti-Sangin) <i>Bolelov S.B.</i>	64
Cauldrons of the “Takhti-Sangin–Barmashino” type: to the problem of convergence of the metalwork in the Central Asia <i>Demidenko S.V.</i>	75
New inscription from Takhti-Sangin and some problems of the Eastern Hellenism <i>Balakhvantsev A.S.</i>	89

Publications

Borovka III – a workshop for producing knives from the plates of the grey quartz rock (the late Neolithic – the Eneolithic Ages) <i>Serikov Iu.B.</i>	97
Early Scythian burial in the burial mound near the village Kitaigorod in the Oryol region <i>Romashko V.A., Skorii S.A., Filimonov D.G.</i>	107
The researches of the burial mound 2 of the burial Filippovka 2 <i>Rukavishnikova I.V., Iablonskii L.T.</i>	118
Earby Byzantine strap-mount from the Moscow region <i>Gavritukhin I.O.</i>	134

History of science

V.A. Gorodtsov and A.M. Talgren in the epistolary communication: from the dialogue to the break in relations <i>Kuzminykh S.V., Safonov I.E.</i>	145
Boris Alexandrovich Kolchin: metallography in the service of archaeology <i>Zavyalov V.I., Terekhova N.N.</i>	155

Critics and bibliography

The history of the Bashkir people in seven volumes. Volume II. Ufa: Gilem, 2012	
<i>Vasiliev D.V., Ivanov V.A., Koreniako V.A.</i>	162
Klein L.S. Ethno genesis and archaeology. SPb.: Eurasia, 2013	
<i>Iablonskii L.T.</i>	167
Pshenichniuk A.H. Filippovka: the necropolis of the nomadic elite of the 4 th century BC on the South Ural. Ufa: RIHLL, 2012	
<i>Treister M.Iu.</i>	174

Chronicle

The workshop "Interdisciplinary archaeological and science researches of the monuments of the cultural heritage: Bolgar and Sviiazhsk". Kazan, 2014	
<i>Lazukin A.V.</i>	178
In the memory of Svetlana Viacheslavovna Studzitskaya	
<i>Belotserkovskaya I.V., Kuzminykh S.V.</i>	179
Stoliar Abram Davidovich (In memoriam)	
<i>Nosov E.N., Tikhonov I.L., Alexeev A.Iu., Ostashinskii S.M., Piotrovskii M.B., Piotrovskii Iu.Iu., Terebenin V.S., Chugunov K.V., Vasiliev S.A., Vseviov L.M., Gira E.Iu., Saksa A.I., Shumkin V.Ia., Khvoshchinskaya N.V., Kozintsev A.G., Chistov Iu.K., Eliashevich A.M., Derzhavin V.L., Sorokin A.N., Engovtova A.V.</i>	181
Igor Sergeevich Kamenetskii	
<i>Gei A.N., Sorokina I.A.</i>	183
In the memory of Vadim Alexandrovich Ranov	
<i>Nesmeianov S.A., Nikonov A.A., Laukhin S.A.</i>	186
List of abbreviations	188
Author index, 2014	190

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ КАРЕНОИДНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2014 г. К.А. Колобова, А.И. Кривошапкин, К.К. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (kolobovak@yandex.ru)

Ключевые слова: *технология расщепления камня, верхний палеолит, кареноидные изделия.*

The article states the results of the overall researches on the rehabilitation of the one-layer settlement Rykan-3 which is considered to be a model dwelling site the Middle Don Region catacomb culture of the 3rd millennium BC in the Eastern European forest-steppe zone. The experience of the discovering of the infrastructural characteristics with the help of the spatial-correlation analysis of the archaeological and natural data has been shown amid the common problems in studying the catacomb community's settlements. Through this analysis it was possible to find out the principle of a settlement planning under the paleorelief conditions; to define functions and the significance of the core structural objects; to localize zones of the intensive domestic activity, in some cases, to specify the character of such activity, its connections with the common planning and specific land constructions; to correlate the infrastructural characteristics of the settlement with the climatic season. The main result of the systemizing the materials of the research is a structural-functional model of the citizens' compact accommodation which was made for the first time in respect to the bearers of the catacomb funeral rite.

Употребление термина *carène* имеет долгую историю. Впервые он был применен Е. Пьетт и Ж. Де Ла Порт в 1894 г. (*Productions lamellaires...*, 2005) для подчеркивания специфичного D-образного изгиба профиля данных изделий. Благодаря удачно выбранной аналогии, а также тому, что кареноидные изделия оказались одними из основных маркирующих компонентов “ориньякского комплекса”, термин достаточно скоро стал общепринятым (Sonneville-Bordes, Perrot, 1954; Movius, Brooks, 1971; Hays, Lucas, 2000; *Productions lamellaires...*, 2005; *Burins préhistoriques...*, 2006). С момента своего первоначального определения и вплоть до последнего десятилетия предметы кареноидной морфологии определялись преимущественно как орудия, а их типологическая дифференциация (скребки или резцы) также подразумевала в основном лишь орудийную деятельность (Sonneville-Bordes, Perrot, 1954; Movius, Brooks, 1971). Разработка и использование в последние десятилетия методик раскопок, обеспечивающих большую тщательность полевых исследований, повлекли обнаружение значительного количества мелких пластинчатых заготовок с непрямым профилем (в том числе и ретушированных), а применение аппликативного метода показало, что данные пластинки с изогнутым либо закрученным профилем в большинстве случаев были получены с кареноидных изделий (Hays, Lucas, 2000; *Productions lamellaires...*, 2005). Несмотря на то что еще в 1978 г. было предложено использовать

термин “кареноидный нуклеус” (Sachse-Kozłowska, 1978), вплоть до настоящего времени исследователи предпочитают сохранять при описании классические орудийные типологические определения, вкладывая в них, однако, технологический смысл (Hays, Lucas, 2000; *Productions lamellaires...*, 2005; *Burins préhistoriques...*, 2006; Dinnis, 2008). Таким образом, типологически устоявшиеся названия различных вариантов кареноидных изделий (концевые скребки, скребки с носиком, скребки с плечиками, резцы типа бюске и вашон, скребла рабо) (Sonneville-Bordes, Perrot, 1954; Sachse-Kozłowska, 1978) в большинстве проанализированных в последнее время случаев являются специфической разновидностью призматических нуклеусов для получения мелкопластинчатых заготовок (Lucas, 2006; Dinnis, 2008). Необходимо отметить, что не следует абсолютно все кареноидные изделия рассматривать как нуклеусы. Бесспорно, использование изделий подобной морфологии в качестве орудий также имело место в древности (Hays, Lucas, 2000; *Productions lamellaires...*, 2005), но в гораздо меньшей степени, чем это предполагалось ранее.

Кареноидные изделия в верхнем палеолите Средней Азии. Наличие в верхнепалеолитических индустриях кареноидных изделий – один из основных элементов “ориньякского набора”, а изучение их технологической и типологической вариативности позволяет определять положение конкретной индустрии в общем эволюционном и хронологи-

ческом контексте верхнего палеолита Старого Света (*Productions lamellaires...*, 2005). Несмотря на то что в качестве прародины ориньяка неоднократно называлась территория Центральной Азии (и в частности, Узбекистана и Казахстана) (Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии..., 2005), изучение верхнего палеолита на этой территории долгое время не было приоритетным. Прежде всего это связано с объективными причинами, а именно с малочисленностью открытых к концу XX в. на данной территории верхнепалеолитических стоянок. Данная ситуация затрудняла выполнение каких-либо детальных классификационных построений, а отмечавшаяся большинством исследователей архаичность известных комплексов (Ранов, 1973; Касымов, 1990; Вишняцкий, 1996) и не предполагала их рассмотрения при обсуждении ориньякской проблемы. Присутствие практически во всех изученных к концу XX в. верхнепалеолитических комплексах региона, например Шугноу, Харкуше, Самаркандской стоянке (Ранов, 1973; Вишняцкий, 1996), кареноидных изделий, называемых авторами исследований “нуклеидными скребками” или “скребками высокой формы”, рассматривалось в рамках более глобального процесса микролитизации орудийных индустрий, а траектории культурного развития связывались, скорее, с комплексами азиатской части Евразии, нежели с ориньякскими индустриями Ближнего и Среднего Востока или Европы. Данная интерпретация верхнепалеолитической истории Средней Азии в начале XXI в. была скорректирована в результате работы коллектива специалистов из ИАЭТ СО РАН (Россия, г. Новосибирск), ИА АН РУз (Узбекистан, г. Самарканд) и Королевского Музея искусства и истории (Бельгия, г. Брюссель). Основу новых данных, анализ которых изменил понимание общей логики развития верхнепалеолитических индустрий в регионе, составили результаты полевых исследований стоянок Додекатым 2 (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011), Кульбулак и Кызыл-Алма 2 (Колобова и др., 2010). Помимо новых полевых исследований в сотрудничестве с исследователями из Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана была проведена ревизия материалов опорного для территории Таджикистана памятника – Шугноу (Ранов и др., 2012).

Кульбулак. Многослойный памятник открытого типа Кульбулак приурочен к юго-восточным склонам Чаткальского хребта (Республика Узбекистан). Стоянка была открыта в 1962 г., и стационарные раскопки первого этапа исследований проводились на ней с перерывами вплоть до 1994 г. (Касымов, 1990; Анисюткин и др., 1995). Во время полевых работ второго этапа исследований стоянки (2007–2010 гг.) помимо изучения полного культурно-стра-

тиграфического профиля стоянки детальному изучению были подвергнуты верхнепалеолитические слои, включенные в отложения литологического слоя 2, абсолютный возраст которого определен методом оптико-стимулированной люминесценции (ОСЛ) в 39000 ± 4000 (GLL-080316). Данное литологическое подразделение включало в себя два неравнозначных по количеству артефактов культурных слоев (2.1 и 2.2), отражающих различные периоды заселения территории памятника. Комплексы данных культурных слоев памятника отражают этапы развития одной традиции, характерные черты которой – сочетание призматического, торцового и плоскостного принципов расщепления. В нижнем слое (2.2) превалирует плоскостное расщепление со значительной долей призматического и торцового, а в орудийном наборе преобладают скребки и сколы с ретушью, отмечается незначительное количество изделий микроинвентаря, включая пластинки дюфур и пластинки с ретушью. В коллекции данного культурного подразделения было обнаружено два кареноидных изделия. Для верхнего культурного слоя (2.1) свойственны общая мелкопластинчатая направленность, значительная роль кареноидного расщепления, превалирование скребков и долотовидных изделий в орудийном наборе, многочисленность изделий из категории микроинвентаря, включая пластинки с притупленным краем, дюфур, микроострия, аналогичные остриям арженех и трезульный микролит. Обращает на себя внимание значительное количество кареноидных изделий (62 экз.), обнаруженных в данном слое (Колобова, Кривошапкин, Фляс и др., 2011; Колобова и др., 2013).

Кызыл-Алма 2. Памятник, находящийся на расстоянии 1200 м на север-северо-запад от стоянки Кульбулак, был открыт в 2007 г. Стратиграфическая колонка содержит четыре литологических подразделения, в которых в значительно потревоженном склоновыми процессами стратиграфическом контексте зафиксирован материал верхнепалеолитического облика. При доминировании технологии скалывания среднеразмерных пластин с плоскостных и подпризматических нуклеусов наблюдается присутствие торцовых и кареноидных ядрищ (3 экз.) для получения мелких пластинок. В немногочисленном орудийном наборе доминируют концевые и боковые скребки. В коллекции отмечено присутствие одиночной пластинки с ретушью (Колобова и др., 2010).

Додекатым 2. Памятник, расположенный в среднем течении р. Пальтау, правого притока р. Чаткал (Республика Узбекистан), был открыт в 2005 г. В стратиграфической колонке выявлено четыре культурных слоя (5–2), относящихся к единой развитой верхнепалеолитической традиции. Слой 4 памят-

ника был датирован в пределах 23–21 тыс. л.н. (некалиброванный возраст). В целом для первичного расщепления всех культурных слоев стоянки характерно преобладание подпризматического и торцового скалывания, нацеленного преимущественно на получение мелких пластинок. Доминирующий принцип расщепления – призматический, эволюционирующий от явного преобладания кареноидных нуклеусов для получения пластинок с прямым профилем в нижнем слое 5 к превалированию в лежащих выше слоях одноплощадочных нуклеусов для пластинчатых заготовок с прямым профилем (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011). В коллекции слоя 5 насчитывается семь экз. кареноидных нуклеусов. В лежащих выше слоях доля кареноидных нуклеусов значительно сокращается. Орудийные наборы памятника демонстрируют развитие изделий из категории микроинвентаря, среди которых ведущую роль играют треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью и микроострия (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011).

Шугноу. Стоянка была открыта в 1968 г. при разведочном обследовании плато Даштако (Республика Таджикистан). Колонка памятника содержит пять инситуальных культуросодержащих слоев. По результатам предварительного изучения основная часть слоев (4–1) была отнесена к верхнему палеолиту, а самый верхний (слой 0) – к мезолиту (Ранов, 1973). В 2010–2011 гг. проведен полный технико-типологический анализ (с элементами атрибутивного подхода) всех каменных артефактов, в результате чего предварительные характеристики комплексов памятника были уточнены. В настоящее время все шугноуские индустрии определяются как относящиеся к единой верхнепалеолитической традиции. Для первичного расщепления культурных слоев стоянки характерно сочетание призматического, торцового и плоскостного принципов расщепления, причем призматический, как правило, доминирует. Процесс первичного расщепления был преимущественно направлен на получение крупных и мелких пластинчатых заготовок со значительной долей остроконечных снятий в нижних культурных горизонтах, в то время как в верхних слоях крупные и остроконечные пластинчатые сколы практически отсутствуют. В орудийном наборе доминируют скребки различных модификаций, острия с ретушью; снизу вверх по разрезу растет удельный вес микроинвентаря, включающего в себя пластинки с ретушью, пластинки с притупленным краем, микроострия и треугольный микролит. В слоях 3–2 насчитывается 7 экз. кареноидных изделий, в индустрии слоя 1 – 28 экз. (Ранов и др., 2012).

На основе изучения индустрий перечисленных выше стоянок была выделена новая верхнепалео-

литическая культура, названная кульбулакской. Согласно имеющимся для изученных стоянок определениям абсолютного возраста, данная культура возникла и существовала в регионе с 39 до 21 тыс. л.н. и, возможно, позднее. Кульбулакская культура демонстрирует развитие мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом, включающим изделия с притупленной спинкой и треугольные микролиты. Наиболее яркий и заметный компонент кульбулакской культуры – кареноидная технология, при этом удалось выделить этапы появления, расцвета и замещения данной технологии обычным призматическим скалыванием (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011; Колобова и др., 2013). К ранним этапам кульбулакской культуры отнесены индустрии стоянки Кызыл-Алма 2, слой 2.2 стоянки Кульбулак и слои 4–2 стоянки Шугноу; к развитым этапам – материалы слоя 2.1 Кульбулака, слой 1 Шугноу и слой 5 стоянки Додекатым 2; к заключительным этапам отнесены коллекции каменных артефактов из слоев 4–2 стоянки Додекатым 2 (Колобова и др., 2013).

Типология кареноидных изделий кульбулакской культуры. В изученных индустриях кульбулакской культуры кареноидные изделия были интерпретированы как нуклеусы. Основания для подобной точки зрения следующие: 1) в коллекциях культурных слоев верхнепалеолитических стоянок Средней Азии обнаружено большое количество мелких пластинчатых заготовок с прямым профилем,

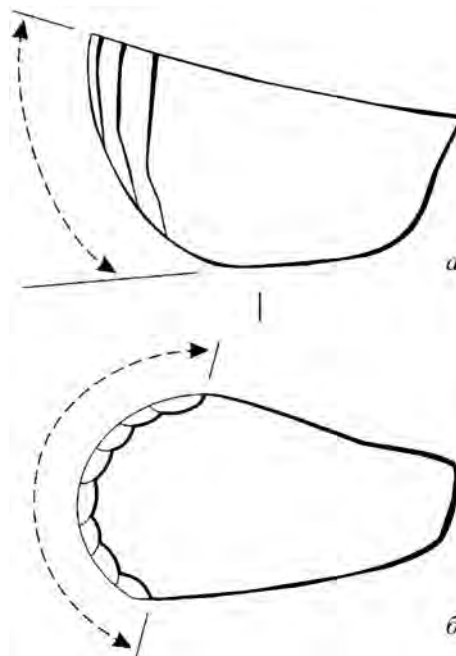

Рис. 1. Характеристики кареноидных нуклеусов: *а* – изогнутость фронта расщепления в профиль; *б* – снятия пластинок в плане образуют дугу.

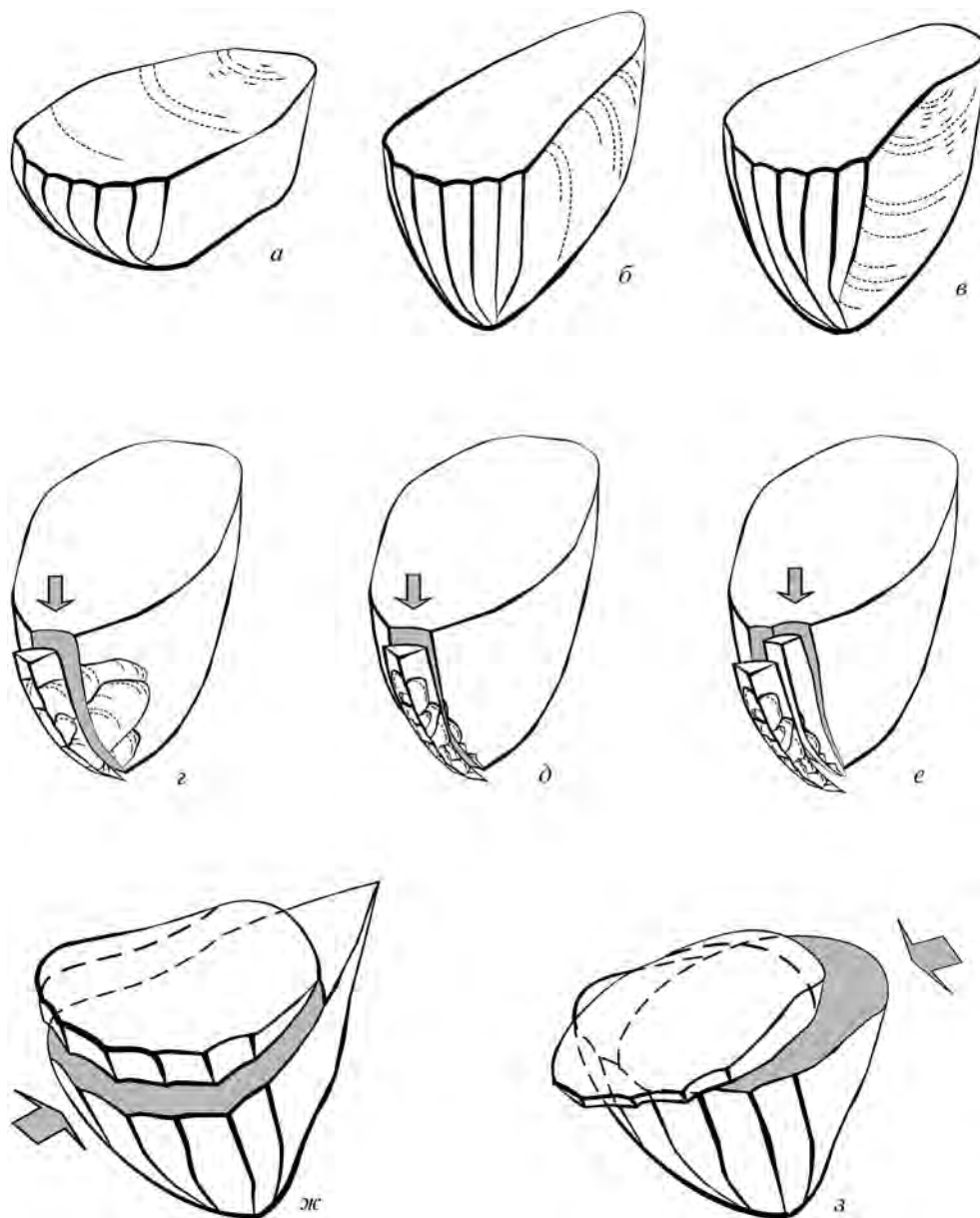

Рис. 2. Кареноидные нуклеусы на сколах (а–в), этап инициирования расщепления кареноидных нуклеусов (з–е), варианты снятия таблеток с кареноидных нуклеусов (ж, з): а – кареноидный нуклеус на сколе поперечной ориентации; б, в – кареноидные нуклеусы на сколах продольной ориентации; з – создание ребра; д – реализация ребра; е – продолжение расщепления; ж – с фронта; з – с контрфронта.

многие из которых использованы в качестве оружейных основ. Их получение было возможным только с кареноидных нуклеусов; 2) проведенные трасологические исследования показали полное отсутствие следов использования в качестве орудий на кареноидных изделиях со стоянок Кульбулак и Додекатым 2 (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011; Колобова и др., 2013). Необходимо отметить, что в русскоязычной специальной литературе отсутствует столь долговременная традиция определения кареноидных предметов в качестве орудий, которая существует во франко- и англо-

язычной литературе, что облегчает классификацию данных предметов в категориях нуклевидных изделий, не требуя смены терминологического аппарата.

В целом нуклеусы кареноидного типа в кульбулакских индустриях обладают следующими характеристиками: 1) ядрища предназначены исключительно для получения мелких пластинчатых заготовок (шириной менее 12 мм); 2) фронт ядрища изогнут в профиле (рис. 1, а); 3) та часть ударной площадки, с которой происходило снятие сколов, в плане образует дугу (рис. 1, б). В качестве заго-

товок для кареноидных нуклеусов использовались как отдельности сырья, так и сколы различной морфологии, обычно массивные в поперечном сечении. Если нуклеус, удовлетворяющий перечисленным условиям, изготовлен на отдельности сырья, то он определяется как кареноидный. Если ядрище изготовлено на сколе и фронт расщепления ориентирован таким образом, что снятие пластинок велось с вентральной (в редких случаях с дорсальной) поверхности, выбирая полезный объем ядрища между вентральной и дорсальной плоскостями, то оно определяется как кареноидное ядрище на сколе поперечной ориентации (рис. 2, а). Ядрища с такими характеристиками типологически наиболее близки кареноидным (нуклевидным) скребкам. Если ядрище изготовлено на сколе и фронт расщепления ориентирован таким образом, что ударной площадкой служила одна из продольных или поперечных граней скола, а в процессе утилизации полезный объем ядрища выбирался вдоль вентральной и дорсальной плоскостей заготовки, то оно определяется как кареноидный нуклеус на сколе продольной ориентации (рис. 2, б, в). Данную категорию нуклеусов отличает ограниченность ширины фронта толщиной заготовки, поэтому выраженность дуги ударной площадки может быть не столь явной. Этим кареноидным нуклеусам наиболее близки кареноидные резцы типа *ваион* европейской типологической классификации (Dinnis, 2008).

Кареноидная технология в индустриях кульбулакской культуры. Общее количество и типологический состав кареноидных нуклеусов в индустриях памятников кульбулакской культуры представлены в табл. 1.

На основе атрибутивного анализа удалось восстановить основные этапы утилизации кареноидных нуклеусов начиная с выбора заготовки. На одном из узких торцов заготовки организовывался

фронт расщепления. В большинстве случаев в данном комплексе фронт имел треугольную форму. При инициации расщепления, на узком торце выбранной заготовки при помощи сколов либо ретуши подготавливалось и позднее удалялось продольное ребро (рис. 2, з, д). Снятие выделенного ребра могло происходить в несколько приемов (рис. 2, е). Помимо явных свидетельств существования данного этапа расщепления, которыми служат нуклеусы, первоначальное ребро на которых не удалось удалить, например, из-за дефектов, возникших в процессе расщепления (рис. 3, 2, 3), в индустрии сколов об этом этапе подготовки может свидетельствовать наличие мелких реберчатых и полуреберчатых сколов. Однако без применения аппликативного метода точно выявить принадлежность указанных сколов именно к кареноидной технологии расщепления достаточно проблематично, так как схожим образом могла начинаться утилизация и мелких торцовых нуклеусов.

Для поддержания необходимых для успешного и продолжительного расщепления формы фронта и выпуклости ударной площадки применялись латеральные и фронтально-латеральные сколы различной модификации: единичные латеральные сколы с ударной площадки (рис. 3, 1, 4–6; 4, а); множественные сколы с ударной площадки (рис. 3, 7–10; 4, б; 5, 12); единичные сколы с базальной части нуклеуса (рис. 4, в; 5, 5); множественные сколы с базальной части нуклеуса и альтернативные сколы с ударной площадки и базальной части нуклеуса (рис. 4, з, д; 5, 9). В тех случаях, когда толщина нуклеуса невелика, применялись единичные либо множественные сколы с контрфронта (рис. 4, е, ж; 5, 1, 6, 8, 10, 11).

Идентифицировать латеральные технические сколы, принадлежащие кареноидной редуccionной последовательности, представляется достаточ-

Таблица 1. Общий состав кареноидных нуклеусов в верхнепалеолитических индустриях кульбулакской культуры

Комплексы кульбулакской культуры	Кареноидные нуклеусы на отдельностях сырья	Кареноидные нуклеусы на сколах поперечной ориентации	Кареноидные нуклеусы на сколах продольной ориентации	Всего кареноидных нуклеусов	Доля кареноидного расщепления в индустриях, %
Кульбулак сл. 2.1	38	19	7	62	19
Кульбулак сл. 2.2	0	1	1	2	2.7
Шугоу сл. 1	17	8	3	28	40.5
Шугоу сл. 2–3	4	3	0	7	12.2
Додекатым 2 сл.5	3	4	0	7	53.8
Додекатым 2 сл. 4	4	0	0	4	21
Додекатым 2 сл. 2	4	0	0	4	18.2
Кызыл-Алма 2	1	1	1	3	7.8

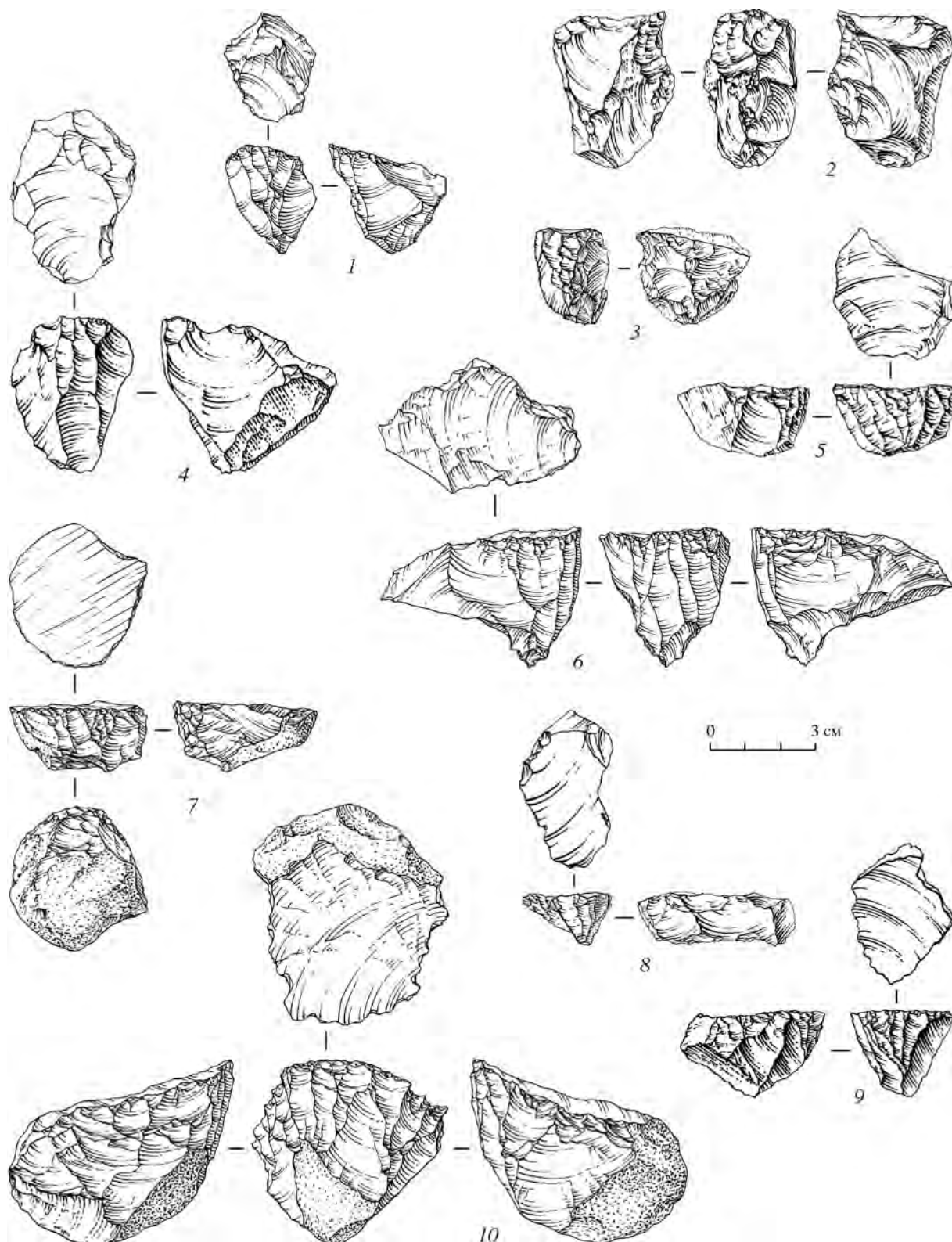

Рис. 3. Кареноидные нуклеусы из индустрий кульбулакской культуры. 1–4, 9 – слой 2.1 стоянки Кульбулак; 5 – слой 5 стоянки Додекатым 2; 6, 7, 10 – слой 1 стоянки Шугноу; 8 – индустрия стоянки Кызыл-Алма 2.

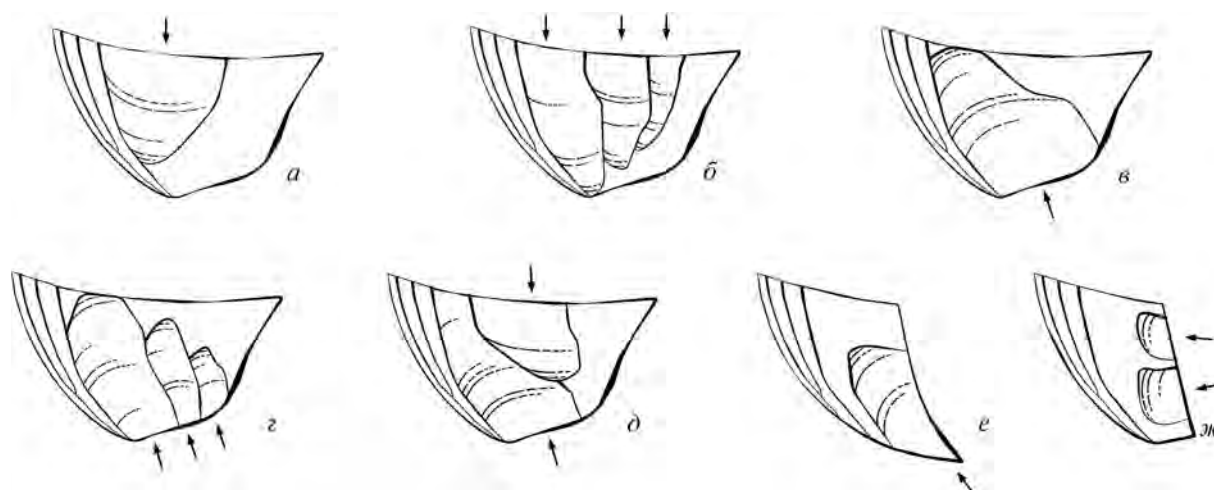

Рис. 4. Варианты латеральных подправок кареноидных нуклеусов: *а* – подправка кареноидного нуклеуса единичным сколом с ударной площадки; *б* – множественными сколами с ударной площадки; *в* – единичным сколом с базальной части нуклеуса; *г* – множественными сколами с базального основания нуклеуса; *д* – альтернативными сколами с ударной площадки и базальной части ядрища; *е, ж* – сколами с контрфронта нуклеуса.

но сложным, кроме тех случаев, когда направление негативов пластинчатых снятий на фронте не совпадает с направлением снятия технического скола (рис. 5, 2–4, 7). Фронтально-латеральные подправки – наиболее широко распространенный прием при оформлении кареноидных нуклеусов. Частота его применения в различных индустриях представлена в табл. 2. При этом большинство латеральных подправок – различные модификации сколов, снимавшихся с ударных площадок нуклеусов. Снятие технических сколов по обеим латеральям зафиксировано примерно в трети случаев (рис. 6, 1, 2). Следует отметить, что большая часть кареноидных нуклеусов на сколах продольной ориентации также несет на своих поверхностях латеральные сколы, аналогичные сколам с нуклеусов других модификаций (рис. 6, 3, 6, 9, 10).

Для поддержания килевидной формы нуклеусов также использовались различные подправки базальной части: единичные сколы подправки с основания нуклеуса на фронт (рис. 3, 4; 6, 3; 7, а);

множественные сколы с основания нуклеуса на фронт (рис. 5, 9; 6, 5; 7, б); симметричные сколы “от ребра” на фронт (рис. 3, 6; 6, 8; 7, в); обработка килевого края ретушью различного типа (рис. 5, 1; 6, 4, 7; 7, г, д; 8, 8); сколы с контрфронта по киллю (рис. 7, е); сочетание сколов подправки и ретуширования (рис. 7, ж; 8, 5).

Оформление ударной площадки зачастую зависело от выбранной заготовки. Если ударной площадкой выступала вентральная плоскость скола, то обычно она не подправлялась. У кареноидных нуклеусов продольной ориентации на сколах и у кареноидных ядрищ на отдельностях породы часто отмечается подправка ударной площадки путем снятия “таблеток”, производившихся как с плоскости фронта, так и с плоскости контрфронта (рис. 3, ж, з; 8, 1, 2). Причем первый прием был более распространен, чем второй (рис. 5, 12; 6, 3; 8, 6, 11). Следует отметить, что чаще всего подобной подправке подвергались кареноидные нуклеусы на отдельностях сырья, затем нуклеусы продольной

Таблица 2. Частота применения подправок кареноидных нуклеусов в индустриях кульбулакской культуры

Комплексы кульбулакской культуры	Оформление латералей		Оформление килей		Снятие таблеток	
	количество	%	количество	%	количество	%
Кульбулак сл. 2.1	41	66.1	18	29	20	32.2
Кульбулак сл. 2.2	1	50	0	0	0	0
Шугноу сл. 1	16	57	3	10.7	6	21.4
Шугноу сл. 2–3	4	57	2	28	1	14.2
Додекатым 2 сл.5	3	43	1	14	1	14.2
Додекатым 2 сл.4	2	50	0	0	0	0
Додекатым 2 сл.2	0	0	0	0	1	25

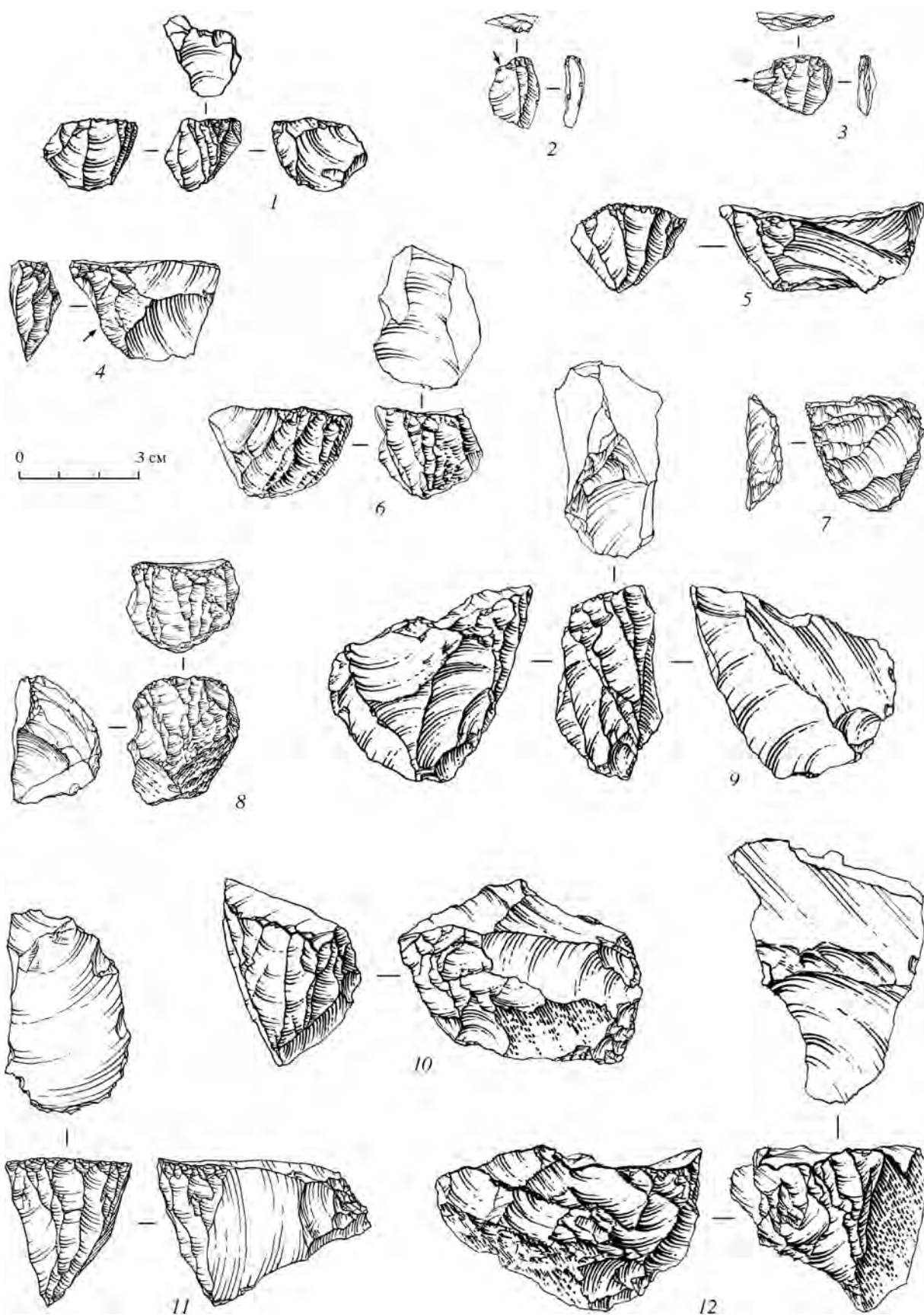

Рис. 5. Кареноидные нуклеусы и технические сколы из индустрий кульбулакской культуры. 1–5, 9, 10 – слой 2.1 стоянки Кульбулак; 6, 8, 12 – слой 5 стоянки Додекатым 2; 7, 11 – слой 1 стоянки Шугнуу.

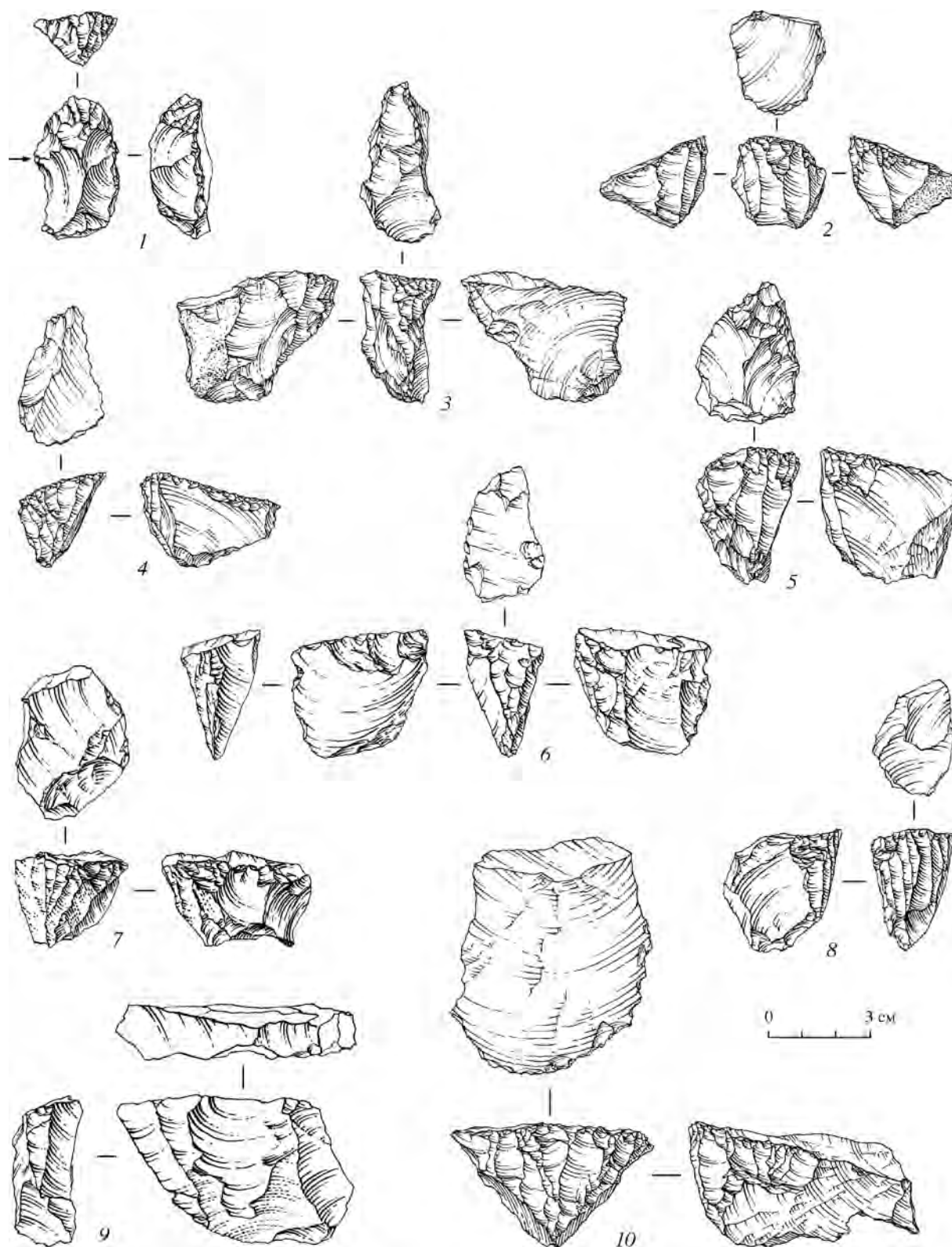

Рис. 6. Кареноидные нуклеусы из индустрий кульбулакской культуры. 1, 7–9 – слой 2.1 стоянки Кульбулак; 2–5 – слой 1 стоянки Шугноу; 6 – индустрия стоянки Кызыл-Алма 2; 10 – слои 3–2 стоянки Шугноу.

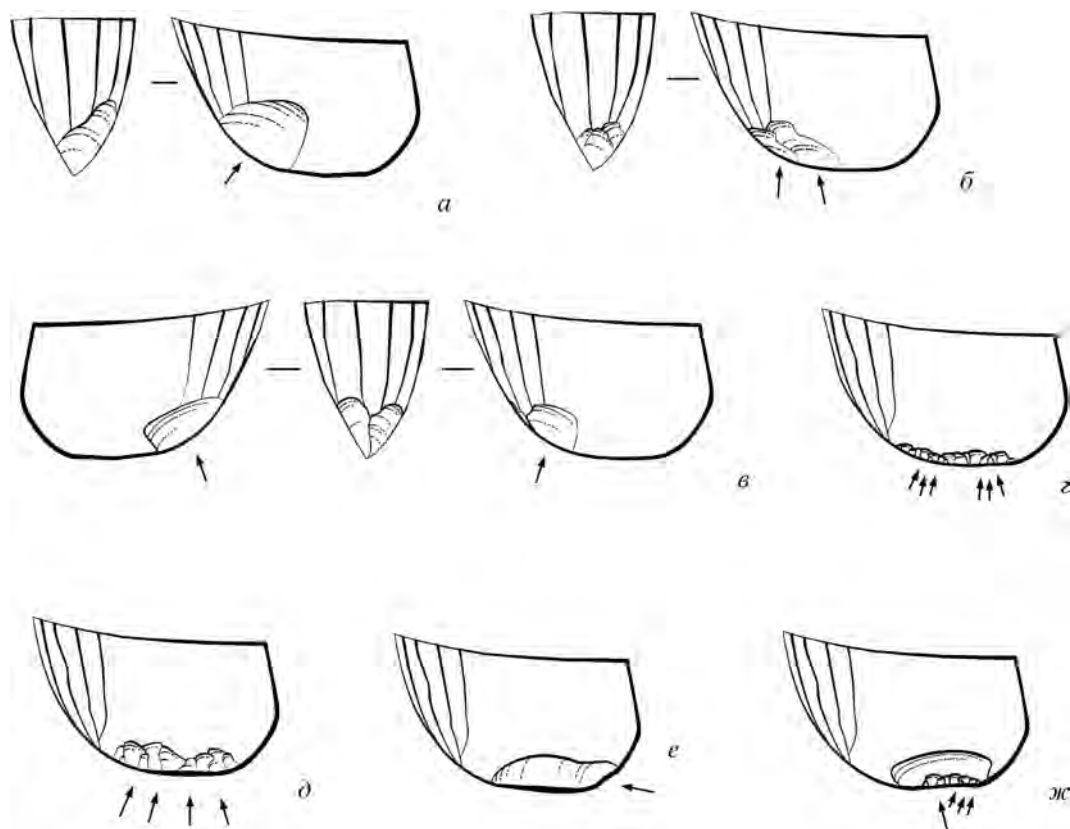

Рис. 7. Варианты подправок базальной части кареноидных ядрищ: *а* – единственный скол подправки с основания ядрища на фронт; *б* – множественные сколы с основания нуклеуса на фронт; *в* – симметричные сколы “от ребра” на фронт; *г, д* – ретушь и сколы различных модификаций; *е* – скол с контрфронта по килю; *жс* – сочетание скола и ретуширования.

ориентации (рис. 8, 4) и в последнюю очередь нуклеусы поперечной ориентации (табл. 2).

В большинстве случаев в кульбулакских комплексах на кареноидных нуклеусах образовывался один фронт и одна ударная площадка. Однако практически в каждой коллекции отмечается присутствие двухплощадочных ядрищ (рис. 8, 3, 7, 9, 10).

Чаще всего расщепление прекращалось без видимых в настоящее время причин. Среди диагностируемых оснований для завершения эксплуатации кареноидных нуклеусов следует указать образование на фронте расщепления непреодолимых заломов. Отмечен единственный случай, когда кареноидное ядрище после прекращения расщепления было переоформлено в скребло (рис. 8, 12).

Как показало проведенное исследование, метрические параметры полученных заготовок зависели от первоначального размера ядрищ и степени их дальнейшей сработанности (Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011; Колобова и др., 2013). В целом измерения последних негативов снятий на фронтах ядрищ показало, что в основном с кареноидных нуклеусов снимались мелкие пластинчатые

заготовки длиной от 11 до 27 мм и шириной от 3 до 9. Крайние значения ширины укладываются в диапазон от 2 до 12 мм, а длины – от 8 до 56, что говорит о том, что с нуклеусов данного типа снимались как достаточно крупные пластинки, так и весьма миниатюрные микропластины. Сравнение размеров последних пластинчатых снятий у нуклеусов, оставленных на разных этапах утилизации, не показали сколько-нибудь значительных различий, позволяя предположить, что пластинки с названными метрическими параметрами были основными желаемыми заготовками для ядрищ рассматриваемого типа.

Результаты наблюдений показали, что кареноидные нуклеусы всех типов в исследуемых индустриях принадлежали к одной редуccionной схеме. Различия в их морфологии в большой степени продиктованы типом и формой заготовки. Также от типа заготовки и ее формы зависело применение определенных типов подправок, но в основной своей массе подправки идентичны для ядрищ на разных заготовках. Ограниченное количество вариантов ядрищ и их подправок в комплексах свидетельствует как о культурно-технологическом

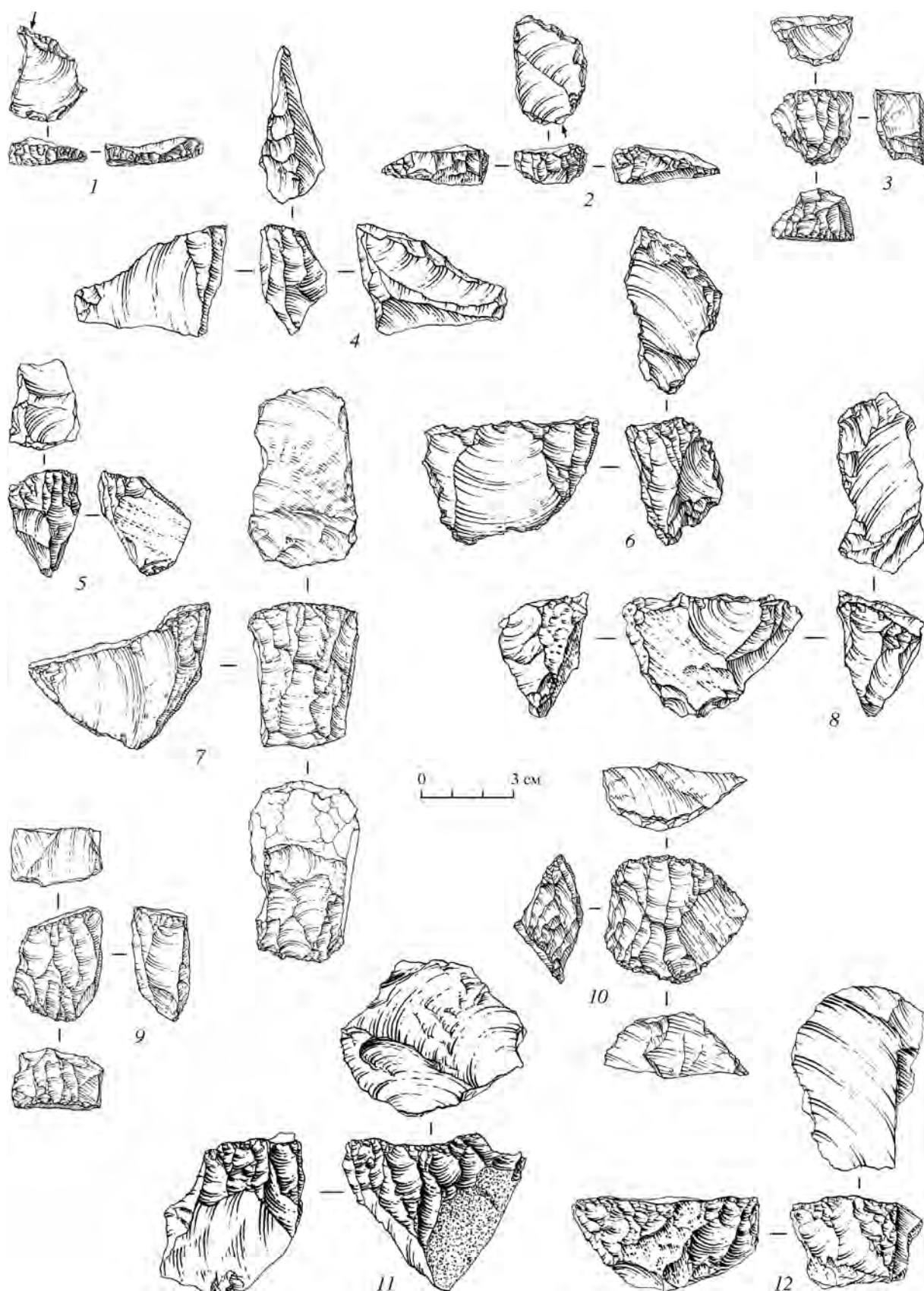

Рис. 8. Кареноидные нуклеусы и технические сколы из индустрий кульбулакской культуры. 1, 2, 4–6, 8 – слой 2.1 стоянки Кульбулак; 3 – слой 1 стоянки Шугноу; 7 – слой 4 стоянки Додекатым 2; 9, 11, 12 – слой 5 стоянки Додекатым 2; 10 – слой 3–2 стоянки Шугноу.

единстве комплексов кульбулакской традиции, так и о том, что кареноидная технология в рассматриваемых комплексах предстает перед нами в уже сложившемся виде с устоявшимися техническими приемами.

Кареноидная технология Средней Азии в контексте верхнепалеолитических индустрий сопредельных территорий. Генезис кареноидной технологии на территории Средней Азии видится в постепенном развитии региональных финально-среднепалеолитических и переходных пластинчатых индустрий, относящихся к обирахматской культурной традиции (Кривошапкин, 2012). Индустрии составляющих ее грота Оби-Рахмат, стоянки Кульбулак (слой 23) были направлены на получение пластинчатых и острийных заготовок с плоскостных и подпризматических нуклеусов; прослеживается значительная доля пластинчатых заготовок, получаемых с торцовых и подпризматических ядрищ; в комплексах отмечается заметная роль варибельного мелкопластинчатого производства. Одним из использовавшихся вариантов мелкопластинчатого производства была технология получения мелкопластинчатых заготовок с непрямым профилем, аналогичная по своим типологическим характеристикам последующим верхнепалеолитическим кареноидным технологиям.

При проведении корреляций с комплексами сопредельных территорий ограничиваться рамками исключительно кареноидного производства представляется неэффективным, поскольку единичные кареноидные предметы свойственны и верхнепалеолитическим, и эппалеолитическим (мезолитическим) индустриям Европы, Ближнего и Среднего Востока, Средней и Северо-Восточной Азии.

На территории Средней Азии, Казахстана и Северного Афганистана выделяется ряд верхнепалеолитических индустрий (Самаркандская стоянка, Харкуш, Майбулак, стоянка им. Ч. Валиханова, Кара-Камар) (Вишняцкий, 1996; Ранов, Каримова, 2005), содержащих схожие кульбулакским технико-типологические элементы, прежде всего в первичном раскалывании и орудийном наборе. В этих индустриях также значительна роль мелкопластинчатого компонента, наблюдается преобладание призматического расщепления (с наличием кареноидных нуклеусов), отмечено присутствие торцовых нуклеусов для пластинок, в том числе и клиновидных вариантов, что и позволяет их сопоставлять с комплексами кульбулакской культуры (Колобова и др., 2013). Таким образом, можно констатировать, что на территории западной части Центральной Азии в начале и на среднем этапе верхнего палеолита существовала единая культурная тенденция,

выраженная в распространении мелкопластинчатых индустрий с присутствием кареноидных технологий

Расширяя географические рамки в поисках культурно-технологических аналогий, стоит отметить значительное сходство индустрий кульбулакской культуры с верхнепалеолитическими комплексами Ближнего и Среднего Востока. На территории Загроса значительное сходство с комплексами кульбулакской культурно-технологической традиции проявляют индустрии барадостской культуры или загросского ориньяка (памятники Варвази, Шанидар С, Яфтех, Па-Сангар, Гар Арженех, Гар-е-Хар, Шекафт-и, Барм-и Шур), датированные в хронологическом интервале от 36 до 24 тыс. л.н. (Olszewski, 1999; Otte et al., 2011). Ранние и поздние комплексы загросского ориньяка коррелируют с индустриями как раннего, так и развитого этапа кульбулакской культуры соответственно. Наибольшую степень сходства в комплексах обоих культурных подразделений демонстрируют кареноидные изделия. Также общие черты прослеживаются как на уровне первичного расщепления (увеличение в индустриях доли кареноидных нуклеусов, уменьшение размера получаемых мелкопластинчатых заготовок снизу вверх по разрезам памятников, наличие двухплощадочных призматических нуклеусов для пластинок), так и на уровне орудийных наборов (присутствие пластинок дюфур, острий арженех, пластинок с притупленным краем) (Conard, Ghasidian, 2011; Otte et al., 2011). На территории Западного Ирана недавно была выделена новая культура, названная ростамийской. Для ключевого памятника данной культуры Гар-е-Буф получена серия дат, укладывающаяся в промежуток от 31 до 37 тыс. л.н., некалиброванный возраст (Conard, Ghasidian, 2011). Судя по опубликованным данным, материалы данного культурного подразделения проявляют очень большую степень сходства с индустриями барадостской культуры и также могут быть сопоставлены с комплексами развитого этапа кульбулакской культуры.

Через загросский ориньяк кульбулакскую культуру, расширяя границы сопоставлений, можно сравнивать с комплексами левантийского ориньяка (*sensu stricto*) (Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999; Marks, 2003; Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2003). В целом нами предполагается, что ансамбли развитого загросского ориньяка подобны комплексам кульбулакской культуры примерно в той же мере, что и комплексы ориньяка левантийского. При этом наибольшие аналогии левантийскому ориньяку можно найти в индустриях развитого этапа кульбулакской культуры; сходство прослеживается как

в общих приемах первичного расщепления (кареноидная технология, значительная доля нуклеусов для отщепов), так и в составе орудийного набора (пластинки дюфур, острая эль-вад, значительная доля орудий на отщепах). Однако в комплексах кульбулакской культуры содержатся далеко не все элементы, свойственные ориньякскому технокомплексу. Например, отсутствуют костяная индустрия, пластины с перехватом и резцы бюске.

Барадостскую культуру в горах Загроса сменяет зарзийская культура, наиболее известные памятники которой – Зарзи, Варвази, Шанидар D, Палегавра, Барак, Хаджия, Бабхал, Хазар Мерд, Туркака и Коври Хан. Первичное расщепление в этих индустриях основано на использовании одноплощадочных призматических нуклеусов для получения пластинок, также отмечается и заметное присутствие кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе доминирующую роль играет микроинвентарь, включающий в себя треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью. Доступные абсолютные датировки отмечают лишь позднюю стадию зарзийской культуры и укладываются в промежуток от 14 350 до 10 590 л.н., некалиброванные значения (Smith, 1986; Wahida, 1999). Зарзийские материалы проявляют наибольшее сходство с заключительным этапом кульбулакской культуры, в котором также отмечено значительное количество кареноидных изделий, орудий на пластинках, включая пластинки с притупленным краем и треугольные микролиты.

Бликие зарзийским индустриям финальноверхнепалеолитические материалы отмечены и на территории Леванта. Речь идет прежде всего об индустриях масраканской культуры: Охало 2, Кзар Акил III–IV, Умм эль-Тлел, Мегед, Фазаел X, Масарк э-На'ай. Масраканские памятники также возможно сравнивать с комплексами заключительного этапа кульбулакской культуры. Значительную долю сходства проявляют как кареноидные и пирамидальные нуклеусы, так и некоторые типологически яркие категории орудийного набора: пластинки с притупленным краем и треугольные микролиты (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2003; Nadel, 2003).

В результате введения в научный оборот новых данных, полученных в первую декаду XXI в., верхнепалеолитические комплексы Средней Азии не рассматриваются больше в качестве архаичных индустрий с набором мозаичных характеристик, а могут быть классифицированы в рамках кульбулакской культуры. Одним из оснований для выделения новой культуры послужило определение значения развитой кареноидной технологии, существовавшей в верхнепалеолитических комплексах стоянок

Кульбулак, Кызыл-Алма 2, Шугноу и Додекатым 2. Проведенный анализ кульбулакских кареноидных изделий позволил проводить аргументированные корреляции с комплексами сопредельных и отдаленных территорий. Было отмечено, что на каждом этапе своего существования комплексы кульбулакской культуры проявляют значительное сходство с левантийскими и загросскими индустриями Ближнего и Среднего Востока, что свидетельствует о повторяющихся эпизодах межкультурного взаимодействия. Учитывая весомый региональный компонент в складывании верхнего палеолита Западного Памиро-Тянь-Шаня, речь, вероятно, не идет о крупных миграциях, вызвавших смену культуры; скорее большее значение имело популяционное взаимодействие на границах заселенных регионов, выражавшееся, в числе прочего, в обмене технологическими решениями и инновациями и их дальнейшим применением в региональном культурном субстрате. Данное предположение отражает новое видение популяционной динамики в эпоху верхнего палеолита на территории как Западного Памиро-Тянь-Шаня, так и Средней Азии в целом.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты № 12-06-33041 мол_а_вед; 13-06-12039 офи_м); РГНФ, проект № 12-31-01322.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб., 1995. 40 с.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский Дом, 1996. 213 с.
- Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 42 с.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым 2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 2–21.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И. Кареноидные изделия палеолитической стоянки Кульбулак: опыт технико-типологической классификации // Вестн. НГУ. Сер.: история, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 87–99.
- Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма 2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестн. НГУ. Сер.: история, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 111–123.

- Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 2–25.
- Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.
- Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 510 с.
- Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 10. М.: Наука, 1973. С. 42–61.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич, 2005. 252 с.
- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 2–24.
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies of Prehistoric Archeology of the Near East of Europe. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 118–134.
- Belfer-Cohen A., Goring-Morris A. Current issues in Levantine Upper Palaeolithic research // A More than meet the Eyes. Oxford: Oxford Books, 2003. P. 2–12.
- Burins préhistoriques: formes, fonctionnements, fonctions. Luxembourg, 2006. 376 p.
- Conard N., Ghasiduan E. The Rostamian cultural group and the taxonomy of Iranian Upper Paleolithic // Between sand and sea: The archaeology and Human ecology of Southwestern Asia. Tubingen: Kerns Verlag, 2011. P. 33–53.
- Dinnis R. On the technology of Late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin // Lithics: J. Lithic Studies Soc. 2008. V. 29. P. 18–35.
- Hays M.A., Lucas G. A technological and functional analysis of carinates from Le Flageolet I, Dordogne, France // J. Field Archaeol. 2000. V. 27 (4). P. 1–11.
- Lucas G. Re-evaluation of the principal criteria of the Aurignacian: the example from Grotte XVI (Cénac-et-Saint-Julien, Dordogne) // Towards a Definition Aurignacian. Lisboa: Inst. Portugés de Arqueol., 2006. P. 173–187.
- Marks A. Reflections of the Levantine Upper Paleolithic studies: Past and Present // A More than meet the Eyes. Oxford: Oxford Books, 2003. P. 249–265.
- Movius H.L., Brooks A.S. The analysis of certain major classes of Upper Palaeolithic tools: Aurignacian scrapers // Proc. Prehistoric Soc. 1971. V. 37. P. 253–273.
- Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // More than meets the eye. Oxford: The Short Run Press, 2003. P. 216–230.
- Olszewski D. The Early Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the progress of the Paleolithic studies in the prehistoric archaeology of the Near East and Europe. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 167–180.
- Otte M., Shidrang S., Zwyns N., Flas D. New radiocarbon dates for the Zagros Aurignacian from Yafteh cave, Iran // J. Human Evolution. 2011. V. 61. P. 340–346.
- Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien. Luxembourg, 2005. 568 p.
- Sachse-Kozłowska E. Polish Aurignacian Assemblages // Folia Quaternaria. 1978. V. 50. P. 1–37.
- Smith P. Paleolithic archaeology in Iran. Philadelphia: Amer. Inst. Iranian Studies, 1986. 70 p.
- Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs-II Outils solutréens // Bull. Soc. Préhistorique Française. 1954. V. 51. P. 327–335.
- Wahida G. The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies of Prehistoric Archeology of the Near East of Europe. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 181–208.

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОСЕЛЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ РЫКАНЬ-3 В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

© 2014 г. Е.И. Гак*, Е.В. Чернышева**, А.К. Ходжаева**, А.В. Борисов**

*Государственный исторический музей, Москва (e.i.gak@mail.ru)

**Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино

Ключевые слова: катакомбная общность, поселение, инфраструктура, планиграфия, постройка, керамика, кости, фосфаты, уреаза.

The article states the results of the overall researches on the rehabilitation of the one-layer settlement Rykan-3 which is considered to be a model dwelling site the Middle Don Region catacomb culture of the 3rd millennium BC in the Eastern European forest-steppe zone. The experience of the discovering of the infrastructural characteristics with the help of the spatial-correlation analysis of the archaeological and natural data has been shown amid the common problems in studying the catacomb community's settlements. Through this analysis it was possible to find out the principle of a settlement planning under the paleorelief conditions; to define functions and the significance of the core structural objects; to localize zones of the intensive domestic activity, in some cases, to specify the character of such activity, its connections with the common planning and specific land constructions; to correlate the infrastructural characteristics of the settlement with the climatic season. The main result of the systemizing the materials of the research is a structural-functional model of the citizens' compact accommodation which was made for the first time in respect to the bearers of the catacomb funeral rite.

Организация и использование пространства в местах проживания людей являются важнейшими составляющими образа археологической культуры. Этот аспект до сих пор не становился предметом специального рассмотрения в отношении культур катакомбной общности среднего бронзового века, при том что число соотносимых с нею бытовых памятников, включая местонахождения, близко к пятистам. По отдельным культурам и регионам катакомбной общности численность, плотность расположения и степень изученности поселений существенно варьирует (рис. 1). В открытой степи – основной зоне обитания носителей катакомбного погребального обряда – поселения выявлены в ареалах донецкой (Братченко, Шапошникова, 1985. С. 407), ингульской (Никитин, 1991), днепро-азовской (Шапошникова, 1969. С. 80–85; Тощев, 1990. С. 117), волго-донской и среднедонской (Малов, Филипченко, 1995; Юдин, 2003; Малов, Сергеева, 2010. Рис. 4) культур времени их расцвета и упадка. Белым пятном, несмотря на обилие курганных погребений, пока остаются Предкавказье и прилегающая центральная часть доно-волжского междуречья. Широкой площадью степные поселения исследовались редко. По существу, только на

одном из них (Матвеевка 1, ингульская культура), в немалой степени благодаря остаткам каменных конструкций, улавливаются принципы застройки и благоустройства территории (Никитин, 1989. С. 137–140).

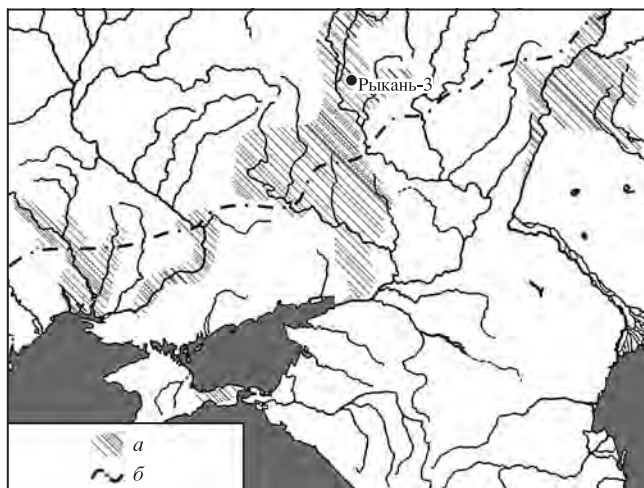

Рис. 1. Зоны концентрации поселений катакомбной общности в южной половине Восточной Европы. Условные обозначения: а – зоны концентрации поселений; б – современная граница степи и лесостепи.

Значительно больше катакомбных поселений известно на севере степи и в лесостепи, где они относятся к разным этапам развития среднедонской культуры (Пряхин, 1982; Берестнев, 2001. С. 32–33; Ивашов, 1999, 2002; 2005; Ивашов, Смольянинов, 2012; Санжаров, 2010. С. 32–282; Малов, Сергеева, 2010. Рис. 4, 6). Подавляющее большинство поселений приурочено к многослойным нестратифицированным памятникам, ряд которых исследован широкомасштабными раскопками (Семилукское городище, Студеновка 3, Замятино 10, Университетские 1–3, Снежковка 7, Серебрянское). При доминировании инокультурного фона в рамках таких памятников практически не решаемой является проблема вычленения комплекса катакомбного поселка целиком, включая те его остатки, которые в силу разных объективных причин строго не верифицируются (кости и другая органика, широко датируемые вещи, ямы с разновременной керамикой). Катакомбные материалы прочих памятников еще менее выразительны, и зачастую трудно даже понять, связаны ли они со стационарными поселками или маркируют места кратковременных стоянок. В условиях дефицита данных принципы устройства и планировки поселений, домостроительство и интерьеры наземных помещений, использование построек и прилегающей к ним территории представляются сегодня очень смутно. Изучению поселенческих структур катакомбной общности могло бы содействовать привлечение методов естественных наук. Но пока эти методы недостаточно востребованы или нуждаются в апробации.

Моделирование пространства древних поселений прямо зависит от их качественных характеристик и информативного потенциала как археологических источников. Наиболее продуктивными в этом плане являются исследования однослойных памятников с непотревоженными культурными отложениями, сформировавшимися в результате проживания одной семейно-родовой группы населения. В лесостепной зоне такие памятники до недавних пор не подвергались раскопкам, масштабы и методика которых обусловили бы возможность пространственно-корреляционного анализа археологических и естественнонаучных данных. Сейчас этим требованиям соответствует поселение Рыкань-3, претендующее на роль опорного бытового памятника развитой среднедонской катакомбной культуры. Его абсолютный возраст на основании радиоуглеродных дат с учетом диагностических находок определяется в пределах XXVI–XXIV вв. до н.э. (Гак, 2013. С. 158. Табл. 4). В результате археологических работ, проводимых с 2009 г. экспедицией ГИМ при участии специалистов ИФХиБПП РАН (Гак, 2011а; Гак, Борисов, 2011; 2012; Чернышева и др., 2012; Борисов, Бухонов и др., 2013), уда-

лось выявить признаки инфраструктуры поселения и, систематизировав их, проследить некоторые особенности организации быта и хозяйства в рамках занятого поселением пространства.

Поселение Рыкань-3 расположено в центре лесостепного Подонья, на невысокой первой надпойменной террасе правого берега р. Усмань (левый приток р. Воронеж левого притока р. Дон). Ложбина на западе и овраг на востоке разделяют территорию поселения на три неравные части. Наиболее протяженной и, по-видимому, основной являлась центральная часть, южный край которой уничтожен рекой. В большей степени рекой разрушен восточный участок поселения. Западный участок отделен от русла Усмани неширокой поймой, что уберегло его от речных размывов. Небольшие раскопки, проводившиеся в 1979 г. (Матвеев, 1979), установили факт однослойности памятника и хорошую сохранность его культурных отложений, что обусловило целесообразность продолжения исследований. К настоящему времени раскопками изучены все три участка поселения. Особый интерес представляют материалы центрального участка, где сохранившееся полезное пространство поселения было вскрыто практически целиком на площади 1046 м². Отсутствие здесь признаков распахивки, застройки и иного более позднего освоения позволяют провести корректное сопоставление полученных разными методами данных и предложить структурно-функциональную модель основного ядра катакомбного поселка¹.

Для построения модели применялись две группы методов: археологические и естественнонаучные.

Принципы устройства поселения в рельефе определены с помощью бурения скважин по транsekтам, которые пересекали на севере и западе центральную площадку памятника, выходя за ее пределы. Бурение производилось до почвообразующих пород с фиксацией в кернах глубины залегания слоя, синхронного времени существования поселка, и степени интенсивности денудационно-аккумулятивных процессов. На основании полученных данных установлено, что в период существования поселения центральный участок представлял собой более выраженное в рельефе возвышение, полого спускавшееся по направлению к северу, где залегал овраг, дно которого было на 0.7–1 м ниже, чем поверхность почвы на территории поселения. По всей видимости, этот овраг служил для поселения естественной северной границей. Современная ложбина на западе участка в древности также была более выражена, о чем можно судить по падению высот

¹Материалы раскопок 1979 г., затронувших прибрежный край участка близ устья оврага, не несут принципиально важной информации для построения модели и поэтому учитывались только в самом общем плане.

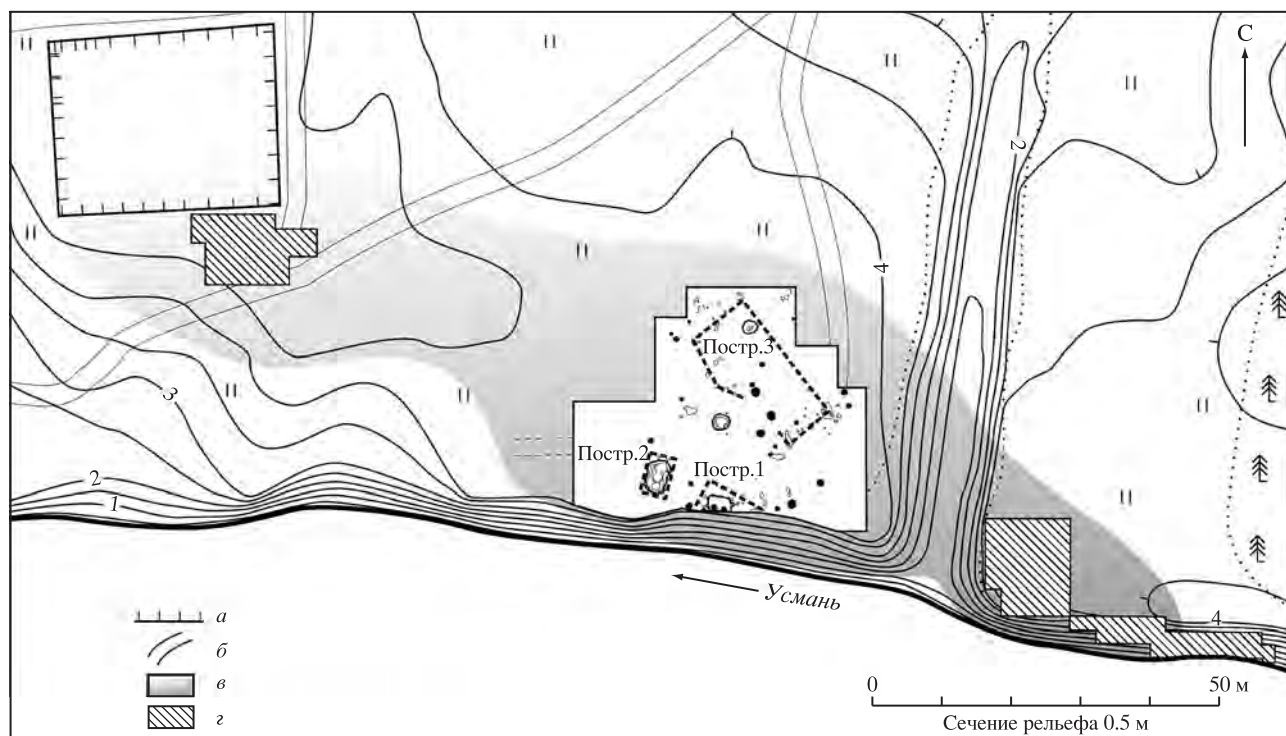

Рис. 2. Расположение стационарных объектов основного участка поселения Рыкань-3 на топографическом плане. Условные обозначения: а — забор дачного участка; б — грунтовые дороги; в — территория поселения; г — раскопы периферийных участков.

почвенного слоя и отсутствию следов интенсивной жизнедеятельности на западной окраине раскопа. Что касается оврага в восточной части памятника, то в своем нынешнем виде — это новообразование. Вероятно, на его месте была какая-то эрозионная промоина, но установить ее параметры на момент жизни поселения не представляется возможным (Гак, Борисов, 2011. С. 124, 125).

Полное совпадение с палеорельефом имеет планировка центрального участка поселения. Основные ее составляющие выявлены в культурном слое и лежащих ниже слоях почвы в процессе археологических раскопок (рис. 2). Культурный слой мощностью 0,3–0,4 м здесь представляет собой вмещающий горизонт, который не обособляется от почвенной массы в силу относительно слабой антропогенной нагрузки в прошлом и большого времени преобразования его свойств почвенными процессами. Этот горизонт характеризуется незначительным обогащением фосфатами и микроэлементами относительно подстилающего и перекрывающего материала. Отмечается также некоторое превышение содержания серы, свинца, ртути, олова, цинка относительно фоновых почв и довольно резкое уменьшение показателей коэффициента биологической активности от средней к нижней части слоя (Гак, Борисов, 2011. С. 121, 122).

В результате обобщения данных по объектам культурного слоя и объектам, прорезавшим нижележащие горизонты почвы, установлено, что важнейшую структурообразующую роль на рассматриваемом участке поселения играли три наземных каркасно-столбовых постройки и крупная одиночная яма-котлован в пространстве между ними. Размеры в плане и конструктивные особенности построек определены по материковым столбовым ямкам, расположение которых не было регулярным². Внутри каждой наземной постройки находился котлован своеобразной формы и хозяйственно-бытового назначения (Гак, Борисов, 2012. С. 198–200. Рис. 2–4). Подпрямоугольный котлован постройки 1, частично разрушенный рекой, был незначительно углублен в материк и имел типичный вид полуземлянки. Пол постройки был двухуровневым, поскольку ее наземная конструкция перекрывала не только котлован, но и прилегающее пространство. Котлованы

² Очевидно, не все опорные элементы наземных конструкций достигали материка. В залегавшем выше черноземовидном слое удалось зафиксировать примыкавшие к котлованам столбовые ямки, что позволяет предполагать наличие аналогичных слабоуглубленных опор по всему периметру построек. Нерегулярность выявленных столбовых ям объяснима с практической точки зрения: материк и переходный к нему мощный (до 0,3 м) слой почвы представлены здесь очень плотным вязко-глыбистым суглинком, трудно вскрываемым даже современными инструментами.

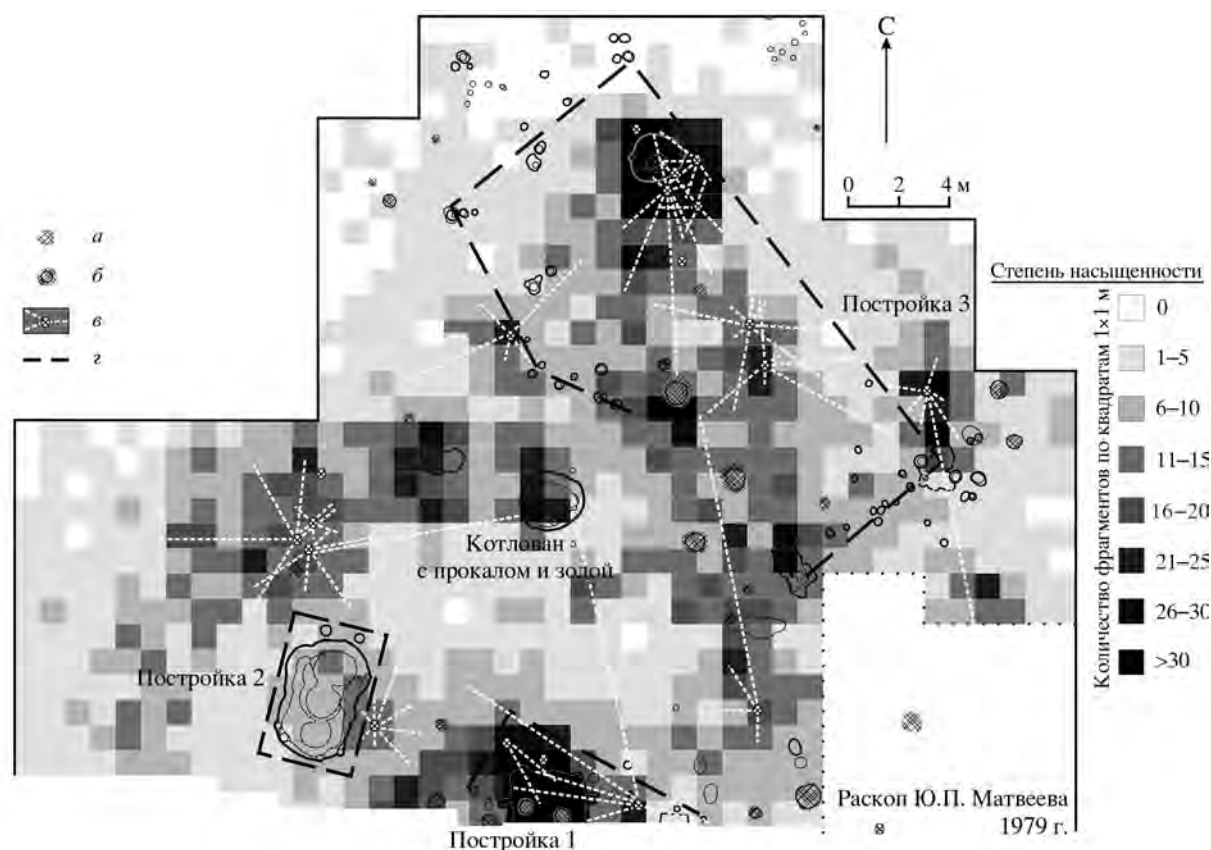

Рис. 3. Площадные показатели насыщенности нижней части культурного слоя фрагментами сосудов. Условные обозначения: а – кострище; б – очаг; в – развал сосуда и разброс его отдельных фрагментов; г – примерные границы основания наземной постройки.

построек 2 и 3 отличались от котлована постройки 1 обтекаемыми контурами, сложным стратифицированным заполнением и существенно большей глубиной. В постройке 2 котлован занимал почти всю ее площадь, в постройке 3 – локальный участок вблизи глухой продольной стены. По результатам полевых и аналитических исследований оба эти котлована интерпретируются как подпольные погреба для хранения продуктов. Наиболее показательным является заполнение котлована постройки 2, выполнявшей, судя по небольшой площади и отсутствию отопительных устройств, сугубо хозяйственные функции. В придонном слое котлована отмечен резкий рост содержания подвижных фосфатов, по-видимому, вызванный обогащением органикой, попадавшей на дно котлована во время его использования. При этом микробиоморфный анализ не выявил следов циновок, подстилок и других технических злаков, которые могли бы говорить о постоянном присутствии человека или животных.

В площади построек 1 и 3 зафиксированы остатки очагов и кострищ, маркировавшихся мощными линзами прокала. Очаги полуземляночной постройки 1 были оборудованы как снаружи, так и на

дне котлована, занимавшего не больше трети площади наземного сооружения. В самой крупной на поселении постройке 3, пол которой соответствовал дневной поверхности, очаги тяготели к противоположной от погреба зоне, ближе к входу/выходу, где при необходимости можно было экранировать тепло и выводить потоки дыма за пределы помещения (Волков, 1994. С. 104–112; 2006. С. 249; Гак, 2011б. С. 10–12). Очаги, кострища, малые бытовые ямы, выявленные вне построек, находились преимущественно на небольшом расстоянии от них. В размещении построек и других стационарных объектов отчетливо просматривается кольцевая планировка поселения вокруг глубокой ступенчатой ямы, заполнение которой, сложенное очажным прокалом и золой, несомненно, имело культовый, сакральный смысл (Гак, Борисов, 2012. С. 200. Рис. 5).

Инфраструктурные связи внутри поселения прослеживаются при соотнесении планиграфии разного рода стационарных сооружений (построек, котлованов, очагов, кострищ, бытовых ям и пр.) с пространственно-статистическим распределением разных категорий артефактов. Количественный учет находок массовых категорий – обломков кера-

мической посуды и костей животных – производился по квадратам 1х1 м в стратиграфически узком диапазоне нижней половины культурного слоя, от верхнего уровня скоплений кухонно-бытового мусора и появления первых признаков прокала очажных пятен, до перехода к погребенной предматериковой почве. Именно для этого диапазона аналитически фиксируется максимум антропогенного воздействия на почву в период существования поселка при минимальной роли внешних, главным образом, природных факторов в период его запустения (Гак, Борисов, 2011. С. 121–123).

Наглядно оценить степень замусоренности территории позволяет перевод статистических данных из цифровой формы в графическую. На плане (рис. 3) вполне контрастно проявила себя повышенная насыщенность керамикой культурного слоя в рамках кольцевой структуры расположения стационарных объектов поселения. Лучше всего это иллюстрировано развалами кухонной тарной посуды. Развалы были неполными и состояли из компактно лежавших обломков, как будто маркировавших места последнего применения сосудов. Векторы и

дальность разброса отдельных фрагментов только подтверждают тяготение подавляющего большинства развалов к конкретным постройкам, высвечивая связи между ними и другими объектами поселка. 11 из 20 развалов были приурочены к внутреннему пространству построек 1 и 3, где залежали вблизи стен и котлованов, аналогично многим другим фрагментам этих же сосудов. Шесть развалов зафиксировано с внешней стороны стен построек 2 и 3. На незначительном расстоянии от них встречено и большинство разрозненных обломков соответствующей посуды. Прямое отношение к развалам построек 1 и 2 имеет керамика, обнаруженная в верхнем, перекрывавшем пирогенный массив слое культовой ямы. Сравнительно далеко от строений находились только три развала. Два из них также вписываются в общую планировочную структуру, причем фрагменты одного идентифицированы среди керамики привходовой зоны постройки 3. Несколько в стороне встречен лишь архаичного облика сосуд (Матвеев, 1980. Рис. 9), возможно, не имеющий отношения к катакомбному поселку.

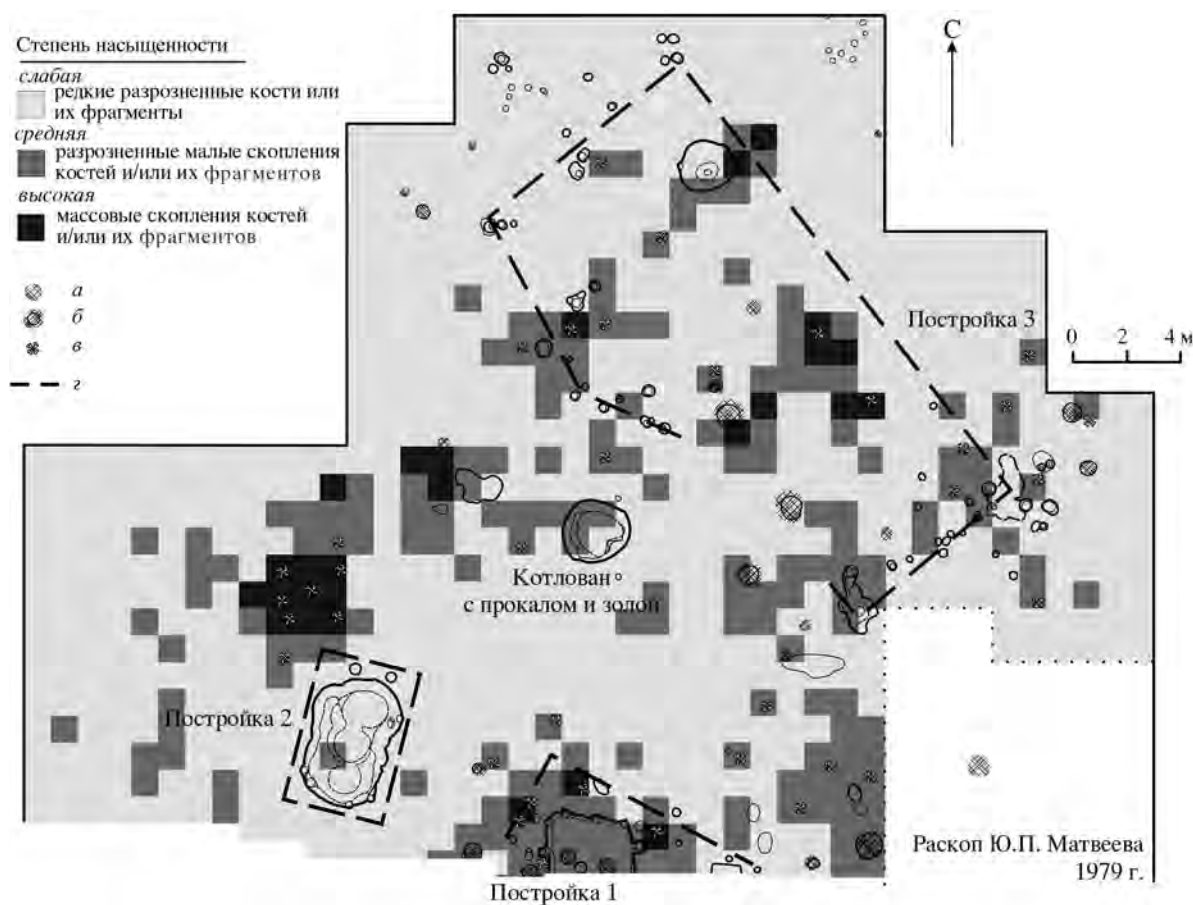

Рис. 4. Площадные показатели насыщенности нижней части культурного слоя костями животных. Условные обозначения: а – кострище; б – очаг; в – компактное скопление костей; г – примерные границы основания наземной постройки.

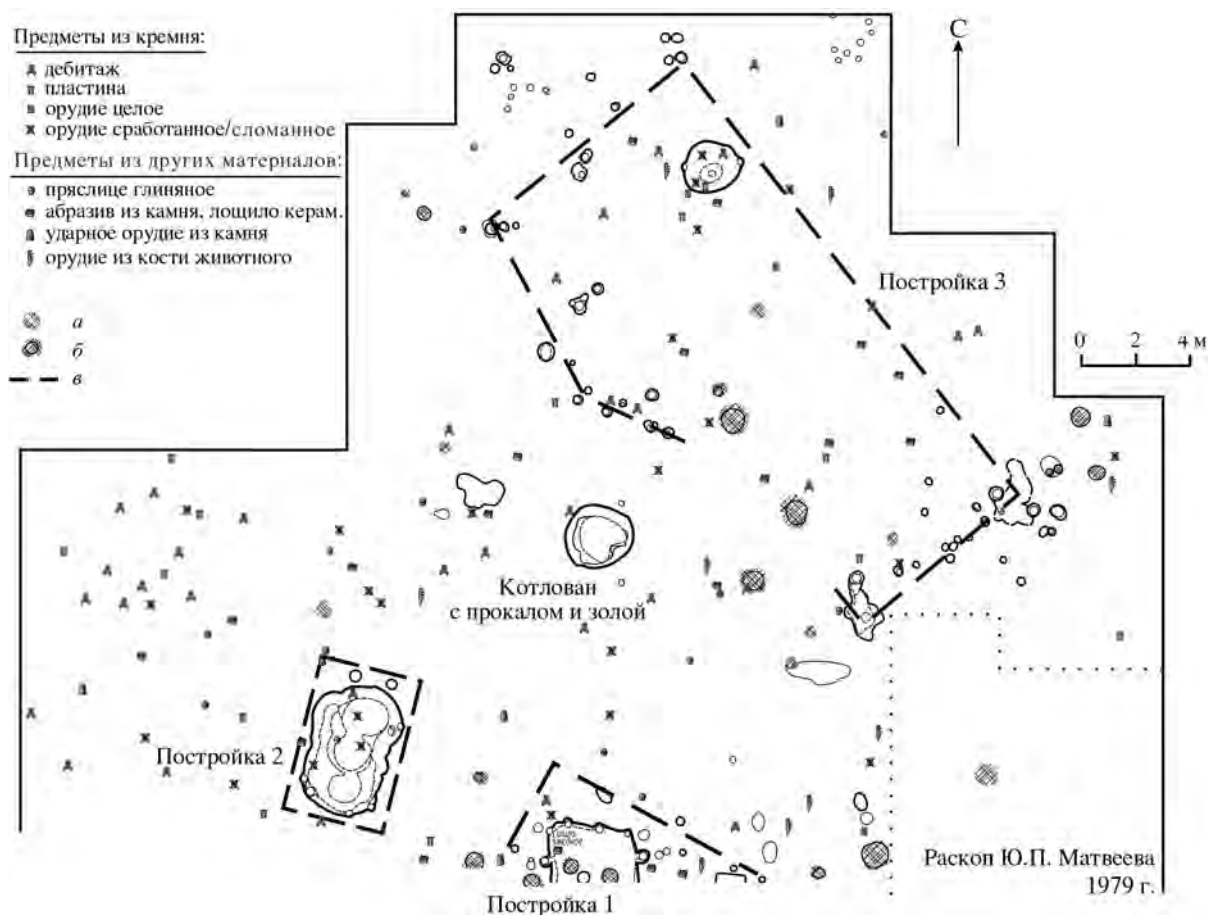

Рис. 5. План находок немассовых категорий. Условные обозначения (здесь и далее на рисунках): а – кострище; б – очаг; в – примерные границы основания наземной постройки.

С распространением керамики в целом согласуются скопления другого кухонного мусора – костей животных (рис. 4). Повышенная частота их встречаемости отмечена вблизи очагов и кострищ, располагавшихся как внутри, так и за пределами построек, но строго в рамках кольцевой структуры поселения. Наиболее крупное скопление костей, залегающих кучками вокруг кострища рядом с развалами сосудов, зафиксировано к северу от постройки 2. Другие массовые скопления костей носили локальный характер и большей частью находились в помещениях с преобладанием возле предполагаемых стен наземных конструкций.

Картину распределения массового материала дополняет план находок немассовых категорий из камня, кремня, глины, кости, меди (рис. 5). В основном это производственные отходы, средства труда и их заготовки, часто фрагментированные.

Отходы кремнеобработки (отщепы, грубые пластины, сколы, чешуйки) не демонстрируют жесткой взаимосвязи с конкретными объектами поселка, но тяготеют к ним. То же можно сказать о кремневых

орудиях, многие из которых имеют рабочие повреждения. Примечательной является концентрация отщепов, пластин и исключительно сломанных орудий на небольшом участке западнее зоны расположения построек и скоплений кухонно-бытовых остатков. Наличие среди дебитажа мелких чешуек позволяет локализовать здесь производственную точку по обработке кремня. Логичен и выбор места этой деятельности за пределами застройки возле края ныне спланированной лощины, разделявшей основную и западную площадки поселения.

Глиняные прясlice встречены преимущественно за пределами построек. С внутренним пространством помещения можно связывать лишь одну находку, обнаруженную в верхнем слое котлована постройки 2. Для двух пряслиц, планиграфически тяготеющих к ее северо-западному углу, связь с постройкой, контуры которой очерчены приблизительно, не может считаться однозначной. Остальные прясlice соотносятся с ареалами интенсивного использования территории вблизи построек. Это дает основание полагать, что занятие ткачеством

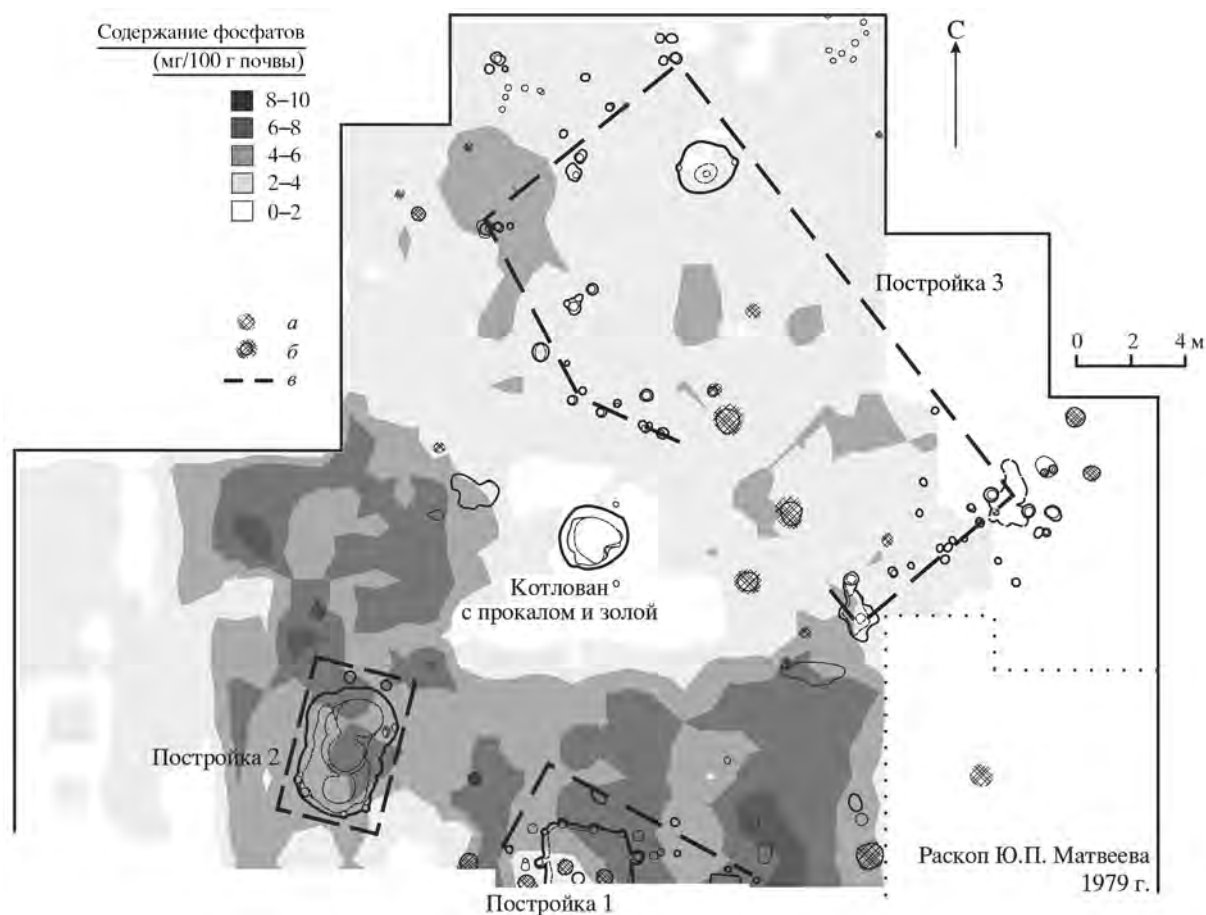

Рис. 6. Площадные показатели содержания фосфатов в основании культурного слоя.

на поселении практиковалось не внутри наземных помещений, а рядом с ними. Судя по дисперсности находок пряслиц, оно не было стационарным.

Аналогичная ситуация фиксируется по находкам крупных каменных орудий ударного действия, представленных только заготовками, обломками и поврежденными изделиями. В площади построек они не обнаружены. Вероятно, изготавливать и применять эти орудия предпочитали также вне помещений. Любопытно, что единственное металлическое орудие (шило) находилось непосредственно в котловане постройки 1.

В распространении костяных изделий, песчаных плиток, брусков, керамических лоцил и подобных им инструментов с абразивной функцией каких-либо тенденций не просматривается. Больше всего этих предметов связано с постройкой 3, но они есть и на участках других построек, и в пространстве между ними.

Площадное распределение материальных остатков сопоставлялось с данными пространственного изучения химических свойств культурного слоя.

Для исследования этих свойств в основании слоя производилось взятие его образцов из пяти точек каждого квадратного метра одной плоскости по разметке раскопа. В отобранных образцах по методу Б.П. Мачигина лабораторно определялось содержание подвижных форм фосфатов, как основного индикатора антропогенного воздействия на почву и поступления в нее органических остатков животного происхождения (Аринушкина, 1970. С. 132–134). С помощью разработанного нами экспресс-метода (Борисов, Петерс и др., 2013. С. 151) проводилось также определение уреазной активности, показатели которой связаны с объемом мочевины, поступавшей в почву в составе растительных остатков, навоза, отходов скотоводства (Хазиев, 2005). Ареалы повышенных значений уреазы в комплексе с другими признаками могут маркировать места компактного проживания людей и содержания скота (Чернышева и др., 2012. С. 388–392; Борисов, Петерс и др., 2013. С. 149–153).

Результаты анализов обобщены в виде площадных диаграмм (рис. 6, 7) и сопоставлены с

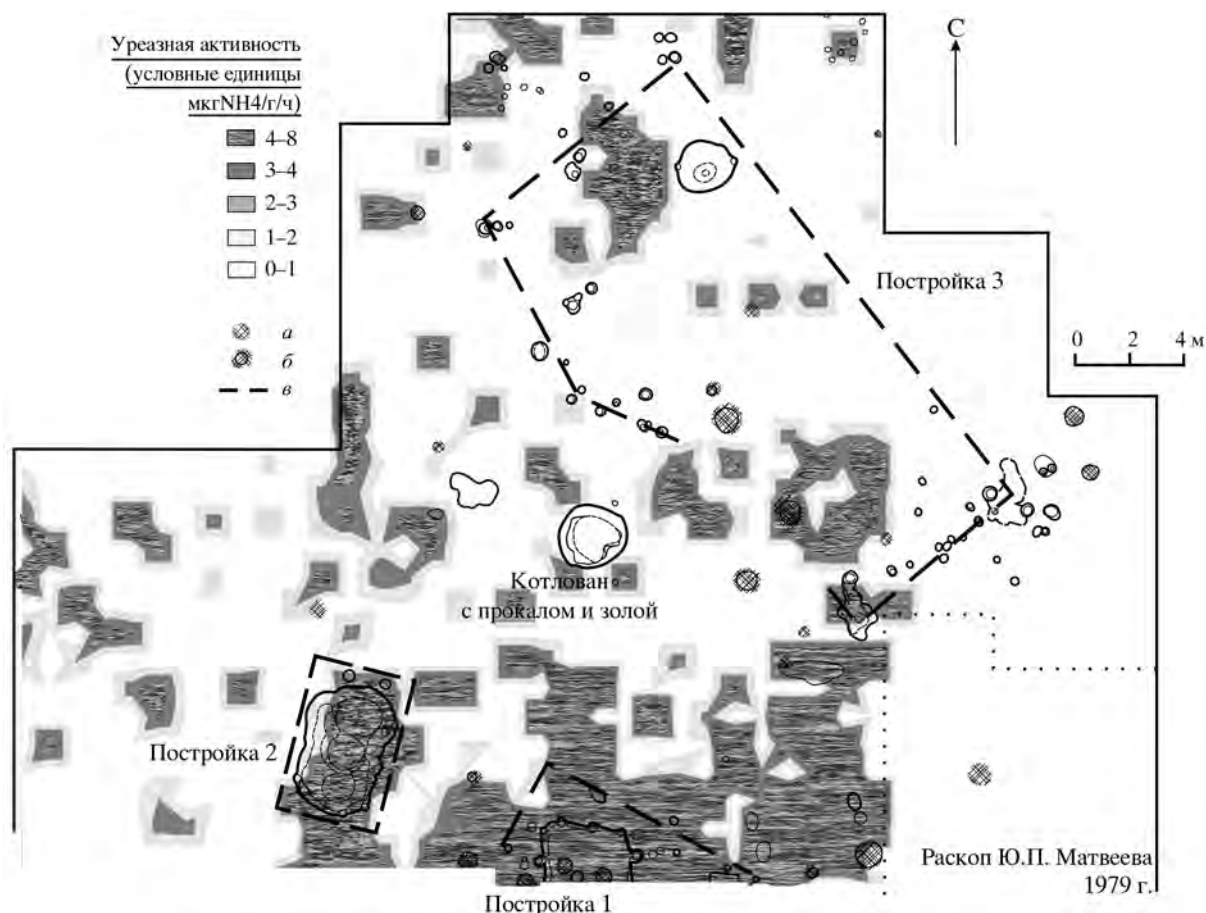

Рис. 7. Площадные показатели уреазной активности в основании культурного слоя.

планиграфической картиной распространения материальных остатков. Совпадение ареалов с максимальными значениями содержания фосфатов и уреазной активности отмечено в южной половине исследованной площади, где эти ареалы перекрывают участки построек 1 и 2, выходя за их пределы сообразно распространению массового археологического материала. Такая ситуация может объясняться особенностями ведения придомного хозяйства, в том числе пребыванием скота, разделкой туш животных, приготовлением пищи, осуществлением промысловой деятельности и пр. В отличие от построек 1 и 2 содержание фосфатов и уреазная активность в районе постройки 3 близки фоновым значениям, а ареалы повышенных значений не образуют сплошной зоны и распространяются локально в разных частях постройки с выходом за ее границы. Это заставляет исключить вероятность содержания в постройке 3 скота и постоянного проживания людей. Зональная насыщенность слоя артефактами, в основном приуроченными к погребу, привходовым очагам и соседним внутренним участкам помещения, указывает на эпизодическое использование его

северной половины в хозяйственных целях, а южной – в качестве обитаемого жилища.

Примечательно наличие отрицательной фосфатной аномалии и низкой уреазной активности на участке, где расположен котлован с пирогенными отходами. Очевидно, что ни сам этот объект, ни территория вокруг него не являлись местом интенсивной антропогенной деятельности. Прямой связи с какой-либо постройкой он не демонстрирует. Говорить о деревянном перекрытии и внутренней облицовке котлована также не приходится, поскольку в его заполнении по данным микробиоморфного анализа практически не было детрита и фитоцитов технических растений. Следы воздействия огня на дне и стенах котлована отсутствовали, что исключает вероятность нагнетания высоких температур в нем самом. Все эти особенности наряду с центральным положением в общей структуре поселения подчеркивают сакральную функцию котлована. Характер залегания и расчет первоначального объема пирогенных отходов, существенно уплотнившихся за прошедшее время, приводят к выводу о том, что их складирование производилось регулярно и, по

меньшей мере, в течение нескольких лет (Гак, Борисов, 2012. С. 200; Борисов, Бухонов и др., 2013. С. 70). Исходя из планиграфического контекста, период функционирования котлована можно соотносить с периодом жизни поселения в целом.

Возвращаясь к результатам аналитических исследований культурного слоя основной площадки поселения, следует отметить тот факт, что ареалы с максимальными значениями уреазной активности в целом соответствуют зонам с максимальными значениями содержания фосфатов. Единственное исключение связано с фосфатной аномалией севернее постройки 2, где при высоком содержании фосфатов уреазная активность не превышала фоновый уровень. Во всех других ситуациях в зонах фосфатных аномалий отмечается высокая уреазная активность. Это позволяет рассматривать возможность содержания скота в двух из трех выявленных построек и вблизи них, что предполагает сооружение навесов или иных легких придомных конструкций.

Единственным логичным объяснением необходимости содержания скота в постройках является их использование в зимнее время, когда скот защищен от холодов и сам служит источником дополнительного тепла. Вероятность совместного нахождения людей и скота можно допустить лишь для постройки 1, имеющей археологические признаки обжитого человеком помещения. Постройку 3 на основании изложенных выше соображений правомерно рассматривать как сезонную с жилой частью в южной половине, которая могла отапливаться очагами в зимний период. В таких условиях вполне оправдывало себя сооружение на ее северной половине и в хозяйственной постройке 2 глубоких котлованов для хранения пищевых и иных запасов животного-растительного происхождения. Косвенно о зимнем обитании в постройках говорят расположенные очень близко к ним многочисленные очаги и кострища – при наличии снежного покрова они не несли угрозы случайного возгорания наземных деревянных конструкций. В рамки этой системы жизнеустройства, наконец, хорошо вписывается ритуальная практика складирования пиrogenных остатков, прямо связанная с почитанием огня, роль которого для человека качественно возрастает в холодное время года.

Таким образом, благодаря комплексным исследованиям, для основной площадки поселения Рыкань-3 удалось 1) выявить структурный принцип планировки в условиях реконструированного палеорельефа; 2) определить функции и значение ключевых структурообразующих объектов; 3) локализовать зоны интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности, в некоторых случаях уточнить ха-

рактер этой деятельности, ее связи с общей планировкой и конкретными наземными сооружениями; 4) соотнести выявленные инфраструктурные признаки с климатическим сезоном. Главным результатом систематизации материалов исследований стала впервые созданная применительно к носителям катакомбного погребального обряда структурно-функциональная модель компактного сезонного проживания.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 12-06-00249-а, № 12-06-00272-а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ариунукина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. М.: Издательство МГУ, 1970. 487 с.
- Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков: ПФ Амет, 2001. 264 с.
- Борисов А.В., Бухонов А.В., Гак Е.И., Плеханова Л.Н.* Инфраструктура катакомбного поселения Рыкань-3 в свете междисциплинарных исследований // АВЕС. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский ГУ, 2013. С. 6674.
- Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С.* Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска // ВИАЭ. № 4 (23). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. С. 142–154.
- Братченко С.Н., Шапошникова О.Г.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985. С. 403–420.
- Волков П.В.* Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1994. С. 104–112.
- Волков П.В.* Планиграфическая реконструкция “от печки” осиноозерского жилища // Современные проблемы археологии России. Матер. Всеросс. археол. съезда. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 249–252.
- Гак Е.И.* Поселение Рыкань-3 и некоторые проблемы изучения катакомбной культуры в лесостепном Подонье // Тр. III (XIX) Всеросс. археол. съезда. Т. I / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011а. С. 214–216.
- Гак Е.И.* Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011б. 224 с.
- Гак Е.И.* Поселение Рыкань-3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 141–161.

- Гак Е.И., Борисов А.В. Поселение катакомбной культуры Рыкань-3: топография, стратиграфия, планиграфия // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский ГПУ, 2011. С. 120–127.
- Гак Е.И., Борисов А.В. Котлованы катакомбного поселения Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Отв. ред. В.В. Отрошенко. Луганск: ЛОКМ, 2012. С. 197–206.
- Ивашов М.В. Памятники катакомбного типа на Верхнем Дону // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ГПУ, 1999. С. 87–101.
- Ивашов М.В. Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2002. С. 43–51.
- Ивашов М.В. Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 108–116.
- Ивашов М.В., Смольянинов Р.В. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2012. С. 70–80.
- Малов Н.М., Филиппенко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1995.
- Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // АВЕС. Вып. 8 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский ГУ, 2010. С. 30–61.
- Матвеев Ю.П. Отчет к открытому листу № 408 об археологических раскопках поселений среднедонской катакомбной культуры на территории Воронежской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 7383.
- Никитин В.И. Матвеевка 1 – поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. 1989. № 2. С. 136–150.
- Никитин В.И. Катакомбные поселения и стоябища в Нижнем Побужье // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей) / Отв. ред. А.В. Гаврилов. Херсон: Херсонский краеведческий музей, 1991. С. 34–48.
- Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1982. 159 с.
- Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. 488 с.
- Тоцев Г.Н. Катакомбные памятники Крыма // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. I. Запорожье, 1990. С. 116–127.
- Хазиев Ф.Х. Методы почвенной энзимологии. М.: Наука, 2005. 252 с.
- Чернышева Е.В., Гак Е.И., Борисов А.В. Уреазная активность культурного слоя поселения катакомбной культуры Рыкань-3 // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Отв. ред. В.В. Отрошенко. Луганск: ЛОКМ, 2012. С. 388–391.
- Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая область // Origini. V. III. Roma, 1969. С. 85–118.
- Юдин А.И. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // НАВ. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2003. С. 126–141.

МОСКВОРЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Н.А. Кренке

Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

Ключевые слова: фатьяновская культура, культура шаровидных амфор, культура шнуrowой керамики, радиоуглеродные датировки, спорово-пыльцевой анализ.

The article considers new materials received while studying the sites of the Fatyanovo culture of the Bronze epoch in the Moskva river basin (the settlements RANIS-floodplain, ZBS-4, ZBS-5, Tsaritsyn 1, the burial Lutsino-Gazovik). The group of the proto Fatyanovo antiques has been determined. The suggestion has been made that the population groups who bore the traditions of the culture of Sphere Amphorae, the culture of Baltics Corded Ware and the Epicorded Ware culture of the Western Ukraine and Poland were taking part in developing the Fatyanovo culture. The new chronological frames of the Fatyanovo culture, which stay within the interval of the second half of the 3rd millennium BC, were suggested. The steps in the developing of the shapes and ceramics ornaments were determined.

В последнее десятилетие информация о памятниках фатьяновской культуры на Москве-реке существенно расширилась. Были открыты и исследованы раскопами и шурфами поселения РАНИС-пойма и Царицыно 1, Акатово; изучено погребение в могильнике Луцино-Газовик. Важное значение имеет открытие новой категории памятников, расположенных в пойме Москвы-реки. Это так называемые поселенческие объекты – сезонные стоянки, связанные с производственной деятельностью (ЗБС-4, ЗБС-5, Кулаково-3 и др.). Появилась новая информация об отдельных находках как керамики, так и каменных топоров, полученная, в том числе, при раскопках памятников железного века и средневековья. В результате карта памятников и находок фатьяновской культуры, расположенных в бассейне Москвы-реки, сейчас насчитывает 116 пунктов (рис. 1), в том числе 15 могильников и 20 поселений и “поселенческих объектов”. Общее число раскопанных погребений достигло 26, что, конечно, немного. Шесть из этих 15 могильников не исследовались профессионально, они известны лишь по случайным находкам. Могильники были обнаружены, прежде всего, в долине Москвы-реки, а также в долинах ее левых притоков – Рузы и Истры, в окрестностях Тростенского озера. Ни одного могильника пока не известно в бассейне р. Пахры, хотя здесь встречены отдельные находки, указывающие на освоение этого микрорегиона в период фатьяновской культуры. Значительные раскопки были произведены лишь на одном поселении – РАНИС-пойма, где вскрыта площадь 200.5 м², и трех “поселенческих объектах” – ЗБС-5, ЗБС-4,

Кулаково-3, где раскопано соответственно 80, 51 и 3750 м².

Кроме того, имеются коллекции каменных топоров (более двух десятков), хранящихся в ГИМе, Звенигородском и Рузском музеях; точное место находки этих топоров неизвестно.

Для памятников фатьяновской культуры на Москве-реке получена серия радиоуглеродных датировок, на некоторых памятниках проведены палинологические исследования. Наконец, в печати появилась краткая информация о фатьяновских находках, сделанных в 1970-х годах в районе Тростенского озера, где велись довольно значительные работы (Сидоров, 2013). Таким образом, есть основания, чтобы вернуться к “фатьяновской теме” и попытаться проанализировать основные характеристики москворецкого локального варианта культуры.

Прежде всего, дадим описание наиболее показательных комплексов, расположив их в хронологической последовательности, опираясь на существующие представления об относительной хронологии фатьяновских древностей и классификацию форм и орнаментов керамики, разработанную Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой.

Основные признаки относительной хронологии фатьяновской культуры – топографические особенности могильников, характер оформления могильных ям, тип сечения клиновидных топоров (прямоугольный или линзовидный), наличие/отсутствие шнуrowой орнаментации и детали формы сосудов (эсвидный профиль, наличие бортика на краю венчика) – были описаны Д.А. Крайновым (Край-

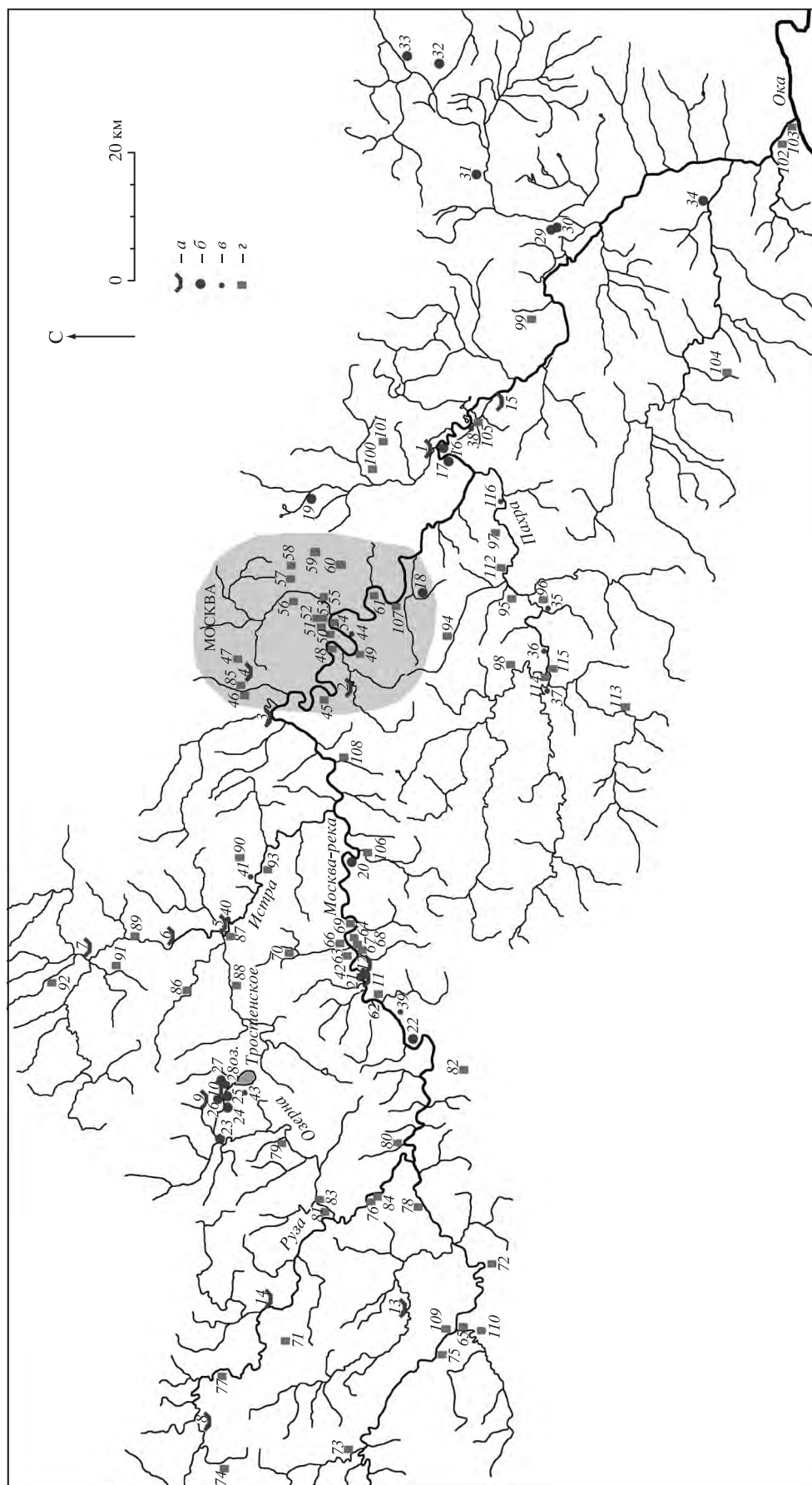

Рис. 1. Карта памятников фатьяновской культуры в бассейне Москвы-реки: *Могилиники (а):* 1 – Верейский; 2 – Давыдовский; 3 – Спас-Тушинский; 4 – Фестивальная ул.; 5 – Истринский (Трусовский); 6 – Бужаровский; 7 – Пятницкий; 8 – Ивановогорский; 9 – Буланский (Глинское); 10 – Тростенский (Никольский); АКР, ч. 2, № 1180; 11 – Луцкий 1-й; 12 – Луцко-Газовик; 13 – Ханевский; 14 – Солдово; 15 – Софьино. *Поселения и «поселенческие объекты» (б):* 16 – Кулаково 3; 17 – Заозерье; 18 – Царицыно 1 (Церера); 19 – Акатово; 20 – РАНИС-пойма; 21 – ЗБС-5; 22 – Агафоново; 23 – Нижнее Сладнево (Мара); 24 – Никольское (на Тростне-Озерне), поселение 5; 25 – Никольское (на Тростне-Озерне), поселение 2; 26 – Никольское (на Озерне) поселение 3; 27 – Тростенская 1; 28 – Тростенская 2; 29 – Исаково 2; 30 – Исаково 1; 31 – Соболево 1; 32 – Белиево 4 (Радомка 2); 33 – Белиево 2 (Белиево 11); 34 – городище Настасьино; 42 – ЗБС-4. *Единичные находки керамики (в):* 35 – Щербинское городище; 36 – Подол 1; 37 – городище Лукьяна-2; 38 – городище Круглиха; 39 – Власово; 40 – Трусовское поселение; 41 – Обновленный труд; 43 – Глинское (Дальний остров); 44 – Нескучный сад 2; 116 – Большое Саврасово 2. *Находки топоров и других каменных орудий (г):* 45 – Крылатское; 46 – Алешкино; 47 – Базовая ул.; 48, Дорогомиллово; 49 – Воробьевы горы; 50 – Сивцев вражек; 51 – Моховая; 52 – Красная площадь; 53 – Кремль (4 топора); 54 – Софийская наб. (3 топора); 55 – Андроников; 56 – Русаковская; 57 – Зельев пер.; 58 – Измайлово; 59 – Перово; 60 – Новые Кузьминки; 61 – Нагатино; 62 – Гигирево; 63 – Саввинская слобода (3 топора); 64 – Звенигород, Верхний посад; 65 – Устье Колощи; 66 – Звенигород – городок; 67 – «Орленок» Звенигород; 68 – Колтарово; 69 – Игнатьево; 70 – Сурино; 71 – Игнатьево; 72 – Можайск; 73 – Можайск; 74 – Серда (топор); 75 – Троицкое городище; 76 – Брыньково; 77 – Клетки; 78 – Костин; 79 – Михайловское; 80 – Старая Руза; 81 – Покров; 82 – Ляхово; 83 – Волящино; 84 – Вислова гора; 85 – Химки; 86 – Глебово; 87 – Ильинское; 88 – Александрово; 89 – Кутузова; 90 – Янунино; 91 – Сугири; 92 – Никольское; 93 – Анносно; 94 – Битцы; 95 – Большое Брянцево; 96 – Заболотье; 97 – Лукино; 98 – Рязаново; 99 – Кузнецово; 100 – Малаховка; 101 – Удельная; 102 – Коломна (6 топоров); 103 – Бачманово (Голутвин монастырь); 104 – Шапово; 105 – Дурниха; 106 – Успенское городище; 107 – Дьяково городище; 108 – Барвихинское городище; 109 – Красновилово; 110 – Бородинское городище; 111 – Старо-Дарьино; 112 – Новое Съязово 3; 113 – Роднево городище; 114 – Дубровицы 2; 115 – Беляево.

нов, 1972) и сохраняют свое значение в настоящее время.

Д.А. Крайнов выделил четыре хронологические стадии по материалам могильников (Крайнов, 1972. С. 226). Это разделение было частично оспорено В.В. Сидоровым (Сидоров, Энговатова 1992; Сидоров, 2013), который заметил, что горшки со шнуровой орнаментацией из Ханевского могильника, отнесенного Д.А. Крайновым к третьей стадии развития культуры, весьма близки горшкам из Ивановогорского и Давыдовского могильников, включенных им в древнейшую первую стадию. В.В. Сидоров и А.В. Энговатова предложили более простую трехчастную схему: древнейшую группу составляют могильники Ханево – Новлинский – Ивановогорский с преимущественно шнуровыми горшками, за ними следуют могильники с горшками-ми, частично сохранявшими шнуровую орнаментацию. Завершающая стадия представлена памятниками – с горшками без шнуровой орнаментации, венчики которых имели “бортики”, и клиновидными топорами – с линзовидным сечением (Сидоров, Энговатова, 1992. С. 35). Эта простая схема кажется логичной, но ее можно принять лишь с оговорками. Важно подчеркнуть, что могильник Ханево содержит разновременные погребения. Об этом можно судить по набору горшков, включающему как сугубо ранние шнуровые, так и более поздние сосуды, в том числе с бортиком по краю венчика (Кирьянова, 1976. Рис. 1). То есть нельзя говорить о том, что данный могильник характеризует исключительно древнейшую стадию фатьяновской культуры. Во-вторых, утверждение о полном исчезновении шнуровой орнаментации на позднем этапе культуры, видимо, не совсем верно (см. далее).

Шнуровые протофатьяновские комплексы

Наиболее ранним памятником в бассейне Москвы-реки, относящимся к кругу культур шнуровой керамики, является поселенческий объект ЗБС-5 (аббревиатура означает Звенигородская биологическая станция) (рис. 1, 21). Он расположен в пойме на левом берегу Москвы-реки в 10 км выше г. Звенигорода (Кренке и др., 2013). Находки были приурочены к поверхности погребенной почвы, залегающей в толще пойменных отложений на глубине 1.4 м. В настоящее время рельеф поймы полностью выровнен, но в древности это было не так. Керамика, кремневые орудия и отщепы, пятна прокала от очагов залегали на небольшом возвышении древнего прируслового вала, прорезанного ручьем. Видимо, место было удобным и неоднократно посещалось. Рядом с находками бронзового века, на одном уровне с ними, залегал развал неолитичес-

кого льяловского горшка, относящегося к позднему этапу данной культуры (Кренке и др., 2013. Рис. 5). Керамика бронзового века представлена фрагментами от пяти сосудов, не имеющих прямых аналогов в фатьяновских могильниках.

Два горшка, особенностью которых является наличие валика, орнаментированного насечками (рис. 2, 2–4), характерны для жуцевской культуры Прибалтики¹. Аналогии имеются на стоянке Нида (Rimantiene, 1989. Pav. 68). Младшая дата этой стоянки – 4070±50 лет (Bln-2592), что указывает на конец первой половины III тыс. до н.э. при пересчете в календарный возраст.

Сосуд с рядом вертикальных продолговатых вдавлений (рис. 2, 5) находит аналогии в первую очередь в керамике культуры шаровидных амфор. Ближайший памятник с такой орнаментацией посуды – это могильник Туринщина на Смоленщине (рис. 2, 7; Шмидт, 1992. Рис. 3), датированный радиоуглеродом в диапазоне 2670–2410 BC (Szmyt, 1999). В северной Польше такой орнамент изредка встречается также в культуре шнуровой керамики и сопровождается радиоуглеродными датировками, указывающими на вторую четверть III тыс. до н.э. (Czebreszuk, Szmyt, 2001. Fig. 9). На фатьяновских горшках такой орнамент очень редок. Можно привести в пример лишь ранний Икшинский могильник (рис. 3, 1).

Один из горшков был декорирован по венчику горизонтальными оттисками двойного тонкого шнура, а на перегибе шейки располагались “подковки” из оттисков одинарного шнура (рис. 2, 1). Единичные находки шнуровой керамики, орнаментированной аročками, имеются на Смоленщине (Лявданский, 1927. Табл. XVI, 19). Для комплексов среднеднепровской культуры такая орнаментация нехарактерна. Находка из-под Рославля, опубликованная А.Н. Лявданским, происходит из разрушенного памятника, культурная принадлежность которого неизвестна. В Белоруссии аналогичных находок больше, но они также редки (Артеменко, 1967. Рис. 10, 8; Крывальцевіч, 2010. Мал. 6; Кухаренко, 1962. Табл. 4; Лошенко, 1998. Рис. 8, 6). Аналогичная ситуация в Среднем Поднепровье (Максимов, Петрашенко, 1988. Рис. 4) и северной Польше (Czebreszuk, Szmyt, 2010. Rys. 12, 2). Серия аналогий происходит из памятников жуцевской культуры Прибалтики – стоянок Нида (Rimantiene, 1989. P. 109), Прибрежное (Зальцман, 2010. Рис. 84), торфяника Цедмар А (Тимофеев, 2003. Рис. 2, 4; Forssander, 1933. S. 185). Есть аналогии

¹ Автор благодарен Н.Н. Кривальцевичу и Е.П. Бунятян за помощь в атрибуции керамики.

Рис. 2. Керамика бронзового века (протофатьяновская) из раскопок поселения ЗБС-5 и аналогии ей: 1–6 – ЗБС-5; 7 – могильник Туринщина (Смоленский музей); 8, 9 – стоянка Нида (по: Римантене, 1989).

в культуре одиночных погребений в Шлезвиге (Struve, 1955. Taf. 13).

Множество аналогий данному орнаменту имеется на Волыни в городокско-здолбицкой культуре (Самолук, 2007. Рис. 5, 15; Свешников, 1974. Рис. 28, 24; 45, 1; Bunyatyan, Pozikhovskiy, 2011). Исследователи отмечают, что именно этот тип орнаментации характерен для городокско-здолбицкой культуры на Волыни (Артеменко, 1987а. С. 49; Бу-

нятян, 2008. С. 16). Хронология этих древностей (при отсутствии радиоуглеродных дат) определяется параллелями со среднеднепровской (Артеменко, 1987а) и межановицкой культурами. Более достоверна начальная датировка 2400/2350 лет до н.э. (Bunyatyan, Pozikhovskiy, 2011. Р. 55).

В южной Польше в межановицкой культуре также есть аналогии “петлям” и “подковкам” (Gimbutas, 1965. Fig. 250, 2; Machnik, 1966. Tabl. XI). В вер-

Рис. 3. Горшки из ранних фатьяновских могильников Подмосковья: 1 – Икшинский, 2 – Давыдовский, 3, 4 – Кузьминский, 5 – Ханево (ГИМ, Гос. Эрмитаж, Истринский музей. Фото Н.А. Кренке)

ховьях Вислы имеются комплексы шнуровой керамики с “подковками” (Kempisty, Włodarczak, 2000. Fig. 12), датированные радиоуглеродным методом серединой III тыс. до н.э. “Петли” представлены на горшке из Самбожеца (погр. 21), для которого имеется радиоуглеродная датировка 4080 ± 50 (Ki-7930), что указывает на середину III тыс. до н.э. (Furholt, 2003. Taf. 22; Włodarczak, 2006. Tabl. LIV). “Подковки” встречаются также на керамике катакомбной культуры (Братченко, 2007).

В ареале фатьяновско-балановских древностей керамика, орнаментированная шнуровыми оттисками в виде петель-подковок и имеющая эсвидную профилировку венчика, аналогичная находкам на ЗБС-5, известна лишь из материалов старых раскопок на стоянке Ибердус 1, расположенной на левом берегу р. Оки выше г. Касимова (Сидоров, 2003). Расстояние между ЗБС-5 и стоянкой Ибердус 1 около 300 км.

В материалах фатьяновской культуры мы ничего подобного не видим. Лишь два горшка из ранних комплексов фатьяновских могильников – Давыдовского (рис. 3, 2) и Ханевского (Сидоров, Энговатова-

ва, 1992) – имеют в основании шейки при переходе на тулово волнистый оттиск из двойного шнура.

Горшок, лежавший в восточной части раскопа, был представлен скоплением мелких фрагментов, удаленных от очагов (рис. 2, 6). Он отличается очень тонко и тщательно выполненной орнаментацией. Почти прямой высокий венчик сплошь покрыт отпечатками шнура и разделяется на семь горизонтальных орнаментальных зон. Чередуются зоны с “шагающим” зигзагом из пяти и четырех коротких оттисков шнура и зоны с горизонтальными оттисками шнура, сгруппированных в шесть рядов. Точные аналогии в фатьяновских могильниках нам неизвестны. Наиболее близок к рассматриваемому горшку фрагмент из погр. 2 могильника Новинки-4 (Волкова, 2010. Рис. 67, 2). Общая композиционная схема орнамента на фрагменте из ЗБС-5 близка орнаменту на горшке из погр. № 6 Ханевского (Кирьянова, 1976. Рис. 2, 14), орнаментации горшков Кузьминского (Крайнов, 1963. Таб. VI, 9) и Новлян-ского (Розенфельдт, 1971. Рис. 2, 1) могильников. В указанных памятниках орнамент также нанесен оттисками тонкого шнура. Все они, по предположению В.В. Сидорова и А.В. Энговатовой, относятся

к начальной фазе фатьяновской культуры (Сидоров, Энгватова, 1992. С. 36), что, видимо, верно.

Многочисленные орнаментальные композиции на высоких шейках характерны для среднего этапа среднеднепровской культуры (Артеменко, 1987. С. 39). Похожие орнаменты имеются, например, в могильнике Стретовка (Артеменко, 1967. Рис. 32), но там нет полных аналогий сосуду из ЗБС-5. Близкие аналогии орнаменту на горшке из раскопок ЗБС-5 присутствуют в материалах культуры одиночных погребений в Шлезвиге (Struve, 1955. Abb. 14 2d; Taf. 17, 10); в швейцарских материалах, датирующихся серединой III тыс. до н.э. (Furholt, 2003. Taf. 155); в жуцевской культуре, в том числе на эпонимном поселении Жуцево (Kilian, 1955. Taf. XXX, 197; Зальцман, 2010, Рис. 149); в могильнике Злота в Польше (Machnik, 1966. Tabl. XXVII, 6).

Таким образом, в небольшой коллекции керамики из раскопок поселенческого объекта ЗБС-5 можно проследить традиции культуры шаровидных амфор, шнуровой керамики Прибалтики, эпিশнуровых культур Волини и Южной Польши. Вполне вероятно, что площадка поселения посещалась неоднократно людьми, культура которых входила в круг шнуровых (кубковых) культур. Вероятно, эти группы, взаимодействуя друг с другом на новой для них территории Москворецко-Клязьминского междуречья, положили начало фатьяновской культуре. Примерно сходный процесс культурной интеграции (при доминировании традиции культур шнуровой керамики) шел параллельно в бассейне Верхнего Днепра и привел к созданию среднеднепровской культуры (Крывальцэвіч, 2011).

Важнейшая задача – определить время начала формирования фатьяновской культуры. Пока для этого нет точных данных. Внешние аналогии керамике из комплекса ЗБС-5 охватывают вторую-третью четверти III тыс. до н.э. Имеется серия радиоуглеродных датировок для памятников развитой фатьяновской культуры, полученных из поселений и могильников (Кренке и др., 2013. Табл. 1; Черных и др., 2011. С. 62). Из этих данных следует, что “сформировавшиеся” фатьяновские памятники имеют возраст в интервале 4100–3800 радиоуглеродных лет. Имеются также несколько более молодых значений возраста около 3600 лет, надежность которых вызывает сомнения. При калибровке радиоуглеродных датировок 4100–3800 лет и определении на их основе календарных дат получаем XXVII–XXII вв. до н.э. Имеются также некоторые стратиграфические наблюдения. Культурный слой поселения развитой фатьяновской культуры РАНИС, о котором пойдет речь ниже, формировался в пойме, когда уже началась эпоха экстремальных

паводков, и на поверхности погребенной почвы 3 начал накапливаться аллювий, тонкая прослойка которого подстилает культурный слой. Находки поселения ЗБС-5 залегают непосредственно на погребенной почве, аллювий их лишь перекрывает. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что формирование фатьяновской культуры происходило довольно стремительно, и начало этого процесса относится к концу второй четверти III тыс. до н.э.

Ранние фатьяновские комплексы

Поселений пока не найдено. Известно несколько могильников, занимающих территорию в западной части бассейна Москвы-реки и по верховьям правых притоков Волги – Большой Сестры и Дубны. Протяженность этого ареала около 200 км, при ширине около 100 км (рис. 1). Явно выявляются несколько близких, но отличающихся друг от друга традиций шнуровой орнаментации (рис. 3). Очень близки друг другу горшки из могильников Ханево, Новлянское, Ивановогорское и Кузьминское (рис. 3, 4, 5). У них высокие шейки, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура, чередовавшегося с полосами “косой сеточки” (орнамент № 11 по Гадзяцкой, 1976. С. 117). Вторая традиция – волнистые линии двойного шнура представлена на горшках из Ханево и Давыдково (рис. 3, 2). Третья традиция – с элементами орнаментации, характерной для культуры шаровидных амфор, представлена Икшинским могильником (рис. 3, 1). В инвентаре могильников этой стадии проявляется южное катакомбное влияние, документированное молоточковидными костяными булавами.

Развитые фатьяновские комплексы

Характерными памятниками этой стадии в западной части Москворечья могут быть признаны могильник Ханево (погр. 4) и поселенческий объект ЗБС-4. Шнуровая орнаментация уже отсутствует, явно прослеживаются связи с соседней среднеднепровской культурой. И.И. Артеменко считал горшок из погр. 4 Ханевского могильника не фатьяновским, а среднеднепровским (Артеменко, 1987), но с этим трудно согласиться. Хотя сходство в орнаменте (“паркетный”, или тип 18 по О.С. Гадзяцкой) у этого горшка со среднеднепровскими сосудами полное, но форма типично фатьяновская (рис. 4, 2, 4). В Новинских могильниках, территориально близких к москворецкому региону, расположенных у западной границы фатьяновской культуры, также обнаружены горшки с этой орнаментацией, но это уже сосуды несколько более поздней стадии развития (Волкова, 2010. Рис. 21). Идентичный горшок с “паркетным” орнаментом и типичным фатьяновским приемом оформления венчика вертикальными

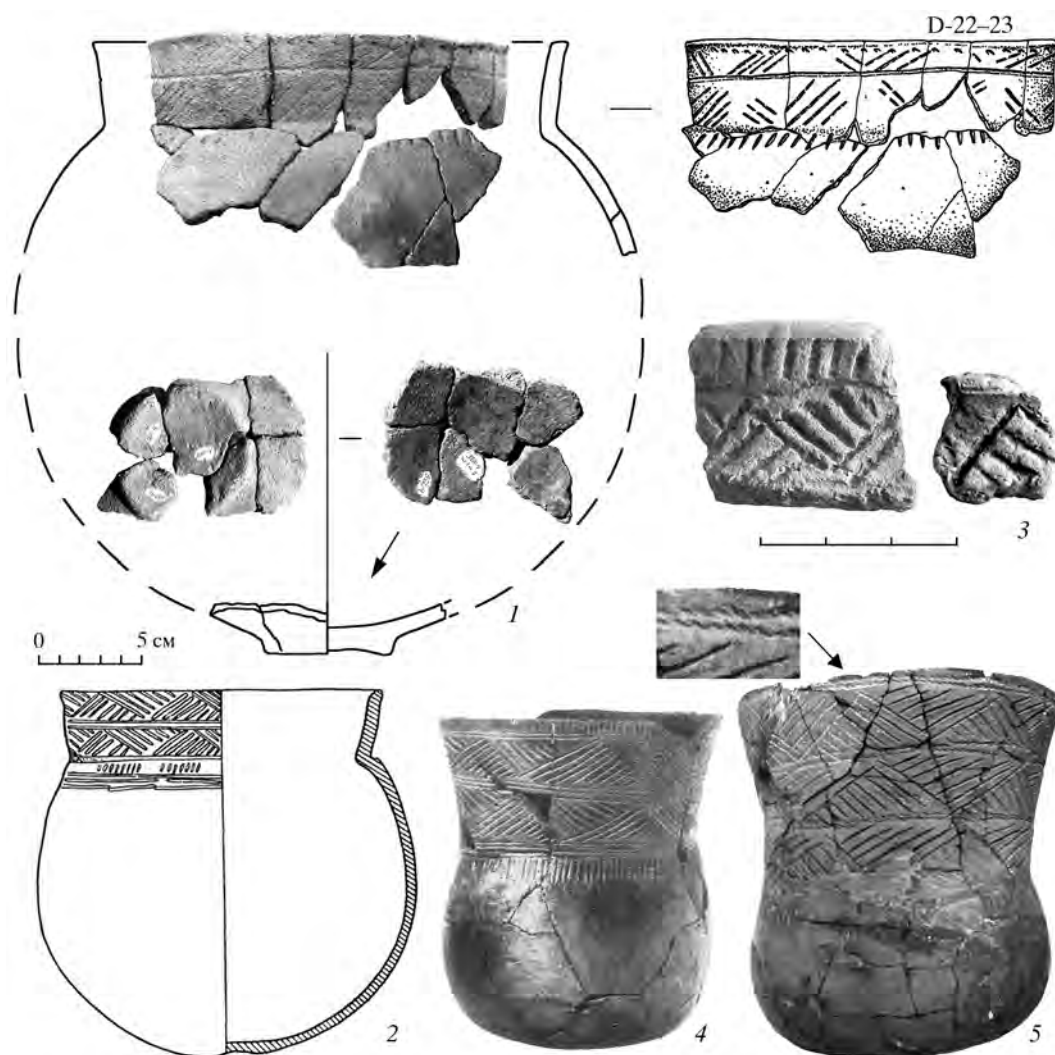

Рис. 4. Горшки развитой фазы фатьяновской культуры из западной части ее ареала (1–3) и аналогии им в среднеднепровской культуре (4–5): 1 – поселенческий объект ЗБС-4, 2 – могильник Ханево, 3 – поселение РАНИС-пойма, 4 – могильник Стрелица (по: И.И. Артеменко), 5 – могильник Бельнец (фонды ГИМ).

насечками был найден на поселении РАНИС (рис. 4, 3). Горшок из поселенческого объекта ЗБС-4 (рис. 4, 1; Кренке и др., 2013) близок к “паркетному” среднеднепровскому стилю, но не идентичен ему. Важно, что для этого комплекса была получена радиоуглеродная датировка – 4040 ± 25 лет (UGAMS 10130), указывающая примерно на XXVI–XXV вв. до н.э. Эта дата очень близка к датировкам (4010 ± 40 ; 3890 ± 50) погр. 10 могильника Прорва 1 среднеднепровской культуры с ранним горшком “паркетного стиля” (Крывальцевич, 2006. С. 162).

Полные наборы посуды развитой стадии фатьяновской культуры в Москворечье дают коллекции поселений Царицыно 1 (Кренке и др., 2008а) и РАНИС (Кренке и др., 2008б).

В коллекции поселения РАНИС представлены обломки, происходящие от 37 сосудов. В том числе

шесть развалов, представленных 10 и более фрагментами, два сосуда, от которых сохранилось более пяти фрагментов. Остальные 29 сосудов представлены единичными фрагментами. Такие показатели могут указывать на то, что размеры поселения существенно превосходили изученную раскопками площадь (в раскоп попали единичные фрагменты от развалов, находящихся за его пределами). Также можно предполагать, что значительное количество битых горшков указывает на определенную продолжительность функционирования поселения или неоднократность посещения места.

По форме сосуды из коллекции поселения РАНИС-пойма относятся к трем отделам по классификации О.С. Гадзяцкой – низкошейных (раздел 1), с шейкой средней величины (раздел 2), чашевидных (раздел 4) (Гадзяцкая, 1976). Подавляю-

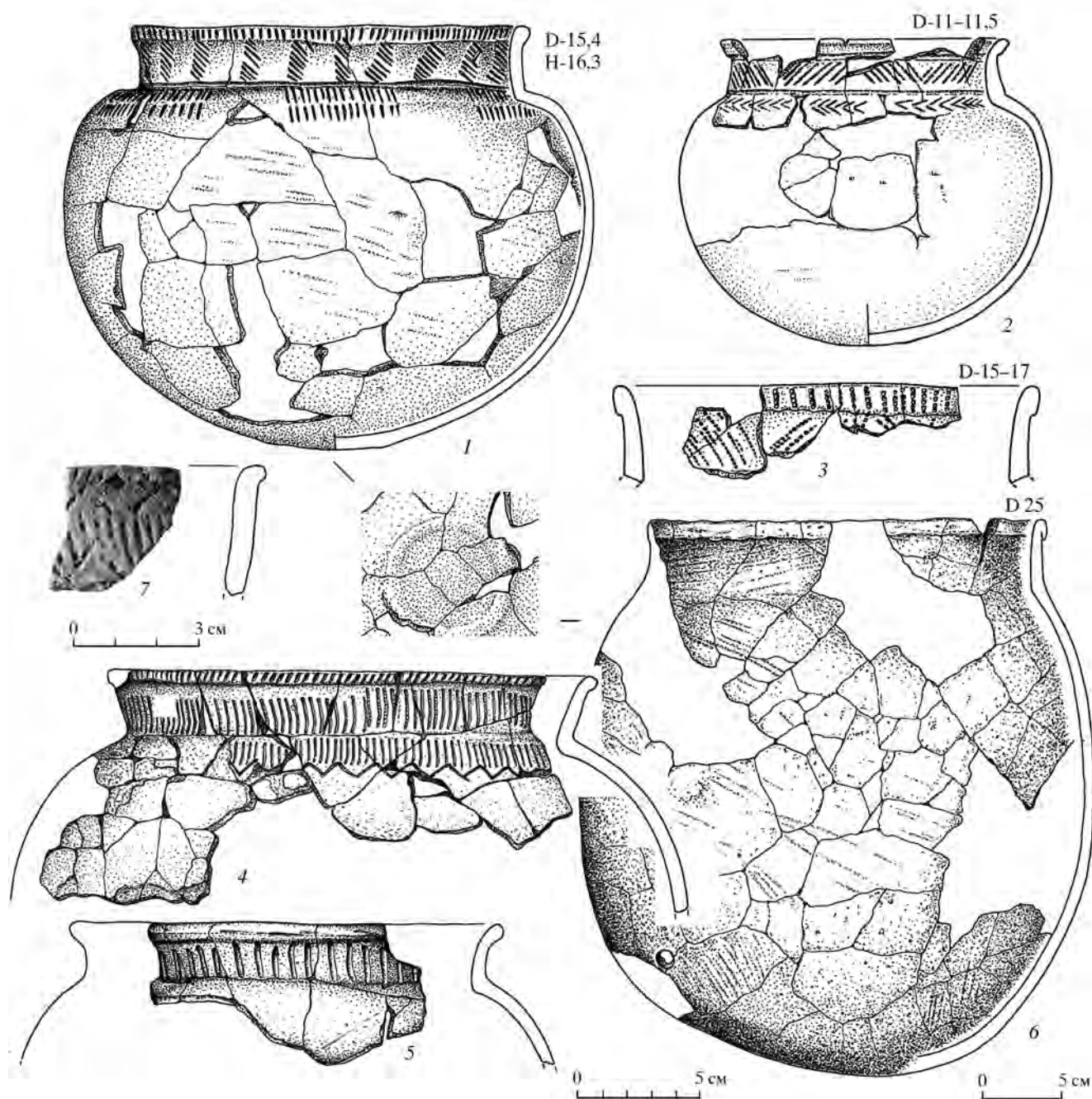

Рис. 5. Горшки развитого этапа фатьяновской культуры в Подмосковье: 1–3 – могильник Луцино-Газовик, погр. 1, 4–7 – поселение РАНИС-пойма (рисунки В.А. Раевой).

щее большинство (34) – относится к разделу 2, к разделу 1 – всего 1 сосуд, к разделу 4 – 2 миски. Присутствие низкошейной амфоры следует особенно подчеркнуть (Кренке и др., 2014), так как Д.А. Крайнов отмечал нехарактерность амфор для московской группы фатьяновских памятников (Крайнов, 1972). Из 35 венчиков 8 имело прямой край, у остальных 27 черновой край был либо загнут наружу и примазан к шейке (13 случаев), либо

отогнут наружу в виде небольшого “карнизика” (14 случаев). По крайней мере шесть сосудов не имели орнаментации. Один из этих сосудов (рис. 5, 6) удалось склеить до полного профиля, а два – собрать до максимального перегиба тулова. Все эти горшки однотипные. Их форма близка к яйцевидной. Тулово вытянуто. Плечики и венчики составляют тупой угол. При этом профиль нельзя назвать эсвидным. Размеры сосудов довольно значительны. Диаметры

горловин около 25 см, высота целого сосуда – 35 см. Днища – уплощенно-округлые, без орнамента. Характерной деталью трех сосудов являлись небольшие отверстия (диаметр 10 мм), сделанные по сырой глине в придонных частях (на высоте 7–8 см от основания днища). В одном из сосудов таких отверстий как минимум три. Сосуды с подобными отверстиями в могильниках не встречались, но были ранее описаны П.Д. Степановым по материалам городища Ош Пандо в Мордовии (Степанов, 1967. С. 51. Табл. 7, 8, 9), где также находили и глиняные пробки к этим отверстиям.

Большинство сосудов орнаментировано. Можно выделить 12 элементов орнаментики, из которых 9 соответствуют типологии Гадзяцкой – № 7, 11, 13, 15, 18, 19, 33, 34, 40 (Гадзяцкая, 1976, табл. XVIII), четыре ее дополняют. Характерно практически полное отсутствие шнуровых оттисков (встречен один фрагмент). Наиболее распространенными являются элементы № 7 (косые насечки-вдавления по краю венчика), № 33 (ряд вертикальных отпечатков гребенчатого штампа или просто прочерченных линий), № 15 (попеременно-наклонные группы линий), № 19 (горизонтальная елочка) и № 13 (одинарный зигзаг, обрамляющий снизу орнаментальную зону). Двойной заштрихованный зигзаг (№ 34 по Гадзяцкой), так называемый балановский (рис. 5, 7), встречен лишь один раз. Несколько хаотично расположенные группы попеременно-наклонных линий (орнамент № 15) находят аналогии в орнаментации горшка из Болшневского могильника в Тверской обл. (Крайнов, 1975. Рис. 4, 1), для которого имеется радиоуглеродная датировка 3960 ± 130 (ГИН-5240).

Поселение Царицыно 1 дает сходную картину. Шнуровая орнаментация полностью отсутствует. Важно подчеркнуть сходство орнаментации горшка с многорядным зигзагом (тип 14, по О.С. Гадзяцкой) с поселения Царицыно 1 (Кренке и др., 2008а, Рис. 38, 1–6) и сосуда из погр. 5 Тургиновского могильника (Гадзяцкая, 1971. Рис. 25, 4), по которому получена радиоуглеродная датировка 3780 ± 130 лет (Ле-1046). Есть несколько относительно ранних венчиков без “бортиков” с косыми нарезками по краю (Кренке и др., 2008а. Рис. 38). Есть двойной заштрихованный зигзаг. Очень близки по орнаментации наборы других поселений, расположенных в долине Москвы-реки и ее притоков. Это Заозерье (Фролов, 1984), Кулаково 3 (Емельянов, 2010), поселение на городище Настасьино (Энговатова, 2000).

Новейшая находка – это погр. 1 в могильнике Луцино-Газовик, раскопанное в ходе охранных работ в 2013 г. Могильник расположен на водораз-

дельном холме, по которому проходит Луцинское шоссе возле академического дачного поселка. Первые находки были сделаны внуками академика С.Б. Веселовского в 1950-е годы. В 2013 г. при прокладке кабеля интернета вдоль полотна дороги был вынут из земли целый горшок. Раскопки на этом месте позволили выявить остатки захоронения, нарушенного, видимо, при строительстве дороги. Костяк не сохранился, но были найдены два целых горшка, клиновидный каменный топор с линзовидным сечением и кремневая пластина-нож без ретуши, но со следами сработанности режущей кромки. Один из горшков (рис. 5, 2) имел орнамент “горизонтальная елочка” вдоль плечика и попеременно-наклонные линии по шейке (№ 15 и 19 по О.С. Гадзяцкой). Эта орнаментация широко представлена в том числе на памятниках в бассейне Москвы-реки. Более интересен другой горшок (рис. 5, 1), у которого на шейке орнамент в виде “стопочек” слегка наклонных линий (№ 31 по О.С. Гадзяцкой). Орнамент этого типа локализуется довольно узко – преимущественно в ареале Ярославского Поволжья (рис. 6). Ближайшей аналогией горшку из могильника Луцино-Газовик является горшок из погр. 3 Мытищенского могильника в Ивановской обл. (Гадзяцкая, 1976. С. 115). Расстояние между этими двумя памятниками около 300 км. Видимо “радиус индивидуальной активности” (термин введен при изучении генетики популяций Н.В. Тимофеевым-Ресовским, см. Свирижев, 1987. С. 12) был весьма высоким у фатьяновского населения, что обеспечивало связь между отдаленными регионами и способствовало поддержанию культурного единства. Другой важной аналогией горшку с орнаментом № 31 из могильника Луцино-Газовик является горшок из Волосово-Даниловского могильника, погр. 58 (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. Табл. 29), по которому была получена радиоуглеродная датировка 3650 ± 80 (Ле-1044)². Сходство орнаментов на сосудах из могильника Луцино-Газовик с горшком из Волосово-Даниловского могильника не такое полное, как с горшком из Мытищенского могильника.

Серия радиоуглеродных датировок, полученных для поселения РАНИС (Кренке и др., 2013. Табл. 1), как уже отмечалось, показывает весьма ранний возраст, в интервале 3900 – 4100 радиоуглеродных лет. Если доверять этим датам, то следует заключить, что процесс формирования специфического керамического комплекса фатьяновской культуры протекал очень быстро, и к середине III тыс. до н.э. особенности этого важнейшего компонента культуры уже полностью сформировались.

² Автор благодарен Г.И. Зайцевой (ИИМК РАН) за уточняющую информацию о месте отбора образца для датирования.

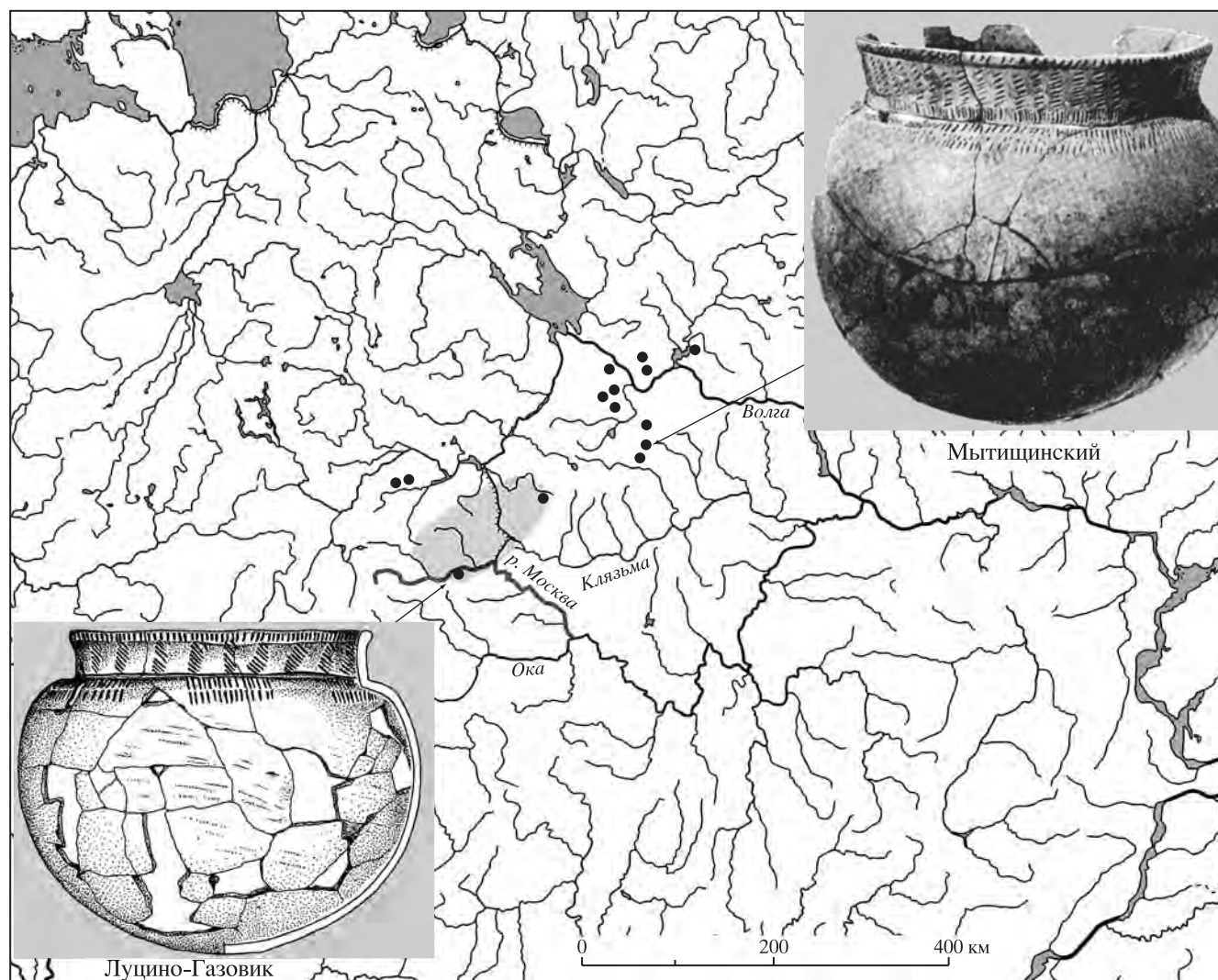

Рис. 6. Карта распространения ранних фатьяновских памятников в Подмоскowie (серый ареал) и распространения орнамента № 31 (по: О.С. Гадзяцкая, 1976) на горшках позднего этапа фатьяновской культуры.

Поздняя стадия фатьяновской культуры. В бассейне Москвы-реки имеются несколько могильников и единичные находки керамики на поселениях, которые могут быть отнесены к поздней стадии. Керамика поздних москворецких памятников характеризуется своеобразными чертами морфологии и орнаментации. Бортик на торце венчиков превращается в массивный валик, иногда двойной и тройной (рис. 7, 1, 3, 5)³, плечики становятся более покатыми. Орнаментация утрачивает “тонкую изящность” более ранних периодов. Видны широкие глубоко прочерченные горизонтальные линии-каннелюры, “шагающий” орнамент из попеременно наклонных линий по шейке венчика и обязательную орнамен-

тацию верхней половины тулова; часто каннелюра проходит по “экватору” горшка. Ранние традиции получили новое выражение. Это хорошо видно по горшку из Истринского могильника. На его тулове нанесена полоса “косой сеточки” (рис. 7, 1). Этот орнамент был характерен еще для самых ранних шнуровых фатьяновских горшков, но теперь характер исполнения орнамента и место его нанесения другие. Важно подчеркнуть, что шнуровые оттиски все-таки присутствуют на этих горшках (рис. 7, 2, 3), хотя их место в орнаменте иное, чем в ранних сосудах. Теперь шнуровой оттиск почти не виден, шнур играл вспомогательную роль при создании валиков на венчике. В некоторых случаях шнур заменялся глубокими горизонтальными каннелюрами. Керамика такого рода найдена на поселении Акатово (рис. 7, 6–8), стоянках в районе Тростенского и Заболоцкого озер (Сидоров, 2013. Рис. 4а, 4б).

³ Автор благодарит В.В. Сидорова за предоставленную возможность опубликовать сосуд из раскопанного им Тростенского могильника.

Рис. 7. Горшки развитого (4) и позднего (1–3, 5–8) этапов фатьяновской культуры в Подмоскowie: 1, 2 – могильник Истринский, погр. 1; 3 – могильник Тростенский, погр. 3, могила 4; 4 – могильник Луцино-Газовик, погр. 1; 5 – могильник Саурово; 6–8 – поселение Акатово.

Таким образом, в Москворечье традиции шнуровой орнаментации и традиции технологического использования шнуров в гончарстве не были полностью утрачены до самого финала фатьяновской культуры.

Можно предполагать, что на позднем этапе развития фатьяновской культуры население бассейна Москвы-реки не было однородным. Здесь, видимо, проживали и потомки первых колонистов, и люди, пришедшие из других регионов, скорее всего Ярославского Поволжья (так называемый “балановский зигзаг” вполне мог быть занесен именно оттуда, что доказывается комплексами Волосово-Даниловского могильника).

Вопрос о датировке позднего этапа решается пока предварительно. Важное значение имеют данные, полученные при изучении поселенческого объекта ЗБС-4. Здесь, в толще стратифицированных отложений на конусе выноса из оврага, были найдены фатьяновские и абашевские находки (Кренке, 2014). Фатьяновский горизонт перекрыт абашевским, и для него получены радиоуглеродные датировки 3630 ± 70 (ГИН-14855) и 3650 ± 70 (ГИН-14854), что указывает на рубеж III и II тыс. до н.э. Эти даты полностью совпадают с другими датировками средневожской абашевской культуры. Таким образом, на рубеже III–II тысячелетий до н.э. фатьяновский этап в Подмоскowie уже закончился. Есть некоторые косвенные данные (спо-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

рово-пыльцевые), позволяющие предварительно предполагать, что был некоторый хронологический “зазор” между фатьяновским и абашевским этапами заселения региона. Так, в разрезе ЗБС-4 фиксировалось некоторое восстановление леса в промежутке между почвой 3 (“фатьяновский” этап) и почвой 3а (“абашевский” этап). Хотя, конечно, это единичный случай, который может отражать лишь локальные особенности. Ошурковский поздний фатьяновский могильник, расположенный рядом с г. Тверь, демонстрирует “соприкосновение” фатьяновской и абашевской культур (Крайнов, 1986. Рис. 1, 3).

Прогресс в накоплении данных о хозяйстве людей, оставивших памятники фатьяновской культуры, есть, но нельзя его признать значительным. Судя по данным, имеющимся для шнуровых культур Восточной Европы (Березанская, 1975), хозяйство у носителей этих культур было комплексным, включавшим и земледелие.

Кость на поселении РАНИС-пойма сохранялась очень плохо, лишь отдельные зубы поддавались определению. Эта информация, тем не менее, очень важна, ведь впервые появились надежные данные, не из погребальных комплексов, а из жилых горизонтов. Всего было передано в лабораторию чуть более 20 образцов, из которых лишь несколько поддавались определению. Были определены зубы домашней лошади, коровы, овцы/козы (Н.В. Сердюк, Е.Л. Дмитриева, ПИН).

Спорово-пыльцевые данные подробнее рассмотрены ниже в статье Е.Г. Ершовой. Здесь же следует указать лишь на общий, пока еще предварительный, вывод. Люди, создавшие в Москворечье фатьяновскую культуру, столкнулись в долине реки с еловым лесом. На водоразделах и по бортам долины произрастали смешанные, в том числе широколиственные леса. Воздействие людей на растительность фиксируется в спорово-пыльцевых диаграммах незначительно, но все же некоторые признаки антропогенных изменений присутствуют. Можно отметить, что ближайшие окрестности поселений в пойме были расчищены от леса, здесь сформировался травянистый покров, включавший типичные рудеральные виды сорных растений. Имеются незначительные, едва уловимые признаки земледельческой деятельности. На водоразделе пыльца из фатьяновского погребения (Луцино-Газовик) дает представление о естественном природном лесном комплексе суббореального времени. Имеются также некоторые признаки сведения леса и формирования рудерального травянистого комплекса возле могильника.

- Артеменко И.И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967. 140 с.
- Артеменко И.И.* Культуры шнуровой керамики // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987а. С. 35–50 (Археология СССР).
- Артеменко И.И.* Связи племен среднеднепровской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наук. думка, 1987б. С. 6–16.
- Березанская С.С.* О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зими́на. М.: Наука, 1975. С. 192–198.
- Братченко С.Н.* Катакомбне “барокко” з овами та петлями в системі орнаментатії // Матеріали та дослідження з археології східної України / Отв. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Изд-во Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, 2007. С. 103–109.
- Бунятян К.П.* Городоцько-здовбицька культура: проблемна ситуація // Археологія. 2008. № 3. С. 10–20.
- Волкова Е.В.* Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.
- Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. САИ. Вып. В1-21. М.: Наука, 1976. 136 с.
- Гадзяцкая О.С.* Новые раскопки Тургиновского могильника // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 65–71.
- Емельянов А.В.* Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Кулаково 3 в Раменском районе Московской обл. в 2010 г. // Архив ИА РАН. Без номера.
- Зальцман Э.Б.* Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.
- Кирьянова Н.А.* Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 143–154.
- Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. Вып. В1-19. М.: Наука, 1963. 52 с.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 274 с.
- Крайнов Д.А.* Болшневский могильник фатьяновской культуры // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зими́на. М.: Наука, 1975. С. 173–180.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновские памятники Калининской области // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 92–97.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. САИ. Вып. В1-22. М.: Наука, 1987. 145 с.

- Кренке Н.А. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.
- Кренке Н.А., Агеева К.Е., Григорян С.Б., Еришов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Поселение Царицыно 1 // Археология парка “Царицыно” / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008а. С. 49–80.
- Кренке Н.А. Александровский А.Л., Еришов И.Н., Еришова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и “постшнурового” горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. 2014. Вып. 231. С. 208–223.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Еришов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Вып. 4 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2008б. С. 320–339.
- Кренке Н.А., Еришов И.Н., Лазукин А.В., Войцик А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И. Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 14–29.
- Крывальцэвіч М.М. Могільнік сярэдзіны III – пачатку II тысячагоддзя да н.э. на Верхнім Дняпры – Прорва 1. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 203 с.
- Крывальцэвіч М.М. Старыя Юрковічы 1 – культурна-храналагічныя аспекты “шнуровага” комплексу // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Беларуская навука. № 18. / Ред. В.Л. Лакіза, М.М. Крывальцэвіч. Мінск, 2010. С. 219–242.
- Крывальцэвіч М.М. Сярэднедзяпроўская культура. Археалогія Беларусі. Т. 2. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2011. С. 340–342.
- Кухаренко Ю.В. Первобытные памятники Полесья // САИ. Вып. Б1-18. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 24 с. 12 табл.
- Лошенко М.И. Михалевское городище // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск / Ред. М.И. Лашанкоу. 1998. С. 83–104.
- Лявданский А.Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Науч. изв. Смоленского ГУ. Т. IV. Вып. 3. Смоленск, 1927. С. 218–257.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев: Наук. думка, 1988. 147 с.
- Розенфельдт Р.Л. Новлянский фатьяновский могильник // СА. 1971. № 2. С. 213–216.
- Самолук В.О. Поселення стжижовської культури на р. Іква на Волині // Археологія. 2007. № 3. С. 58–72.
- Свешніков І.К. Історія населення Перекарпаття, Поділля І Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
- Свирижев Ю.М. Нелинейные волны, диссипативные структуры и катастрофы в экологии. М.: Наука, 1987. 368 с.
- Сидоров В.В. Керамика стоянки Ибердус 1 (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза: Пензенский гос. объедин. краеведч. музей, 2003. С. 179–195.
- Сидоров В.В. Контакт культур на Средней Оке в эпоху бронзы. Неолит и бронзовый век // Оки связующая нить / Отв. ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Ступинский ист.-краевед. музей, 2009. С. 60–66.
- Сидоров В.В. Переход к эпохе бронзы в центре Русской равнины // Оки связующая нить / Ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Ступинский ист.-краевед. музей, 2013. С. 172–192.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Ханевский могильник и древнейшие памятники фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7 / Ред. А.В. Уткин. Иваново, 1992. С. 28–36.
- Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск.: Мордовское кн. изд-во, 1967. 212 с.
- Тимофеев В.И. Памятники культуры шнуровой керамики восточной части Калининградской области (по материалам исследований 1970–1980-х годов) // Древности Подвинья / Ред. А.Н. Мазуркевич. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 119–133.
- Фролов А.С., 1984. Отчет о раскопках в 1984 году стоянки Заозерье 1 в Раменском районе Московской обл. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10424.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV – III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.
- Шмидт Е.А. Погребальный комплекс культуры шаровидных амфор в верховьях Днепра // РА. 1992. № 4. С. 156–161.
- Энговатова А.В. Отчет о раскопках городища Настасьино в 2000 г. М., 2000.
- Bunyatyan K.P., Pozikhovskiy O.L. A settlement of the Horodotsko-Zdovbytska culture near Ostroh // Ukrainian Archaeology. Київ, 2011. P. 38–56.
- Czebreszuk J., Szmyt M. Z. The 3rd Millennium BC in Kujawy in the Light of ¹⁴C dates // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. / Ed. Janush Czebreszuk, Johannes Müller. Poznań, 2001. S. 177–208.
- Czebreszuk J., Szmyt M.Z. Badań nad formami osadnictwa kultury ceramiki sznurowej w Polsce północnej // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ред. В.Л. Лакіза, М.М. Крывальцэвіч. Беларуская навука. 2010. № 18. С. 209–218.
- Forssander J.E. Die Schwedische Bootaxtkulturen und ihre kontinentale europäischen Voraussetzungen. Lund: 1933.
- Furholt M. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkerami in Mitteleuropa und Südkandinavien. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2003. 270 S.

- Gimbutas M.* Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. Paris – London: Mouton & Co., 1965. 610 p.
- Kempisty A., Włodarczak P.* Cemetery of corded ware culture in Zerniki Górne. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2000. 180 p.
- Kilian L.* Haffküstenkultur und ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1955. 320 S.
- Machnik J.* Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1966. 266 p.
- Rimantiene R.* Nida Senujų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989. 190 p.
- Struve K.* Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1955. 217 S.
- Szmyt M.* Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC // Baltic-Pontic Studies/ V. 8, Poznań, 1999. 208 p.
- Włodarczak P.* Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej. Kraków: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2006. 347 p.

ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ФАТЬЯНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И МОГИЛЬНИКОВ В ДОЛИНЕ МОСКВЫ-РЕКИ ПО ДАННЫМ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

© 2014 г. Е.Г. Ершова

Институт археологии РАН, Москва (eershova@rambler.ru)

Ключевые слова: *бронзовый век, история растительности, палеоэкология, погребенные почвы, голоцен.*

By the beginning of colonization the Moskva-river valley by the Corded Ware tribes floodplain vegetation has changed dramatically compared to the previous stage because of the climate change. The pollen data shows that from the beginning of Subboreal the floodplain of the Moskva-river was occupied with mixed coniferous-deciduous forests dominated by spruce. The pollen data from the sites ZBS-4 and RANIS also shows some human disturbance of vegetation, such as partial deforestation of the floodplain. Single and corrupted *Cerealia*-type and *Cannabis*-type pollen grains were found in the Fatyanovo cultural layers. The pollen data show that the vegetation disturbances were local and short-term.

Время бытования фатьяновской культуры (радиоуглеродные некалиброванные даты 4100–3800 л.н.) приходится на суббореальный период голоцена, границы которого определяют примерно 5000–2500 л.н. Переход от атлантического периода (“климатического оптимума голоцена”) к суббореальному – важный природный рубеж, проявившийся в перестройке растительного покрова всего северного полушария. В лесной зоне Центральной России начало суббореального периода было отмечено резкой сменой температурного и гидрологического режимов, вызвавшей смещение природных зон к югу. Территория Московской области во время климатического оптимума целиком находилась в пределах зоны широколиственных лесов (Палеоклиматы и палеоландшафты..., 2009), по некоторым признакам даже на границе с лесостепной зоной (Ershova et al., 2014). В суббореальном периоде в результате похолодания произошло заметное расширение ареала ели, широколиственные леса сменились елово-широколиственными, а граница леса и степи сдвинулась далеко на юг. На пыльцевых диаграммах торфяников лесной зоны Центральной России этот процесс нашел отражение в появлении и резком возрастании участия пыльцы ели, максимум которого приходится на вторую половину – конец суббореала (первый верхний максимум ели по Хотинскому (1977)). Исследования показали, что в долине Москвы-реки распространение еловых лесов происходило не одновременно: сначала ель появилась на нижних уровнях долины, заселив ранее свободную от леса пойму, и лишь затем ча-

стично потеснила широколиственные породы на береговых склонах и водоразделах (Ершова и др., 2013). Процесс заселения поймы еловыми лесами в самом начале суббореала хорошо отражен на спорово-пыльцевой диаграмме разреза у поселения РАНИС-пойма (рис. 1). В диаграммах водораздельных торфяников правобережья Москвы-реки (Звенигородская биостанция МГУ) также отражено распространение ели в суббореале, однако в целом ее участие в спектрах значительно ниже (не более 30%), а максимум приходится на более поздний период, чем в пойме (Ершова и др., 2013).

Считается, что в течение суббореального периода климат не был постоянным. После раннесуббореального похолодания выделяют фазу некоторого потепления и уменьшения влажности, которая датируется на диаграммах Европейской части России примерно 4000–3500 ¹⁴С л.н. (Величко и др., 2001). Время бытования фатьяновской культуры (4100–3800 л.н.) относится именно к этому периоду среднесуббореального потепления, или “ксеротермического оптимума”. На многих водораздельных торфяниках Московской области, в том числе и в районе Звенигорода, для этого времени отмечается замедление и даже прекращение торфонакопления, образование т.н. “переходного горизонта”. В силу этого в полученных нами спорово-пыльцевых диаграммах водораздельных торфяников довольно продолжительный период в 1–2 тыс. лет оказался предельно сжатым (до нескольких сантиметров), и сравнительно короткие временные периоды обитания фатьяновской культуры и других культур

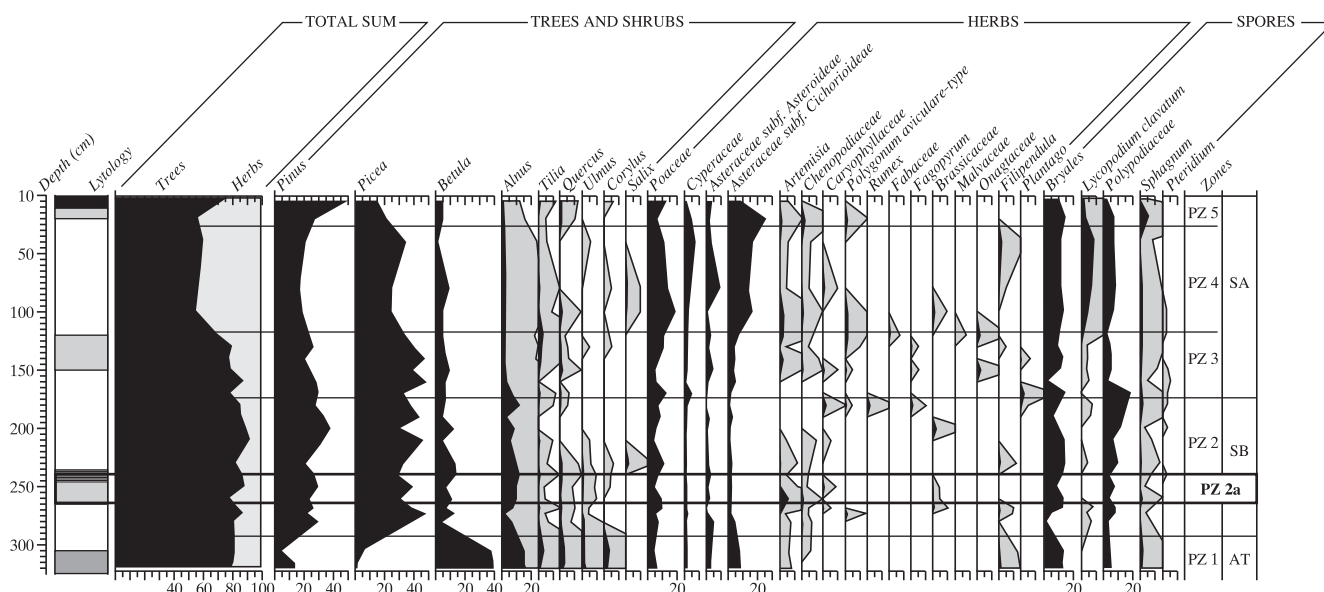

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза РАНИС 2005 г. (по: Спиридонова и др., 2008; модифицировано). Рамкой выделен горизонт, соответствующий времени функционирования фатьяновской стоянки (подзона PZ2a). Здесь и далее на рисунках участие пыльцы выражено в процентах от общей суммы пыльцы; участие спор выражено в процентах от общей суммы пыльцы и спор.

бронзового века не нашли подробного отражения (Ершова и др., 2013).

В то же время раскопки в долине Москвы-реки дали уникальную возможность получить пыльцевые данные именно для периода бронзового века. Строгая стратификация пойменных аллювиальных и пролювиальных отложений позволила привязать полученные палеоботанические данные к определенным культурам и узким временным промежуткам их бытования. Однако работы в пойме показали, что достаточное для анализа количество пыльцы можно найти в пойменном аллювии далеко не всегда. Наиболее полные пыльцевые спектры, относящиеся к бронзовому веку, удалось получить лишь в нескольких разрезах.

Фатьяновская стоянка в пойме РАНИС (Николина гора). Наиболее полная колонка получена для разреза РАНИС-1 2005 г. (Кренке и др., 2008; Спиридонова и др., 2008). Разрез вскрыл толщу аллювия, включающую серию погребенных почв среднего и позднего голоцена. Его спорово-пыльцевая диаграмма, таким образом, отразила общие изменения ландшафтов поймы за последние 7–8 тыс. лет.

Как видно на диаграмме, в суббореале гидрологический режим поймы неоднократно менялся: периоды высоких паводков чередовались с периодами стабилизации поверхности и формирования почв (погребенная почва 3). Однако все пыльцевые спектры отложений суббореального возраста оказались, в целом, похожими: для них характерно доми-

нирование пыльцы деревьев (до 90%), при весьма значительном участии ели (30–50%). Поэтому на диаграмме эти спектры объединены в единую пыльцевую зону (рис. 1, **PZ2**), которая отражает длительный период господства в пойме еловых лесов с примесью ольхи и незначительным участием широколиственных пород. Пыльца ели в изобилии содержится уже в аллювии, подстилающем погребенную почву 3 (датировки по гумусу 4700–4400 л.н.). Это означает, что к моменту появления племен бронзового века пойма Москвы-реки уже была заселена густыми еловыми лесами. Сам фатьяновский культурный слой (подзона **PZ2a**) мало отличается по пыльцевым спектрам от слоев, лежащих выше и ниже. Но некоторые признаки нарушений пойменной растительности, связанные с деятельностью людей, в нем можно выделить. Это кратковременное сокращение доли ели и слабовыраженный пик пыльцы луговых и рудеральных трав, в том числе полыни. К культурному слою приурочена также единичная находка пыльцевого зерна, по размерам относящегося к группе культурных злаков *Cerealia*-type (Спиридонова и др., 2008).

Детально период существования фатьяновской стоянки отражен в спорово-пыльцевой диаграмме разреза РАНИС 2006 г., сделанном через культурный слой с отбором проб через 1.5–2 см (Кренке и др., 2008; Спиридонова и др., 2008). Верхняя часть этой диаграммы (рис. 2) аналогична соответствующей части диаграммы РАНИС-2005 (подзона PZ2a), в ней также зафиксировано распростране-

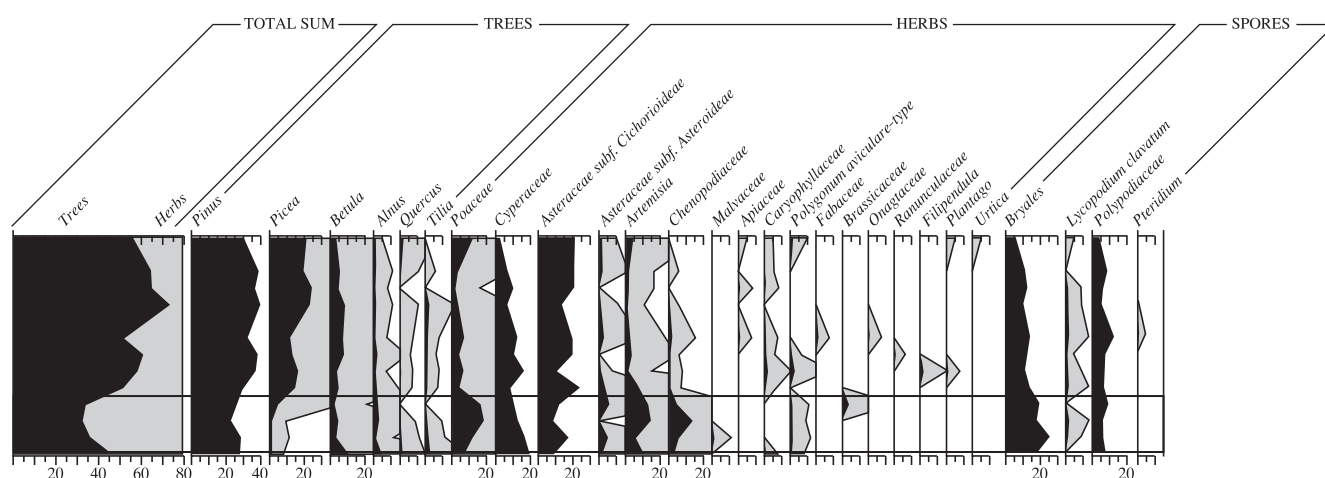

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза РАНИС 2006 г. фатьяновский культурный слой (по: Спиридонова и др., 2008; модифицировано). Рамкой выделен слой, подстилающий горизонт находок и имеющий аномальные пыльцевые спектры.

ние вокруг стоянки хвойных лесов и, возможно, небольших по площади участков луговой и сорной растительности. Однако нижние 5 см культурного слоя, лежащие непосредственно на поверхности погребенной почвы 3, оказались по составу пыльцы уникальными. Их пыльцевые спектры не имеют аналогов не только в расположенном рядом разрезе РАНИС 2005 г., но и в других разрезах лесной зоны, как пойменных, так и водораздельных. В них оказалось очень мало пыльцы деревьев (менее 40%), в особенности ели (менее 1%), но преобладала пыльца полыни, маревых, сложноцветных и цикориевых. В спектрах лесной зоны присутствие пыльцы представителей этих групп считается признаком нарушений растительного покрова. Однако в данном случае их общее участие настолько велико (в сумме до 50%), что скорее напоминает спектры, характерные для степной зоны. Мы предполагаем, что своеобразие пыльцевых спектров нижней части культурного слоя в разрезе РАНИС-2006 связано с локальными особенностями его накопления, возможно, какой-то деятельностью людей, населявших стоянку. Это может быть, например, ограничение доступа древесной пыльцы в закрытом помещении или искусственное внесение пыльцы с такими-то инородными материалами (мусор, навоз, сено и др.).

Разрез ЗБС-4 – единственный из разрезов на территории Звенигородской биостанции (ЗБС), давший достаточные для интерпретаций палинологические результаты (рис. 3). Разрез расположен в тыловой части поймы, в конусе выноса ручья, поэтому дневная поверхность здесь периодически оказывалась погребенной под слоями пролювия. Это, по-видимому, создавало благоприятные условия для сохранения пыльцы. Наиболее полные спектры здесь удалось получить как раз для той

части колонки, которая включала погребенные почвы 3 и 3а, датированные серединой суббореального периода, и содержала находки фатьяновской и абашевской культур (Кренке и др., 2013) (рис. 3).

Пыльцевые спектры суббореального времени здесь так же, как и в разрезах РАНИС, характеризовались доминированием хвойных деревьев (до 95%), в особенности ели (до 70%). Очевидно, еловые леса были распространены и в этой части поймы Москвы-реки к моменту ее заселения племенами бронзового века. Об этом говорят и отмеченные в данном разрезе признаки оподзоливания погребенной почвы 3 (Александровский, Панин, 2013). На фоне этой общей “лесной” картины в отдельных спектрах выделяются особенности, которые можно связать с хозяйственной деятельностью людей, населявших в разное время долину Москвы-реки. Так, в слое, содержащем находки фатьяновской культуры (поверхность почвы 3, датировка 4040 ± 25 л.н.), доля пыльцы деревьев несколько сокращена за счет пыльцы луговых и рудеральных трав (злаки, маревые, цикориевые, сложноцветные, гвоздичные и др.). Это может быть интерпретировано как результат частичной вырубki леса. В этом же слое обнаружены единичные, сильно поврежденные, пыльцевые зерна злаков культурного типа (*Cerealia-type*) и конопля (*Cannabis-type*). Поскольку в одной из стенок разреза были замечены также признаки распашки (Александровский, Панин, 2013), мы не исключаем наличие у “фатьяновцев” элементов примитивного земледелия. Признаки вырубок и хозяйственной деятельности (повышенная доля пыльцы луговых и рудеральных трав и сокращение доли ели, единичные крупные пыльцевые зерна злаков) обнаружены и в почве 3а, содержащей находки абашевской культуры (датировки 3630 ± 70 и 3650 ± 70 л.н.) (Ершова, 2014). Однако, судя по имеющимся дан-

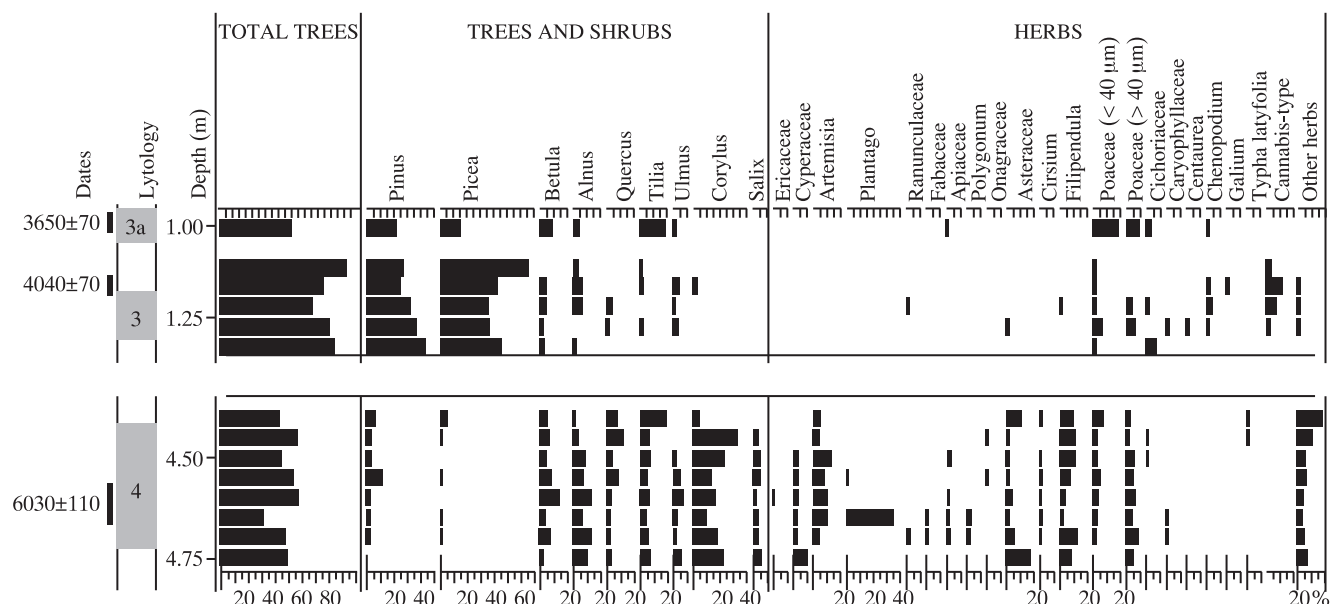

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза ЗБС-4. Участие отдельных групп рассчитано от общей суммы пыльцы.

ным, очищенные от леса участки поймы не были большими по площади и заросли сразу после ухода людей. Так, например, в аллювии, лежащем между “фатьяновским” и “абашевским” слоями, пыльцевые спектры показали абсолютное доминирование пыльцы деревьев (95%), прежде всего ели (до 50%), и полное отсутствие каких бы то ни было индикаторов человеческой деятельности.

Погребение 1 в фатьяновском могильнике Луцино-Газовик. Интересный результат дал спорово-пыльцевой анализ образца со дна погребальной ямы. Образец содержал большое количество микроскопического угля, однако остатки растительных тканей и фитолиты были встречены лишь единично. Было обнаружено также некоторое количество пыльцы, происхождение которой не вполне ясно.

В ряде работ, посвященных анализу заполнения могильных ям, приводятся гипотезы о возможных источниках попадания в них пыльцы. Эти гипотезы предполагают проникновение пыльцы из воздуха во время погребения, заполнение сосудов веществами, содержащими пыльцу, погребальные обряды, связанные с использованием цветущих растений и др. (Левковская и др., 2000). В нашем случае маловероятно, что пыльца была занесена ветром во время погребения, так как полученный спектр оказался довольно разнообразным (19 таксонов), не ограниченным только одним-двумя цветущими в одно время видами. По составу он оказался близким к региональным спектрам середины суббореального периода, которые были получены из расположенных поблизости водораздельных торфяников таких как Луцинское и Шараповское болота (Ершова и

др., 2013). Кроме того, многие пыльцевые зерна из могильной ямы были сильно повреждены, как это бывает при механическом перемещении (переотложении). Поэтому представляется вероятным, что пыльца могла попасть в яму с поверхности почвы во время копания. В таком случае она представляет водораздельную растительность, современную захоронению (около 4000 л.н.).

Как и в других водораздельных спектрах середины суббореального периода, в спектре образца из могильника преобладала пыльца древесных растений (84%), среди которых оказалось много как хвойных (сосна, ель), так широколиственных (липа, дуб, вяз, ильм). В отличие от пойменных спектров того же времени, участие ели здесь значительно меньше (всего 8%), а широколиственных больше (24%), особенно много орешника (25%). Это подтверждает наше предположение о том, что во время обитания фатьяновской культуры растительность нижних и верхних уровней долины сильно отличалась: пойма уже была занята густыми ельниками, а водоразделы все еще были покрыты более светлыми широколиственными лесами, в которых ель занимала лишь подчиненное положение.

Однако образец из могильной ямы имеет некоторые отличия и от спектров расположенных рядом торфяников. В нем значительно больше пыльцы орешника и липы, растений второго яруса, обильно цветущих только на свету. Кроме того, в нем присутствует пыльца диких злаков и рудеральных растений (цикориевых, маревых). Очевидно, могильник находился не в густом лесу, часть древесного полога была уничтожена, а вокруг могильной

ямы имели место участки луговой и рудеральной растительности.

Таким образом, на основании данных пыльцевого анализа можно констатировать, что во время обитания фатьяновской культуры долина Москвы-реки лежала в зоне елово-широколиственных лесов. При этом леса с доминированием ели занимали преимущественно нижние уровни долины, в то время как на водоразделах и террасных склонах преобладали широколиственные породы. В пойме Москвы-реки кроме ельников были распространены также черноольшаники и, возможно, естественные заливные луга, но площадь последних была незначительна. Рядом с местами деятельности людей как в пойме, так и на водоразделах, палинологический анализ отмечает признаки вырубки леса и нарушений естественного растительного покрова. Однако эти нарушения, по-видимому, были локальными и ограниченными во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Панин А.В.* Закономерности формирования поймы р. Москвы в контексте ее освоения человеком (на примере ключевого участка в районе Звенигородской биостанции МГУ) // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 249–256.
- Величко А.А., Кременецкий К.В., Негендаик И., Борисова О.К., Зеликсон Э.М., Новенко Е.Ю., Писарева В.В.* Позднечетвертичная история растительности Костромского Заволжья по данным палинологического изучения донных осадков Галичского озера // Бюлл. комисс. по изучению четвертич. периода. № 64. 2001. С. 5–21.
- Ершова Е.Г.* Результаты спорово-пыльцевого анализа погребенных почв бронзового века в пойме Москвы-реки (ЗБС-4) // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 26–28.
- Ершова Е.Г., Березина Н.А., Карина Е.В.* Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде (на рубеже неолита и бронзового века) по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 257–267.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Лазукин А.В., Войцук А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И.* Поселенческие объекты круга шнуrowой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 14–29.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В.* Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Вып. 4 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2008. С. 320–339.
- Левковская Г.М., Черных И.Н., Волкова Е.В.* Палинологические исследования заполнения сосудов из могильника фатьяновской культуры Новинки 1 // ТАС. Вып. 4. Т. 1. 2000. С. 205–209.
- Палеоклиматы и палеоландшафты внутропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография / Ред. проф. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.* Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 347–356.
- Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Хотинский Н.А., Алешинская З.В., Гуман М.А., Климанов В.А., Черкинский А.Е.* Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене // Изв. РАН. Сер. геогр. № 3. 1991. С. 30–42.
- Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A.* Paleosols, paleovegetation and Neolithic occupation of the Moskva River floodplain, Central Russia // Quaternary Intern. 324. 2014. P. 134–145.

МОГИЛЬНИКИ С КРЕМАЦИЯМИ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э.

© 2014 г. А.С. Сыроватко

МБУ “Коломенский археологический центр”
(*arxeolog-net@rambler.ru*)

Ключевые слова: могильники с кремациями, эпоха Великого переселения народов, “Темные века”, эпоха викингов.

The article summarizes an archaeological material, which were received as a result of the last years' excavations on the sites, essentially new for Moscow region, barrows with cremations. At present eight points of barrows with cremations have been discovered in the middle river Oka: Staraya Ryazan, two barrows Schurovo, two barrows Sokolov ashram, barrows Luzhki E and Luzhki 11, and one burial in Serpukhov. These barrows are dated back to different times – from the 5th century AD (the Sokolov ashram 1), 6th–7th centuries (the Schurovo burial, Staraya Ryazan), 9th–10th centuries (the Schurovo – phreatic, the Luzhki E, the Sokolov ashram 2). The exact date of the barrow Luzhki 11 is not identified but can be put in the second half of the 1st millennium AD. The Serpukhovo burial is not dated. The most part of the burials has been made according to the cremation right on the side with the remains' spreading on the ancient daily surface. For some of them the existence of some kind of vessel from organic materials can be suggested. The burials in urns are rare: there are two proven cases in burials Schurovo and Luzhki E, although near bones' lenses the vessel-ancillas are often found. Specific mortuary constructions – “the mortuary houses” (the Schurovo barrow cemetery, five objects) and original cremations on the specific wooden covering (two constructions, the Luzhki E barrow) – are quite rare. The cremations both with burnt things and without them and also some amount of burnt things without bones are also known on all barrows. The finds do not have any cultural identification and are typical for whole Eastern Europe in the Migration Period and the Vikings' epoch. The author leaves the question, whether there is a succession between these two sites and also to the Early Iron Age cultures, open. However, during the second half of the 1st millennium AD this unusual mortuary right existed exactly on this part of the river Oka bed, whereas, nothing similar was found on the neighboring territories.

Термин “Темные века” применительно к Центральной России, насколько нам известно, был впервые применен Н.А. Кренке (2004. С. 60) для характеристики археологического hiatus последней четверти I тыс. н.э., однако сама проблема отечественной науке известна давно. Суть ее в том, что между достоверно славянскими (курганного типа) и позднеславянскими древностями существовал разрыв – хронологический и культурный, который не был никак объяснен. Поворот в решении этой проблемы наметился только в конце 1980-х годов.

Первый могильник принципиально нового для Московского региона типа был открыт в ходе новостроечных работ на стоянке Лужки Е под Серпуховом и исследовался В.В. Сидоровым в 1989 и 1993 гг. Тогда впервые были обнаружены кремации не в курганах, а в урнах, или без таковых, но на минимальной глубине, а также на неких бревенчатых настилах (Сидоров, 1989; 1993; 2004). В 1993 г. В.Ю. Коваль на Щуровском селище позднеславянского времени, открытым Р.Л. Розенфельдом, обнаружил первое погребение-кремацию (Тавлинцева,

2001). Стационарные раскопки Щуровского селища были начаты автором данной статьи в 2001 г. Спустя несколько лет стало понятно, что помимо селища на памятнике находятся сразу два могильника – более ранний, курганный, первое погребение которого и было обнаружено В.Ю. Ковалем; и поздний, бескурганный, чьи погребения чаще всего ссыпались на древнюю поверхность. В это же время в ходе раскопок Северного городища Старой Рязани шли исследования на раскопе 28, в нижнем горизонте которого встречались скопления кремированных костей и керамики. В 2000 г. здесь же было найдено урновое погребение, которое авторы раскопок считают единственным уцелевшим (Стрикалов, 2005. С. 60, 61, 85). В 2006 г. раскопками в кремле г. Серпухов было открыто одиночное погребение-кремация; в 2010 г. О.Ю. Потемкина в ходе работ на селище Соколова Пустынь под Ступино обнаружена могильник с кремациями, расположенными на верхней площадке памятника; а в 2012 – второй могильник – на нижней площадке. Разведки 2009 г.

Рис. 1. Характерные находки могильников 1 и 2 Соколова Пустынь. 1–20 – находки из скопления костей № 1–3: 1–6 – железо; 7 – железо и медный сплав; 8–15 – медный сплав; 16–20 – стекло. 21 – нож из погр. могильника 2.

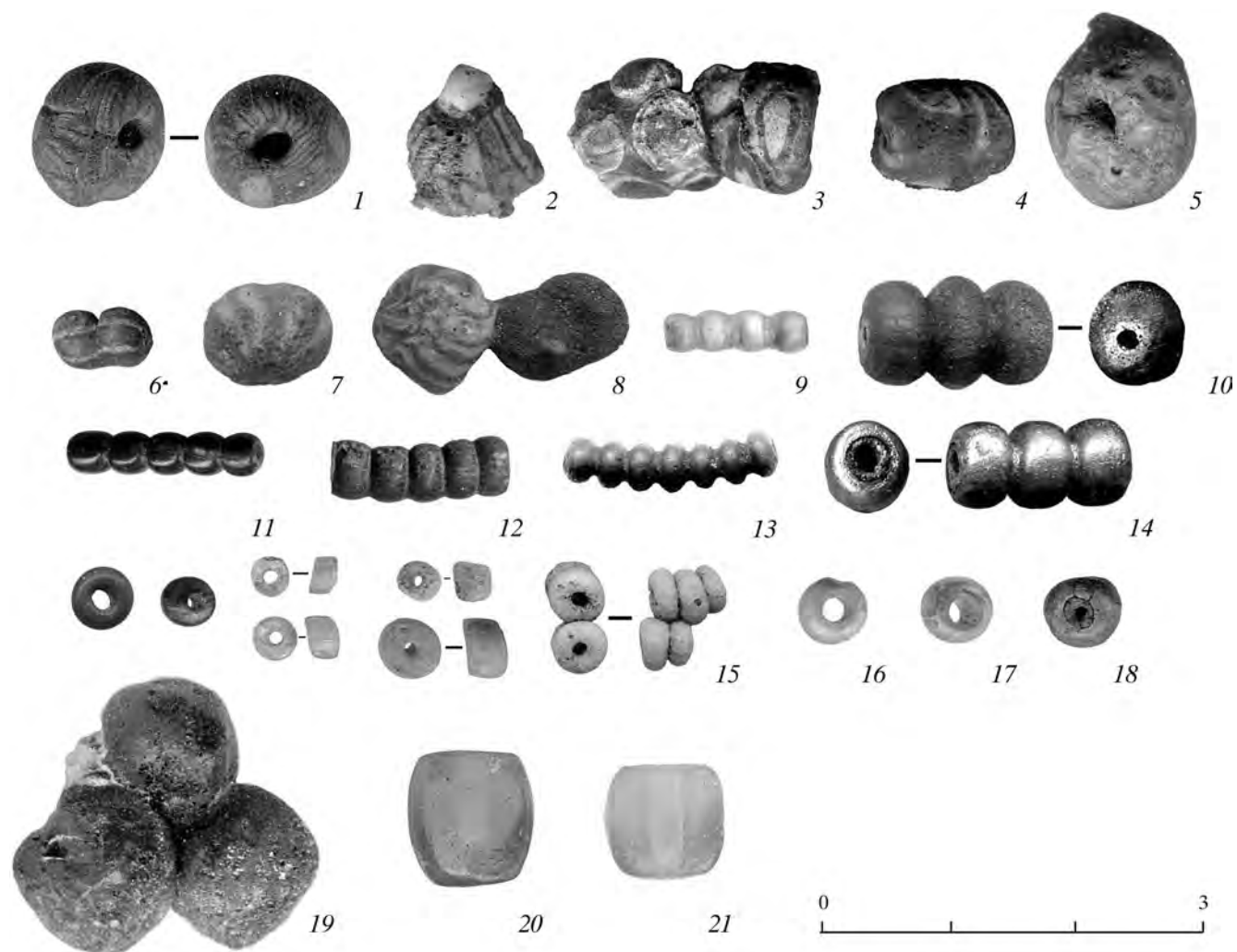

Рис. 2. Образцы бус из грунтовых кремаций Щуровского могильника.

А.Н. Сорокина открыли следы кремаций на селище Лужки 11 (2009). В 2011 г. автором статьи были возобновлены исследования Лужков: были открыты новые кремации щуровского типа. Таким образом, в сравнительно короткий срок удалось выявить принципиально новый пласт древностей, место которых в системе культурных связей остается непонятным.

Самым ранним из открытых могильников, вероятно, является ранний могильник (1) Соколовой Пустыни. Многочисленные находки из погребений позволяют датировать его V в. (или, если быть осторожнее, интервалом V–VII вв.): это пряжки с овальной рамкой и язычками с прогибом, рифлением и уступом в основании (рис. 1, 4, 6, 7); скульгамы из плоского в сечении дрота (рис. 1, 2); ножи с прямой, без уступа, спинкой (рис. 1, 5); пластинчатое кресало с расширяющейся лопастью (рис. 1, 3) (Потемкина и др., 2013). Курганы с кремациями Щуровского могильника моложе: радиоуглеродные

даты указывают на интервал от второй половины VI до VII в. (таблица) (Сыроватко и др., 2012. С. 130; Syrovatko et al., 2012). Затем на Щуровском могильнике наступает перерыв в несколько десятилетий, после чего место вновь используется – на этот раз для размещения грунтовых кремаций.

Грунтовый могильник может быть датирован довольно надежно как по инвентарю, так и по серии радиоуглеродных дат. Основанием для датировок в первом случае служат, прежде всего, бусы¹: двуслойные пронизи с металлической прокладкой, покровным стеклом желтого и белого цветов, неглубокими перехватами и большим количеством частей (рис. 2, 9, 13, 14) (крайне редко встречается синее покровное стекло: рис. 2, 10); однослойные пронизи синего стекла типичны (рис. 2, 11, 12); продольно-полосатые многочастные пронизи сине-

¹ К настоящему времени найдено свыше 1000 экз., морфологически определимых из них – менее половины.

Радиоуглеродные даты из Щуровских могильников*

Адрес	Шифр ГИН	Возраст ГИН, ВР	Калибровка дат ГИН, 1σ, AD	Шифр Кі	Возраст Кі, ВР	Калибровка дат Кі, 1σ, AD
Даты из домиков мертвых						
Кург. 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721a	1500 ± 20	552–592	—	—	—
Кург. 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721b	1490 ± 40	561–600	—	—	—
Кург. 3, раскоп 3, кв. 18, гл. –18, пл. 5	13292	1460 ± 40	575–639	—	—	—
Кург. 4, раскоп 5, кв. 341, пл. V, гл. 31... – 11	14379	1380 ± 20	646–661	—	—	—
Кург. 4, раскоп 5, кв. 308, пл. 2	14781	1290 ± 20	676–711 746–766	—	—	—
Даты из слоя грунтового могильника						
Раскоп 3, пл. 3, кв. 97, гл. 19...– 26	13542a	910 ± 90	1034–1189 1197–1207	—	—	—
Ров кург. 2 (яма 9), слой кремаций	14142	770 ± 30	1227–1233 1239–1248 1251–1274	16218	950 ± 50	1025–1055 1076–1154
Ров кург. 2 (яма 9), слой аллювия	14383	340 ± 70	1481–1530 1539–1634	—	—	—
Ров кург. 2 (яма 9), углистый слой над стерильной прослойкой	14384г+y	820 ± 100	1050–1082 1125–1136 1152–1280	—	—	—
Ров кург. 2 (яма 9), над стерильной прослойкой	14385	730 ± 30	1263–1286	—	—	—
Ров кург. 2 (яма 9), углистый слой под стерильной прослойкой	14384a-y	1190 ± 100	711–746 766–900 917–966	—	—	—
Ров кург. 2 (яма 9), углистый слой под стерильной прослойкой	14384a	1040 ± 30	986–1021	—	—	—
Даты из отдельных грунтовых погребений						
Раскоп 2, погребение в кв. 334, 335, уровень 2	14144a	1160 ± 30	782–789 811–846 856–898 921–944	16217	960 ± 50	1022–1053 1079–1153
Раскоп 2, обрамление урнового погребения	14144	1760 ± 20	241–260 283–323	16219	2070 ± 40	163–130BC 119–42 BC
Раскоп 2, погребение в кв. 314, 315	14143	1290 ± 70	656–780 793–803	—	—	—
Раскоп 2, скопление угля в кв. 297–292	14145	940 ± 30	1034–1052 1080–1128 1132–1153	—	—	—
Раскоп 5, уч. 2, фрагмент сосуда-приставки	—	—	—	15870	1580 ± 100	388–593
Раскоп 2, 2011, участок 22, погребение в кв. 820, уровень 5	14777	1220 ± 30	729–736 772–834 835–870	—	—	—

* Калибровано Calib ver. 5.0.

го и белого стекла (рис. 2, 6); “арбузики” (бусины со светло- и темно-зелеными полосками и желтыми глазками в красных ободках: рис. 2, 1, 2, 7, 8); полихромная с капельными глазками желтого цвета (II группа по З.А. Львовой: рис. 2, 3). Все эти стеклянные предметы принято датировать VIII–IX вв., не исключая начала X. Массовые типы бисера и бус не противоречат этой дате (рис. 2, 15–21). Датирующим фактором является также салтовский стиль украшений и деталей одежды – пуговиц типа 1 по С.А. Плетневой и многочисленных ушек от пуговиц и бубенчиков типа 3 (рис. 3, 1–3а) (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56; 57); деталей поясной гарнитуры (рис. 3, 11, 12). Недатируемыми, но яркими предметами среди погребального инвентаря, являются обрывки кольчуг и фитильные трубки (рис. 3, 14, 16). Единичны вещи, находящиеся параллели в северных памятниках: очковидная подвеска (рис. 3, 10, вероятно, с медной цепочкой: рис. 3, 15); монетная гирька (рис. 3, 4) и крупная булава с подвижным кольцом (рис. 3, 13). Для грунтовой части Щуровского могильника получена довольно представительная серия радиоуглеродных дат, но их разброс изначально казался довольно большим (таблица). С накоплением материала выявилась отчетливая тенденция: все образцы из слоя грунтового могильника и из верхней части скоплений костей имеют дату значительно моложе, чем образцы из нижних частей слоя и погребений. Вероятнее всего, это объясняется минимальной глубиной залегания (под дерном) погребений и самого слоя могильника вплоть до XVII в., когда они оказались перекрытыми аллювиальными отложениями. Иными словами, корректные даты дают только те образцы, которые изначально, в момент выпадения в слой, оказались закрытыми грунтом. Даты по таким образцам приведены в таблице (ГИН 14384а; 14144а; 14143; 14777), в совокупности они, как и находки из погребений, указывают на интервал от VIII до X вв.

Могильник Лужки Е – более поздний, чем грунтовой Щуровский могильник. Опираясь на погребальный инвентарь, его можно отнести к середине – второй половине X в. (Сыроватко и др., 2013; Сыроватко, 2013). Основанием для датировки служат цилиндрические рубчатые бусины, двухчастная пронизь с серебряной прокладкой и желто-коричневым покровным стеклом, бусы из тянутых палочек винного и голубого стекла, продольно-полосатая пронизь красно-коричневого и желтого стекла и крупная бусина черного стекла с белыми полосками и красными глазками (рис. 4, 1). В целом, эти бусы датируются X–XI вв., причем ни одной аналогии таким формам на Щуровском могильнике нет. Вместе с тем, Лужки Е сближает с Щурово общий салтовский или, скорее, постсалтовский

стиль металлических предметов: бубенчики, пуговицы – литые и полые (от последних, как правило, сохраняются только шплинты-ушки: рис. 4, 2, 3); спиральные пронизы, пряжка (рис. 4, 4); пинцет (рис. 4, 5). В 2013 г. вне погребения найдена железная заклепка со следами пребывания в огне, вероятно, корабельная (рис. 4, 6). Могильник 2 Соколовой Пустыни пока не может быть датирован точно, его исследования только начались, но, судя по погребальному обряду, стратиграфии и единственной находке из погребения – ножу с уступами при переходе к черешку на спинке и лезвии, он сравнительно поздний (рис. 1, 21), щуровского типа и должен быть синхронен могильникам Щуровский и Лужки Е (Потемкина и др., в печати). Могильник Лужки 11 из всех могильников группы является наименее исследованным, по оплавленным шумящим украшениям А.Н. Сорокин определил его дату в пределах второй половины I тыс. н.э. (2009). Единственное погребение в кремле г. Серпухов остается не датированным. Не вполне понятна и датировка могильника Старой Рязани – интервал IV–VII вв. определен не по вещам из погребений, а по разрозненным ранним находкам из “верхних напластований” (Стрикалов, 2005. С. 62). Если такая датировка верна, то Старая Рязань синхронна Соколовой Пустыни или щуровским “домикам мертвых”.

Наличие погребального инвентаря в кремациях – совсем не обязательное условие. Некоторые могильники его лишены совсем или почти совсем (Щурово – курганный, Старая Рязань, Серпухов), в других он встречается не во всех погребениях (Щурово – грунтовой), причем, как показали наблюдения, в ряде случаев имело место преднамеренное удаление обгоревших вещей из костей перед погребением. Кроме того, весь погребальный инвентарь всех могильников, датирующихся разным временем, почти не имеет какой-либо этнической окраски: абсолютное большинство вещей из погребений либо соответствует общему стилю эпохи, либо является импортом. Таковы пряжки и сюльгамы, стеклянные бусы, детали ременной гарнитуры и пуговицы салтовского стиля. Находки ни в одном случае не указывают однозначно на этническую принадлежность погребенных.

Все памятники отличает сбор костей с погребального костра и почти все – совершение кремации на стороне. Для Щуровских курганов и некоторых кремаций Лужков можно предположить, на основании спорово-пыльцевых исследований и стратиграфических наблюдений, кремацию в пределах самого могильника, но и там кости собирались с костра. И только на Лужках Е, по мнению В.В. Сидорова, существовал особый тип кремации – “сожжения на

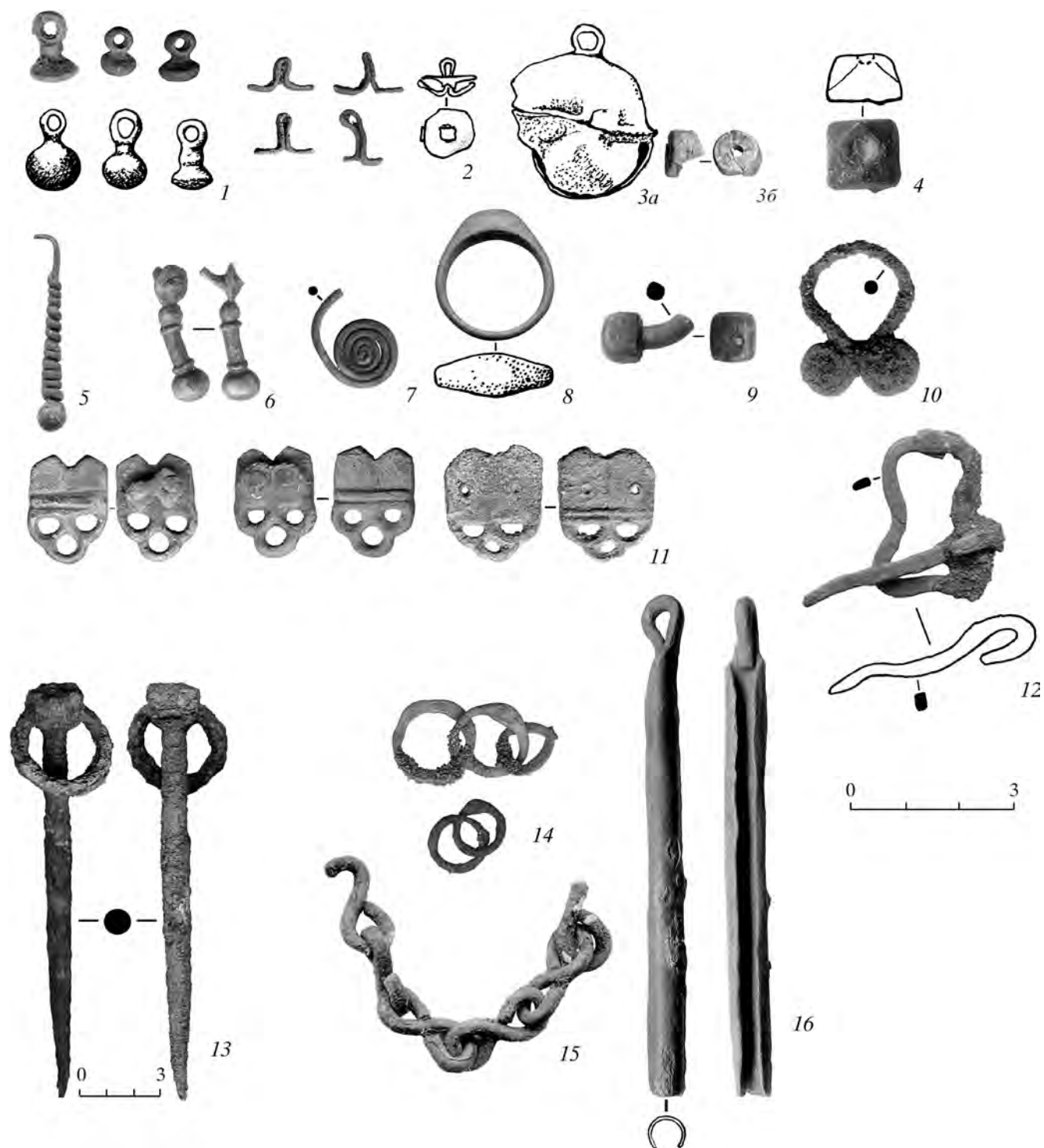

Рис. 3. Характерные находки Щуровского могильника: 1 – литые пуговицы салтовского типа; 2 – шпильки-ушки полых пуговиц и бубенчиков (?); 3а, 3б – полый бубенчик, изготовленный из двух штампованных частей и вставного ушка, и кальцинированная костяная пуговица из него; 4 – монетная гирька; 5–7 – серьги; 8 – перстень; 9 – навершие скульгамы (?); 10 – очковидная подвеска; 11, 12 – поясной набор из погребения в раскопе 6 2011 г.; 13 – булавка с рифленным орнаментом; 14 – кольчужные кольца; 15 – цепочка; 16 – фитильная трубка. 1–5, 7–9, 11, 15 – медный сплав; 6 – белый металл; прочее – железо.

Рис. 4. Находки из могильника Лужки Е, раскопки В.В. Сидорова 1993 г. и А.С. Сыроватко 2011–2013 гг. 1 – бусы; 2 – шпильки-ушки полых пуговиц и бубенчиков (?); 3 – литые пуговицы; 4 – пряжка; 5 – пинцет; 6 – корабельная (?) заклепка. 1 – стекло; 2; 3; 5 – медный сплав; 4 – железо и медный сплав; 6 – железо.

настилах”, который представлял собой сожжения на месте без сбора костей. Для всех могильников (кроме тех, в которых открытые погребения единичны) характерна неустойчивость в проявлении той или иной детали обряда.

Сравним погребения в могильниках² по наиболее значимым показателям.

Интервал между смертью и кремацией. В большинстве случаев данные антропологии указывают на сжигание покойников с мягкими тканями, т.е. временной зазор между смертью и кремацией – минимальный. Это вполне естественно, из него выбивается только один случай – первые из открытых погребений Соколовой Пустыни, могильник 1 – поверхность осколков костей указывает на то, что покойник (или два) были, по крайней мере, частично скелетированы до кремации (Потемкина и др., 2013). Аналогии такой детали можно указать только в дьяковской культуре, для погребального обряда которой Н.А. Кренке также предполагает кремацию с большим “опозданием” (2011. С. 214).

² Антропологические определения выполнены не для всех памятников: нет сведений по Старой Рязани, Лужкам 11, из коллекции Лужков Е сохранилось и определено антропологами только одно урновое погребение. Полностью обработаны погребения Соколовой Пустыни, для Щуровского могильника проанализировано около 90% костей человека.

Очищение костей от находок. Определить достоверно довольно трудно, поскольку диагностируется только по скоплениям обожженных вещей без костей, как на грунтовом могильнике в Щурово (Сыроватко и др., 2014), либо по местам совершения кремации, сведениями о которых мы не располагаем. Косвенный признак – малочисленность или полное отсутствие инвентаря – характерен для курганных кремаций Щурово, части грунтовых погребений Щурово и Лужков. Отметим, что отделение находок от костей – довольно трудоемкая операция, учитывая сильную измельченность осколков бус, капель металла, кольчужных колец и т.п. Как следует из материалов Щурово, ее выполняли далеко не в каждом случае. Насколько широко была распространена эта деталь обряда, не известно.

Количество людей в погребении. По этому параметру выделяется Соколова Пустынь – оба погребения могильника 1 были групповыми, в каждом – не менее двух человек. Больше одного человека, вероятно, было захоронено в курганах или домиках мертвых Щурово № 2–4 (Сыроватко и др., 2008. С. 103). Правда, ситуация в Щурово осложнена наложением грунтового могильника на курганный. На других могильниках случаев группового захоронения пока не выявлено.

Кремация животных. Кости кремированных животных сопровождают большинство погребений

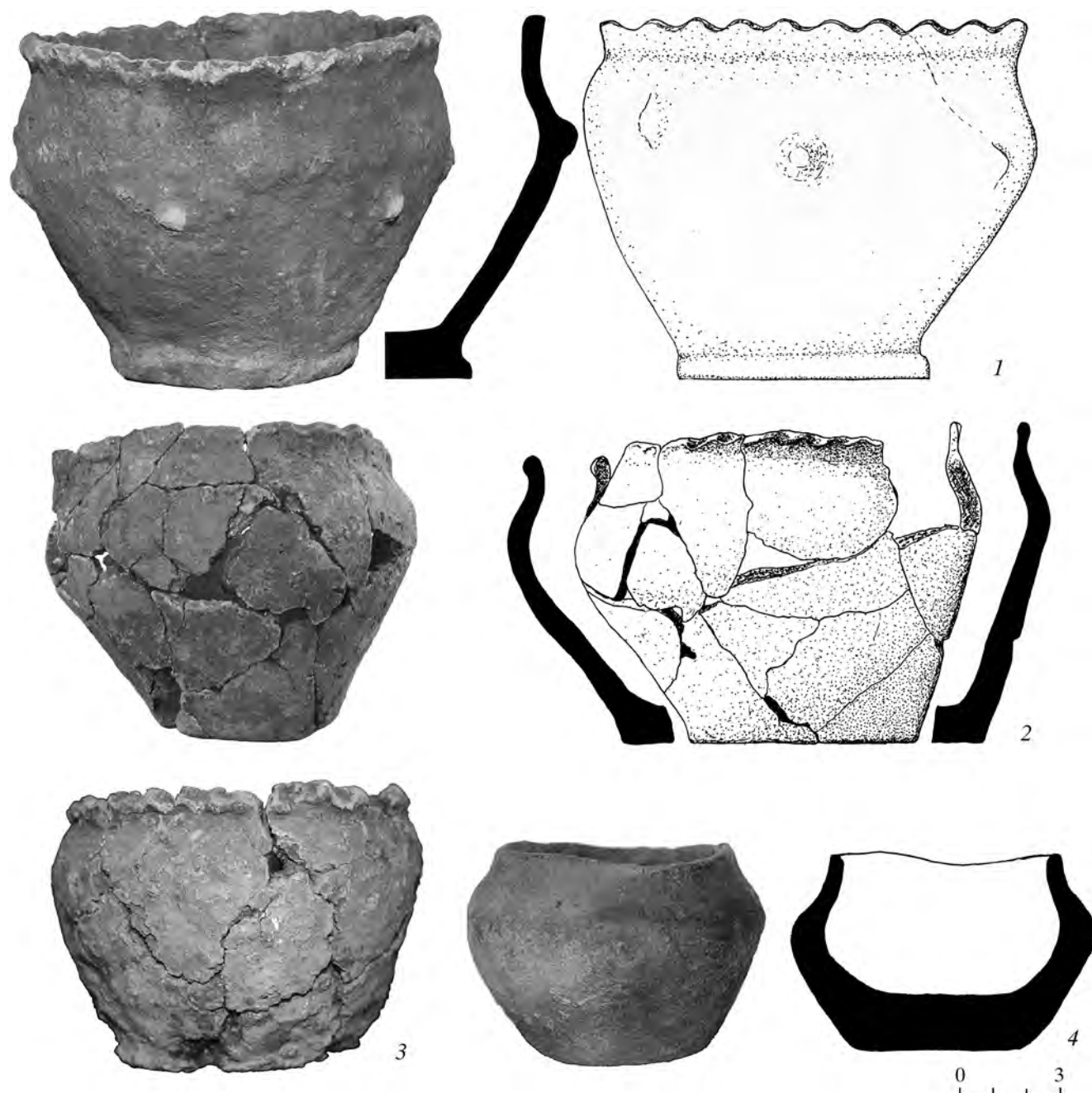

Рис. 5. Урны могильников Щурово (1, 2, 4) и Лужков (3): 1 – раскоп 2, участок 11 2009 г.; 2 – раскоп 6, участок 4 2012 г.; 3 – Лужки Е, раскопки В.В. Сидорова 1993 г.; 4 – со дна рва кургана 2, раскоп 2 2002 г.

этого типа. Они встречены в обоих могильниках Соколовой Пустыни, обоих могильниках Щурово и грунтовых кремациях Лужков из раскопа 2011 г. Исключений немного: одно из урновых погребений Лужков 1993 г. (Сыроватко и др., 2013. С. 53; по второму нет данных), урновые погребения Щурово (два), вероятно также, “центральное” погребение кургана 4 Щурово (Сыроватко и др., 2012). Для обряда Щуровского грунтового могильника можно предположить, что положение костей внутри сосу-

да или рядом с ним определялось именно наличием среди них костей животных – все сосуды невелики и большой объем в них просто не поместился бы.

Травмы и следы измельчения костей. Это самый спорный параметр, во-первых, потому что его диагностирование затруднено, а во-вторых – повреждения на костях не всегда могут однозначно трактоваться. Тем не менее для индивида в центральном погребении кургана 4 определены прижизненная травма

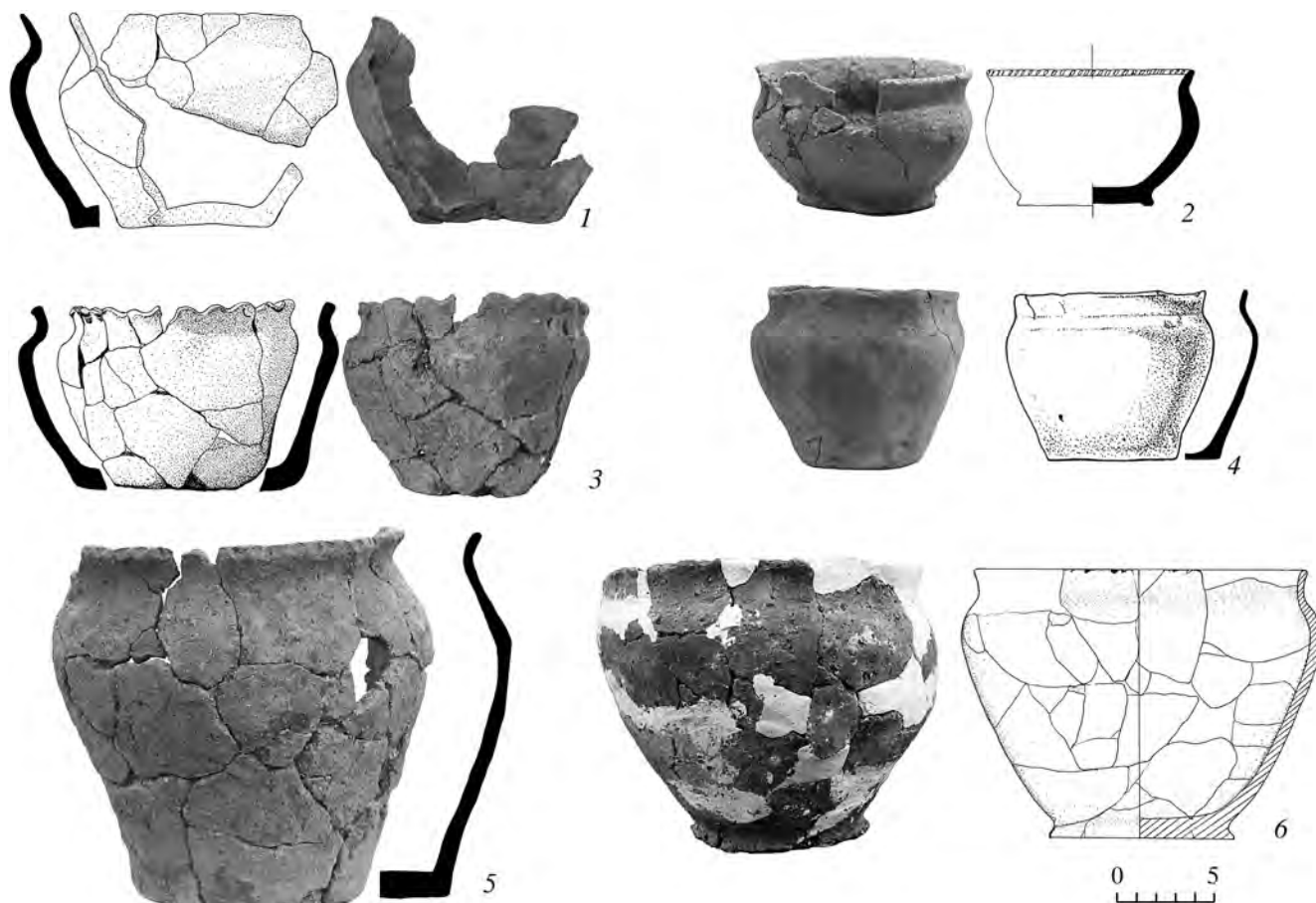

Рис. 6. Сосуды-приставки Щуровского могильника: 1 – раскоп 6, участок 3; 2 – раскоп 1, участок 3 2002 г.; 3 – раскоп 6, участок 5 2012 г.; 4 – раскоп 6, участок 7 2013 г.; 5 – раскоп 2, участок 3 2004 г.; 6 – раскоп 5, участок 2 2007 г.

головы, впоследствии зажившая, а также след от острого предмета на ребре (проникающее ранение грудной клетки клинком или копьем (?): Сыроватко и др., 2012. С. 132). Разрубы на костях без следов заживления выявлены также у индивидов из урнового погребения 1993 г. в Лужках (Сыроватко и др., 2013. С. 53); урнового погребения 2009 г. в Щурово (Сыроватко и др., 2012. С. 87). Травма головы предположительно диагностирована у индивида, захороненного в кв. 183 раскопа 6 2012 г. в Щурово. Имеющаяся выборка слишком мала, к тому же кремированная кость – не лучший материал для трасологических определений. Если в случае с зажившей травмой диагноз более-менее достоверен, то в случае с разрубами на костях конечностей – надежность ниже. Тратовка этих следов тем более неоднозначна – возможны и ранения, и расчленение трупа, и измельчение уже кремированных костей.

Половозрастной состав. Его определение для кремации – сложная задача и окончательный результат в значительной степени зависит от везения: как правило, в погребение с костра переносилась

меньшая часть костей, которые с момента захоронения продолжали разрушаться. Примечательно, что в большинстве определяемых случаев это мужчины, достоверно женских погребений мало – правда, их сложнее определить и само определение пола возможно только для небольшой части погребений.

Тип погребения. В этом вопросе наблюдается большое разнообразие, хотя наиболее распространенная форма – ссыпание костей на древнюю дневную поверхность. Погребения этой разновидности преобладают в грунтовом Щуровском могильнике и в могильнике Лужки Е (примерно 11 из 17), в Соколовой Пустыни это пока единственная известная форма погребения. В то же время обращает на себя внимание такая деталь, как ядро концентрации костей в некоторых скоплениях. В Щурово удавалось проследить и наличие ямки под ним. Внешне такие погребения оставляют впечатление существовавшего изначально некоего вместилища из органических материалов, которое было неполностью помещено в ямку, скорее, прикопано: разрушенный верх такого вместилища рассеивался на площади до

6 м², однако некое ядро сохранялось³. Наличие ядра в скоплении костей отмечено для нескольких щуровских кремаций и для одного из погребений могильника 1 Соколовой Пустыни. Урновые кремации (рис. 5, 1–3) менее многочисленны: в Щурово всего два случая (при вскрытой площади свыше 2000 м²), два в Лужках (погребения 10 и 11 1993 г.) и один – в Старой Рязани. Правда, в Щурово довольно часто встречаются сосуды возле погребений (рис. 6), а в Соколовой Пустыни (могильник 1) и Лужках Е развалы крупных частей посуды указывают, что она могла входить в инвентарь в качестве приставок или являться урнами, но доказательств этому нет и уже не будет⁴. Скопления кальцинированных костей и керамики в Старой Рязани И.Ю. Стрикалов также считает разрушенными урнами (2005. С. 62), здесь ситуация схожа с Соколовой Пустынью и Щурово с той лишь разницей, что в Щурово и Соколовке не было четких границ ям в погребениях и у урн – они оставались лишь слегка заглубленными.

Погребения в небольших ямках известны в Лужках (в раскопе 2012 г. и погребениях 8 и 9 1993 г.), Щурово и Серпухове (Белорыбкин и др., 2009. С. 34). Правда, в Щурово заполнение таких ям выглядит как сравнительно позднее, с высоким содержанием пойменного аллювия, часть таких погребений повреждена распашкой, т.е. достоверных случаев помещения именно в преднамеренно выкопанную ямку нет. Чаше встречаются некие аморфные образования в материковом песке, которые можно трактовать как ямки под погребением. Такой же неопределенный случай есть и в погребении 3 Соколовой Пустыни, где скопление костей было турбировано корнями многочисленных деревьев.

Самой загадочной формой погребения стали Щуровские курганы. По формальным признакам открытые конструкции соответствуют понятию

“курганы с внутренними оградками в насыпи”. По нашему мнению, в действительности они представляли собой некие конструкции, заполненные остатками погребального костра, “домики мертвых” (Сыроватко, 2010). Всего на могильнике обнаружены пять курганов, конструкция прослежена в четырех из них, причем курган 5 разрушен полностью подрезкой грунта и от него остались, фактически, только контуры внутрикурганной канавки и рвов. Эта же подрезка грунта (паводковыми льдами или техногенного характера) уничтожила значительную часть могильника и первоначальное количество курганов, как и грунтовых захоронений, не известно. Высота всех неповрежденных курганов к моменту раскопок составляла около 0.4 м. Четыре из пяти домиков имели кольцевые рвы с проходами по сторонам света (в разных направлениях), глубина рвов – до 1 м.

Еще более экзотичной формой являются так называемые сожжения на настилах могильника Лужки Е – погребение 2 1989 и 3а, 3б – 1993 гг. (Сидоров, 1989; 1993). По мнению их первооткрывателя, В.В. Сидорова, – это сложные конструкции, состоявшие из квадратных рам, опиравшихся на стулья – камни или столбы, с настилами из жердей и досок (в два уровня) (1989. С. 32–34). Кремация осуществлялась либо на настиле, либо над ним, сгоревшие конструкции засыпались грунтом (Сидоров, 1993. С. 10–12). Кроме того, для Лужков В.В. Сидоров выделяет еще одну форму погребения – размещение остатков кремаций над землей, на столбах (2004. С. 48).

Целые сосуды встречаются в грунтовых кремациях Щуровского могильника довольно часто, на других памятниках – реже, однако и исследованы они хуже. Главная черта набора сосудов-приставок и урн Щурово – их разнообразие и сравнительно небольшой объем. В основном это экземпляры с мелкими примесами в тесте (преимущественно дресва) и тонкими стенками (рис. 6, 1, 2, 4–6). Есть экземпляры, изготовленные грубее и имеющие большее сходство с посудой боршевского круга (рис. 6, 2; рис. 7, 3), но в целом они не выглядят единой традицией и с чем их сравнивать, пока неясно. Урна из могильника Лужки Е выглядит “более боршевской”, а “шпы” на плечике урны из Щурово указывают скорее на салтовский круг древностей (рис. 5, 1, 3). Со дна рва “кургана” 2 Щурово происходит единственный сосуд (рис. 5, 4).

Как видно из приведенного обзора, устойчивых черт обрядности нет даже в пределах тех могильников, которые изучены на большой площади (Щурово, Лужки), не говоря уже о совпадении обряда между разными памятниками. Этот факт можно

³ Такая реконструкция довольно сложна, но иначе трудно объяснить сочетание рассеянных и сконцентрированных костей в одном погребении при отсутствии следов распашки.

⁴ Л.С. Клейн приводит красноречивые примеры вторичного использования легкодоступных урн в средневековье (2011. С. 58–60). Учитывая, что в Щурово долгое время, а в Соколовой Пустыни и сейчас погребения были лишь слегка задернованы, сопровождавшие их сосуды должны были вообще стоять открыто на поверхности и быть доступными всем желающим, но каков масштаб таких постпогребальных утрат, не известно. Следовательно, предположение И.Ю. Стрикалова о том, что в Старой Рязани погребения изначально были урновыми, небезосновательно. Но и напротив, вовсе необязательно, что это было так – примеров простых скоплений костей на остальных памятниках достаточно, с фрагментами керамики и без них. Если при скоплении костей стоял сосуд-приставка, как в Щурово, то Старая Рязань по обряду полностью совпадает с этим могильником.

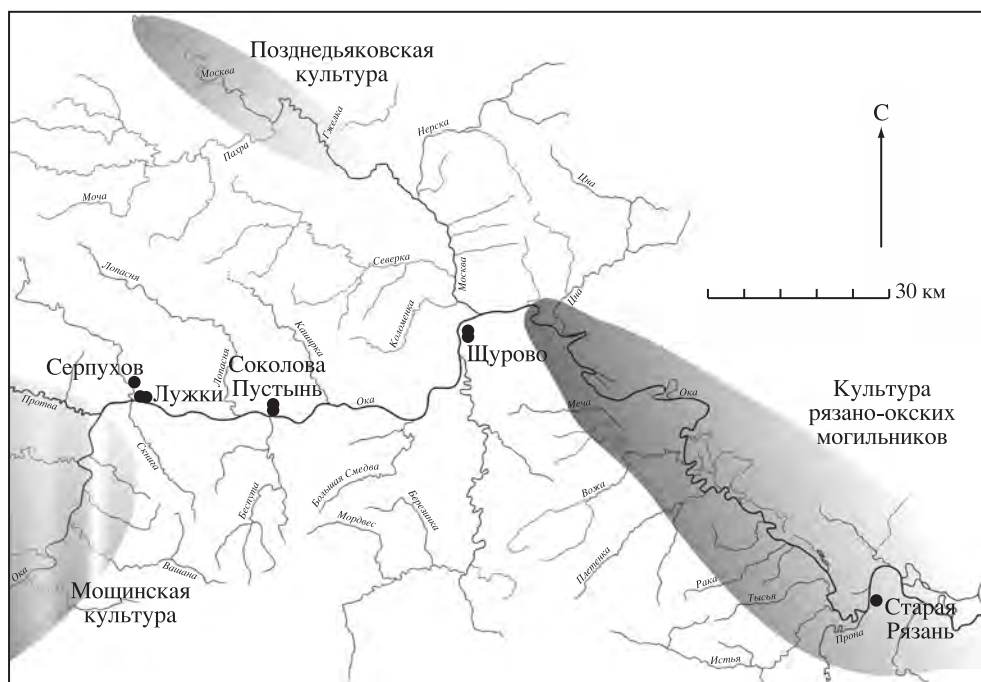

Рис. 7. Могильники с кремациями на р. Ока в контексте археологических культур середины I тыс. н.э.

трактовать по-разному: либо имела место некая этническая (этнографическая) пестрота населения, либо погребальный обряд в принципе не имел устойчивых деталей, совпадая только в главном (кремации как таковой). Кроме того, не менее вероятно, что детали обряда отражают какую-то сложную систему представлений и потому могут зависеть от многих факторов, включая личность погребенных: их статус, прижизненные заслуги, род занятий, обстоятельства смерти и т.д. В последних двух вариантах поиск точных аналогий становится бессмысленным – погребения могли совершаться по неким индивидуальным схемам, применимым к конкретным индивидам.

Каковы аналогии представляемым нами памятникам и каков вообще их исторический контекст? Может ли погребальный обряд указать направление поисков исходного ареала этой традиции или обозначить культурные связи? Начнем с того, что, как уже говорилось, самый ранний из перечисленных, могильник 1 Соколовой Пустыни, находится на территории белого пятна археологической карты (рис. 7) – между массивами мошнинской, позднелыковской и рязано-окской культур (правда, и на территории самой рязано-окской культуры есть похожий могильник). Его погребальный обряд не соответствует ни одной из них. Однако погребальный обряд как мошнинской, так и позднелыковской культур исследован плохо. Курганов, относящихся к мошнинской культуре, известно слишком мало

(даже без учета не проводившейся верификации материалов раскопок прежних лет), да и домиков мертвых в позднелыковской среде на близлежащих территориях всего два. Только Ратьковский могильник, исследованный В.И. Вишневым, наиболее близок Соколовой Пустыни по основным деталям обряда и датировке (Вишневский и др., 2004; 2007). По этой причине могильник 1 Соколовой Пустыни может в равной степени являться как принадлежностью к какой-то новой культурной группе, существовавшей на р. Ока, так и новой формой обрядности уже известных – мошнинской или позднелыковской – культур. Более определенно можно утверждать только, что с синхронными культурами южных и западных территорий – киевской, колочинской – отличий в погребальном обряде больше.

Погребальные конструкции Щуровского могильника – курганы или домики мертвых – в первом приближении схожи с курганами с оградками боршевского типа или так называемых верхнеокских вятичей. Такие же оградки принято приписывать мошнинским курганам. Однако отличие щуровских конструкций, прежде всего, в их ранней дате – они древнее боршевских и верхнеокских курганов. Кроме того, их хронологическое положение среди древностей этой территории необычно – они не следуют полям погребений, как на славянских территориях, а, напротив, им предшествуют, по крайней мере, в пределах одного могильника, демонстрируя некую обратную культурную стратиграфию.

Похожие погребальные конструкции существовали и на Русском Севере (Хвощинская, 2002. С. 116). Следует признать, что Щуровские погребальные конструкции – наименее понятные из всех, к тому же без перспектив дальнейших исследований.

Что же касается грунтовых кремаций самых поздних могильников в нашей группе – Щурово-грунтового, Лужков Е, Соколовой Пустыни 2, а также, возможно, Лужков 11, то в данном случае аналогий можно привести больше. До недавнего времени все известные нам аналогии были только на севере, в лесной зоне. Это могильники у городища Крутик, серия могильников у Которского погоста (Захаров, Меснянкин, 2012; Кудряшов, 2012. С. 37; Михайлова, 2012. С. 54), могильники на Белом и Кубенском озерах (Макаров, Новикова, 2001. С. 287–290; Макаров, Зайцева, 2007) и других. Совсем недавно и неожиданно были сделаны открытия в Поволжье, и параллели в этих новых памятниках с описываемой группой довольно близки (Сташенков, 2013; Вязов, Петрова, 2013). Территориально они удалены от рассматриваемого региона, детали обряда не всегда совпадают, но других аналогий пока не известно. Кроме того, что точных аналогий можно и вовсе не найти в связи с изменчивостью обряда и, вероятно также, индивидуальностью подхода при совершении погребения, такая задача становится непростой.

Возможно ли автохтонное происхождение этих могильников или хотя бы основных черт их обрядности? Как мы уже отмечали выше, погребения могильника 1 Соколовой Пустыни имеют ряд черт, аналогии которым прослеживаются в дьяковской культуре. Это захоронения одновременно нескольких (не менее двух) человек и – для одного из двух групповых захоронений – отложенная кремация, сжигание частично (или полностью) скелетированных трупов⁵. Общие черты в обряде Соколовой Пустыни и остальных, поздних могильников (кроме домиков мертвых в Щурово) и вовсе нетрудно перечислить. Но есть и еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Это совпадение тех самых белых пятен в археологической карте бассейна р. Ока, о которых говорилось в начале статьи (рис. 7; 8). В существовании этих белых пятен также наблюдается странная преемственность: пустота между мощинскими памятниками и рязано-окскими сменяется пустотой между ареалом верхнеокских вятичей и синхронными им памятниками рязанского течения Оки, причем границы этих двух

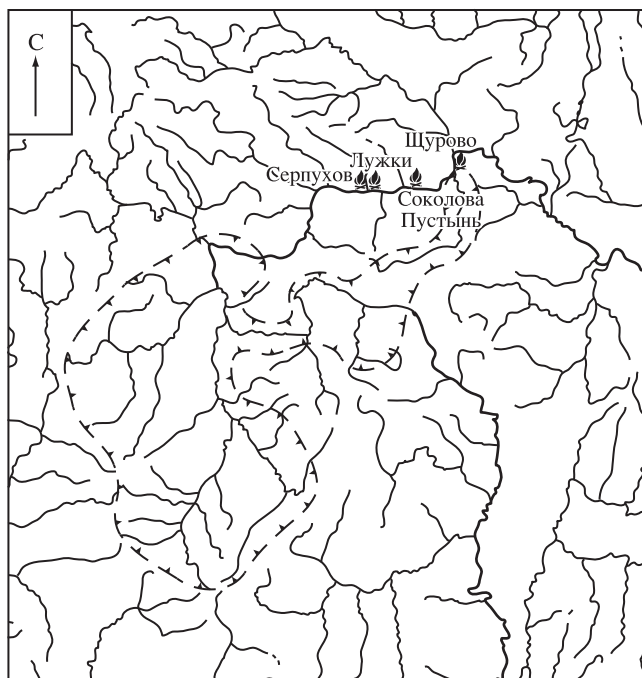

Рис. 8. Распространение славянских памятников в IX – начале X в. (по: Григорьев, 2005. Рис. 61. Масштаб не указан) и могильники с кремациями.

этапов пустоты практически совпадают, что видно и из приведенных карт. Следовательно, логично допустить и преемственность между вновь открытыми памятниками, заполняющими эту территорию. Более того, не менее ярким является и тот факт, что разновременные могильники в большинстве случаев образуют пары – Щуровские домики мертвых и грунтовой, Соколова Пустынь 1 и 2, Лужки Е и Лужки 11. Из вывода о преемственности между этими памятниками как будто бы следует еще один вывод – даже в конце I тыс. н.э. на Средней Оке могло существовать автохтонное население, ведущее свое происхождение с эпохи переселения или даже раннего железного века. Это очень заманчивый вывод, но есть и контраргументы: между парными могильниками, чья дата определена, существует хронологический разрыв – таковы Щуровские и Соколова Пустынь (могильник Лужки 11 точно не датирован); разница в погребальном обряде может объясняться не только его эволюцией, но и сменой традиции. Открытым в свете новых данных остается вопрос с бассейном Москвы-реки. Пока видится два варианта его решения: либо имела все-таки место незаселенность территории, либо – что вероятнее всего – на этой территории также следует искать могильники щуровского типа. В пользу второго варианта говорит не только то, что ситуация в низовьях Москвы-реки вряд ли отличалась от р. Ока в это же время, но и факт обнаружения остатков захороне-

⁵ Правда, количество примеров как в дьяковской культуре (без учета могильников Заволжья, исследованных А.Н. Башенкиным), так и в нашем случае ничтожно, и вероятность совпадения нетипичных ситуаций высока.

ний по обряду кремации в ее верховьях (Алексеев, 2004).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00423 А “Реконструкция природного окружения поселений Раннего железного века–раннего Средневековья в бассейне Средней Оки”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 177–192.
- Белорыбкин Г.Н., Павлихин А.В., Ставицкий В.В.* Охранные раскопки на Серпуховском городище // АО–2006 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2009. С. 134, 135.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В.* О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2004. С. 153–161.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В.* Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2. С. 89–107.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А.* Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степной Евразии второй половины I тыс. н.э.: Матер. V Междунар. археолог. конф. 25–28 ноября 2013 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2013. С. 15–20.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2005. 207 с.
- Добровольская М.В., Мальцева А.А., Трошина А.А.* Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2012. С. 133–145.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В.* Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. научн. семинара. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 14–29.
- Клейн Л.С.* История археологической мысли. Т. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2011. 687 с.
- Кренке Н.А.* “Темные века” в истории заселения Москвы-реки (VIII–IX вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. I / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. М.: ИА РАН, 2004. С. 60–64.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кудряшов А.В.* Белозерская весь: взгляд из 2012 г. // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: Тез. докл. междунар. конф. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2012. С. 36, 37.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // РА. 2007. № 1. С. 89–105.
- Макаров Н.А., Новикова Г.Л.* Могильник Крохинские Пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 279–310.
- Михайлова Е.Р.* Бескуранные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: Тез. докл. междунар. конф. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2012. С. 54, 55.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А.* Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 260–266.
- Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Добровольская М.В., Свиригина Н.Г.* Новые данные по погребальному обряду у населения Средней Оки в середине – второй половине I тыс. н.э. (по материалам могильников Соколова Пустынь) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 4. В печати.
- Сидоров В.В.* Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 15 433.
- Сидоров В.В.* Отчет о раскопках в Серпуховском и Каширском районах Московской обл. Ч. II // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17 982.
- Сидоров В.В.* Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья: Матер. VI научн. конф. 28 февраля–3 марта 1995 г. Калуга: Изд-во научн. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой, 2004. 254 с.
- Сорокин А.Н.* Научно-исследовательские охранные археологические работы (разведки) в зоне отвода земли около с. Лужки Серпуховского р-на Московской обл. в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Сташенков Д.А.* Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья хазарской эпохи // Культуры степной Евразии второй половины I тыс. н.э.: Матер. V Междунар. археолог. конф. 25–28 ноября 2013 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара:

- Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2013. С. 78–91.
- Стрикалов И.Ю.* Северное городище Старой Рязани. Стратиграфия и планировка // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–89.
- Сыроватко А.С.* Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 297–304.
- Сыроватко А.С.* Новые материалы могильника Лужки Е // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 56–67.
- Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Ключко А.А., Шишков Д.Л.* Опыт междисциплинарных исследований погребального комплекса Щурово // Археология Подмосковья. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2008. С. 99–104.
- Сыроватко А.С., Клеценко Е.А., Добровольская М.В.* Урновое погребение Щуровского могильника // Археология Подмосковья. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 86–94.
- Сыроватко А.С., Сидоров В.В., Клеценко Е.А., Трошина А.А.* Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 52–56.
- Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., Трошина А.А.* Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2012. С. 119–132.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Шишков В.А.* Скопления “кремированных” находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014.
- Тавлинцева Е.Ю.* Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Т II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2001. С. 73–87.
- Хвоцинская Н.В.* Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 114–121.
- Syrovatko A., Zaretskaya N., Troshina A., Panin A.* Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking Times, Middle Oka river, Russia) // Radiocarbon. V. 54. № 3, 4. Tucson: University of Arizona, 2012. P. 771–781.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ-САНГИН

Редакционная коллегия журнала «Российская археология» решила издать в форме единого блока подборку из трех статей, посвященных некоторым новым результатам раскопок на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан). Как хорошо известно, данный памятник с 1976 по 1991 г. был основным объектом исследований археологической экспедиции, руководимой выдающимся исследователем прошлого Центральной Азии Б.А. Литвинским (непосредственно вел раскопки на этом памятнике И.Р. Пичикян). Распад СССР и разразившаяся в Таджикистане гражданская война сделали невозможным продолжение археологических исследований Тахти-Сангина.

Однако полученные в результате этих работ материалы и наблюдения столь важны и ярки, что для всех специалистов совершенно ясно, что для понимания истории Центральноазиатского региона в античную эпоху данный памятник имеет огромное значение, которое можно сравнить со значением результатов раскопок на городище Ай Ханум. Важнейший итог исследований Тахти-Сангина – публикация трех томов финального отчета (Литвинский, Пичикян, 2000; Литвинский, 2001, 2010), не говоря об огромном числе предварительных статей, подготовленных либо совместно Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном, либо каждым из них в отдельности.

Естественно, что выводы, к которым приходили авторы, встречали различную оценку. Укажем только, что Французская академия надписей и изящной словесности присудила Б.А. Литвинскому премию имени Р. Гиршмана за два первых тома финального отчета, а Российская академия наук – премию имени С.Ф. Ольденбурга. Вместе с тем наряду с восторженными откликами встречаются и критические замечания по отдельным конкретным вопросам, что и естественно¹.

В последнее время, однако, в дискуссиях появились и некоторые новые нюансы. Они связаны с деятельностью бывшей ученицы Б.А. Литвинского – А.П. Дружининой. Перебравшись из Душанбе

в Германию, она сумела добиться определенного финансирования и возобновила раскопки на городище Тахти-Сангин под эгидой Немецкого археологического института. Появление в печати предварительных отчетов о раскопках, осуществлявшихся А. Дружининой, стало поводом для некоторых молодых исследователей, мало знакомых с реальной ситуацией, для критики Б.А. Литвинского. Так, М. Шенкар (Shenkar, 2012) упрекает его за то, что он в своих исследованиях не использует результаты раскопок А. Дружининой, видя причину этого в чисто личном чувстве обиды. Думается, что этот упрек не совсем справедлив. Естественно, что обида присутствовала. Достаточно прочесть общедоступную информацию, например интервью в связи с открытием в Манхейме выставки, посвященной Александру Македонскому, где А. Дружинина представляет себя как единственного открывателя (!) Тахти-Сангина, а 15 лет работ большого коллектива ученых вообще не упоминаются. Видимо для такого явления нет даже подходящего названия. Это – действительно интеллектуальный грабеж на глазах всего мира. Однако Б.А. Литвинский не учитывал результаты раскопок А. Дружининой по совершенно иным причинам. Он об этих причинах и писал (в достаточно мягкой форме)², при личном же общении он был более категоричен: «Как я могу ссылаться на результаты, когда я совсем не уверен, что А. Дружинина хоть что-то поняла в памятнике»³.

Справедливость подхода Б.А. Литвинского показали последующие события. В ходе раскопок 2004 и 2007 гг. во дворе храма Окса были обнаружены верх-

² «А. Дружинина, аспирантка Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, еще не имела никакого опыта раскопочных работ, ей нельзя было дать самостоятельный объект для раскопок, и ей поручили заниматься керамикой» (Литвинский, 2010. С. 3. Прим. 4).

³ Хочется отметить еще один смешной упрек. М. Шенкар в той же самой рецензии упрекает Б.А. Литвинского в том, что он остается на своих старых позициях относительно функций и датировки храма Окса и не учитывает новейших исследований по проблеме. При этом в качестве новейшей литературы упоминается только (!) его собственная статья (Shenkar, 2007). Поражает, с какой легкостью отвергаются результаты детальнейших исследований двух замечательных специалистов и противопоставляется им собственная, в сущности, ученическая работа в качестве образца для подражания.

¹ Среди работ самого последнего времени, в которых детально обсуждаются проблемы Тахти-Сангина, необходимо, кажется, особо упомянуть статью А.-П. Франкфора (Frankfort, 2013).

ние части глиняных форм для отливки бронзовых котлов, на венчике которых находились фрагменты греческой надписи (в негативной форме). Конечно, подобное открытие вызвало огромный интерес в силу чрезвычайной редкости находок эпиграфических документов. На территории храма до того была сделана только одна находка подобного характера – знаменитый вотив Атросока. Но именно это открытие ярчайшим образом показало и уровень подготовки, и моральные принципы А. Дружининой. Совершенно не зная древнегреческого языка, она, тем не менее, берется за издание этой надписи (Drujinina, 2008; Дружинина, 2009)⁴. Детальный анализ документа несколько позднее представил А.И. Иванчик (Иванчик, 2011; Ivantchik, 2013)⁵.

Данные находки, тем не менее, продолжают вызывать много вопросов (что и естественно), и Редколлегия журнала решила предоставить слово трем специалистам, которые с различных позиций рассматривают их. Мы надеемся, что дискуссия не только об этих артефактах, но и в целом о памятнике будет продолжена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дружинина А.* Находка посвятельной надписи из храма Окса // *Наследие предков*. 2009. № 12. С. 191–195.
- Иванчик А.И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // *ВДИ*. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. лит., 2001. 526 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Drujinina A.* Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // *AMIT*. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Francfort H.-P.* Ai Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: outline of a hypothesis about the cults // *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*. 14. 2012. Pisa; Roma, 2013. P. 109–136.
- Ivantchik A.I.* Neue griechische Inschriften aus Takht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // *Zwischen Ost und West. Neue forschungen zum antiken Zentralasien* / Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. S. 125–142.
- Rougemont G.* Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale. L.: School of Oriental and African Studies, 2012. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia). 326 p.
- Shenkar M.* Temple architecture in the Iranian world before the Macedonian Conquest // *Iran and the Caucasus*. 2007. 11. P. 169–194.
- Shenkar M.* On the Temple of Oxus in Bactria, III (Review article) // *Studia Iranica*. 2012. V. 41. P. 135–142.

От имени и по просьбе Редколлегии
Г.А. Кошеленко

⁴ Подробнее об этом см. в статье А.С. Балахванцева.

⁵ См. также: Rougemont, 2012. P. 274, 275. № 96 bis. См. замечания П. Бернара там же (P. 276).

ЗАМЕТКИ О БАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКЕ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ БРОНЗОВОГО КОТЛА ИЗ ХРАМА ОКСА, ТАХТИ-САНГИН)

© 2014 г. С.Б. Болелов

Государственный музей искусства народов Востока, Москва (BSB1958@yandex.ru)

Ключевые слова: *Бактрия, Тахти-Сангин, Кампыртепа, эллинистический керамический комплекс, юэчжуйско-бактрийский керамический комплекс, литейная форма, столовая посуда, чаши, кубки, «рыбные блюда».*

The article considers a ceramics complex which was found in the settlement Takhti-Sangin together with a unique clay cast for moulding bronze cauldrons. The researches have dated the complex back to the first half of the 2nd century BC. However, as the detailed analysis of the vessels' fragments from the complex shows, it is not simultaneous. On the whole, on the basis of numerous analogues it can be dated in the frames of the 3rd century BC – the first quarter of the 2nd century AD. As ceramics, the same as the cast form was found in the trash layers, such a diverse in time ceramic complex cannot be a basis for more precise dating of a cauldron casting.

Последняя треть IV в. до н.э. – начальный этап коренных изменений не только в художественной, но и в материальной культуре Среднего Востока, которые стали следствием походов Александра Великого. Эти изменения отчетливо проявляются в самом массовом археологическом материале – керамике.

Если рассматривать керамическое ремесленное производство как подсистему палеоэкономической системы историко-культурного региона, можно выявить определенные закономерности процесса формирования керамического комплекса. Как представляется, на его становление и развитие влияло несколько факторов, как внешних, так и внутренних.

Один из основных внутренних факторов – развитие технологии гончарного производства на определенной территории (более технологически совершенные конструкции обжигательного горна, усовершенствование режима обжига, появление гончарного круга быстрого вращения и т.д.). Значительное влияние на становление и стабилизацию керамического комплекса оказывали процессы централизации и политической консолидации в пределах области. Возникновение государственного образования и как следствие – единого внутреннего рынка оказывало значительное влияние на стандартизацию продукции керамического производства (Болелов, 1999; Калалы-гыр 2..., 2004.

С. 147). Примером такой модели служит древне-хорезмийский керамический комплекс конца IV – III в. до н.э., который формируется в результате развития керамической традиции предыдущего периода (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 147).

Внешний фактор, влияющий на формирование керамического комплекса, – привнесение извне на территорию области принципиально новых технологий и вследствие этого новых керамических форм. Это могло происходить двумя путями.

Первый – миграции на территорию области больших групп иноэтничного населения, сохранявшего на протяжении некоторого периода времени свою керамическую традицию, проявлявшуюся в способе формовки керамических сосудов, обработке внешней поверхности и видах орнаментации. Изменения прежде всего наблюдаются в домашнем керамическом производстве. Пример подобной модели – раннесредневековый комплекс кердерской культуры в низовьях Амударьи, керамика которой напрямую связана с керамической традицией джетысарской культуры низовьев Сырдарьи (Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008. С. 187–189; Неразик, 2013. С. 34–37).

Второй – это миграция или, скорее, инфильтрация на территорию области небольших групп населения, в основном профессиональных ремесленников – носителей передовых технологий. В этом случае фиксируются изменения в группе гончар-

ной и прежде всего столовой посуды. Появляются новые формы, никак не связанные с предыдущей керамической традицией, новые приемы орнаментации и обработки внешней поверхности сосудов. Пример такой модели формирования комплекса – распространение на территории Хорезма керамики типа Яз II-III (Болелов, 2004. С. 52, 53).

Практически никогда упомянутые выше модели не реализуются, если можно так сказать, в “чистом виде”. В одном случае преобладают формы и типы посуды, представляющие собой развитие более ранних прототипов, связанных с местной керамической традицией; четко выделяются формы, появившиеся на территории региона или в процессе культурных и экономических связей, или в результате прямого импорта. В другом случае определяющую роль играют внешние факторы; связь с предыдущим комплексом прослеживается лишь по отдельным формам сосудов.

Керамический комплекс эпохи эллинизма на территории южных областей Средней Азии, безусловно, формировался на местной основе, но под мощным воздействием греческой керамической традиции (Шишкина, 1974, 1975; Пугаченкова, 1979. С. 189; Пугаченкова и др., 1978. С. 158–160; Литвинский, Седов, 1983. С. 123–129).

Нижней хронологической границей появления на территории Среднеазиатского Междуречья форм греческих сосудов считается последняя треть IV в. до н.э. – время среднеазиатских походов Александра Великого. Однако вряд ли посуда, изготовленная по греческим образцам, появилась на территории южных областей региона сразу же после того, как армия форсировала Окс. Учитывая археологические данные, следует признать, что эллинистический керамический комплекс формируется на территории Северной Бактрии в самом конце IV или начале III в. до н.э.

На трех памятниках: Джига-тепе (нижний слой) (Пидаев, 1984. С. 113), Курганзол (период 1) (Сверчков, 2007. С. 35), Гыш-тепа (верхний строительный горизонт) (Мокробородов, 2007. С. 148–153) выявлены комплексы так называемого переходного типа, которые традиционно датируются самым концом IV в. до н.э. На Курганзоле эта дата подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Сверчков, 2007. С. 61, 65, 66). Во всех комплексах преобладают формы сосудов, генетически связанные с предыдущим, позднеахеменидским периодом: полусферические плоскодонные чаши, приземистые плоскодонные кубки с округлым туловом (“кубкообразные” горшки по Пидаеву), лепные кувшиновидные сосуды без ручки со сравнительно широкой горловиной и сильно покатыми плечика-

ми. Как характерную особенность всех этих комплексов можно отметить полное отсутствие в них чаш с заостренным в нижней части “клювовидным” венчиком (“рыбные блюда”), цилиндроконических кубков на дисковидном поддоне. В то же время в них присутствуют полусферические чаши с резко отогнутым наружу, уплощенным по верхней горизонтальной плоскости верхним краем (чаши с “Г-образным” венчиком).

Наиболее отчетливо греческая керамическая традиция прослеживается прежде всего в формах столовой посуды. В то же время формы кухонных, хозяйственных и тарных сосудов генетически связаны с бактрийской традицией. Это вполне объяснимо, так как столовая посуда изготавливалась профессионалами ремесленниками. Гончары реагировали на спрос потребительского рынка и в определенной степени следовали моде. Уже при Александре Великом и особенно в период вхождения Бактрии в державу Селевкидов на территории области появляется греческое население (Тарн, 1949. С. 131–147; Ставиский, 1978. С. 205–207; Кошеленко, 1979. С. 131–160; Пичикян, 1991. С. 120–126; Фрай, 2002. С. 184–198; Попов, 2008. С. 44–49). Греки могли принести с собой посуду с далекой родины. В этот же период значительно увеличивается спрос на керамику, изготовленную в подражание греческим образцам. На территории Трансоксианы появляются “рыбные блюда”, полусферические чаши с Г-образным и Т-образным венчиком, кратеровидные сосуды, леканы, известны находки асков и т.д.

Типология среднеазиатской эллинистической керамики подробно разработана в археологической литературе, и основные положения предложенной классификации в общем не вызывают серьезных возражений (см., например: Gardin, 1973; Шишкина, 1975; Литвинский, Седов, 1983; Седов, 1984; Lyonnet, 1997. С. 122–172; Ртвеладзе, Болелов, 2000). Однако следует заметить, что все эти формы, если можно так сказать, “несколько варваризированы” и не являются прямой копией греческой посуды. Возможно, прав Л.М. Сверчков, который предположил, что эллинистический комплекс “айханумского типа” сложился где-то на Среднем Востоке от Ирана до Афганистана и уже в готовом виде появился на территории к северу от Амударьи (Сверчков, Восковский, 2006. С. 27). Следует только заметить, что это относится прежде всего к столовой посуде. Возможно, среди греков, мигрировавших в восточные сатрапии Селевкидского государства, были гончары, о чем свидетельствует конструкция некоторых обжигательных горнов – округлые двухъярусные горны с опорным столбом

в топочной камере (Болелов, 2001. С. 21, 22; 2010). Эти ремесленники и формовали посуду, которая была им хорошо известна на родине.

Эллинистический керамический комплекс бытовал на территории Бактрии, по крайней мере, на протяжении 200 лет (III–II вв. до н.э.). Однако морфологические и параметрические характеристики форм и типов столовой посуды остаются практически неизменными в течение всего этого периода. В силу этого обстоятельства весьма затруднительно определить типы сосудов или типобразующие признаки, которые можно было бы считать “хронологическими индикаторами” для разных этапов эллинистического периода.

По археологическим материалам выделяется комплекс последующего юэчжийско-бактрийского периода, формирование которого обычно относится к концу II – началу I в. до н.э. (Массон, 1976. С. 10, 11; 1986; Пидаев, 1978. С. 88–91). В это время значительно изменяется облик керамики на территории Северной Бактрии в целом. Изменения фиксируются как в морфологии, так и в технологии изготовления сосудов. Например, появляются новые формы сероглиняной посуды (Пидаев, 1976. С. 73; 1987. С. 89–91; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 54). Таким образом, конец II в. до н.э. следует считать верхним хронологическим пределом бытования “классического” эллинистического комплекса на территории Бактрии, однако о полном исчезновении греческой традиции в керамическом производстве говорить не приходится. Некоторые формы столовой посуды в более поздних комплексах (юэчжийско-бактрийский, кушано-бактрийский) явно восходят к эллинистическим образцам (Болелов, 2009. С. 68–77).

В культурных слоях эллинистического периода найдено немного четко стратифицированных селевкидских и греко-бактрийских монет, поэтому относительная и абсолютная хронология этого периода основана на стратиграфических данных и сравнительном анализе керамических комплексов (см., например: Сверчков, 2006). В последние годы на территории Северной Бактрии получены археологические комплексы эпохи эллинизма, абсолютная датировка которых основана на нумизматических данных, результатах радиоуглеродного и коллагенового анализов. Это комплекс из раскопок крепости Курганзол (Swertschkov, 2010) и комплекс, полученный в результате раскопок цитадели Кампыртепа. По стратиграфическим данным на ранней стадии существования Кампыртепа выявлено четыре основных периода, которые по нумизматическим данным и результатам радиоуглеродного анализа датируются в пределах последней четверти IV – первой половины II в. до н.э.: период КТ-I –

последняя четверть IV в. до н.э.; период КТ-II – первая половина III в. до н.э.; КТ-III – вторая половина III в. до н.э.; КТ-IV – первая половина II в. до н.э. (Болелов, 2011).

Эллинистические культурные слои залегают практически горизонтально, не нарушены поздними ямами и перестройками. Благодаря этому в культурном слое каждого этапа удалось выявить несколько относительно разновременных керамических комплексов. Например, в слое КТ-III мощностью немногим менее 2 м выделено шесть относительно разновременных комплексов. На памятнике получена полная стратиграфическая картина накопления культурных слоев эллинистического периода, при этом четко определены хронологические границы каждого строительного горизонта. Сверху они перекрываются строительным горизонтом юэчжийско-бактрийского периода.

Эллинистический керамический комплекс из цитадели крепости можно считать эталонным, во всяком случае для античных памятников Северной Бактрии. На основании сравнительного анализа керамики Кампыртепа с другими памятниками региона можно несколько скорректировать не только относительные, но и абсолютные датировки эллинистических керамических комплексов Бактрии, полученных в ходе раскопок.

В настоящей статье в свете данных об эллинистической керамике, введенных в научный оборот в последние годы, рассматривается керамический комплекс, сопутствующий уникальной находке из храма Окса на городище Тахти-Сангин – фрагменты глиняных форм для отливки бронзовых котлов, на венчиках по крайней мере трех из них сохранились вырезанные по сырой глине греческие надписи (Дружинина, 2005. С. 88–91; Drujinina, Boroffka, 2004. P. 61; Drujinina, 2008; Alexander..., 2010. S. 366. Kat. 263).

В южной части теменоса храмового комплекса было открыто полуподземное помещение (полуземлянка?), вырубленное в материковом слое и ориентированное по оси В–З. Спуск в него был с запада, где выявлены ступени. По всей видимости, это сооружение относится к одному из начальных этапов функционирования храма. По мнению исследователей памятника, здесь была мастерская по изготовлению крупных бронзовых предметов, что вполне допустимо, учитывая приведенные в публикациях аналогии (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 51–54; Иванчик, 2011. С. 111). Видимо, здесь можно провести параллель с культовым центром Калалы-гыр 2, где на территории храмовой части были открыты следы бронзолитейного и кузнечного производств, работавших в вырубленных в мате-

риковом грунте котлованах только в период строительства. После его окончания производственные сооружения были частично срублены, котлованы засыпаны и перекрыты слоями плотной глины (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 148–151).

Такую же ситуацию можно предполагать и на Тахти-Сангине, однако, как следует из публикаций, на уровне нижнего пола сооружения следы производства не зафиксированы, и о назначении его на первом этапе существования остается только догадываться. Стратиграфическая ситуация в раскопе (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52. Рис. 5, 3) однозначно свидетельствует о том, что полуземлянка постепенно заполнялась строительным мусором, камнями, разбитыми подношениями (?), а также производственными остатками в виде фрагментов литейных форм, медных шлаков и т.д. По сути – это отходы производства, накопившиеся в течение времени. Никакие производственные очаги или конструкции, связанные с бронзолитейным производством, непосредственно в пределах помещения не обнаружены. Этот факт свидетельствуют о том, что на цитадели Тахти-Сангина функционировало бронзолитейное производство, где изготавливали крупные бронзовые котлы. Однако место расположения этого производства пока не обнаружено.

Среди фрагментов литейных форм выделяется одна (форма № 2), на внутренней стороне которой полностью сохранилась греческая надпись (Дружинина, Иганаки, 2009. С. 103–105; Дружинина и др., 2010. С. 192–199). Как следует из не совсем внятного описания условий находки, фрагменты глиняной формы залегали в “наслоениях многочисленных культурных слоев (sic!) толщиной 40 см, в которых были собраны закрытые комплексы греко-бактрийского времени”. “Наслоения” перекрывались слоем глины, содержавшей остатки деятельности предыдущих раскопок и керамику. В этом слое обнаружена позднекушанская монета (Дружинина, 2005. С. 90, 91). Литейная форма найдена в верхних мусорных слоях заполнения подземного помещения. Как это видно по чертежу, она зафиксирована в яме, спущенной сверху: по А.П. Дружининой слой VIa, прорезающий слой IX (Дружинина и др., 2010. С. 212. Рис. 7. Разрез В–В'). Дата объекта по ^{14}C определена в пределах 166–46 гг. до н.э. (Кубавара, 2010. С. 217–219).

Мусорные слои полуземлянки перекрываются полом теменоса (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52); остается неясным, каким именно. В пределах теменоса выявлено три относительно разновременных уровня пола. Самый ранний – глиняная обмазка уровня материка толщиной не более 3–5 см соответствует периоду строительства стен темено-

са – IV–II вв. до н.э. Уровень второго пола, соответствующий первому крупному разрушению храма, зафиксирован на 10–15 см выше уровня материка. Он датируется II–I вв. до н.э. по находкам обола Герая и монеты Евкратиды. Этот пол перекрывается слоем натеков толщиной 40 см, на который был положен третий пол – свита глиняных обмазок толщиной 13 см (следует заметить, что в публикациях А. Дружининой эти полы и слой натеков никак не отмечены), относящийся к последнему периоду существования храма – II–III вв. н.э. (Литвинский, Пичилян, 2000. С. 121–125, 182–184).

В ходе раскопок алтарно-башенного сооружения № 2, расположенного в северо-западном углу теменоса, выявлено девять строительных периодов и шесть уровней пола внутри помещения (Пичилян, 1989. С. 177–194). Комплекс керамики из этого сооружения – единственный опубликованный, четко стратифицированный керамический комплекс Тахти-Сангина – датируется в пределах I в. до н.э. – III в. н.э. Керамика с нижних полов – кушано-юэчжийским периодом, I в. до н.э. – I в. н.э. (Керзум, 1989).

А.П. Дружинина, опубликовавшая фрагменты литейной формы, игнорируя верхнюю хронологическую границу указанной выше радиоуглеродной даты, датировала находку второй четвертью II в. до н.э. Комплекс керамики, который, по ее мнению, представляет собой “закрытые комплексы греко-бактрийского времени” и только подтверждает эту датировку (Дружинина, 2005. С. 90; Дружинина и др., 2010. С. 192). В последней публикации эта дата была несколько скорректирована в сторону омоложения – не ранее середины II в. до н.э., возможно даже несколько позднее (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 56).

Надо сказать, что столь узкие датировки комплексов эллинистической керамики не могут быть приняты, тем более что калиброванная дата радиоуглеродного анализа дана с интервалом 120 лет, 166 BC (95.4%) – 46 BC (Кубавара, 2010. С. 219).

Выше уже отмечалось, что бактрийский эллинистический комплекс отличается чрезвычайной стабильностью, особенно это касается столовой посуды. Набор основных форм и типов столовой керамики бытует практически без изменений на протяжении всего эллинистического периода. Учитывая это обстоятельство, иногда вызывает некоторое недоумение предлагаемые датировки керамических комплексов в пределах четверти века только на основании морфологических или декоративных признаков. Принимая во внимание соображения, изложенные выше, датировка комплекса керамики, найденной на Тахти-Сангине вместе с литейными

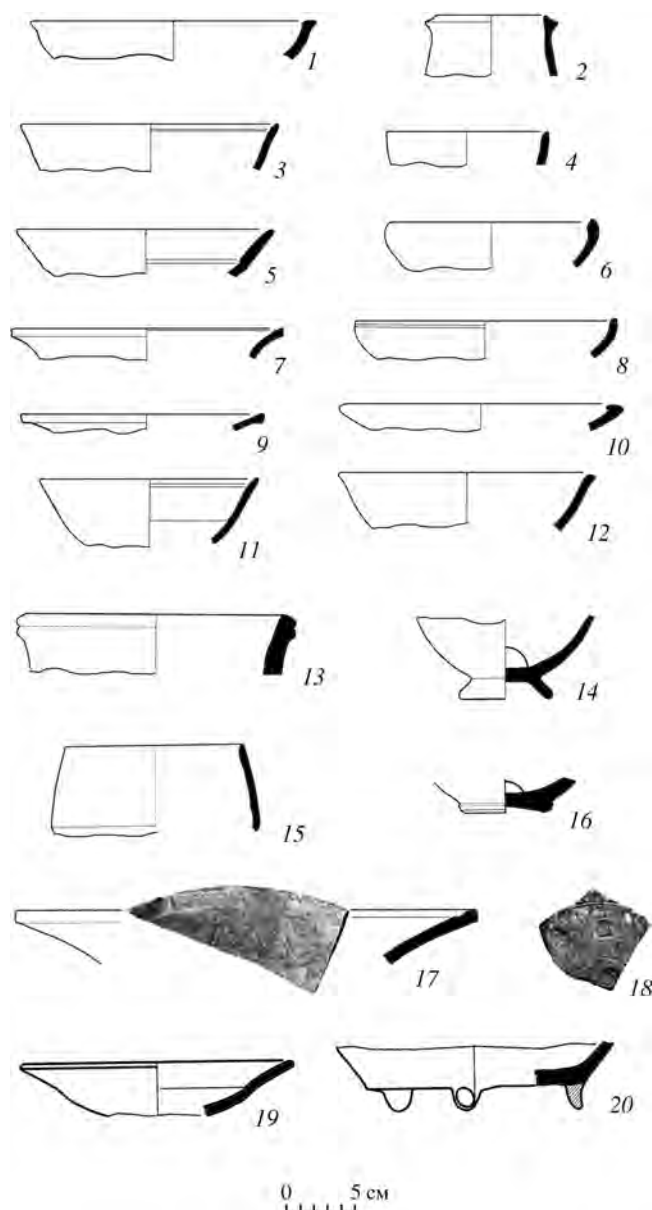

Рис. 1. Комплекс керамики из раскопа “храм 18”, храм Окса. Городище Тахти-Сангин (по: Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011).

формами (рис. 1), вызывает возражения и требует серьезной корректировки¹.

Лишь один фрагмент из комплекса можно отнести к эллинистическому периоду. Это верхняя часть приземистой чаши с резервуаром усеченно-кони-

ческой формы и резко загнутым внутрь верхним краем (рис. 1, 10). Сосуд находит себе прямые аналогии практически во всех известных эллинистических комплексах Средней Азии (Шишкина, 1975. С. 64. Рис. 4, 15, 16; Сулейманов, 2000. Рис. 98, 17, 18; 100, 21–23; Lyonnet, 2001. Р. 148. Fig. 2, 13–15; 2013. Р. 356. Fig. 4, 9–11; Сверчков, 2007. Рис. 16, 2, 3; 18, 2; 19, 9–16; Болелов, 2011. С. 79. Рис. 6, 8). Эта форма, по всей видимости, – прообраз крупных столовых чаш и мисок, широко распространенных в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III, 5–9; Болелов, 2009. С. 69). Разница состоит лишь в том, что у чаш эллинистического периода верхний край, загнутый внутрь сосуда, заострен, тогда как у сосудов этого типа более позднего времени он имеет округлые очертания, а у чаш кушано-бактрийского периода чаще всего утолщен.

В комплексе “храм 18” представлен фрагмент еще одной полусферической чаши, которую с определенной долей вероятности можно датировать эллинистическими периодом (рис. 1, 8). Характерный признак этого сосуда – два четко выраженных желобка по верхнему краю с внешней стороны. На Кампыртепа полусферические чаши, декорированные подобным образом, представлены в комплексе КТ-IV (поздний этап греко-бактрийского периода) – не ранее начала II в. до н.э. (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 61. Рис. 3, 26, 27). Однако вряд ли эти сосуды следует считать хронологическим репером. Они довольно широко были распространены и в более поздний – юэчжийско-бактрийский период (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III).

По мнению исследователей, одна из основных датирующих форм в керамическом комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” – так называемые рыбные блюда (рис. 1, 7, 9, 17, 18).

В среднеазиатской археологии четко выделены признаки этой керамической формы, несомненно, восходящей к греческим образцам. Строго говоря, среднеазиатские “рыбные блюда” собственно таковыми не являются – это невысокие чаши с резервуаром усеченно-конической формы и прямыми раскинутыми стенками (Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99, 100). Характерный признак этого типа сосудов – четко выделенный, нависающий “клювовидный” венчик, в большей или меньшей степени заостренный в нижней части (рис. 2, 13, 14, 19–21; 3, 1, 2). У большей части сосудов в центре имеется хорошо выраженное углубление – дань эллинистической традиции (рис. 2, 28). Если четко следовать типологическому методу, то ни один из опубликованных фрагментов в комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” не является “рыбным блюдом”, которое

¹ К сожалению, огромная коллекция керамики из раскопок Тахти-Сангина до сих пор не обработана и теперь уже вряд ли будет обработана и опубликована, о чем писал Б.А. Литвинский в последнем томе “Храма Окса” (2010. С. 7). В то же время, как представляется, подробная публикация стратифицированных керамических комплексов памятника сняла бы многие дискуссионные вопросы, особенно касающиеся хронологии памятника.

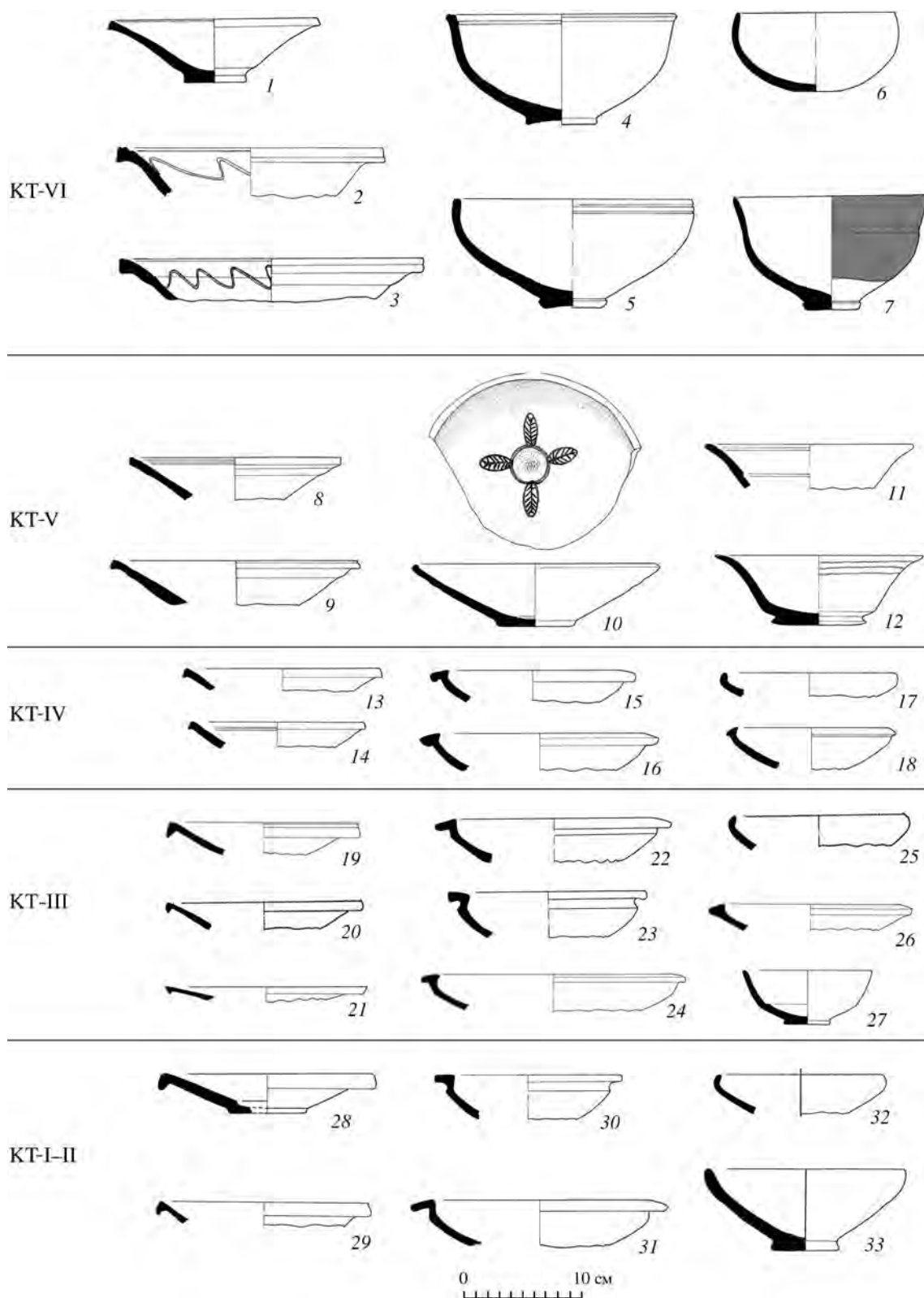

Рис. 2. Кампыртепа. Открытые формы в группе столовой посуды (конец IV в. до н.э. – первая четверть II в. н.э.).

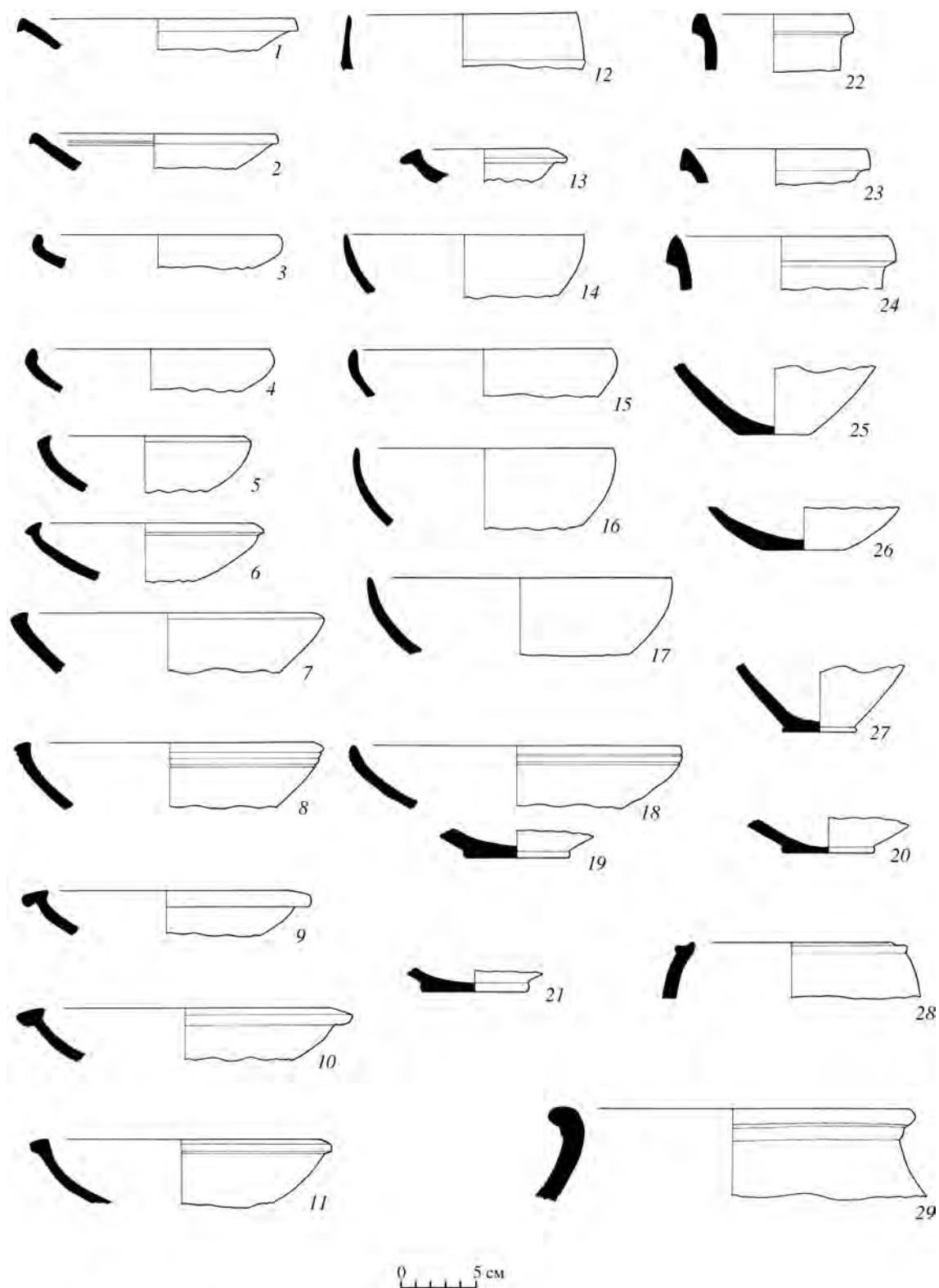

Рис. 3. Кампыртепа. Керамический комплекс КТ-IV.

можно было бы датировать в пределах III–II вв. до н.э.; ни у одного из них нет четко выраженного “клювовидного” венчика. В одном случае (рис. 1, 9) немного утолщенный верхний край сосуда имеет подтреугольные очертания, и он близок чашам юэчжийско-бактрийского и кушано-бактрийского периодов, широко представленным в комплексе Кампыртепа (рис. 2, 1, 9). Их можно рассматривать как трансформацию “рыбного блюда”, но появляются они не ранее начала I в. до н.э. У остальных чаш, представленных в комплексе, венчика просто нет, все они имеют плавно отогнутый наружу верхний край. У некоторых из них есть небольшой уступ по внутреннему краю устья сосуда (рис. 1, 7), характерный признак открытых форм столовой посуды юэчжийско-бактрийского периода, особенно в подгруппе сероглиняной керамики (Болелов, 2001. С. 27. Рис. 2; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 66. Рис. 7).

Некоторые чаши находят аналогии и в более поздних комплексах. Фрагмент венчика с зигзагообразным орнаментом по внутренней поверхности, несомненно, принадлежит красноангобированной крупной чаше, полной аналогии крупным столовым чашам (рис. 2, 2, 3), распространенным на территории Северной Бактрии во второй половине I – первой половине II в. н.э. (см. также: Пугаченкова и др., 1978. С. 151. Рис. 103; Литвинский, Седов, 1983. С. 219. Табл. XIV; Болелов, 2002. С. 62. Рис. 1, 27–37). Эти сосуды по морфологическим и параметрическим характеристикам резко отличаются от “рыбных блюд” и представляют собой вполне самостоятельную форму, которая появляется в Северной Бактрии не ранее I в. н.э. (Тургунов, 1973. С. 74. Рис. 16, 2, 3; Пидаев, 1989. С. 49). Характерный декоративный признак этих сосудов – процарапанный волнистый орнамент на внутренней поверхности; на Кампыртепа 86% процентов мисок были украшены подобным образом (Болелов, 2002. С. 45). Этот вид орнамента широко распространяется на территории Северной Бактрии на раннем этапе кушано-бактрийского периода (не позднее правления Вимы Такто). Орнаментировались только определенные типы сосудов; в группе столовой посуды это были крупные красноангобированные миски (Болелов, 2002. С. 57).

Ранее фрагменты, причем только крупных хозяйственных сосудов с таким орнаментом фиксируются очень редко (Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101; Восковский, 2002. С. 18. Рис. 10). В керамическом комплексе эпохи эллинизма Северной Бактрии орнаментированной посуды практически нет. В комплексе из крепости Курганзол известен лишь один фрагмент чаши, декорированной по верхней

горизонтальной поверхности венчика прочерченным зигзагообразным орнаментом (Сверчков, 2007. С. 56. Рис. 20, 8). В еще более многочисленном комплексе Кампыртепа (рис. 3) нет ни одного орнаментированного фрагмента (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 43–66; Болелов, 2011. С. 59–63). На среднеазиатских “рыбных” блюдах III–II вв. до н.э. не известны никакие виды орнаментации. Принимая во внимание приведенные выше факты, фрагмент крупной красноангобированной столовой миски с зигзагообразным орнаментом из Тахти-Сангина вряд ли следует датировать ранее середины I в. н.э.

К этому же периоду относится и фрагмент кубка, который исследователи считают “глубоким цилиндро-коническим” и относят этот сосуд к греко-бактрийскому периоду (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 54, 55). Однако на опубликованном фрагменте не отмечены характерные морфологические признаки, присущие этому типу посуды. Прежде всего это четко выделенный уступ или ребро, подчеркнутое валиком, в месте перехода от цилиндрической части к конической. Кроме того, у всех кубков греко-бактрийского времени был, безусловно, вертикальный прямой верхний край. У опубликованного фрагмента верхняя часть имеет округлые очертания и его, видимо, следует отнести к кубкам с округлым резервуаром на сравнительно высоком поддоне усечено-конической формы, широко распространенным в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 56).

В комплексе “храм 18” представлены и другие типы столовой посуды. Это фрагменты полусферических чаш с прямым верхним краем, немного отогнутым наружу (рис. 1, 3, 5, 11, 12, 19). У некоторых из них четко прослеживается уступ на внутренней стороне резервуара, в центральной части сосуда (рис. 1, 5, 11, 19). Эти чаши находят себе прямые аналогии в керамических комплексах юэчжийско-бактрийского периода (не ранее конца II – начала I в. до н.э.)², причем в большинстве случаев (рис. 2, 11, 12) это сероглиняные тонкостенные чаши (см. также: Пидаев, 1978. Табл. IV; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 5а, б; Восковский, 2002. С. 16. Рис. 7; Двуреченская, 2006. С. 132. Рис. 12, 1–4). К этому же периоду времени относится и нижняя часть сосуда на высоком кольцевом поддоне

² Аналогичные сосуды представлены в комплексе Джига-тепе так называемого второго греко-бактрийского периода, датированного второй половиной II в. до н.э. (Пидаев, 1984. С. 118). Однако по набору форм и характерных морфологических признаков, учитывая материалы Кампыртепа, этот комплекс скорее следует отнести к раннему этапу юэчжийско-кушанского периода и датировать самым концом II – серединой I в. до н.э.

(рис. 1, 14). Глубокие полусферические чаши на высоких кольцевых поддонах – характерная форма именно в юэчжийско-бактрийских комплексах (Пидаев, 1984. С. 119. Рис. 4, 32; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 65. Рис. 7). Чаще всего такие поддоны были у сероглиняных крупных чаш.

Этим же временем датируется и нижняя часть крупного сосуда (хумча?) на трех ножках (рис. 1, 20). Хумы, хумчи, крупные горшки на трех конусовидных ножках появляются на территории Северной Бактрии не ранее I в. до н.э. (Пидаев, 1978. С. 128. Табл. VI, 19; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 31; Lyonnet, 1997. Fig. 48). В более ранних комплексах эти сосуды, судя по всему, не фиксируются. В многочисленных публикациях археологических материалов эллинистического периода они отсутствуют. Сосуды на трех ножках (иногда их называют “триподами”) не характерны и для кушано-бактрийского периода. В слоях второй половины I – первой четверти II в. н.э. на Кампыртепа (период КТ-VI) они полностью отсутствуют (Болелов, 2002. С. 42–44).

На основании изложенных соображений и приведенных аналогий нет оснований считать комплекс керамики, найденной вместе с литейной формой на объекте “храм 18” городища Тахти-Сангин, единовременным, а тем более “закрытым греко-бактрийским”. Большая часть опубликованных фрагментов относится к более позднему периоду, а именно к юэчжийско-бактрийскому (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.), а некоторые из них – к раннему этапу кушано-бактрийского периода (вторая половина I – первая треть II в. н.э.). Как представляется, этот факт, учитывая зафиксированную стратиграфическую ситуацию, однозначно свидетельствует о том, что исследуемый комплекс происходит из слоев мусора (верхние слои заполнения полуподземного помещения) и датируется не позднее первой четверти II в. н.э. Наличие в комплексе отдельных фрагментов эллинистической керамики несколько не влияет на окончательный вывод. Это говорит лишь о том, что в яму, в которой и была найдена часть литейной формы № 2, был сброшен мусор или после ремонта, или после капитальной чистки территории храма или теменоса.

Учитывая, что форма была найдена в яме, порезавшей относительно ранние слои, весь комплекс можно датировать не ранее середины I в. н.э. Неизвестно, почему уже готовая, как можно предполагать, форма не была использована. Возможно она треснула в процессе изготовления или были другие причины, но можно уверенно говорить, что она была изготовлена в другом месте и уже после этого вместе с разновременными фрагментами керамиче-

ских сосудов попала в яму вместе с мусором. Вряд ли ее следует рассматривать в одном контексте с керамикой из ямы и тем более с керамикой из культурных слоев, которые эта яма прорезала.

Таким образом, керамический комплекс, найденный вместе с литейной формой, никак не может быть основанием для ее датировки. Он в совокупности датируется в пределах III в. до н.э. – первой четверти II в. н.э. В данном случае имеется только комплекс разновременных находок из ямы или из верхних слоев заполнения полуподземного помещения, одна из которых – уникальная литейная форма. Датировать комплекс можно, как уже говорилось выше, в пределах почти 500 лет. В такой ситуации основанием для более узкой датировки литейной формы могут быть только палеографические данные или технологические признаки, но никак не керамика, найденная вместе с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болелов С.Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалыгыр 2 в Левобережном Хорезме) // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: Тез. докл. конф. М., 1999. С. 20, 21.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001 (Матер. ТЭ; Вып. 2). С. 15–30.
- Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002. (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 41–67.
- Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура / Ред. А. Саидов. Ташкент, 2004. С. 48–53.
- Болелов С.Б. Керамика эпохи великих кушан на территории Бактрии по материалам Кампыртепа (конец I – первая половина II в. н.э.). Традиции и инновации // Культура, история и археология Евразии / Ред. И.С. Смирнов. М., 2009 (Orientalika et Classika; XXII). С. 57–103.
- Болелов С.Б. Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на Среднем Востоке / Ред. С.Б. Болелов. М., 2010. С. 26–29.
- Болелов С.Б. Кампыртепа-Пандахеон в эпоху эллинизма // ВДИ. 2011. № 4. С. 29–48.
- Болелов С.Б. Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 8 / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Елец, 2011. С. 48–80.
- Бороффа Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение

- китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Восковский А.А. Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002 (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 9–18.
- Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 6 / Ред. Э.В. Ртвеладзе, В.С. Соловьев. Елец, 2006. С. 110–137.
- Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. Вып. XXX. Душанбе, 2005. С. 86–105.
- Дружинина А.П., Иганаки Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. Душанбе, 2009. С. 101–106.
- Дружинина А.П., Иганаки Х., Худжагельдиев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 191–217.
- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Калалы-гыр 2. Культовый центр в древнем Хорезме / Ред. Б.И. Вайнберг. М.: Вост. лит., 2004. 286 с.
- Керзум А.П. Тахти Сангин. Керамика алтарно-башенного сооружения // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 195–208.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 293 с.
- Кубавара Я. Результаты радиоуглеродного анализа С-14 образцов из раскопок Тахти-Сангин // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 217–226.
- Литвинский Б.А. Храм Окса. Т. 3: Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. 238 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии. Т. 1: Раскопки, архитектура, культурная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 3–17.
- Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры / Ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 258–264.
- Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шорттепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 43–67.
- Мокробородов В.В. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана – Маверанахр / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2007. С. 148–156.
- Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М.: Гриф и К, 2013. 374 с.
- Пидаев Ш.Р. Мирзакул-тепе – памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 68–76.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978. 143 с.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепа (раскопки 1976 г.) // Древняя Бактрия / Ред. И.Т. Кругликова. М., 1984 (Матер. Советско-Афганской археологич. экспедиции; Вып. 3). С. 112–125.
- Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда / Ред. Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.
- Пидаев Ш.Р. Эволюция двух форм керамики Северной Бактрии // Краеведение Сурхандарьи / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1989. С. 43–52.
- Пичикян И.Р. Тахти Сангин. Алтарно-башенное сооружение // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 177–194.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. 340 с.
- Попов А.А. Греко-Бактрийское царство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 239 с.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. 247 с.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Беляева Т.В., Тургунов Б.А., Исхаков М.Х., Некрасова Е.Г., Вызго Т.С. Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент, 1978. 238 с.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Ред. О.Н. Иневаткина. М., 2000. С. 99–105.
- Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол) // Археологические исследования Кампыртепа и Шорттепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006. (Материалы ТЭ; Вып. 5). С. 105–125.
- Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Тр. Байсунской экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 31–64.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация, хронология нижних слоев Кампыртепа //

- Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 21–43.
- Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–180.
- Ставиский Б.Я. Античный мир, его традиции и элементы в истории культуры и искусства Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Ред. И.Р. Пичикян. М.: Вост. лит., 1978. С. 203–217.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент, 2000. 545 с.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. 370 с.
- Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1973. С. 52–78.
- Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала / Ред. С.В. Васильев. М.: Ассоциация Экоост, 2008. 431 с.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Вост. лит., 2002. 392 с.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV–II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III / Ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1974. С. 28–52.
- Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–79.
- Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. 445 S.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bull. Miho Museum. 2006. V. VI. P. 57–69.
- Gardin J.-C. Les Céramiques // Fouilles d'Aï-Khanoum. I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire / Éd. P. Bernard. Paris, 1973. (MDAFA; T. XXI). С. 120–188.
- Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris, 1997. 447 p.
- Lyonnet B. Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère // Bull. Asia Institute. New Series. V. 12. N. Y., 2001. P. 141–159.
- Lyonnet B. La céramique hellénistique en Asie centrale // Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford, 2013. P. 351–368.
- Swertschkow L.M. Die Grabungen im Fort Kurgansol im Süden Usbekistans – neue Daten zur Geschichte Zentralasiens am Ende des 4. Jrs. V. Chr. // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. S. 78–83.

КОТЛЫ ТИПА “ТАХТИ-САНГИН–БАРМАШИНО”: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ТРАДИЦИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2014 г. С.В. Демиденко

Институт археологии РАН, Москва (svdemid@hotmail.ru)

Ключевые слова: Тахти-Сангин, Бармашино, бронзовые котлы, литейные формы, хронология, технология, традиции, Греция, Центральная Азия, Китай.

The author analyses a “type” of bronze cauldrons “Takhti-Sangin–Barmashino” and concludes that this “type” as a taxonomic unit does not exist as it consists of the examples that differ according both morphological and technological parameters. They are dated on the basis of the complex near the Lake Borovoe not earlier than the 6th century. The usage of such “analogues” for reconstructing “casting forms” with Greek inscriptions from the settlement Takhti-Saka referring to the second half of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD, is incorrect. Simultaneously, the problem of the mutual interfering of the Greek, Chinese and Scythian-Saka traditions of the metalwork on the territory of Greece-Bactria in the epoch of Hellenism is considered premature.

Находка фрагментов глиняных литейных форм с греческими посвятельными надписями на теменосе храма Окса городища Тахти-Сангин в Таджикистане, несомненно, – одно из значительных археологических открытий предшествующего десятилетия (Drujinina, Boroffka, 2006; Drujinina, 2008).

Германский исследователь Н. Бороффка и китайский исследователь Цзян Цзун Мэй реконструировали одну из этих форм с привлечением случайных находок котлов, хранящихся в музеях Таджикистана и Узбекистана, выделили особый “тип” литых котлов, который по крайним точкам местонахождений назвали “Тахти-Сангин–Бармашино”, датировали его серединой или второй половиной II в. до н.э., а также поставили проблему “взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки в Центральной Азии” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011).

К сожалению, исследователями, несмотря на достаточно широкий охват материала – от материковой Греции до Китая, был допущен ряд методических и фактических ошибок, что и привело к необходимости написания данной работы.

Обратимся прежде всего к предлагаемой реконструкции глиняной литейной формы, которая интерпретируется Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем как форма для отливки бронзового котла. Главная ошибка исследователей в том, что за основу вос-

создания был взят не сам найденный материал, а его аналогии, датировка, морфология и технология изготовления которых были авторами явно недостаточно проработаны.

Непосредственный объект реконструкции – форма № 1, обнаруженная в 2004 г. в северо-восточном углу раскопа 18 во фрагментах, 45–48% из которых составляли обломки венчика с отпечатками греческих букв и без них (Drujinina, Boroffka, 2006). Однако, подробно описывая различные фрагменты венчика, ручек и стенок, Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй не дают прорисовок сечений данных фрагментов, что не позволяет судить ни о профиле венчика, ни о форме тулова реконструируемого сосуда. Не были обнаружены при раскопах и остатки частей литейной формы от дна и поддона. Реставрационные работы, позволяющие хотя бы некоторым образом представить данное изделие в первоначальном виде, также, судя по опубликованным материалам, не проводились.

В то же время предложена реконструкция литейной формы бронзового котла с поддоном (рис. 1, 1, 2), которая, по утверждению Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, полностью подтверждается находками аналогичных бронзовых котлов.

В качестве аналогий исследователи называют случайные находки котлов из Таджикистана: Руфигара и Зидды (район Душанбе), Фахрабада (Курган-Тюбинская обл.), а также котел, хранящийся в

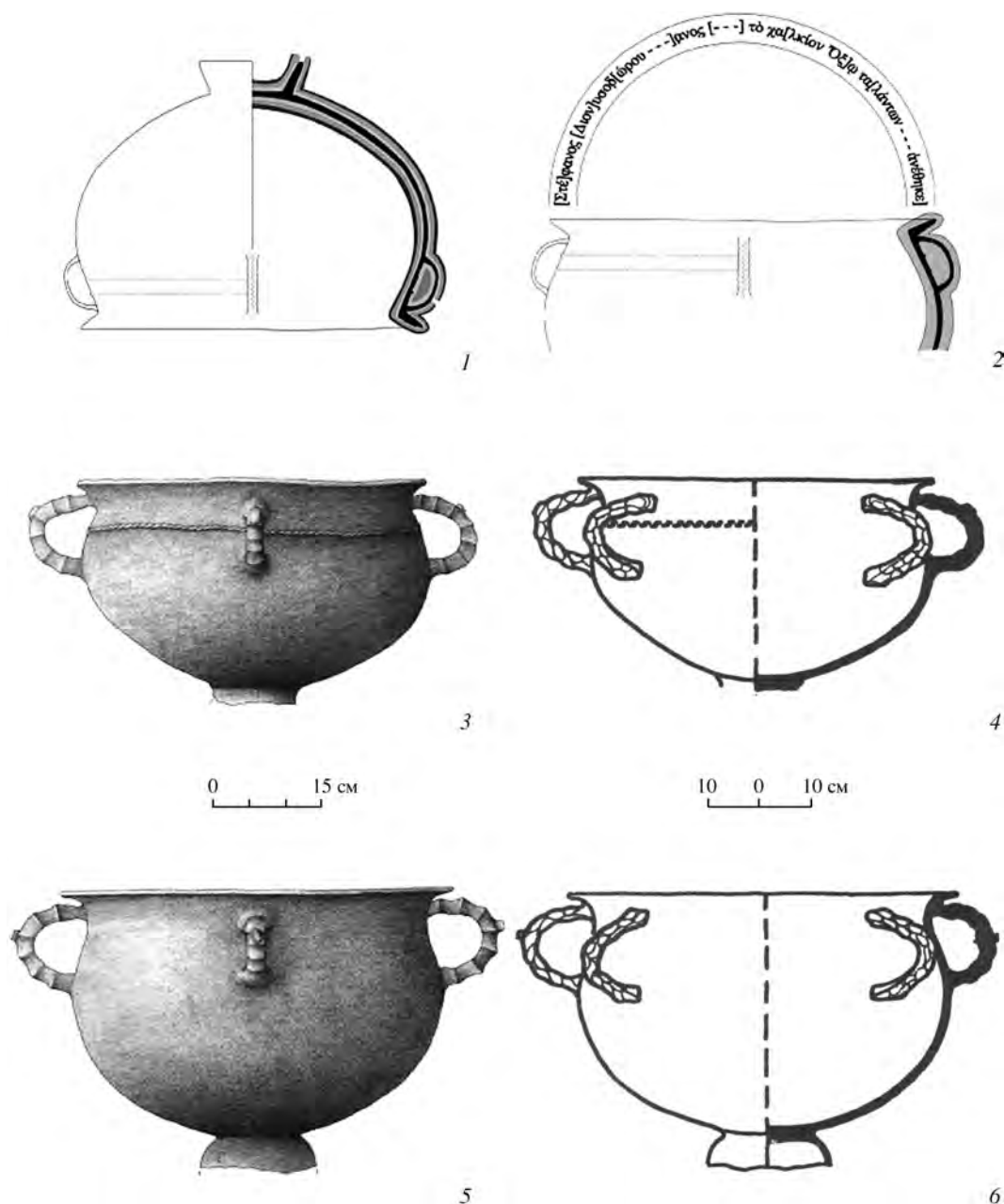

Рис. 1. 1 – реконструкция литейной формы № 1 из Тахти-Сангина; 2 – реконструкция верхней части бронзового сосуда с греческой надписью; 3, 4 – рисунки котла из Зидды; 5, 6 – рисунки котла из Руфигара. (1, 2, 3, 5 – по: Boroffka, Mei, 2013; 4, 6 – по: Якубов, 1987).

Национальном музее Республики Узбекистан, который, по мнению Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, происходит из “Бармашино, Кокчетавская обл. Казахстана”. Авторы отмечают, что Ю.Я. Якубов, обнаруживший котел из Фахрабада, никак его не датировал. Вопросы происхождения и датировки котлов из Руфигара и Зидды они также считают открытыми, хотя Ю.Я. Якубов, впервые опубликовавший данные сосуды, “и представил их в ряду металлических сосудов VII–VIII вв. и IX–X вв.”. Не датирован, по мнению исследователей, и котел

из “Бармашино” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 60, 61).

Доводов в пользу вообще какой-либо датировки данных сосудов исследователи не приводят. Единственным аргументом служит утверждение о том, что фрагменты литейной формы из Тахти-Сангина аналогичны данным находкам.

Однако котлы из Руфигара и Зидды рассматривались Ю.Я. Якубовым в связи с находкой обломка подобного бронзового котла на поселении Гардани

Хисор (Таджикистан) в помещении, которое по керамическому и монетному материалу датировалось VII – началом VIII в. (Якубов, 1987. С. 135).

Данные экземпляры известны по публикации (рис. 1, 4, 6) Ю.Я. Якубова (1987. С. 135–154) и по работам (рис. 1, 3, 5) Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 60–63. Рис. 15; Boroffka, Mei, 2013. S. 152–155. Abb. 14). К сожалению, приходится констатировать, что рисунки котлов из Руфигара и Зидды указанных авторов представляют собой растушеванные копии рисунков Ю.Я. Якубова, причем выполненные с серьезными ошибками.

Опираясь на сведения Ю.Я. Якубова, можно утверждать, что данные котлы действительно очень похожи. Оба экземпляра имеют полусферическое тулово. Максимальный диаметр тулова превышает его высоту. Это соотношение несколько больше у котла из Зидды (рис. 1, 3, 4) по сравнению с котлом из Руфигара (рис. 1, 5, 6). Однако верхняя треть тулова котла из Руфигара, сужающаяся к венчику, имеет небольшой прогиб внутрь. Верхняя треть тулова котла из Зидды, наоборот, продолжает полусферический контур стенок. Венчики обоих котлов отогнуты под углом наружу. Их плоскость скошена внутрь. Котлы имеют неровную внешнюю поверхность с вертикальными зернистыми подтеками и гладкую внутреннюю поверхность. В верхней трети тулова котла из Зидды проходит рельефный валик-“веревочка”. У котла из Руфигара подобный валик-веревочка отсутствует. Оба сосуда имели чашеобразный поддон (Якубов, 1987. С. 140, 141).

Данные котлы имели по четыре вертикальные петлевидные ручки, располагавшиеся в верхней трети тулова. Но! На рисунках и в описании Ю.Я. Якубова ручки котлов из Зидды и Руфигара расположены попарно, друг напротив друга (рис. 1, 4, 6), что подтверждено и соответствующими фотографиями (1987. Рис. 4, 5). На рисунках в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй (рис. 1, 3, 5) все четыре ручки изображены диаметрально противоположно друг другу (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. Рис. 15; Boroffka, Mei, 2013. Abb. 14). Кроме того, в описании и на рисунках Ю.Я. Якубова показано, что ручки “сплетены из трех ленточек в виде косичек”, у Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэй они разделены шестью-семью горизонтальными рельефными валиками.

В чем исследователи действительно не ошиблись, так это в предположении, что котлы из Зидды и Руфигара изготовлены по “восковой” модели. Или, правильнее было бы сказать, по “выплавлено-выгораемой” модели. Вероятнее всего это были сало или жир (Минасян, 1986; Демиденко, 2008.

С. 31–43). На каком основании пришли Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй к выводу об использовании “восковой” модели, остается неясным. Однако такие технологические признаки, как “вертикальные зернистые подтеки”, упомянутые в описании котла из Зидды Ю.Я. Якубовым, которые являются ни чем иным, как отпечатком прутяного (Минасян, 1986. С. 68–70) или растительного (Демиденко, 2008. С. 32–40) каркаса, предохранявшего модель от проседания внешней части литейной формы, а также валик-веревочка, стягивавший подобную конструкцию, свидетельствуют о применении выплавлено-выгораемой модели. Подчеркнем, что валик-веревочка не представляет собой, как считают Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй, “имитацию скрученного шнура”, и он не был напаян на тулово котла, как считал Ю.Я. Якубов (1987. С. 140). Он действительно представляет собой технологический элемент. Использование таких элементов, как предохранительный растительный каркас, перетянутый веревочкой или без нее, достаточно четко фиксируется при изготовлении скифских, сарматских и сакских котлов (Минасян, 1986. С. 68–70; Демиденко, 1994; 2008. С. 32–40). Выступы-“кнопки” на ручках котлов из Зидды и Руфигара, вероятнее всего, служили каналами для вывода остатков выплавлено-выгораемой модели (Демиденко, 2008. С. 32–40), нежели остатками “вентиляционных отдушин” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 62). Выступы же на вертикальных ручках “скифо-сакских и сарматских котлов”, в которых авторы пытаются разглядеть остатки технологического процесса (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 62), на самом деле были декоративным элементом (Демиденко, 1994, 1997, 2000, 2008. С. 31–43).

Котел из Фахрабада (рис. 2, 1–3) (Якубов, 1990. С. 293. Рис. 1) найден случайно и действительно не может быть напрямую датирован в каком-либо контексте. Но он также не может быть использован в качестве аналогии ни к реконструируемой форме № 1 из Тахти-Сангина, ни к котлам из Зидды и Руфигара, поскольку отличается от них как по морфологическим признакам, так и по технологии изготовления.

Экземпляр из Фахрабада имеет достаточно пропорциональное полусферическое тулово. Край венчика отогнут наружу, его верхняя плоскость составляет с внутренней стороной стенки тулова прямой угол. Котел имеет четыре вертикальные петлевидные ручки, расположенные под венчиком диаметрально противоположно друг другу. Поддон цилиндрический. Котел изготовлен цельнолитым способом. Судя по вертикальным литейным швам, внешняя часть литейной формы была собрана из

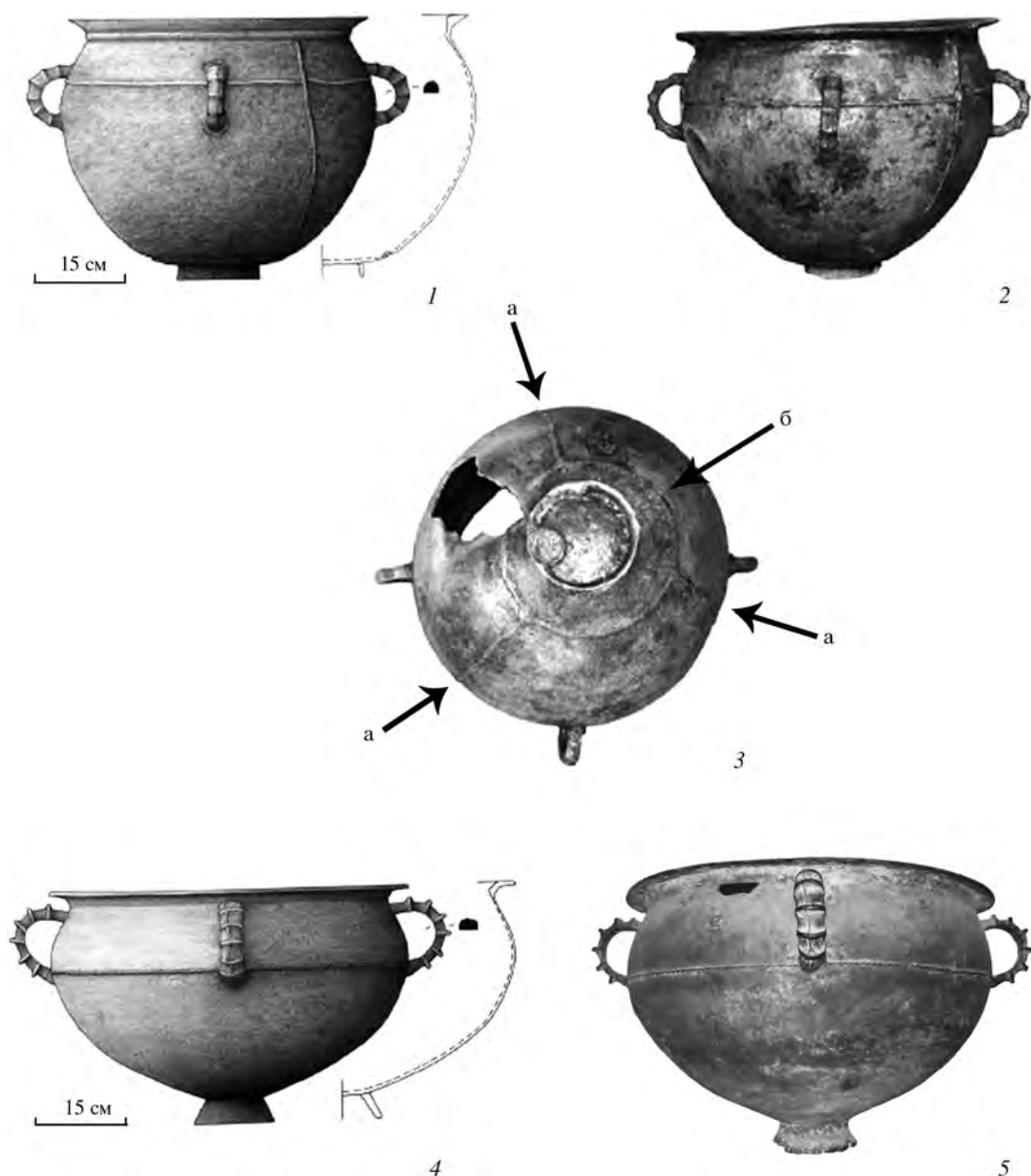

Рис. 2. Котлы из Фахрабада (1–3) и Национального музея Республики Узбекистан (4, 5). 1, 2 – общий вид; 3 – вид со стороны дна: а – вертикальные литейные швы, в местах соединения внешних стенок литейной формы; б – горизонтальный литейный шов в месте присоединения литейной формы поддона; 5 – общий вид (по: Boroffka, Mei, 2013).

трех секций. К ним сверху присоединялась часть формы с дном и цилиндрическим поддоном. В месте их соединения проходит горизонтальный литейный шов. Подобная конструкция предполагает использование при литье глиняной модели (Демиденко, 2008. С. 42, 43) или модели из животного клея (Минасян, 1986. С. 75–78), что характерно уже для хуннских и гуннских котлов. Но они имеют другую форму тулова и ручек и другой способ изготовления поддона, что также не позволяет сравнивать их напрямую с экземпляром из Фахрабада.

Не может помочь в подтверждении правильности отнесения котла из Фахрабада к кругу “аналогий”

литейной формы № 1 и проведенное Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем исследование его спектрального состава (2011. С. 63, 64). Высокая концентрация олова (7.2%) и свинца (9.7%) в сплаве, с одной стороны, вроде бы позволяет им отнести данный сосуд к группе “сако-сарматских котлов”¹. Но, с другой стороны, по сообщению исследователей, подобная концентрация олова и свинца отмечается и в китайских ритуальных бронзовых сосудах для воды типа

¹ Что конкретно понимают Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй под термином “сако-сарматские котлы”, и какой временной промежуток он охватывает, остается неясным.

“jian”, изготавливавшихся в позднежозускую эпоху (период Чжаньго, V–III вв. до н.э.).

Несколько слов следует сказать и о размерах котлов, используемых в качестве “аналогий”. Диаметр их венчиков составляет от 48 до 59 см. Реконструируемый диаметр венчиков литейных форм из Тахти-Сангина составляет 75–80 и 100 см, что в 2 раза больше, чем у упомянутых “аналогий”. Разумеется, ни на одном из данных сосудов нет и намека на греческие надписи.

Наконец, рассмотрим экземпляр, хранящийся в Национальном музее Республики Узбекистан, который, как решили исследователи, представляет собой случайную находку из “Бармашино, Кокчетавской обл. Казахстана”.

Котел имеет полусферическое приплюснутое тулово, венчик отогнут наружу, его верхняя плоскость прямая. В верхней трети тулова проходит валик-веревочка, над ним диаметрально противоположно располагаются четыре вертикальные петлевидные ручки с шестью горизонтальными рельефными валиками. Поддон воронковидный (рис. 2, 4, 5), прилит к тулову (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 61. Рис. 13; Boroŋka, Mei, 2013. Abb. 12).

С сожалением приходится констатировать, что в данном случае авторы, с одной стороны, стали жертвой незнания советской и российской археологической литературы по данной проблематике, с другой – ими была неправильно понята информация, почерпнутая из работ Е.Ю. Спасской о котлах, обнаруженных на территории Казахстана и Киргизии (1956, 1958).

Дело в том, что в работах Е.Ю. Спасской речь идет о двух котлах. Один из них действительно был найден в 1928 г. в “урочище Бармашном”, Щучинского р-на, Петропавловского округа Казахской ССР (Кокчетавская обл., Казахстан) и был передан на хранение в Петропавловский музей (Спасская, 1956. С. 164; 1958. С. 184), а второй котел был случайно найден под Ташкентом, хранился в Ташкентском музее и рассматривался Е.Ю. Спасской в качестве аналогии котлу из “Бармашино” (1956. С. 164). Именно его и исследовали Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй.

Более того! Котел из “Бармашино” (рис. 3) был найден в погребении. В советской и российской археологической литературе данный погребальный комплекс известен как “находки у озера Борового в Казахстане” и впервые полностью опубликован А.Н. Бернштамом, который датировал его IV–V вв. н.э. (1951). Правда, исследователь изучил только предметы, переданные после обнаружения в Государственный Русский музей в Ленинграде. Котел

остался в Петропавловском музее, где хранится и по сей день (Акишев, Хабдулина, 2011. С. 75, 201; Ярыгин, 2013). Подробные сведения о нем были представлены во второй работе Е.Ю. Спасской 1958 г., которая, как и исследование А.Н. Бернштама, осталась не известна Н. Бороффке и Цзян Цзун Мэй. Е.Ю. Спасская, ссылаясь на мнение А.Н. Бернштама, датировала котел из Бармашино IV–V вв. (Спасская, 1956. С. 164). К датировке данного погребального комплекса обращался и А.К. Амброз, который отнес его к древностям VII в. (1971). Золотые изделия из “погребения у с. Щучьего (около озера Борового) бывшего Петропавловского округа в Казахстане” были изданы И.П. Засецкой (1975. С. 43–51. Кат. 13–32), которая позже еще раз вернулась к хронологии погребения, отметив, что комплекс на основании совокупности дат всех предметов датируется в пределах V – первой половины VI в., но время захоронения, скорее всего, относится к началу VI в. (Засецкая, 1995).

Котел из “погребения у с. Щучьего (около озера Борового)” (рис. 3) действительно самая близкая аналогия котлу из Национального музея Республики Узбекистан (рис. 2, 4, 5). Он также отлит по выплавляемо-выгораемой модели, но в отличие от последнего имеет пропорциональное полусферическое тулово, отогнутый наружу венчик с прямой верхней плоскостью. В средней части тулова проходит валик-веревочка, над которым располагаются четыре вертикальные петлевидные ручки, “имитирующие фактуру рогов архара” (Спасская, 1956. С. 164). Внешняя поверхность неровная. Ниже “веревочки” проходит горизонтальный неровный формовочный шов (Минасян, 1986; Демиденко, 2008. С. 32–40). Тулово и ручки отлиты в одной литейной форме. Котел имеет воронковидный поддон. Вероятно он был прилит к тулову после изготовления последнего.

Данный экземпляр недавно был заново опубликован С.А. Ярыгиным (2013) с новыми фотографиями, подробным описанием и прорисовкой, сделанными сотрудниками Северо-Казахстанского музейного объединения (г. Петропавловск) О.И. Мартынюком и Р.А. Попович (рис. 3, 3, 5–7). И хотя утверждения исследователей, касающиеся, в частности, использования при изготовлении котла таких приемов металлообработки, как кузнечная сварка, клепка,ковка, выколотка, дискуссионны, однако это не делает данную работу менее значимой, а, наоборот, показывает необходимость дальнейшего изучения котла из погребения у оз. Боровое именно с технологической точки зрения.

Обратимся теперь непосредственно к фрагментам литейных форм. Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй

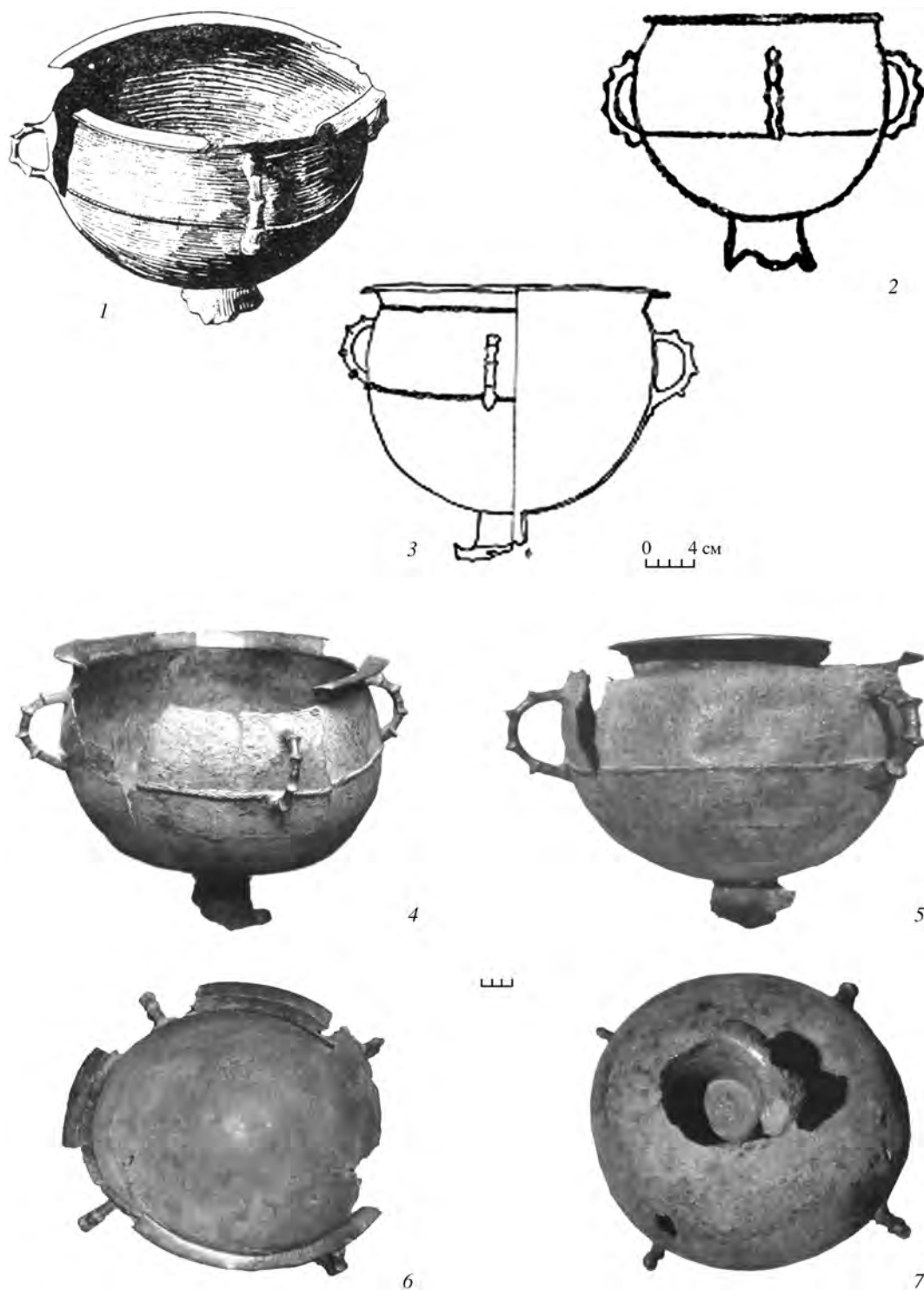

Рис. 3. Котел из погребального комплекса “у с. Щучьего (около озера Борового)”. 1 – по: Бернштам, 1951; 2 – по: Спасская, 1956; 3, 5–7 – по: Ярыгин, 2013; 4 – по: Акишев, Хабдулина, 2011.

предполагают использование при литье восковой модели. По мнению авторов, буквы были нанесены на предварительно изготовленную восковую матрицу рельефными восковыми валиками (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 57–60).

Аналогичная литейная форма № 2, только лучшей сохранности, была обнаружена в 2007 г. А. Дружиной (Drujinina, 2008. S. 125–128) в нижних слоях раскопа 18, в яме VIa (рис. 4, 7). Совпадали и структура глиняных прослоек стенок формы

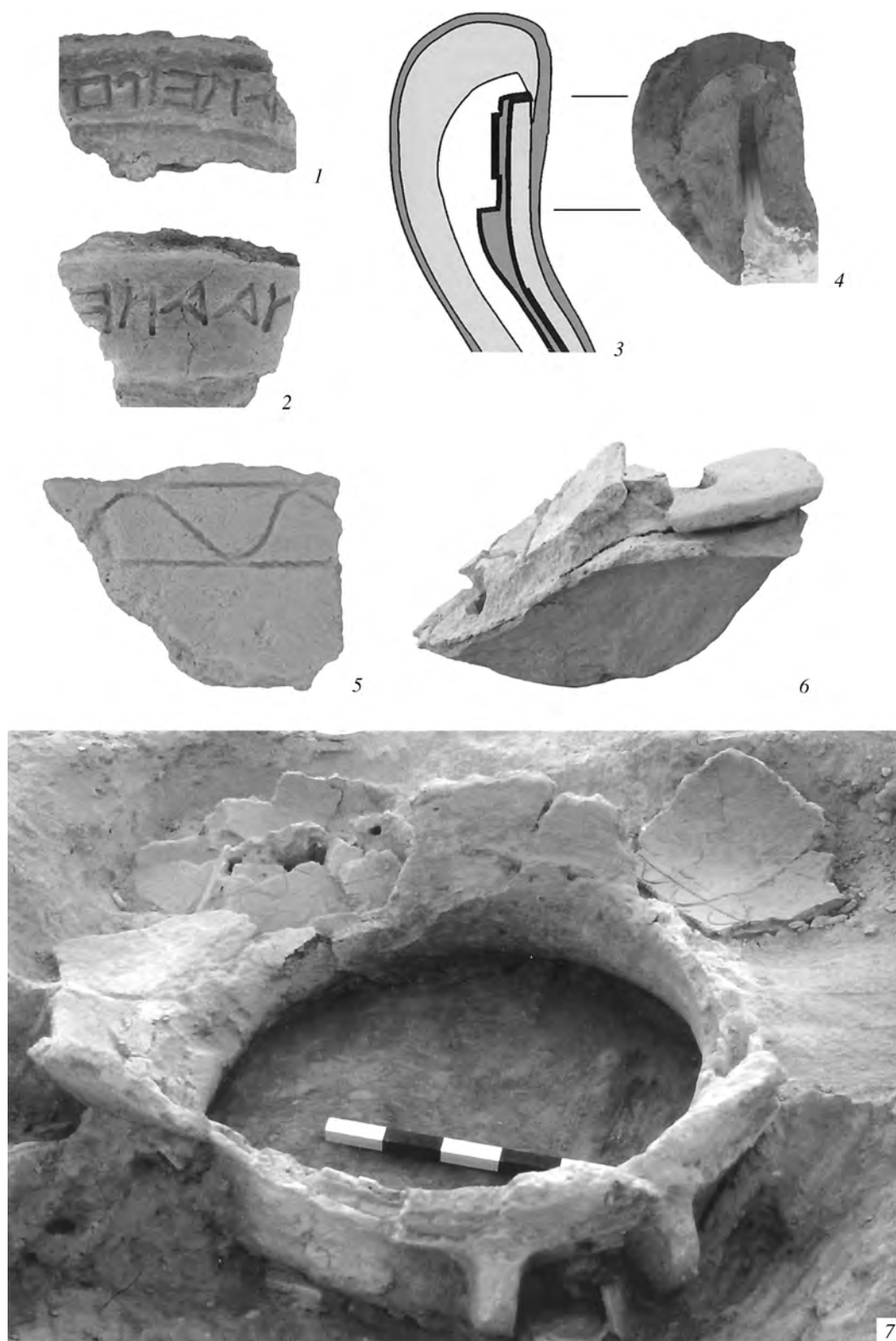
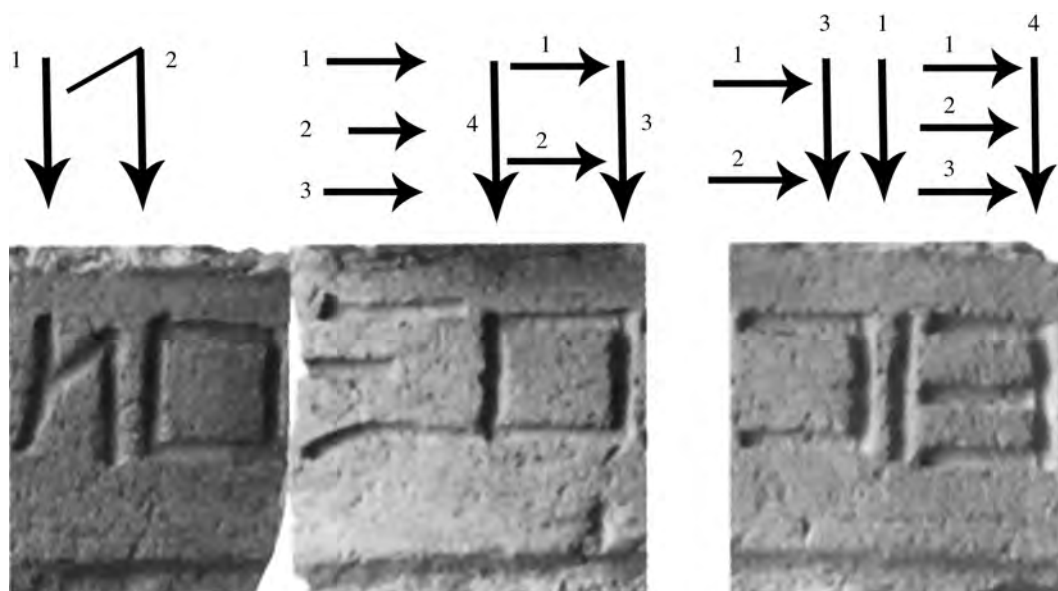

Рис. 4. Литейная форма № 2 с городища Тахти-Сангин (по: Drujinina, 2008). 1, 2 – фрагменты глиняной модели венчика с надписью; 3, 4 – разрез стенки венчика и его реконструкция; 5 – фрагмент стенки внешней части литейной формы с оттиском веревочного орнамента; 6 – литейная форма ручки; 7 – литейная форма в процессе расчистки.

А

Б

В

Рис. 5. А – увеличенный фрагмент греческой надписи на венчике литейной формы № 2 из Тахти-Сангина. Стрелками обозначены направления нанесения штрихов букв, цифрами – их вероятный порядок; Б – глиняная модель венчика с нанесенной греческой надписью (по: Alexander..., 2009; Beumer, 2012); В – китайский ритуальный сосуд для воды типа “jian”, период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Стрелками показан вертикальный литейный шов.

(рис. 4, 3, 4), и расположение надписи (рис. 4, 1, 2; рис. 5, Б). Отличие заключалось лишь в расположении ручек, которые были поставлены попарно, одна возле другой. А. Дружинина также предположила использование восковой модели с буквами из налепных валиков (Drujinina, 2008. S. 129).

Если же рассмотреть надпись на литейной форме № 2 при большом увеличении, то можно прийти к выводу, что буквы наносились не восковыми валиками по восковой матрице, а прорисовывались непосредственно по сырой глине орудием, имевшим прямоугольную поверхность шириной 0.5 см (вероятно, костяной или деревянной палочкой). Штрихи проводились слева направо, о чем свидетельствуют более глубокие вдавления с левой стороны штриха, куда непосредственно ставилось орудие письма, и сверху вниз, причем вертикальные штрихи перекрывали горизонтальные (рис. 5, А). Рельефная веревочка также была оттиснута с внутренней стороны внешней части литейной формы (рис. 4, 5).

Данный факт свидетельствует о том, что в Тахти-Сангине использовалась *не восковая*, а *глиняная модель*. И, скорее всего, мы имеем дело не с фрагментами венчиков *литейных форм* с надписями, а непосредственно с фрагментами *глиняных моделей* венчиков. Подтверждением этому может служить реставрированный венчик с надписью (рис. 5, Б) “литейной формы” № 2 (Alexander..., 2009. Kat. 263; Иванчик, 2011. Рис. 1; Beumer, 2012. P. 301; Ivantschik, 2013. Abb. 1).

Кроме того, изготовление литейной формы для любых типов котлов требует такой немаловажной детали, как наличие литейного стержня, на котором собственно и формируется модель (Максимов, 1966; Пазухин, 1970; Петриченко и др., 1970; Sramko, 1974; Минасян, 1986; Демиденко, 1994, 2000, 2008. С. 31–43). Остатки подобных литейных стержней не найдены при раскопках. Реконструкция литейной формы Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя такой детали также не предполагает (рис. 1, 1, 2). Столь рыхлая многослойная глиняная конструкция литейной формы, какой она описывается в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя, а также А. Дружининой (рис. 4, 3, 4), вряд ли могла бы выдержать без подобного литейного стержня расплавленный металл весом в “семь талантов” (около 180–250 кг) (Alexander..., 2009. Kat. 263), о котором говорится в самой посвяtitельной надписи.

Металлографическое исследование структуры металла савроматских и сарматских котлов показало, что в процессе изготовления литейные формы должны были находиться в каком-то очаге, где постоянно или временно поддерживалась высокая температура для улучшения жидкотекучести спла-

ва и во избежание недоливов (Демиденко, 2008. С. 29, 30). Такие очаги на Тахти-Сангине не обнаружены. Возможно в данном случае мы имеем дело не с производством самих бронзовых сосудов, а с изготовлением *глиняных моделей* и составных (?) *глиняных литейных форм* для них.

В то же время Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй на основе параллелей из памятников материковой Греции утверждают наличие на теменосе храма Окса производственного комплекса, где происходила отливка бронзовых сосудов. В качестве доказательства исследователи приводят литейную форму № 2, которая, по мнению авторов, была специально помещена в наклонном положении, чтобы уменьшить вертикальное давление расплавленной бронзы и способствовать лучшему распределению металла внутри нее, как это делалось в греческих мастерских (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 64).

Но при отливке котлов не имеет смысла использовать наклонную форму, поскольку имеющийся литейный стержень собственно и принимает на себя нагрузку заливаемого металла (Демиденко, 2008. С. 31–43). Наклонное положение литейной формы № 2, скорее свидетельствует о том, что она была забракована и просто выброшена мастером.

Кроме того, анализ греческой надписи, проделанный А.С. Балахванцевым, и исследование форм керамики, обнаруженных в раскопе 18, проведенное С.Б. Болеловым, позволяют утверждать, что дата фрагментов литейных форм относится не ко второй половине II в. до н.э., а ко второй половине I – началу II в. н.э. (см. статьи в данном номере журнала).

Возможно, производственный комплекс и существовал на теменосе храма Окса в эллинистическое и юэчжийско-бактрийское время. Однако наличие фрагментов, по меньшей мере, от семи глиняных литейных форм (или от семи глиняных моделей), которые действительно могли изготавливаться в данном месте или поблизости; отсутствие явных следов производства крупных бронзовых сосудов, вероятнее всего, говорит о том, что во второй половине I – начале II в. н.э. данное помещение использовалось уже как свалка производственных отходов.

Таким образом, столь разнородный как в технологическом, так и в хронологическом отношении материал не может быть использован и в постановке проблемы взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки в Центральной Азии. К тому же в работах Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя практически отсутствуют

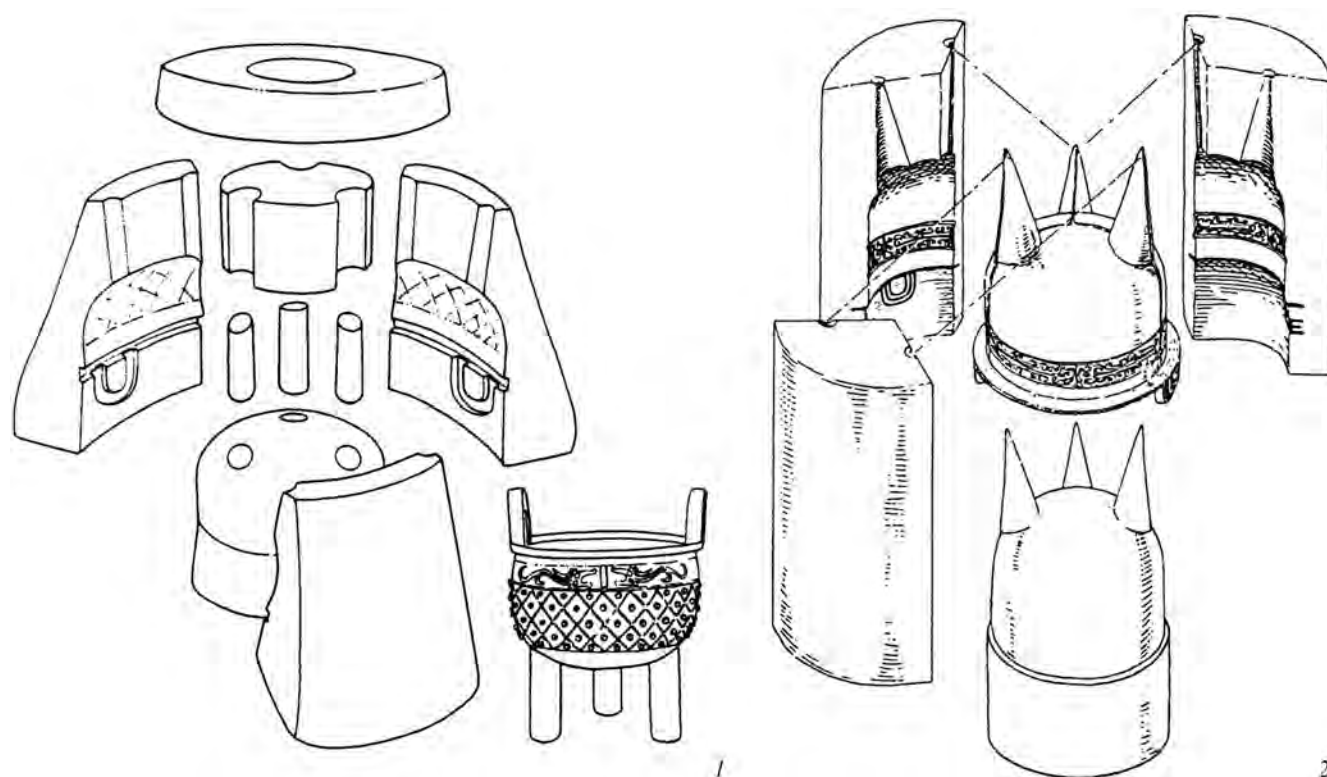

Рис. 6. Конструкции литейных форм ритуальных китайских бронзовых сосудов типа “ding”, изготовленных с использованием глиняной модели. 1 – по: Rawson, 1996; 2 – по: Brinker, 1980.

подробные характеристики упомянутых “традиций металлообработки”.

Так, “греческими” считают исследователи конструкцию бронзолитейной мастерской в Тахти-Сангине, а также использование “прямого” и “непрямого” методов литья, т.е. когда “глиняная оболочка наращивается на восковой модели” или когда по модели делались отдельные части литейной формы, которые потом состыковывались. Оба метода были известны в Греции: “прямой” в VI–V вв. до н.э.; “непрямой” – с IV в. до н.э. и в III–I вв. до н.э.”. Оба метода, как считают авторы, применялись для изготовления котлов “типа Тахти-Сангин–Бармашино” во II в. до н.э. (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 64–66).

Если учесть, что сами остатки “литейных форм” датируются второй половиной I – началом II в. н.э., а их “анalogии” вообще относятся к эпохе раннего средневековья, то рассматривать способы, которыми они были изготовлены, сравнивать с греческими и использовать в качестве доказательства проникновения “греческих традиций” не совсем корректно.

Сведений же о способах изготовления крупных металлических сосудов на территории материковой Греции, которые можно было бы сравнить со

способами изготовления котлов ранних кочевников Евразии и с литейными формами из Тахти-Сангина, авторы не приводят, опираясь в основном на данные по литью греческих статуй.

Достаточно проблематичен и тезис Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя о проникновении китайских традиций металлообработки на территорию современного Таджикистана.

Разумеется, и мы не оспариваем утверждения, что контакты Китая со степным миром севера и запада хорошо известны, и они только усиливаются в “скифо-сакское, сарматское и греко-бактрийское время” (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 67). Может быть, и нас “никоим образом не удивило бы” проникновение китайских традиций литья, если бы оно было продемонстрировано и надежно документировано. Тезис об использовании в Китае с древнейших времен секционных литейных форм для изготовления ритуальных сосудов также не вызывает возражений. Но каким образом данный факт связан с “литейными формами” из Тахти-Сангина второй половины I – начала II в. н.э. и с котлами эпохи раннего средневековья, остается непонятным. К тому же аргумент о секционных литейных формах уже был использован авторами при

обосновании проникновения греческих традиций металлообработки на данную территорию.

Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй предлагают считать прототипом форм котлов “типа Тахти-Сангин-Бармашино” китайские ритуальные бронзовые сосуда для воды типа “jian”, изготавливавшиеся в период Чжаньго, V–III вв. до н.э. (рис. 5, В). Данное утверждение основывается только на декларируемом внешнем сходстве формы сосудов типа “jian” и формы из Тахти-Сангина, реконструированной на основе псевдоанalogий (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 67–69), но в них нет ничего общего – ни по форме, ни по технологии, ни по назначению².

Китайская же традиция или, лучше сказать, китайский способ изготовления бронзовых сосудов, в том числе и типа “jian”, предполагает отливку в составных по вертикали секционных литейных формах с применением глиняной модели, что практиковалось уже в эпохи Шань, Чжоу и в более поздние периоды (рис. 5, В; 6) (Brinker, 1980. S. 15–53; Rawson, 1996).

Хорошо известны кочевнические по форме котлы из пограничных районов Южной Сибири и Северного Китая, изготовленные в китайских традициях литья, которые отливались с использованием глиняной модели в разъемных по вертикали литейных формах (2- или 4-частных). Причем вертикальный литейный шов, проходя по всему тулову, переходил и на поддон сосуда. Данный прием хорошо прослеживается и на кочевнических котлах эпохи Чжоу (рис. 7, 5), и на котлах эпохи Хань (рис. 7, 6), и в более позднее время (Демиденко, 2008. С. 42, 43; 2014). И именно данные факты могут свидетельствовать о взаимовлиянии китайских и “степных” традиций в литейном производстве, связанном с изготовлением котлов. Котлы данных типов найдены как на территории современного Китая, в регионе Внутренней Монголии, так и в Южной Сибири (Hatakeyama, 2011; Takahama, 2011). Подобных литейных швов нет ни на одном из упомянутых Н. Бороффкой и Цзян Цзун Мэем котлов, как нет на территории современного Таджикистана ни одного китайского сосуда или кочевнического котла, изготовленного китайским способом.

Невозможно говорить и о проникновении “скифо-сакских” или “сармато-сакских” традиций металлообработки. Существует скифский способ изготовления котлов (V–IV вв. до н.э.), который

заключается в использовании цельнолитого метода (т.е. когда тулово, ручки и поддон отливаются одновременно в одной литейной форме), применении выплавляемо-выгораемой модели, а также литейного стержня эллипсовидной формы на подставке (рис. 7, 1) (Демиденко, 2008. С. 32, 33). Ни один такой котел на территории современного Таджикистана, да и вообще в Средней Азии, на сегодняшний день не найден (Yukisima, 2011).

И есть сакский способ изготовления котлов (V–III вв. до н.э.), который также заключается в использовании цельнолитого метода, применении выплавляемо-выгораемой модели, но с предохраняющей растительной конструкцией, которая перетягивается в средней части тремя веревочками. Однако литейный стержень имел полусферическую форму и состоял из двух частей, одна из которых надевалась на другую (Демиденко, 2008. С. 39, 40). Сакские котлы известны трех основных типов: на трех ножках, на поддонах (рис. 7, 3, 4) или вообще без них. Подобные котлы на территории Таджикистана также не обнаружены, они локализуются в основном в районах Семиречья, на территории современных Казахстана, Киргизии и частично в Синьцзяне (Китай) (Yagyu, 2011). Обнаруженные на Памире небольшие котелки V–IV вв. до н.э. (Литвинский, 1972. С. 47–49) свидетельствуют о контактах с сакскими племенами Семиречья и Тяньшаня, но никак не о проникновении “скифо-сакских” традиций металлообработки (Демиденко, Фирсов, 1999; Demidenko, Firsov, 2002; Литвинский, 2010. С. 470–472).

В евразийских степях существует сарматский способ изготовления котлов (II в. до н.э. – первая половина II в. н.э.), который предполагает раздельный метод литья, т.е. когда поддон приливается к тулову, но все также используется выплавляемо-выгораемая модель с предохраняющей растительной конструкцией, которая перетягивается в средней части одной веревочкой, двусоставной литейный стержень и т.д. (рис. 7, 2) (Демиденко, 2008. С. 33–39; Demidenko, 2011).

Все эти способы имеют достаточно много общих черт, которые, с одной стороны, обусловлены техническими навыками мастеров-литейщиков, необходимыми для производства данной категории изделий, но, с другой стороны, каждый из них имеет и особенные черты, обусловленные развитием традиций литейного дела в каждом из регионов Евразии.

Из всех перечисленных способов изготовления именно сарматский наиболее близок упоминавшимся котлам из Зидды, Руфигара, Ташкента и погребам

² Ритуальные сосуды типа “jian” использовались для хранения воды или в качестве зеркала (Древний Китай..., 2014. С. 39). Котлы, названные в качестве “аналогий”, использовались для приготовления пищи, о чем говорят следы копоти на их внешней поверхности.

Рис. 7. Бронзовые котлы, изготовленные разными способами литья. 1 – скифский котел, V–IV вв. до н.э. (курган Толстая Могила, Украина); 2 – сарматский котел, I – первая половина II в. н.э. (Барановка, к. 2, Волгоград, Россия); 3, 4 – сакские котлы, V–III вв. до н.э. (случайные находки, Алма-Ата, Казахстан); 3 – на трех ножках; 4 – на поддоне; 5, 6 – котлы из Северного Китая (случайные находки, Токио): 5 – VIII–V вв. до н.э.; 6 – II в. до н.э. – VI в. н.э. 1–4 – использование выплавляемо-выгораемой модели; 5, 6 – использование глиняной модели. Стрелками показан вертикальный литейный шов.

ния у оз. Боровое. Однако их разделяет достаточно большой промежуток времени – около 400 лет.

Таким образом, обнаруженные в Тахти-Сангине фрагменты венчиков глиняных моделей с надписями и фрагменты внешних стенок литейных форм с оттисками “веревочного орнамента”, датирующиеся второй половиной I – началом II в. н.э., вероятнее всего, – отходы производства и не имеют отношения к производственному комплексу предшествующих эпох, если он вообще существовал в тот период времени.

Привлекаемые в качестве “аналогий” котлы из Зидды и Руфигара изготовлены по выплавляемо-выгораемой модели с использованием утрачиваемой литейной формы. Они датируются VII – началом VIII в. Котел из Фахрабада изготовлен по глиняной модели в составной литейной форме. Он не имеет четкой датировки, хотя, возможно, также относится к гуннскому времени или эпохе раннего средневековья.

Котел из Национального музея Республики Узбекистан датируется по аналогии с котлом из погребального комплекса “у с. Щучьего (около озера Борового)” началом VI в., сходен с ним по технике литья (выплавляемо-выгораемая модель, использование веревочки), но также никакого отношения к реконструируемой “литейной форме” № 1 Н. Борофки и Цзян Цзун Мэя не имеет.

Можно с уверенностью сказать, что котлов “типа Тахти-Сангин-Бармашино” как таксонометрической единицы в принципе не существует, поскольку в Тахти-Сангине собственно котлы не найдены, а имеющиеся данные пока не позволяют достоверно реконструировать форму изготавливавшихся там сосудов.

Наконец, столь разнородный в хронологическом, типологическом и технологическом отношении материал не позволяет ставить проблему “взаимопроникновения китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки” в Центральной Азии в том виде, в котором она представлена Н. Борофкой и Цзян Цзун Мэем.

Прежде всего необходимо более тщательное изучение остатков всех найденных глиняных литейных форм, глиняных моделей, их реставрация, а уже потом – реконструкция, поиск аналогий и выявление взаимодействия различных технологических традиций.

Представляется, что истинное положение дел гораздо сложнее и требует более глубокого и развернутого исследования с привлечением большего количества материала из различных регионов Евразии.

Автор выражает признательность д-ру ист. наук, проф. Н.В. Рындиной, под чьим руководством проводилось изучение образцов в Лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, и сотруднику Лаборатории сектора металлов ГНИИ реставрации канд. ист. наук И.Г. Равич за консультации и бескорыстную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. Астана: Изд. дом Сарыарка, 2011. 260 с.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. II // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XIII. М.; Л., 1951. С. 216–229.
- Борофка Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Демиденко С.В. Технология изготовления литых котлов и некоторые проблемы сарматской истории // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. Волгоград, 1994. С. 65–67.
- Демиденко С.В. Типология котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии / Ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М., 1997. С. 120–159.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы раннего железного века как источник по истории и культуре древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 181 с.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.
- Демиденко С.В. О позднесарматских бронзовых котлах // РА. 2014. № 1. С. 26–31.
- Демиденко С.В., Фирсов К.Б. Об одном из видов бронзовых котлов Евразии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999. С. 85–90.
- Древний Китай: ритуал и музыка. Бронзы и лаки из собрания музея провинции Хубэй. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2014. 47 с.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975. 78 с.
- Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.

- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. М.: Наука, 1972. 274 с.
- Литвинский Б.А. Прилож. I. Искусство и мифологические представления кочевников Памира (середина и вторая половина I тыс. до н.э.) // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. С. 469–480.
- Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51–60.
- Минасян Р.С. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. 1986. № 27. С. 61–78.
- Пазухин В.А. Как все же отливали сарматские котлы // СА. 1970. № 4. С. 282–284.
- Петриченко О.М., Шрамко Б.А., Солнцев Л.О., Фомин П.Д. Похождения техники литья бронзовых казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. Вип. XII. Київ, 1970. С. 67–77.
- Спаская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая. Сер. гуманитар. наук. 1956. Т. XI/I. С. 155–169.
- Спаская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая. Сер. обществ.-политич. 1958. Т. XV (3). Вып. 2. С. 178–193.
- Якубов Ю.Я. Бронзовые средневековые котлы из Таджикистана // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе: Дониш, 1987. С. 135–154.
- Якубов Ю.Я. Археологические памятники древнего Раша и Дарваза // АРТ. Вып. XXII (1982). Душанбе: Дониш, 1990. С. 291–300.
- Ярыгин С.А. К вопросу о бронзовом котле из погребения в Боровом // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 441–445.
- Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim; Regensburg, 2009 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 36). 447 S.
- Boroffka N., Mei J. Technologietransfer in Mittelasien – chinesische, griechische und skytho-sakische Interaktion in der Gusstechnik // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 14). S. 143–170.
- Brinker H. Bronzekunst Shang und Zhou // Kunstschatze aus China. 5000 v. Chr. bis 900 n. Chr. Neuere archäologische Funde aus der Volksrepublik China. Zürich: Kunsthau, 1980. 370 S.
- Beumer Ch. The History of Central Asia (The Age of the Steppe Warriors). V. 1. L.: I.B. Tauris, 2012. 375 p.
- Demidenko S.V. Sauromatian-Sarmatian Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 293–339.
- Demidenko S.V., Firsov K.B. Über einen Bronzekesseltyp aus Eurasiens // Eurasia Antiqua. Bd. 8. Berlin, 2002. S. 277–294.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxus-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bull. Miho Museum. 2006. V. VI. P. 57–69.
- Hatakeyama T. Siberian Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 119–190.
- Ivantschik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 14). S. 125–142.
- Rawson J. Die rituellen Bronzegefäße der Shang- und Zhou-Perioden // Das alte China. Menschen und Götter im Reich der Mitte 5000 v. Chr. – 220 n. Chr. Zürich: Kunsthau, 1996. S. 8–58.
- Šramko B.A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974. S. 472–474.
- Takahama Shu. Chinese Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 9–93.
- Yagyu T. Cauldrons of 1st Millenium B.C. in the North Tianshan Region // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc. 2011. P. 191–253.
- Yukisima K. Cauldrons in the Western Region of the Central Eurasian Steppes in the Pre-Scythian and Scythian Periods // Studies on Ancient Cauldrons. Tokyo: Steppe Archaeol. Soc., 2011. P. 255–291.

НОВАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОГО ЭЛЛИНИЗМА

© 2014 г. А.С. Балахванцев

Институт Востоковедения РАН, Москва (balakhvantsev@gmail.com)

Ключевые слова: *Тахти-Сангин, храм Окса, эллинизм, греческий язык.*

The article considers an inscription on a clay form for casting a bronze cauldron which was found in the temple Oxa's yard (the settlement Takhti-Sangin, the Southern Tajikistan) in 2007. The complex paleographic analysis of the inscription and its lexical, spelling and syntactic features allows concluding that it is dated the second half of the 1st century AD. The inscription along with the other data testifies multifunctional and deep influence of Hellenism on the Central Asian community and culture. It also verifies that even after the Greek-Macedonian dynasties fall the Greek language was preserving its high prestige.

В 2007 г. в ходе раскопок во дворе храма Окса (городище Тахти-Сангин, Южный Таджикистан) была обнаружена верхняя часть глиняной формы для отливки бронзового котла, на венчике которой находилась негативная греческая надпись. Первая публикация находки появилась уже через год (Drujinina, 2008; Дружинина, 2009), однако из-за незнания А. Дружининой древнегреческого языка ее перевод пестрит многочисленными ошибками. Так, прочитав ΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑ в одно слово, автор публикации посчитала, что это определение к имени божества ΟΞΟΝ (Дружинина, 2009. С. 193). Между тем последнее слово (Окс) – существительное мужского рода винительного падежа единственного числа и никак не может согласовываться с “определением” среднего рода, стоящим в винительном падеже множественного числа.

Более адекватный перевод был представлен в статье М. Вексиной (2010. С. 226–240), хотя с ее попыткой увидеть в надписи стихотворный текст согласиться невозможно. Особое значение для правильного прочтения и перевода обсуждаемой здесь надписи имели выступления и публикации А.И. Иванчика (Иванчик, 2009, 2011; Ivantchik, 2013). Согласно его мнению надпись читается и переводится следующим образом: Εἰς Ὀξον κατὰ φραζύμενα ἀνέθεσε Ἰρωμοῖς Νεμισκοῦ πολυπαλῆς χαλκίον ἐν τάλαντων ἑπτὰ – “Иромойс, сын Немиска, держатель (или под.) печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию” (Иванчик, 2011. С. 117). Данное чтение воспроизведено и в авторитетном эпиграфическом издании

(SEG LVIII 1686). Несколько по-другому читает надпись Ж. Ружмон (Rougemont, 2012. Р. 274).

Вопрос о датировке надписи столь же важен, как ее чтение и перевод. А. Дружинина, основываясь на сопутствовавшем глиняной форме керамическом материале, датировала весь комплекс второй четвертью II в. до н.э. (Drujinina, 2008. С. 132, 133, 135). Эта точка зрения уже успела найти сторонников (Alexander..., 2009. С. 366; Wood, 2011. Р. 148; Treister, 2012. Р. 84). Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй, проанализировав керамику из раскопок 17 и 18, откуда происходит и литейная форма, пришли к выводу, что она датируется второй половиной II в. до н.э. (2011. С. 54–56). Наиболее обстоятельно вопрос о датировке был изучен в статьях А.И. Иванчика (Иванчик, 2011. С. 121–125; Ivantchik, 2013. С. 134–137), который, опираясь на палеографию надписи, керамический материал и данные радиоуглеродного анализа, посчитал, что фрагменты литейной формы датируются “второй половиной II в. до н.э., менее вероятно – первой половиной I в. до н.э.” (Иванчик, 2011. С. 123; Ivantchik, 2013. С. 135). К сторонникам датировки надписи серединой II в. до н.э. относятся и издатели *Supplementum Epigraphicum Graecum* (SEG LVIII 1686).

Однако данная точка зрения далеко не единственная. Так, если М. Вексина первоначально относил надпись ко второй половине II в. до н.э. (2010. С. 236), то позднее она пришла к выводу, что палеография указывает на более позднее время, отстоящее от падения Греко-Бактрии не менее чем на несколько поколений (Veksina, 2012. С. 111). Наконец, П. Бернар и следующий за ним Ж. Ружмон

ΕΙΣ ΟΞΟΝ ΚΑΤΑΦΡΑΣΜΕΝΑ
 ΑΝΕΒΕ ΣΕΙΡΩΜΟΙΣ ΝΕΜΙΣΚΟΥ
 ΜΟΛΡΠΑΛΗΣ ΧΑΛΚΙΟΝ
 ΕΓ ΤΑΛΑΝΤΩΝ ΕΠΤΑ

Надпись из Тахти-Сангина в зеркальном отражении. Фото (по: Drujinina, 2008) и прорисовка.

полагают, что надпись следует датировать серединой I в. н.э. (Bernard, 2012. P. 276; Rougemont, 2012. P. 275).

Таким образом, диапазон представленных в литературе точек зрения очень широк. Между тем данный источник способен при условии его правильного датирования пролить свет на малоизученную проблему распространения и исчезновения эллинской речи на территориях к востоку от Евфрата. В связи с этим возникает объективная необходимость снова вернуться к вопросу о хронологической принадлежности тахти-сангинской надписи.

Поскольку период бытования керамики, обнаруженной вместе с литейной формой, а также использования соответствующего типа котлов рассматриваются в публикуемых здесь же статьях С.Б. Болелова и С.В. Демиденко¹, цель настоящего исследования – анализ самой надписи. Ее палеография (рисунок) характеризуется следующими чертами: квадратные формы *сигмы*, *теты*, *омикрона*; *омега* выглядит, как буква “ш” в кириллице; левая гаста *лямбды* и особенно *альфы* иногда расположена практически вертикально; нижний усик *каппы* отходит от верхнего; вогнутые боковые элементы *ню*, *мю*, *пи*, *эты*; *ро* с незамкнутой петлей. Все это позволяет отнести надпись к “монументально-курсивному письму”, выделенному еще Ю.Г. Виноградовым на материалах Восточного Ирана и Центральной Азии (Литвинский и др., 1985. С. 97–99).

Следует заметить, что формы ряда букв тахти-сангинской надписи не могут рассматриваться в качестве хроноиндикаторов. Так, аналогичное написание *альфы* и *каппы* встречается как в памятниках из Ай-Ханум середины II в. до н.э. (Canali De Rossi, 2004. P. 207–217; Rougemont, 2012. P. 215–234, 244.

Fig. 101–126, 135), так и в монетных легендах Вимы Кадфиза первой четверти II в. н.э. (Vorearachchi, 2007. P. 43. Fig. A). По этой причине основное внимание необходимо уделить именно квадратным формам и *ро* с незамкнутой петлей.

По мнению А.И. Иванчика, квадратные формы букв, аналогичные использованным в тахти-сангинской надписи, стали применяться в Бактрии уже во II в. до н.э. (2011. С. 124, 125). Действительно, впервые квадратная *сигма* (наряду с лунарной) встречается в надписи из Жига-тепе (Пугаченкова, 1979. С. 74. Рис. 12, 2), которая датируется концом III – II в. до н.э. (Литвинский, и др., 1985. С. 99; Bernard, 1987. P. 113; Canali De Rossi, 2004. P. 196; Rougemont, 2012. P. 190). Однако другие приводимые А.И. Иванчиком примеры, долженствующие подкрепить его точку зрения, вызывают серьезные возражения. Так, по меньшей мере спорной и бездоказательной выглядит попытка хронологического сближения подражаний монетам Гелиокла I, в легендах которых присутствует квадратная *сигма*, с оригинальными выпусками этого правителя². Между тем нумизматика Бактрии и соседних с ней областей дает многочисленные примеры того, что прототип и подражание могли далеко отстоять друг от друга во времени. Например, подражания тетрадрахмам Евтидема I (230–200 гг. до н.э.) выпускались в I в. до н.э. – IV в. н.э. (Смирнова, 2005. С. 172), а посмертные выпуски индо-греческого царя Гермея (90–70 гг. до н.э.) появлялись вплоть до середины I в. н.э. (Vorearachchi, 1991. P. 118–124). Отметим, что автором, как и другими исследователями, под посмертными выпусками понимаются те подражания, которые особенно близки к своим прототипам по качеству и внешнему виду (см. Смирнова, 2005. С. 171, 172).

¹ Не имея необходимости повторять систему аргументов моих коллег, лишь подчеркну их общий вывод: ни форма тахти-сангинского котла, ни сопутствовавшая литейной форме керамика не дают оснований датировать их II в. до н.э.

² Е.В. Зеймаль относил выпуск этих подражаний к концу II в. до н.э. – началу II в. н.э. (1985. С. 50).

Столь же неудачной представляется попытка А.И. Иванчика использовать в данной дискуссии две новые монеты “царя Гелиокла”, в легендах которых имеется квадратный *омикрон*. Дело в том, что тип оборотной стороны этих монет не имеет ничего общего с тетрадрахмами и драхмами Гелиокла I (Vosearatchchi, 1991. P. 222–225. P. 24–26), царствовавшего в 139–129 гг. до н.э. Следует согласиться с их публикаторами, которые относят эти экземпляры к прежде неизвестному царю Гелиоклу III, правившему в I в. до н.э. (Ртвеладзе, Горин, 2011. С. 193, 194)³.

Повторяя вслед за П. Бернаром (Иванчик, 2011. С. 124. Прим. 54), что *ро* с незамкнутой петлей появляется уже во II в. до н.э., А.И. Иванчик не заметил допущенной французским исследователем неточности. В самом деле, П. Бернар обосновывает свое утверждение ссылкой на монеты Артемидора (Bernard, 2012. P. 276. Not. 932), однако, в использованной им работе (Vosearatchchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 37) правление этого индо-греческого царя относится к 85 г. до н.э. Другие авторы предлагают еще более поздние даты, около 65–60 гг. до н.э. (Senior, MacDonald, 1998. P. 58).

Расширение круга анализируемых памятников греко-бактрийской эпиграфики за счет привлечения выполненного около 200 г. до н.э. посвящения Гелиодота Гестии (Bernard et al., 2004. P. 355. Fig. 27; Rougemont, 2012. P. 255–258), относящейся ко II в. до н.э. – I в. н.э. стеле Софита (Bernard et al., 2004. P. 236. Fig. 1; Rougemont, 2012. P. 173–182), надписей из Ай-Ханум (Rougemont, 2012. P. 200–255), а также пергаментов первой половины II в. до н.э. (Rea et al., 1994. P. 271, 278. Pl. V; Clarysse, Thompson, 2007. P. 276. Fig. 1; Rougemont, 2012. P. 191–194) наглядно демонстрирует, что всем им абсолютно несвойственны такие характерные черты тахти-сангинской надписи, как III-образная *омега*, квадратные формы *сигмы*, *теты*, *омикрона* и *ро* с незамкнутой петлей.

Особенно показательно сопоставление надписи из Тахти-Сангина с обнаруженным там же посвящением Атросока, датируемым или серединой (Литвинский и др., 1985. С. 102), или второй половиной II в. до н.э. (Bernard, 1987. P. 112). Ж. Ружмон не исключает для этой надписи дату в пределах III–I вв. до н.э. (Rougemont, 2012. P. 197). Палеография надписи Атросока (лунарная *сигма*, курсивная *омега*, *ро* с маленькой замкнутой петлей) не имеет ничего общего с надписью на литейной форме. А.И. Иван-

чик попытался отчасти объяснить это различие тем, что первое посвящение было процарапано на известняковом постаменте, а второе рельефно нанесено на восковую матрицу (2011. С. 121). Однако С.В. Демиденко установил, что надпись Иромоеиса на самом деле была прочерчена по сырой глине. К тому же на принадлежность лапидарных надписей Восточного Ирана и Центральной Азии к одной из трех разновидностей – монументальной, монументально-курсивной и курсивной – ни характер материала, ни способ исполнения практически не влияют (Литвинский и др., 1985. С. 98–100). Если же ко всему этому прибавить тот факт, что в легендах монет греко-бактрийских и индо-греческих царей II в. до н.э. ни разу не встречаются те формы букв, которые отличают новую надпись из Тахти-Сангина, то необходимо признать, что посвящение Иромоеиса не может датироваться II в. до н.э. (Это обстоятельство позволяет считать использование квадратной *сигмы* в упомянутой выше надписи из Жига-тепе индивидуальной особенностью резчика.)

Наиболее ранние аналогии квадратным буквам тахти-сангинской надписи появляются только в I в. до н.э. Так, квадратная *сигма* используется в легендах монет индо-греческого царя Антиалкида (115–95 гг. до н.э.), которые, возможно, были выпущены уже после его смерти (Vosearatchchi, 1991. P. 279. Not. 24. P. 41). На монетах Теофила (около 90 г. до н.э.) наряду с круглой встречается и квадратная *тета* (Vosearatchchi, 1991. P. 105, 307, 308. P. 48), а в бронзе Никия (около 90–85 гг. до н.э.) – квадратный *омикрон* и *омега* в виде кириллической “ш” (Vosearatchchi, 1991. P. 106–108, 312. P. 49). На монетах индо-сакского царя Мауэса и царицы Махены (90–70-е годы до н.э.) присутствуют квадратные *омикрон*, *тета*, *сигма* и *ро* с незамкнутой петлей (Vosearatchchi, 2003. P. 140. № 115), а у Спалириса (около 70 г. до н.э.) – *омега* в виде “ш” (Vosearatchchi, 2003. P. 141. № 118; Widemann, 2009. P. 297–300).

Ро с незамкнутой петлей используется в чекане Артемидора (80–60 гг. до н.э.) (Senior, MacDonald, 1998. P. 55). Квадратный *омикрон* постоянно встречается в легендах монет Гиппострата (65–55 гг. до н.э.) (Vosearatchchi, 1991. P. 356–360. P. 64–66), а также в посмертных сериях Гермея, выпускавшихся между 55 г. до н.э. и 40 г. н.э. (Vosearatchchi, 1991. P. 121–124, 333–343). *Ро* с незамкнутой петлей присутствует на монетах города Пушкалавати, выпущенных в I в. до н.э. – I в. н.э. (Vosearatchchi, 2003. P. 143. № 126), а также вместе с квадратной *сигмой* и *омегой* в виде “ш” – Гондофара I, правившего во второй четверти I в. н.э. (Vosearatchchi, 2003. P. 144.

³ По мнению А.Н. Горина (которому выражаем искреннюю благодарность), этого правителя следует отличать от одноименного царя, упомянутого в работе Ф. Видемана (Widemann, 2009. P. 372).

№ 127, 128). Аналогичная *омега* использовалась и преемниками последнего – Абдагесом и Пакором – во второй половине I в. н.э. (Bopearachchi, 2003. P. 144. № 129, 130). Наконец, в надписи 94/5 г. н.э. (Bernard, 2012. P. 276) из Дашт-и Навура (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. P. 95, 96. Fig. 9; Canali De Rossi, 2004. P. 206), первая строчка которой написана по-гречески, присутствуют квадратные *омикрон* и *меха*, а также *ро* с незамкнутой петлей.

О широком распространении в Бактрии и соседних с ней областях той разновидности монументально-курсивного письма, к которой относится и тахти-сангинская надпись, недвусмысленным образом свидетельствует еще одно обстоятельство. Присущие ей формы букв были использованы при создании бактрийского алфавита и нашли свое применение в надписи Вимы Такту из Дашт-и Навура (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. P. 95, 96. Fig. 9; Canali De Rossi, 2004. P. 206).

Однако уже в начале II в. н.э. картина резко меняется. Так, в греческих легендах монет Вимы Кадфиза, правление которого датируется 100/105–127 гг. н.э. (Bopearachchi, 2007. P. 50; 2008. P. 52), используются только круглый *омикрон*, курсивная *омега*, лунарная *сигма* и *ро* с замкнутой петлей (Bopearachchi, 2007. P. 43. Fig. A; 2008. P. 8, 9, 12, 22). В одной из самых поздних греческих надписей Бактрии – приписке Паламеда, выполненной в эпоху Канишки I (127–150 гг. н.э.), *омикрон* также имеет круглую форму (Canali De Rossi, 2004. P. 200). Таким образом, палеография позволяет поместить надпись на литейной форме из Тахти-Сангина в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Впрочем, анализ лексики, синтаксиса и орфографии надписи позволяет значительно сузить эти рамки. Начнем с титула донатора – $\mu\omicron\lambda\rho\pi\alpha\rho\eta\varsigma$. Этот апеллятив имеет бактрийское происхождение и означает “хранитель / держатель печати” (Иванчик, 2011. С. 117; Лурье, 2012. С. 26). Аналогичное должностное лицо *mwdrwrt* – “накладывающий печать” – существовало при парфиях и в Старой Нисе (Diakonoff, Livschits, 2001. P. 197). Однако, несмотря на наличие в нашем распоряжении большого количества документов греко-бактрийского времени (Rea et al., 1994. P. 271, 278; Rougemont, 2012. P. 216–236), в них нет и намек на возможность существования в эту эпоху бактрийских наименований для должностных лиц. Деловая лексика этих текстов исключительно греческая, например $\epsilon\sigma\phi\rho\acute{\alpha}\gamma\iota\sigma\tau\alpha\iota$ (Rougemont, 2012. № 101, 104,

105, 114, 115, 118–120), $\eta\mu\acute{\iota}\omicron\lambda\omicron\varsigma$ (Rougemont, 2012. № 120)⁴, $\lambda\omicron\gamma\epsilon\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\epsilon\pi\iota$ $\tau\omega\nu$ $\pi\rho\omicron\sigma\acute{o}\delta\omega\nu$ или $\nu\omicron\mu\omicron\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\chi$ (Rea et al., 1994. P. 263, 265, 266; Rougemont, 2012. P. 191, 192). Если бы тахти-сангинское посвящение действительно относилось ко II в. до н.э., то в нем вместо $\mu\omicron\lambda\rho\pi\alpha\rho\eta\varsigma$ ожидалось бы $\sigma\phi\rho\alpha\gamma\iota\sigma\tau\eta\varsigma$ или $\sigma\phi\rho\alpha\gamma\iota\delta\omicron\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\chi$ – “хранитель печати” (A Greek-English Lexicon, 1996. P. 1742). Бактрийский титул, представляющий собой прямую кальку с греческого, мог появиться только после падения Греко-Бактрии и завершения периода “варварской оккупации”, когда во второй половине I в. н.э. стали формироваться основы кушанской государственности и бюрократической номенклатуры.

Имеющиеся в надписи погрешности против правил греческой орфографии и синтаксиса (Иванчик, 2011. С. 112–117; Ivantchik, 2013. S. 126–130) также способны пролить дополнительный свет на ее датировку. Дело в том, что греческие тексты II в. до н.э., к составлению которых были причастны бактрийцы, будь то посвящение Атросока или остраки из Ай-Ханум, стоят выше любой критики. Исчерпывающим образом об этом высказался Ю.Г. Виноградов: “Орфография надписи (Атросока. – А.Б.), выдержанная в нормах койне, безупречна” (Литвинский и др., 1985. С. 94).

Нисколько не противоречат нормам греческого языка и монетные легенды индо-греческих и индосакских царей II–I вв. до н.э. Лишь в одной серии Спалириса слова ΒΑΣΙΛΕΩΝ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ перепутаны местами (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 168. № 699–701). Однако в I в. н.э. ситуация в этой области значительно ухудшается. Так, сильному искажению подверглись греческие легенды на относящихся ко второй четверти I в. н.э. медных монетах сатрапов Джихоники (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 200. № 973, 974; Bopearachchi, 1998. P. 395, 401), его современника Харахоста (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 200. № 975) и некоторых посмертных выпусках (группы 8–10) Гермей (Bopearachchi, 1998. P. 395). Ошибки встречаются в написании титула Гондофара I (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 204. № 996–998), его преемников Абдагеса (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 204. № 999–1002), Пакора (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 206. № 1003–1005) и Ортагна (Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 206. № 1006), а также захватившего в 92/7–110 гг. н.э. кушанский трон узурпатора, известного как Сотер Мегас (Sachs, 2003. P. 174; Bopearachchi, 2007. P. 50).

⁴ О дискуссиях, возникающих вокруг понимания этого термина, см. Bernard, 2011. P. 110; Rougemont, 2012. P. 230. Not. 808, 810.

Таким образом, комплексный анализ палеографии посвяtitельной надписи из Тахти-Сангина, а также особенностей ее лексики, орфографии и синтаксиса позволяет прийти к выводу, что она датируется второй половиной I в. н.э.

Переходя теперь к рассмотрению судеб греческого языка на эллинистическом Востоке, приходится с сожалением констатировать, что прямых данных о том, насколько и какие местные жители владели им, нет, если не считать отмеченного риторическим преувеличением восклицания Плутарха, согласно которому в Азии стали читать Гомера, а дети персов, сузианцев и гедросов – играть в трагедиях Еврипида и Софокла (Plut. De fort. Al. I.5). Тем не менее решение этого вопроса становится возможным, если проанализировать степень вовлеченности представителей восточных народов в те сферы государственных, общественных и межличностных отношений, где без знания в той или иной степени греческого языка просто было нечего делать.

Начнем с проникновения жителей Востока в армию и административный аппарат селевкидского и греко-бактрийского государств. Уже Александр, допустив представителей восточных (в первую очередь иранских) народов в армию, запустил тем самым процесс их “эллинизации” (Шахермайт, 1986. С. 298): иранские рекруты стали осваивать греческий язык и письмо (Plut. Al. 47.6). Эта политика нашла своих продолжателей в лице Селевкидов (подробнее см. Балахванцев, 2014). Разумеется, степень владения греческим языком среди рядовых воинов была весьма различна. Многие знали его очень плохо, и тогда верховному командованию приходилось прибегать к помощи переводчиков, как это было в битве при Рафии (Polyb. 5.83.7). Однако так дело обстояло далеко не всегда. В 244/3 г. до н.э. (Elwyn, 1990. P. 180) группа селевкидских воинов-персов под командованием Омана получила гражданские права в Смирне (OGIS 229, 104–105; см. также: Ранович, 1950. С. 103; Бикерман, 1985. С. 62. Прим. 138; Walbank, 1993. P. 131). Поскольку греческие -ο и -ω передают иранское *vahu*, то имя офицера следует восстановить как ср.-перс. *Vahuman*, т.е. Добромысл (Грантовский, 2007. С. 92, 241). Данный факт недвусмысленно свидетельствует о том, что Оман и его солдаты хорошо владели греческим языком, в противном случае говорить о включении их в состав гражданского коллектива было бы абсолютно невозможно. Не хуже, а то и лучше Омана и его людей, знал греческий мидиец Сарапион, сын Деметрия (SEG XVIII. 450, 9–10). Об этом говорят как его эллинское имя и патронимик, так и то место, где он окончил свою жизнь – город Иасос в Кари.

Если для рядовых солдат и младших офицеров знание греческого было далеко не лишним, то для восточных аристократов, стремившихся к командным постам и наместничествам, это было просто необходимо. Так, из селевкидской практики известно, что в 246 г. до н.э. пост стратега Киликии занимал иранец Арибаз (Piejko, 1990. P. 14, 21. Not. 11), а в 214 г. до н.э. его тезка и соотечественник исполнял обязанности градоначальника в Сардах (Polyb. 7.17.9, 18.4–5, 7). Градоначальником Урука в 244 г. до н.э. был вавилонянин Ануубаллит-Никарх (Саркисян, 1976. С. 193), а в 202 г. до н.э. эту должность занимал Ануубаллит-Кефалон (Саркисян, 1976. С. 194). В 217 г. до н.э. в битве при Рафии мидиец Аспасиан командовал корпусом, состоявшим из пяти тысяч иранцев (Polyb. 5.79.7).

В конце правления Антиоха III стратегами Армении были Артаксий и Зариандр, иранские имена которых говорят сами за себя (Strabo. 11.14.5). Что же касается Артаксия, то, судя по его надписям, он принадлежал к знатному персидскому роду Оронтидов (Тирацян, 1980. С. 102)⁵. Антиох IV назначил эпархом Месены Гиспаосина, сына Сагдодонака (Plin. NH. 6.139), который, судя по имени, был человеком иранского и, возможно, даже бактрийского происхождения (историю вопроса см. Nodelman, 1960. P. 86; Bernard, 1985. P. 135–136; Boiy, 2004. P. 169. Not. 155). В конце правления Антиоха IV эпистатом Коммагены был Птолемей (Diod. 31.19a), возводивший свое происхождение к уже упоминавшемуся роду Оронтидов (Sullivan, 1977. P. 736, 743). Накануне парфянского вторжения в Вавилонию пост ее стратега занимал Ардайя (Sachs, Hunger, 1996. -144 'Obv. 35'–37'). Поскольку в вавилонской клинописи при написании иранских имен встречается передача иранского глухого через аккадский звонкий (Грантовский, 2007. С. 100, 102), можно предположить, что это иранское имя *Artauya – герой (Грантовский, 2007. С. 298), которое было известно уже Геродоту (Hdt. 7. 22, 61). В 141 г. до н.э. Митридат I назначил командующим войсками в только что захваченной парфянами Вавилонии Антиоха, сына Арьябузана (Sachs, Hunger, 1996. -140 C'Rev. 30'). Около 140 г. до н.э. селевкидским правителем Месопотамии был мидиец Дионисий (Diod. 33.28).

Естественно, что представители восточных народов еще более массово были представлены на низших уровнях государственного аппарата. Так, Г.Х. Саркисян насчитал среди урукитов 35 человек

⁵ Вопреки мнению автора, который склонен более доверять баснословным утверждениям Моисея Хоренского, чем эпиграфическим данным, сомневаться в справедливости прямого заявления Артаксия о его принадлежности к роду Оронтидов нет никаких оснований.

с греческими именами, обладатели которых занимали различные административные должности в урукской общине (1976. С. 184, 214). Материалы из Ай-Ханум свидетельствуют о службе в дворцовой сокровищнице бактрийцев Оксебоака (Rougemont, 2012. № 101, 102), Оксубадза (Rougemont, 2012. № 101), Арианда (Rougemont, 2012. № 103, 124), Тарза, или Парза (Rougemont, 2012. № 106), Ксатранна и Умана (Rougemont, 2012. № 121). Кроме того, из храма с уступчатыми нишами известны еще два граффити с иранскими именами (Rougemont, 2012. № 139, 142).

Столь же весомое свидетельство распространения греческого языка среди жителей Востока – практика заключения межэтнических браков. Так, в браки с иранками вступают сам Александр, его приближенные и даже простые воины (Diod. 17.107.6; Curt. 10.3.11–12; Arr. Anab. 7.4.4–8; Plut. Al. 70.3). Позднее, в селевкидский период гречанка Антиохида, дочь Диофанта, стала женой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона (Саркисян, 1976. С. 187, 210–211), а Дионисия, дочь Гераклида, вышла замуж за вавилонянина Анубелшуну (Саркисян, 1976. С. 189, 190). Кроме этих случаев в Уруке отмечено еще несколько смешанных браков (Саркисян, 1976. С. 207). Смешанные браки между колонистами и местными арамейскими женщинами зафиксированы и в Дуре-Эвропос (Дандамаева, 1985. С. 166).

Суммированные выше данные неопровержимо доказывают, что в эллинистическую эпоху греческий язык был достаточно широко распространен среди местного населения. Овладение им давало жителям Востока возможность приобщиться к эллинской культуре, получить гражданские права в одном из полисов, сделать карьеру на военной или гражданской службе. Эпиграфические материалы, имеющие отношение к иранцам, позволяют говорить о довольно высоком уровне знания греческого языка у их создателей.

Период поступательного развития греческого языка на Востоке закончился в 20-х годах II в. до н.э., когда практически одновременно Селевкиды окончательно потеряли надежду вернуть себе Месопотамию и Западный Иран, а Греко-Бактрия рухнула под ударами кочевников. Как известно, к западу от пустыни Деште-Кевир греческий продолжал существовать вплоть до середины III в. н.э., но какова была его судьба в Восточном Иране и Центральной Азии? Новая надпись из Тахти-Сангина позволяет серьезно углубить наши представления по этому вопросу, которые до недавнего времени зависели только от лаконичных монетных легенд и эдиктов Великих Кушан.

Да, с одной стороны, на территории, некогда управлявшейся греко-бактрийскими царями, происходит резкое сокращение количества носителей греческого языка и заметно снижается качество его использования. Все это, в конце концов, закономерно приводит к тому, что на базе греческой письменности уже в конце I в. н.э. возникает бактрийская, которая в начале царствования Канишки приобретает официальный характер (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. Р. 110, 111). Однако при этом не стоит забывать о другой стороне медали. Несмотря на падение династий греко-македонского происхождения, греческий язык сохранял свою высокую престижность. Он продолжал использоваться в монетных легендах, на нем даже в начале правления Канишки издавались царские эдикты (Sims-Williams, Cribb, 1995/96. Р. 78; Sims-Williams, 2004. Р. 56). Именно поэтому бактриец Иромоес пожелал, чтобы пожертвованный им в храм Окса котел украшала пусть и безграмотно выполненная, но греческая надпись. Все это еще раз подтверждает правильность сделанного Б.А. Литвинским вывода о многофакторном и достаточно глубоком воздействии эллинизма на центральноазиатское общество и культуру (Литвинский, 2010. С. 468).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С. Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Наука, 2014. С. 290–316.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с.
- Бороффа Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Вексина М. Лингви[ни]стический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 226–240.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Вост. лит., 2007. 510 с.
- Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155–175.
- Дружинина А. Находка посвяtitельной надписи из храма Окса // Наследие предков. 2009. № 12. С. 191–195.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. С. 44–58.
- Иванчик А.И. К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Санги-

- на // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. IV / Ред. А.С. Балахванцев. М., 2009. С. 43.
- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110.
- Лурье П.Б. Согдийские бусы на “Крыше Мира” // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 23–28.
- Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2 / Ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 63–94.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н. Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210.
- Саркисян Г.Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // Древний Восток. 2 / Ред. Н.В. Арутюнян, И.М. Дьяконов, Г.Х. Саркисян. Ереван: АН АрмССР, 1976. С. 181–217.
- Смирнова Н.М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. XVII. М.: Прогресс, 2005. С. 139–180.
- Тиранян Г.А. Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // ВДИ. 1980. № 4. С. 99–104.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1986. 384 с.
- Alexander der Große und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. M. Grötsch, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim; Regensburg, 2009 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 36). 447 S.
- Bernard P. Fouilles d’Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d’histoire gréco-bactrienne. Paris: de Boccard, 1985. 181 p.
- Bernard P. Le Marsyas d’Apamée, l’Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 1987. T. 16 (1). P. 103–115.
- Bernard P. The Greek Colony at Aï Khanum and Hellenism in Central Asia // Afghanistan: Crossroads of the Ancient World / Eds F. Hiebert, P. Cambon. L.: British Museum Press, 2011. P. 81–129.
- Bernard P. Quelques réflexions sur la date du chaudron en bronze de Takht-i Sangin // Rougemont G. Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2012. P. 276.
- Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l’Asie centrale // J. Savants. 2004. P. 227–356.
- Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2004. 385 p.
- Bopearachchi O. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.
- Bopearachchi O. Indo-Parthians // Das Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996). Stuttgart: Steiner, 1998. S. 389–405.
- Bopearachchi O. Indo-Grecs, Indo-Scythes et Indo-Parthes // De l’Indus à l’Oxus. Archéologie de l’Asie Centrale / Eds O. Bopearachchi, C. Landes, C. Sachs. Paris: Association IMAGO – musée de Lattes, 2003. P. 129–168.
- Bopearachchi O. Some Observations on the Chronology of the Early Kushans // Res Orientales. 2007. V. XVII. P. 41–52.
- Bopearachchi O. Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire // J. Savants. 2008. P. 3–56.
- Bopearachchi O., Aman ur Rahman. Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995. 237 p.
- Canali De Rossi F. Iscrizioni dello Estremo Oriente Greco. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2004. 410 p.
- Clarysse W., Thompson D.J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria // ZPE. 2007. Bd. 159. P. 273–279.
- Diakonoff I.M., Livschits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2001. 215 p.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Elwyn S. The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna’s Inviolability // JHS. 1990. V. 110. P. 177–180.
- A Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddel, R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir H.S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.
- Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Takht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien / Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013 (AMIT; Bd. 14). S. 125–142.
- Nodelman S.A. A Preliminary History of Characene // Berytus. 1960. V. XIII (2). P. 83–121.
- Piejko Fr. Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // Archiv für Papyrusforschung. 1990. Bd. 36. S. 13–27.
- Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S. A Tax Receipt from Hellenistic Bactria // ZPE. 1994. Bd. 104. S. 261–280.

- Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.: School of Oriental and African Studies, 2012. 326 p.
- Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. V. III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. 517 S.
- Sachs C.* Soter Megas // *De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale* / Eds O. Bopearachchi, C. Landes, C. Sachs. Paris: Association IMAGO – musée de Lattes, 2003. P. 174–175.
- Senior R.C., MacDonald D.* The decline of the Indo-Greeks. Athenes: Monographs of the Hellenic Numismatic Society, 1998. 71 p.
- Sims-Williams N.* The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading // *BAI*. 2004. V. 18. P. 53–68.
- Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Arts and Archaeology*. V. 4. Kamakura, 1995/96. P. 75–127.
- Sullivan R.D.* The Dynasty of Commagene // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. II. 8. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1977. P. 732–798.
- Treister M.* Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian Burial in Volodarka (Western Kazakhstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2012. V. 18. № 1. P. 51–109.
- Veksina M.* Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel // *ZPE*. 2012. Bd. 181. S. 108–116.
- Walbank F.W.* The Hellenistic World. L.: Harvard University Press, 1993. 288 p.
- Widemann F.* Les successeurs d'Alexandre en Asie centrale et leur héritage culturel. Paris: Riveneuve éditions, 2009. 527 p.
- Wood R.* Cultural convergence in Bactria: the votives from the Temple of the Oxos at Takht-i Sangin // *From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East* / Eds A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. Oxford: Archaeopress, 2011 (BAR International Series 2221). P. 141–151.

БОРОВКА III – МАСТЕРСКАЯ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ НОЖЕЙ ИЗ ПЛИТОК СЕРОГО КВАРЦИТА (ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ-ЭНЕОЛИТ)

© 2014 г. Ю.Б. Сериков

*Государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил
(u.b.serikov@mail.ru)*

Ключевые слова: *камнеобрабатывающая мастерская, плитки серого кварцита, ножи, поздний неолит-энеолит.*

The site Borovka III is situated at 1,5 km from the village Baranchinskiy Kuvshinskii district Sverdlovsk oblast. During the period of the researches (1976–1978) the area of 146 square meters was broken down. The excavators detected three centers between which there was a workplace for producing knives from the plates of grey quartzrock. More than 20 thousand scutes, 2 thousand rejected plates, 130 knives and its pieces and also 15 processing instruments – hammer-stones and opaquers testify that. The analysis of the scutes shows that there were produced not less than 400 knives from the plates of the grey quartzrock on the site. The site is classified as a specialized workshop-settlement. Notably, that it is classified twice: according to the types of a raw material (plates of grey quartzrock) and the types of producing instruments (knives from the plates of quartzrock). Its functioning was in the late Neolith-Eneolith. More precise date cannot be decided yet. The materials of the workshop-settlement open an opportunity for some reconstruction buildings.

Памятник Боровка III (Кушвинский р-н Свердловской обл.) открыт в 1974 г. экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством автора. Он располагается на высоком (4.5 м) левом берегу р. Боровка, левого притока р. Баранча.

За три года исследований (1976–1978 гг.) памятник изучен практически полностью (Сериков, 1977, 1979). Исследованная раскопками площадь составила 146 м². Методика раскопок была следующей. На раскоп наносилась координатная сетка в виде шнуров, натянутых вдоль и поперек раскопа через каждый метр. Раскопки проводились тонкими срезами саперными лопатками и ножами. Каждая находка специальным условным обозначением наносилась на план масштабом 1:20 (в 1 см 20 см) с указанием глубины ее залегания. Уже первые дни раскопок показали необычный характер памятника. Некоторые квадраты были насыщены большим количеством кварцитовых чешуек, отходов при изготовлении ножей из плиток серого кварцита. Насыщенность слоя доходила до 3.5 тыс. чешуек на 1 м², поэтому его исследование стало проводиться с применением промывки. Все чешуйки на план не наносились, но на нем указывалось их количество на каждом квадрате. В результате промывки получено свыше 21 тыс. чешуек. Контрольные промывки уже промытого отвала показали, что часть чешуек осталась не извлеченной. Расчеты показывают, что общее число чешуек было, как минимум,

на 2–3 тыс. больше. Коллекция находок хранится в фондах Нижнетагильского музея-заповедника.

На памятнике обнаружено три очага. Самый большой очаг (№ 1) размерами 1.6 × 2.4 м располагался на краю площадки у ската мыса, обращенного к реке. В 4 м к востоку от него находился очаг № 2 диаметром 1.2 м. За ним в 1.2 м к юго-востоку обнаружена яма размерами 1.6 × 1.2 м и глубиной до 0.72. Еще дальше к юго-востоку выявлен очаг № 3 метрового диаметра. Мощностъ прокала в очагах составляла 16–19 см. Обломки керамических сосудов, как и большая часть находок, залегали именно вокруг очагов. Причем фрагменты сосуда № 1 (рис. 1, 1–6) были зафиксированы у всех трех очагов. А в большой яме, расположенной за очагом № 2, найдены фрагменты всех четырех сосудов. Удалось выяснить, что основная деятельность по изготовлению ножей происходила между очагами. Здесь на площади около 20 м² было найдено 19.5 тыс. чешуек. Площадь хозяйственного освоения не превышала 100 м² и была вытянута на 12 м с северо-запада на юго-восток и на 8 м с юго-запада на северо-восток. Интересно отметить, что юго-западная часть мыса древними людьми не использовалась вовсе. И очаги, и находки занимали только северо-восточную часть площадки мыса. Полученные материалы свидетельствуют не только о кратковременном характере памятника, но и о его

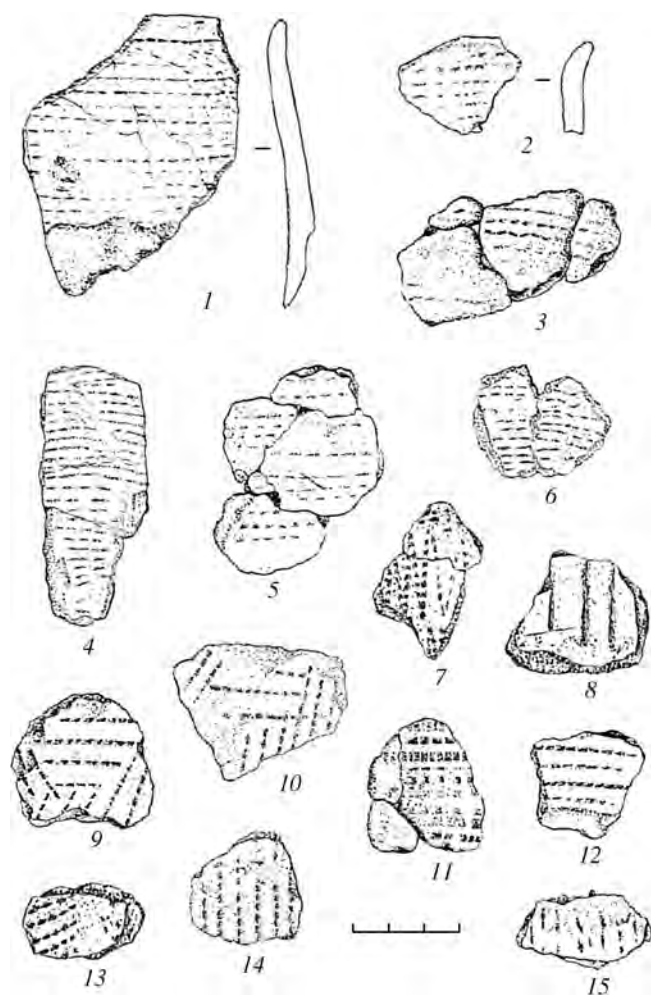

Рис. 1. Стоянка-мастерская Боровка III. Керамика.

одноактности, т.е. люди в эпоху позднего неолита-энеолита приходили на это место один раз.

На границе самого большого очага (№ 1) был найден мануport – галька антропоморфной формы. Она изображает фигуру с прижатыми к телу руками и нерасчлененными ногами. Голова с выступающим вперед лицом показана естественными неровностями гальки. Учитывая, что подобное галечное сырье на памятнике больше не обнаружено, можно предположить, что данная галька принесена на памятник намеренно и ее нахождение в очаге не случайно (Сериков, 2005. С. 35. Рис. 2, 7).

Стратиграфия мастерской простая и типична для памятников Среднего Зауралья. Слой гумуса имеет толщину 5–8 см. Под ним идет серо-коричневый суглинок, в котором и содержатся культурные остатки. Его мощность невелика и колеблется от 12 до 28 см. Материк – бурый суглинок с большим содержанием мелких камней.

В результате раскопок получено свыше 24 тыс. находок. Они распределяются следующим образом: фрагменты керамики – 542 экз.; отбойники – 6 экз.; ретушеры – 10 экз.; наконечники стрел – 6 экз.; скребки – 15 экз.; обломки шлифованных орудий – 20 экз.; шлифовальная плитка – 1 экз.; микропластинки – 5 экз.; ножи и их обломки из плиток серого кварцита – 130 экз.; плитки серого кварцита – 2104 экз.; отщепы и чешуйки – 21214 экз. (Сериков, 1988. С. 46–48).

Комплекс находок, за исключением пяти микропластинок, технологически и хронологически выдержан и относится к позднему неолиту или энеолиту. Все микропластинки представлены сечениями, некоторые обработаны мелкой ретушью с брюшка или со спинки. Если вторичная обработка отсутствует, то обязательно имеется ретушь утилизации. Пластины служили вкладышами составных орудий – ножей или наконечников стрел. По всей видимости, на данном мысу в эпоху мезолита останавливалась небольшая группа охотников для ремонта охотничьего инвентаря. Никакие другие следы их деятельности на памятнике не выявлены. Эти находки подтверждают мнение автора о том, что на протяжении мезолитической эпохи все удобные для проживания места были уже освоены местным населением.

Керамический комплекс памятника представлен 542 очень мелкими фрагментами, происходящими от четырех сосудов. Все сосуды украшены гребенчатым орнаментом. Один сосуд орнаментирован шагающе-проташенной гребенкой. Неглубокие и частые шаги гребенчатого штампа образуют своеобразный волнисто-струйчатый орнамент (рис. 1, 1–6, 15). Фрагменты венчика сохранились только от этого сосуда. Он имеет закругленный, слегка отогнутый наружу край (рис. 1, 1, 2). Второй сосуд орнаментирован шагающей гребенкой (рис. 1, 7, 11). Третий сосуд украшен длинными отпечатками гребенчатого штампа, которые образуют геометрические узоры (рис. 1, 9, 10, 14). Орнаментальная схема четвертого сосуда неясна (рис. 1, 8, 12, 13), возможно, фрагменты третьего и четвертого сосудов на самом деле происходят от одного сосуда. В тесте всех сосудов присутствует незначительная примесь талька и мелкозернистого песка.

Культурную и хронологическую принадлежность керамики из-за сильной фрагментированности достоверно установить не удастся. Ее можно отнести как к позднему неолиту, так и энеолиту. Для памятника имеются две радиоуглеродные даты. По кусочкам угля из очага № 1 получена дата 3820 ± 60 (JE-1531), а по уголькам, собранным по всему раскопу, – 3740 ± 60 (JE-1312). Поскольку в обоих слу-

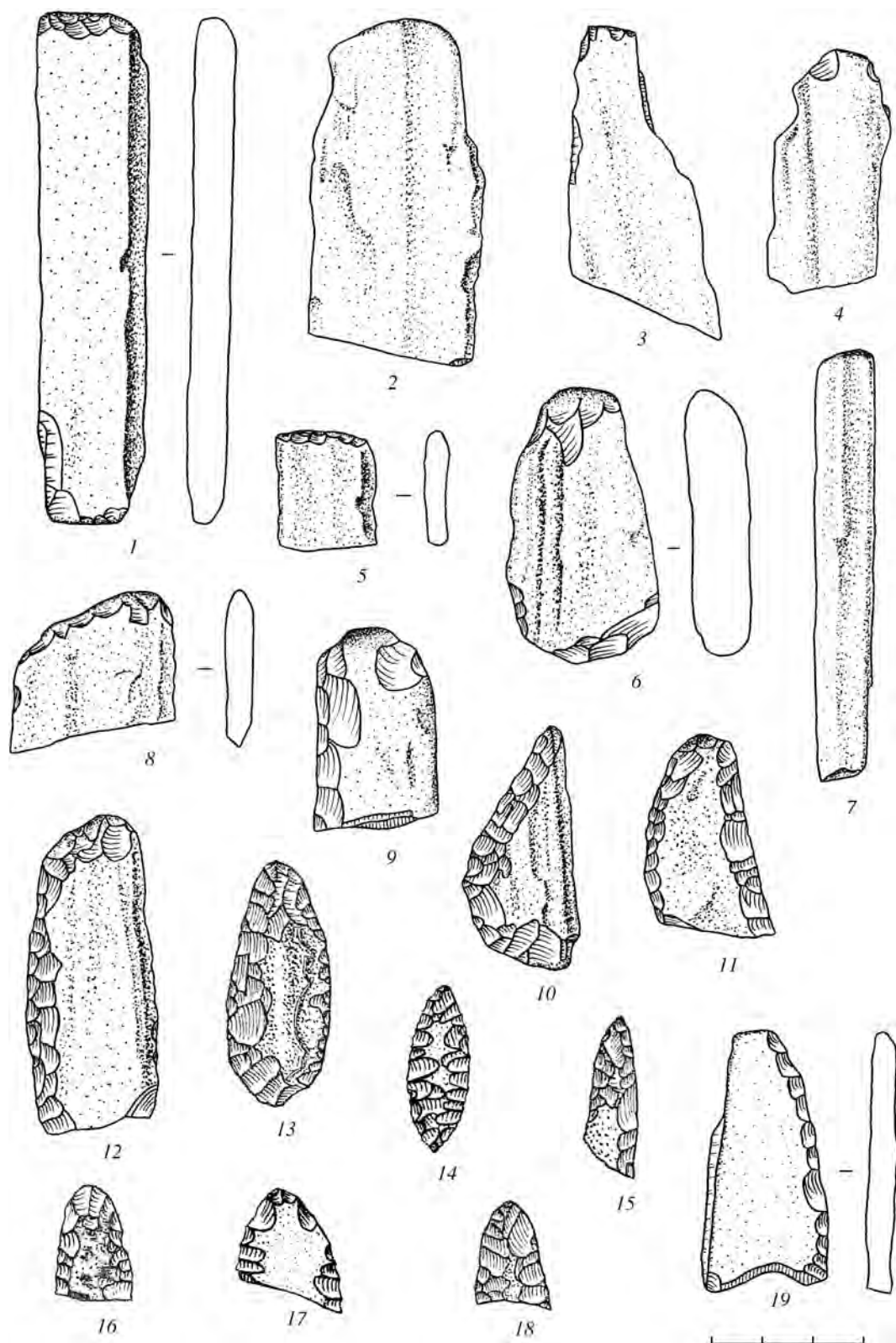

Рис. 2. Ретушеры (1–12, 19) и наконечники стрел (13–18). 1–8, 13–18 – Боровка III; 9, 11, 12 – Полуденка I; 10 – Баранча II; 19 – Юрьинское поселение. 1–17, 19 – серый кварцит; 18 – пятнистый халцедон.

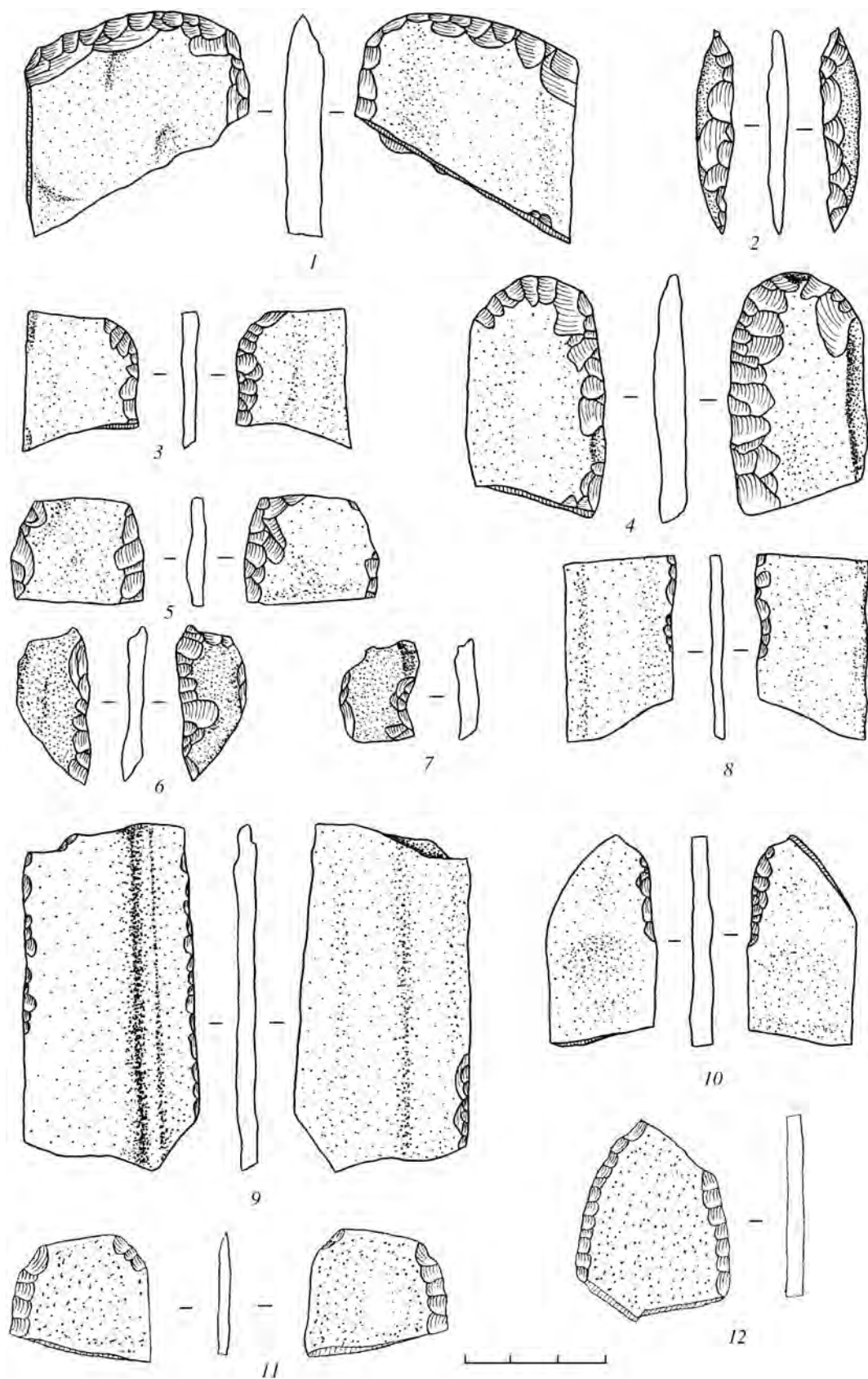

Рис. 3. Стоянка-мастерская Боровка III. Ножи и заготовки из плиток серого кварцита (1–12).

чаях угольки на анализ взяты с глубины 10–25 см, даты можно считать некорректными.

Орудия обработки представлены отбойниками и ретушерами. Отбойниками служили массивные продолговатые кварцевые гальки длиной 9.5–14 см.

Все ретушеры, за исключением одного, выполнены на плитках серого кварцита (рис. 2, 1–7, 11). Рабочие участки – торцевые концы плиток – сильно скруглены и сглажены. Четыре обломка склеились в два целых ретушера. Еще один обломок подошел к ножу с поперечным лезвием. Все ретушеры торцевые. Три из них имеют по два рабочих конца. Именно эти орудия отличаются сильной сработанностью. Длина целых ретушеров колеблется от 9 до 10.3 см, толщина – от 0.5 до 0.7. От них своей массивностью и укороченными пропорциями заметно отличается целый двусторонний ретушер. Он изготовлен на плитке длиной 5.7 см, шириной до 3 и толщиной до 1 (рис. 2, 6).

Отбойники и ретушеры использовались для изготовления прежде всего ножей из плиток серого кварцита. Плитки кварцита представляют собой длинные, плоские и тонкие природные образования. Это своеобразная природная форма, которую легко было превратить в нож или наконечник стрелы. Плитки серого кварцита особенно широко использовались в неолите и энеолите Среднего Зауралья. Таких плиток на памятнике найдено свыше 2 тыс. экз. Из них 272 можно отнести к заготовкам ножей, которые по разным причинам были выбракованы (рис. 3, 8–10). Толщина таких плиток составляет 0.15–0.75 см. Все остальные представлены мелкими и тонкими обломками, которые по своим параметрам не подходили для изготовления ножей.

Почти все 130 ножей найдены в обломках (рис. 3, 1–7, 11, 12; 4, 3–12; 5, 8). К целым экземплярам можно отнести единицы (рис. 4, 1, 2, 13). Лезвия всех ножей обработаны двусторонней краевой ретушью. Только 14 ножей имеют по два рабочих лезвия. Формы ножей разнообразны. Среди них – изделия кинжаловидного облика, листовидные, с заостренным или закругленным концом, с боковой выемкой; 11 ножей склеены из 2 фрагментов.

Кроме ножей из плиток серого кварцита изготавливали и наконечники стрел. Лишь два наконечника сохранились целыми (рис. 2, 13, 14). Они имеют листовидную форму, обработаны плоской отжимной ретушью. Их длина – 5.2 и 3.6 см. Три сломанных наконечника также изготовлены из плиток кварцита (рис. 2, 15–17), еще один выполнен из сиреневого халцедона (рис. 2, 18). Все обломки

довольно стандартны и происходят, видимо, от листовидных наконечников.

На памятнике найдено заметное количество скребков – 15 экз. Только четыре скребка изготовлено из толстых плиток серого кварцита. Остальные выполнены из углистого сланца (4 экз.), серой яшмовидной породы (3 экз.), полосчатого халцедона (2 экз.), молочного кварца и кремнистого сланца (по 1 экз.). Два скребка из яшмовидной породы изготовлены на пластинах. Все остальные – на отщепках. Учитывая отсутствие на памятнике отщепов и чешуек молочного кварца и серой яшмовидной породы, можно предполагать, что скребки из указанных пород камня не были изготовлены на месте, а входили в состав принесенного с собой орудийного набора.

Таким же принесенным инвентарем были и шлифованные рубящие орудия, от которых на стоянке сохранилось 20 мелких обломков. Отщеп и чешуйку удалось приклеить к более крупному куску. Три обломка происходят от сколотых лезвий тесел, остальные – от боковых плоскостей. По цвету и структуре минерального сырья (все они выполнены из туфопорфирита) обломки происходят от четырех рубящих орудий, а именно – тесел. Для подшлифовки их лезвий использовался обломок гальки гранодиорита (биотитового гранита).

Отходы производства представлены небольшим количеством отщепов и громадным числом чешуек – свыше 21 тыс. экз. Из них 18870 чешуек получены при обработке плиток серого кварцита. 11367 чешуек имеют на спинке плиточную корку, т.е. являются первичными. Еще у 7503 чешуек корка отсутствует, следовательно, их можно отнести к вторичным, т.е. их происхождение связано с подработкой уже отретушированного края плитки (ножа). Кроме чешуек серого кварцита в коллекции имеются отходы производства и других видов минерального сырья: халцедона пятнистого – 2096 экз.; сланца углистого – 105; сланца светло-серого слабо окремненного – 103; сланца кремнистого – 37; яшмы сургучной – 2; горного хрусталя – 1 экз.

Анализ чешуек по минеральному сырью показывает, что на памятнике происходило изготовление орудий из плиток серого кварцита (преимущественно) и пятнистого халцедона. Выходы этих видов сырья вблизи данного пункта неизвестны. Следовательно, они принесены в мастерскую, возможно, издалека. Ограниченное количество чешуек трех видов сланца (углистого, кремнистого и слабо окремненного) свидетельствует об изготовлении на памятнике отдельных орудий из данных видов сырья. Получить это сырье можно

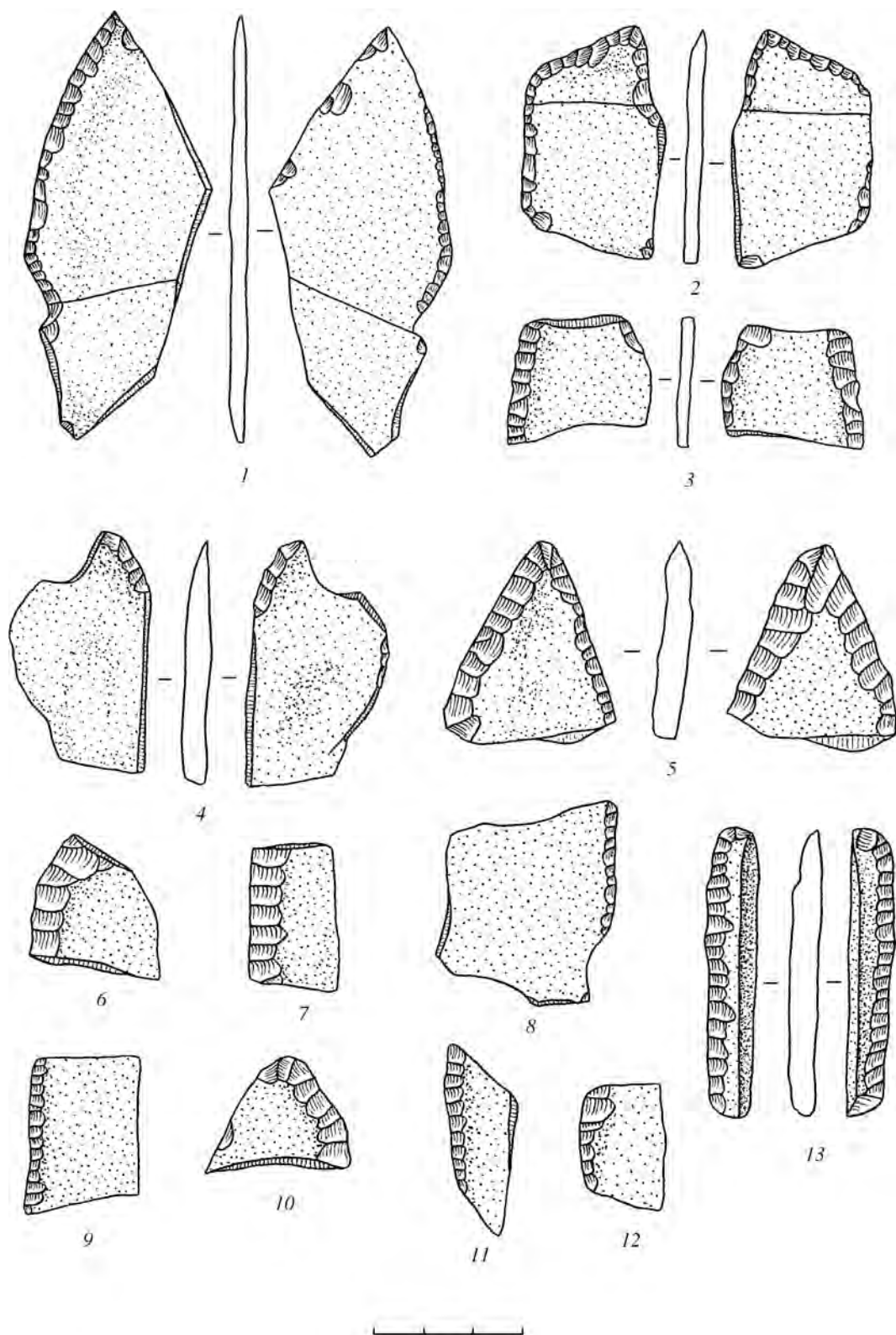

Рис. 4. Ножи из плиток серого кварцита (1–13) со стоянки-мастерской Боровка III.

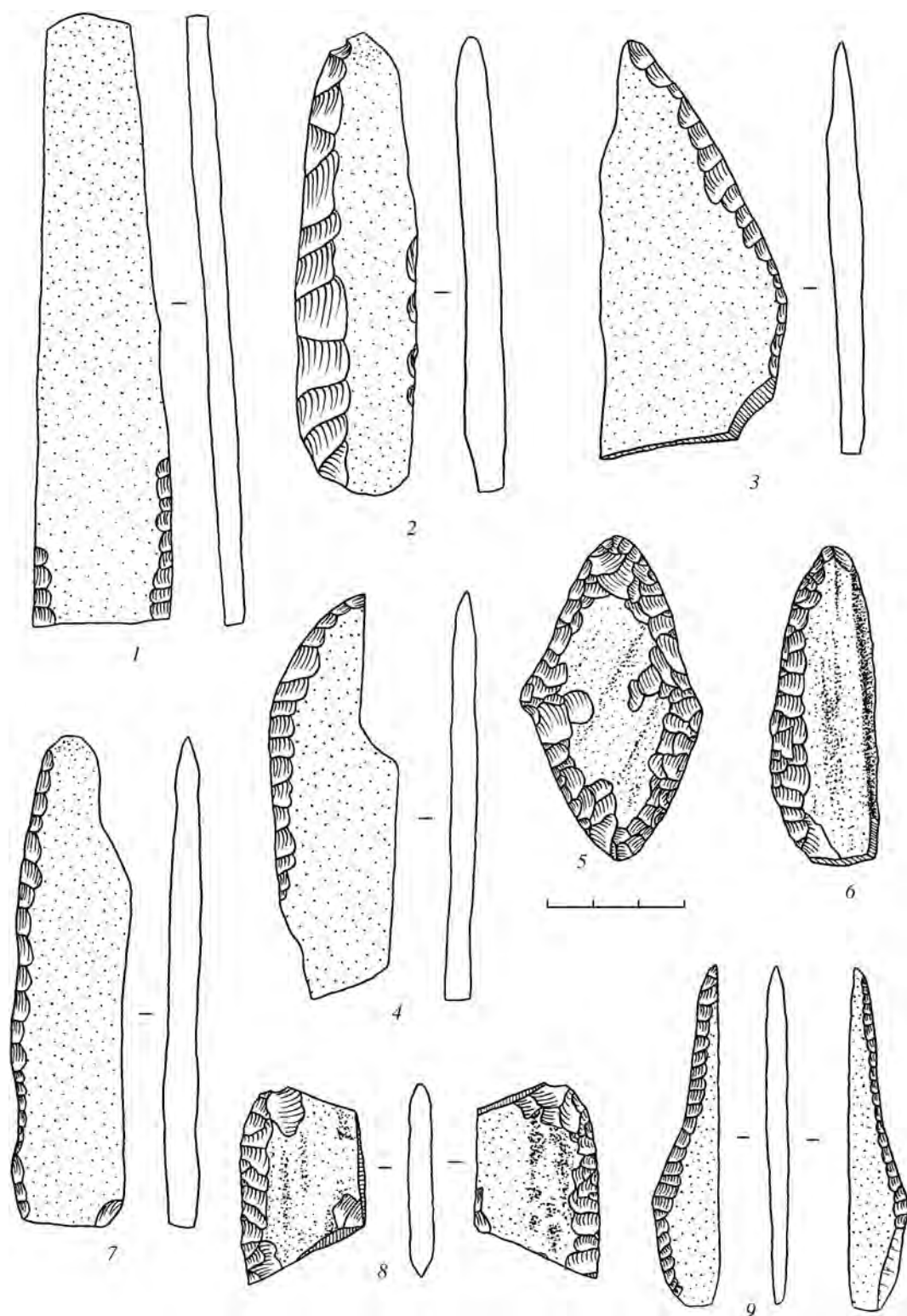

Рис. 5. Ножи из плиток серого кварцита. 1–4, 7, 9 – Полуденка I; 5, 6 – Баранча II; 8 – Боровка III.

было в окрестностях мастерской на перекатах рек Боровка и Баранча. Чешуйки же единичных видов сырья характеризуют подправку рабочих лезвий орудий из набора принесенных готовых изделий.

Наибольший интерес представляют чешуйки серого кварцита. Если суммировать ширину плиточной корки на первичных чешуйках, то можно узнать общую длину краев обрабатываемых плиток. Точное количество изготовленных на памятни-

ке ножей таким путем, безусловно, определить не удастся. Но можно выяснить хотя бы порядок числа (десятки? сотни? тысячи?) изготовленных ножей. Ширина плиточной корки на первичных чешуйках в среднем составляет по 0.3 см. Следовательно, 11367 первичных чешуек сколоты с условной плитки общей длиной 3410 см. Длина целых ножей по материалам других памятников колеблется от 7 до 10 см (рис. 5, 2–7). Значит, длину среднестатистического ножа можно определить в 8.5 см. Отсюда получаем, что в мастерской могло быть изготовлено не менее 400 ножей. Такое количество ножей для нужд одного поселения (рода?) представляется излишним. Поэтому можно предположить, что ножи на памятнике Боровка III изготавливались не только для собственных нужд, но и для обмена. Это очень важный аспект в жизни древнего населения Среднего Зауралья, зафиксированный археологическим путем.

По классификации Л.Р. Касимова и Л.Я. Крижевской (1969) памятник относится к стоянка-мастерским. Причем Боровка III как мастерская оказалась дважды специализированной: по типам сырья (плитки серого кварцита) и типам изготавливаемых орудий (ножи из плиток кварцита).

Изучение материалов специализированной стоянки-мастерской приводит археолога к постановке ряда вопросов, ответы на которые в силу фрагментарности исследования (изучена только сама стоянка-мастерская, т.е. часть маршрута и часть процесса) удастся получить нескоро, а возможно, и совсем не удастся. Вот эти вопросы.

1. Где находятся выходы сырья?

За 40 лет исследований на территории Среднего Зауралья автор хорошо ознакомился с минеральной базой данного региона, но выходов плиток серого кварцита так ни разу и не встретил.

2. Почему выбраковка сырья и изготовление орудий происходили не у выходов сырья, а, судя по всему, на маршруте?

Ширина реки Боровка всего 3–4 м, практически это большой ручей. И находится мастерская не на устьевом мысу, а примерно в 1 км от устья. Здесь же на соседних мысах располагается еще три археологических памятника – Боровка I, II, IV. Такое местонахождение древних стоянок абсолютно нетипично для Среднего Зауралья. Объяснение этому можно попытаться найти в том, что р. Боровка в древности служила дорогой, а расположение памятников далеко от устья объясняется тем, что именно здесь находятся самые высокие в окрестностях мысы.

Можно предположить, что выходы плиток серого кварцита находились на “чужой” территории и

поисковая группа не имела времени на сортировку сырья, поэтому брали все, что попадалось под руку. Придя на территорию своего рода (племени), люди остановились на несколько дней, чтобы провести отбор хорошего сырья. В этом случае количество заготовок для ножей могло значительно превышать реконструированные 400 экз.

3. Сколько человек находилось в поисковой группе?

Судя по площади освоенной территории, а также количеству очагов и разбитых сосудов, группа вряд ли превышала 12–15 чел.

4. Где конечная цель маршрута, т.е. где находилось родное поселение?

Больше всего ножей из плиток серого кварцита выявлено на неолитических поселениях Тагильско-го Зауралья – Полуденка I (рис. 2, 8, 10, 12; 5, 1–4, 7, 9) и Чашиха I (рис. 6, 1–6). Причем на Чашихе одних только ретушеров из плиток серого кварцита известно 12 экз., а количество ножей составляет свыше 150 экз. Есть и несколько наконечников стрел из серого кварцита, которые, как и на Боровке III, также имеют листовидную форму.

К этому можно добавить еще один интересный факт. В 1979 г. на р. Баранча был раскопан двухслойный памятник Баранча II. На нем представлены материалы мезолита и энеолита. Комплексы находок различались не только планиграфически, но и своим специфическим набором. Энеолитический комплекс представлен изделиями из плиток серого кварцита и халцедона. Среди них нужно отметить 3 отбойника, причем 1 из массивной и толстой (2 см) плитки серого кварцита, 2 ретушера (рис. 2, 9), 7 обломков наконечников стрел (из плиток серого кварцита – 5, из халцедона – 2), 4 скребка из серого кварцита и халцедона (по 2 экз. из каждого вида сырья), 14 ножей из плиток (рис. 5, 5, 6), 10 плиток серого кварцита и 1242 чешуек (из серого кварцита – 45, углистого сланца и туфопопирита – по 3, халцедона – 1191). Также в комплекс входит шлифованное тесло из туфопопирита, 10 обломков шлифованных рубящих орудий и 49 фрагментов керамики от 3 сосудов. Необходимо подчеркнуть, что если двигаться по рекам (сначала по Боровке, а затем по Баранче), то стоянка-мастерская Боровка III находится от Баранчи II в 22–25 км, т.е. на расстоянии дневного перехода. Если продолжить маршрут далее в направлении Полуденки I и Чашихи I (Полуденка расположена на Полуденском торфянике, а Чашиха – на Горбуновском), то потребуется еще два дневных перехода (и в том, и в другом направлении по 40–45 км).

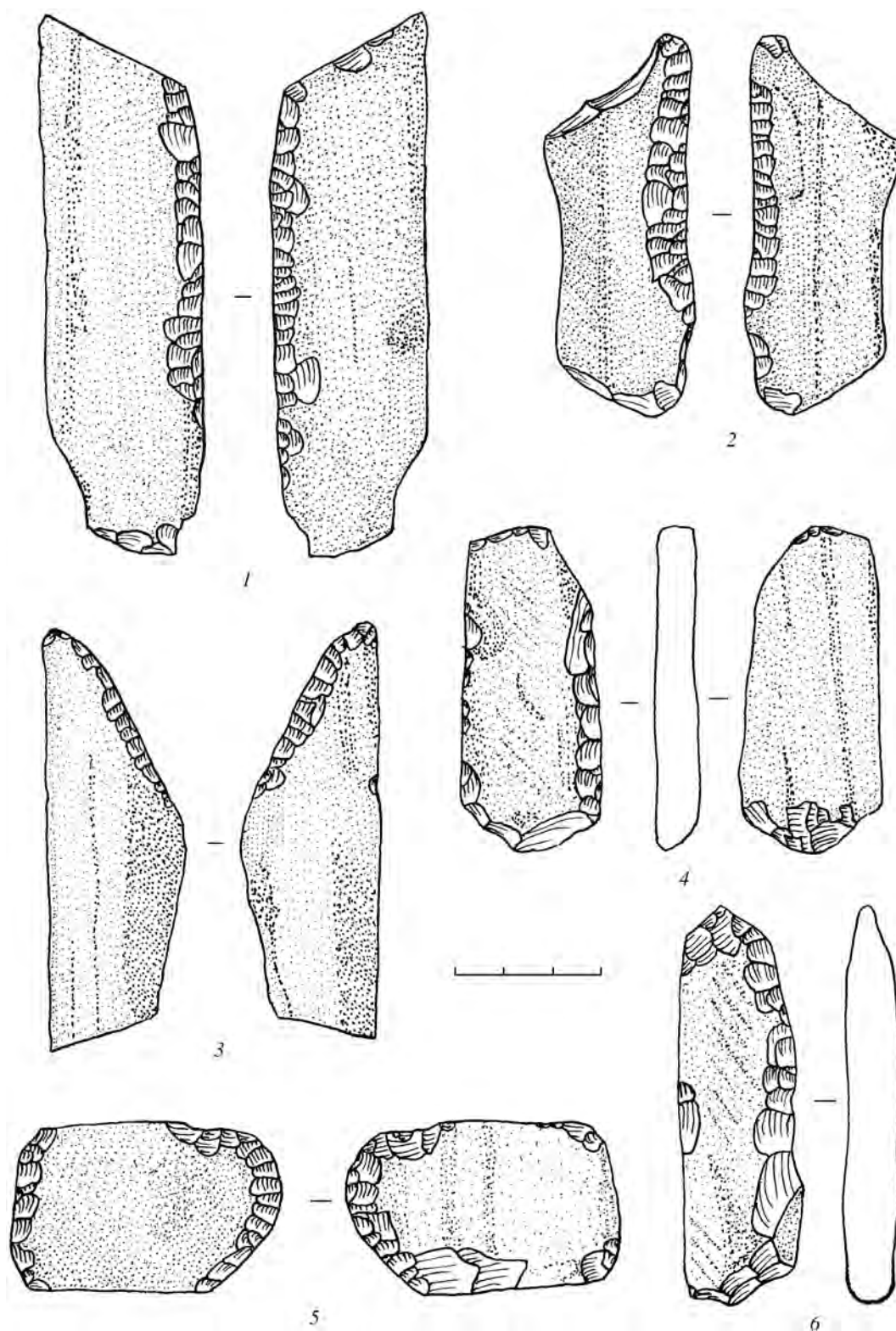

Рис. 6. Чашиха I. Ножи из плиток серого кварцита (1–6).

Таким образом, вырисовывается интересная, но пока трудно доказуемая картина из жизни древнего населения Среднего Зауралья в каменном веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Касымов Л.Р., Крижевская Л.Я.* О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. 1969. № 1. С. 265–268.
- Сериков Ю.Б.* Исследование памятников в Среднем Зауралье // АО – 1976. М.: Наука, 1977. С. 177.
- Сериков Ю.Б.* Работы Нижнетагильского отряда // АО – 1978. М.: Наука, 1979. С. 198, 199.
- Сериков Ю.Б.* Специализированные камнеобрабатывающие мастерские на территории Среднего Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов (информационные материалы). Свердловск: УрО РАН, 1988. С. 44–49.
- Сериков Ю.Б.* Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 26–44.

РАННЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ У СЕЛА КИТАЙГОРОД В ПРИОРЕЛЬЕ

© 2014 г. В.А. Ромашко*, С.А. Скорый**, Д.Г. Филимонов***

* Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

** Институт археологии НАН Украины, Киев (idanfirs@ukr.net)

*** Днепропетровский областной центр по охране историко-культурных ценностей

Ключевые слова: раннескифская культура, курган, погребение, Степь Северного Причерноморья.

Taking into consideration the small amount of early Scythian burials (7th – 6th centuries BC) in the steppe zone of the Northern Black Sea region, every new monument arouses considerable interest. The article presents the materials about destroyed burial of a Scythian warrior not far from the village Kitaigorod in Dnieper oblast (the Middle Oryel region, Dnieper Left bank Steppe). The preserved details of a funeral rites and a rare funeral kit, which contains painted table Milesian amphora and a gorytos clasp plated with gold, ornamented with the depictions of lions' heads are being analyzed thoroughly. The nearest analogue of the later find (the gorytos clasp) is famous to be found in the Melgunovsky burial. The artefacts allow dating the warrior's burial ground back to 610–600 years BC and see in it the burial place of one of the Early Scythian elitists.

Погребальные памятники эпохи скифской архайки (VII–VI вв. до н.э.) в северопричерноморской Степи относительно немногочисленны. По подсчетам В.Ю. Мурзина, в середине 80-х годов прошлого века их количество не превышало двух десятков (Мурзин, 1984. С. 12–20). Несколько позже речь шла о 24 архаических захоронениях (Бессонова, 1990. С. 28–39). За истекшие более чем 20 лет источниковая база раннего периода скифской культуры увеличилась незначительно: между Дунаем и Доном, т.е. в степном регионе Северного Причерноморья, их известно не более четырех десятков (Скорый, 2003. С. 27)¹, что в немалой степени объясняется снижением темпов полевых исследований курганов в постсоветское время. Поэтому введение в научный оборот каждого нового раннескифского захоронения продолжает иметь важное научное значение. К группе таких неординарных памятников принадлежит и публикуемое погребение, недавно выявленное в Среднем Приорелье, в Днепровском Степном Левобережье.

Весной 2011 г. сотрудником Днепропетровского областного центра по охране историко-культур-

ных ценностей Д.Г. Филимоновым проводились плановые работы по инвентаризации памятников археологии на горе Калитва в Царичанском р-не Днепропетровской обл. Гора расположена в пойме правого берега р. Орель между с. Китайгород и пгт. Царичанка. Она представляет собой геологическое образование, возникшее в результате складчато-чешуйчатых деформаций в периферийной части ледника, сформировавшегося во время Днепровского оледенения. Геологами Калитва рассматривается как один из грандиознейших объектов, характеризующих конечно-моренные образования самой южной части ледника. Площадь горы составляет 28 га, высота над уровнем поймы р. Орель – 81 м (Геологічні пам'ятки України, 2007). Она доминирует над окружающими ландшафтами на десятки километров. Расположенное на вершине горы плато интенсивно использовалось древним населением Приорелья в качестве места погребения соплеменников, о чем свидетельствует необычно плотная концентрация выявленных здесь курганов, формирующих несколько групп.

Среди них центральное положение занимает компактная группа из 28 насыпей (№ 4164 в Реестре памятников археологии в Днепропетровской обл.) (рис. 1), высоты которых составляют от 0.3 до 3 м. Большая часть насыпей группы распахируется.

На распаханной поверхности кургана № 4164-15, расположенного в 1.3 км к северу от северной окраины с. Китайгород, Д.Г. Филимоновым были найдены

¹ В работах некоторых авторов приводятся сведения о 54 (Поллидович, 1994. С. 189) или 60 (Алексеев, 2003. С. 115) архаических погребениях в степной зоне Северного Причерноморья. Однако это не соответствует действительности, так как в перечень раннескифских захоронений включаются памятники Нижнего Дона и Прикубанья, находящиеся за пределами собственно степного Северного Причерноморья.

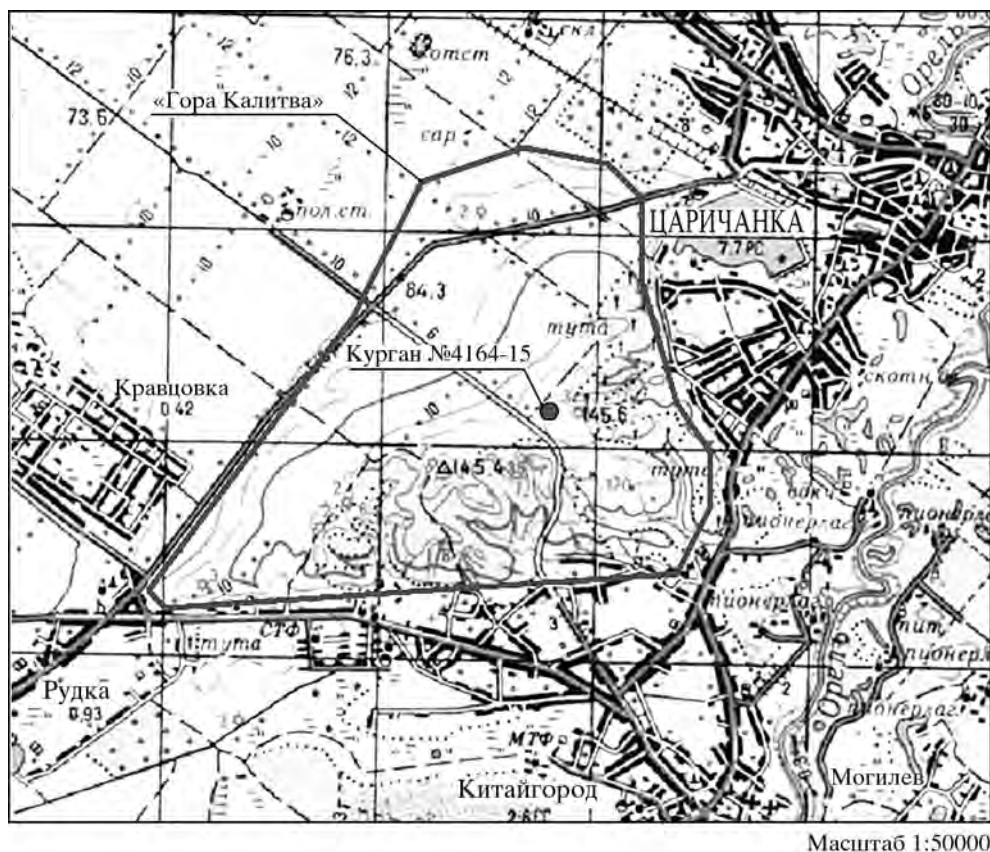

Рис. 1. Схема местоположения кургана № 4164–15 на горе Калитва близ Китайгорода.

плакированная золотом застежка горита, 17 бронзовых наконечников стрел, обломки гончарного сосуда и костей человека, происходившие, по всей видимости, из разрушенного погребения. Насыпь кургана компактна, ее диаметр равен 30, высота – 1.5 м.

В конце октября того же года сотрудниками Днепропетровского областного центра по охране историко-культурных ценностей и Днепропетровского национального университета место находки осмотрено повторно². На свежевспаханной поверхности насыпи вновь были обнаружены наконечники стрел, обломки керамики, костей человека и лошади, фрагменты истлевшего дерева, что свидетельствовало о том, что погребение продолжает разрушаться. В связи с этим на вершине кургана, в районе концентрации находок, был заложен раскоп площадью 3.2×2 м (рис. 2, 1). Грунт пахотного слоя, толщина которого составляла 0.25–0.3 м, при выборке тщательно просматривался и проверялся металлодетектором, в результате чего собраны все присутствующие в нем кости человека и лошади, обломки керамики и наконечники стрел, в том числе с сохранившимися древками.

Непосредственно под пахотным слоем зафиксированы остатки деревянного погребального сооружения, составленного из брусков и досок. В положении *in situ* сохранились бедренная и берцовая кости человека (судя по ним и иному многочисленному антропологическому материалу, скелет принадлежал мужчине возмужало-зрелого возраста – *adultus-maturus*)³, часть лежавшей в анатомическом порядке конечности лошади (взрослая особь, полутонконогая)⁴, половина гончарного сосуда и остатки какого-то изделия, скрепленного бронзовыми заклепками (рис. 2, 1). Судя по отсутствию следов дерева в центральной части погребальной конструкции, погребение не только повреждено распашкой, но и ограблено в древности. Последнее подтверждается также тем, что среди собранных в пахотном слое костей человека отсутствуют кости

³ Мы признательны научному сотруднику Отдела биоархеологии Института археологии НАН Украины канд. ист. наук Л.В. Литвиновой за произведенное антропологическое изучение. Ею прослежена также искусственная обработка кости в области эпифизов на бедренной (нижний эпифиз) и большой берцовой (верхний эпифиз) кости.

⁴ Костные остатки определены палеозоологом, старшим научным сотрудником Отдела естественнонаучных методов Института археологии НАН Украины, канд. ист. наук О.П. Журавлевым, которому выражаем искреннюю благодарность.

² В работе принимали участие В.А. Ромашко, Д.Г. Филимонов, О.Н. Ярошкевич, А.В. Мишуста.

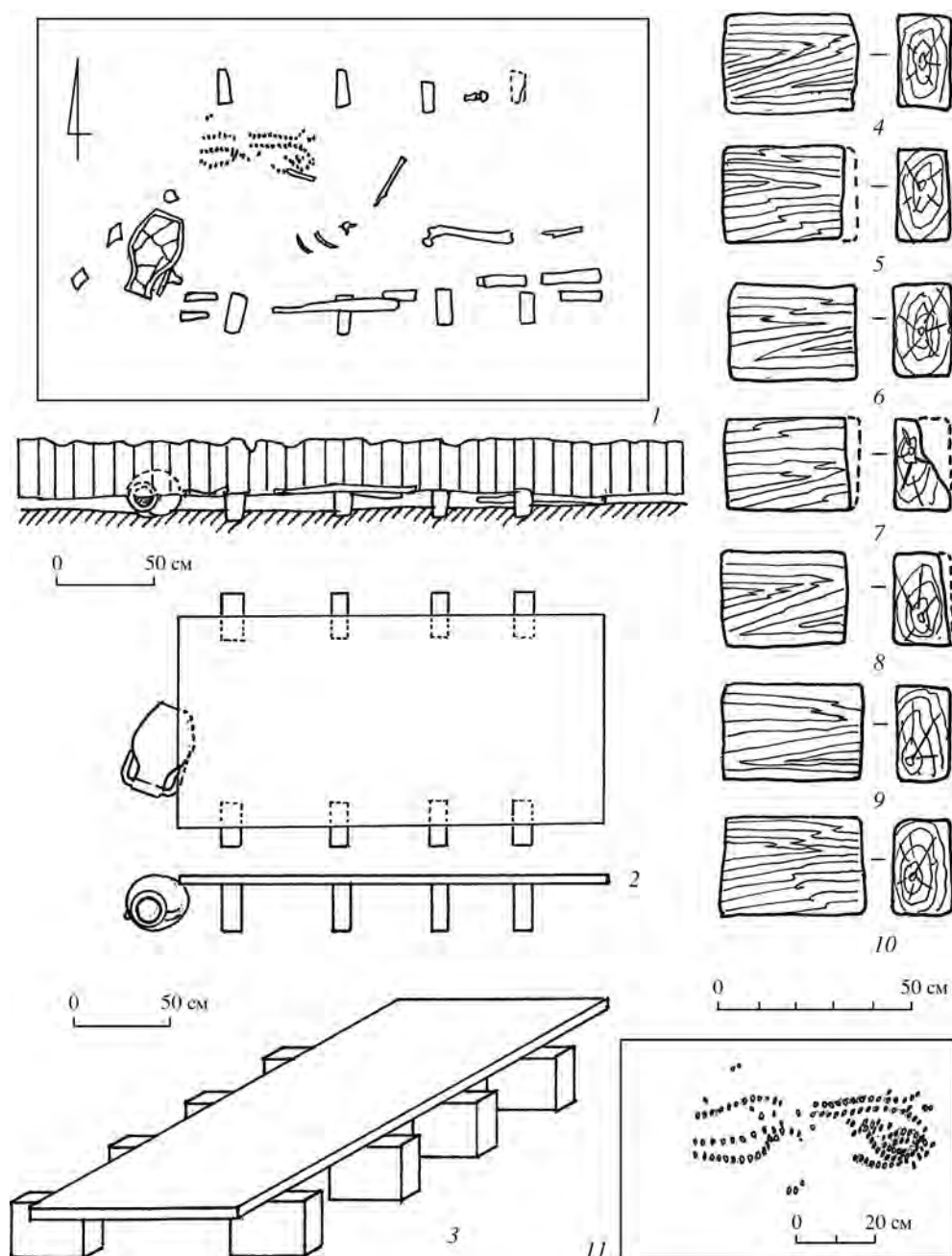

Рис. 2. Остатки впускного погребения в кургане: 1 – план-схема; 2–10 – детали погребального помоста; 11 – расположение бронзовых заклепок от горита *in situ*.

черепа, рук, позвонков и ребер, составляющих верхнюю часть скелета. Ниже остатков погребения, в северной части раскопа, зафиксирована верхняя часть материкового выброса, вероятно, связанная с основным погребением кургана.

Сохранившиеся неповрежденными при ограблении и распашке детали деревянной конструкции, кости скелета и инвентарь, позволяют в общих чертах воссоздать основные черты обрядности погребения в кургане на горе Калитва. Основу погребальной конструкции составляли восемь деревянных

брусков (сохранилось семь) размерами $0.35\text{--}0.38 \times 0.25 \times 0.14\text{--}0.15$ м (рис. 2, 4–10), установленные на предварительно расчищенную и выровненную вершину древнего кургана. Бруски изготовлены из дуба⁵. Они образовывали два ряда, в которых бруски располагались симметрично по отношению друг

⁵ Определение пород дерева здесь и далее сделано старшим научным сотрудником, канд. ист. наук М.С. Сергеевой (Институт археологии НАН Украины), которой выражаем искреннюю признательность.

к другу. Расстояние между рядами равно 0.9–1.0 м, расстояние между брусками в ряду – 0.36–0.5 м. На бруски был положен деревянный помост, составленный из продольно расположенных досок. Особенности конструкции помоста зафиксировать не удалось. Судя по немногочисленным фрагментам досок и древесному тлену, сохранившимся по краям помоста, его размеры составляли около 2.2×1.1 м. Ряды брусков и помост ориентированы по оси восток–запад (рис. 2, 1–3). Погребенный лежал на помосте вытянуто на спине, черепом на запад. Слева от погребенного, на уровне черепа и груди, находилось какое-то изделие, от которого сохранилось несколько рядов бронзовых заклепок, лежавших на разной глубине в слое грунта толщиной 4–5 см. Длина изделия, устанавливаемая по расположению заклепок, примерно 65, ширина – 20–25 см (рис. 2, 11). В головах умершего, под помостом, лежал на боку, устьем на юг-юго-запад, гончарный сосуд (рис. 2, 2). Напутственная пища (часть туши лошади) также, вероятно, находилась за пределами помоста или под ним, у его северо-восточного угла. Большая часть костей, оставшихся от напутственной пищи, выпажана, на месте осталась только нижняя часть конечности лошади, лежавшая в анатомической целостности.

По завершении погребально-обрядовых действий над погребением была сооружена досыпка. Современное состояние насыпи не позволяет установить, был ли покойник просто засыпан грунтом, или над ним была возведена какая-либо надмогильная конструкция, например земляной или деревянный склеп.

Амфора столовая расписная

Половина ее сохранила свое первоначальное положение в захоронении, половина выпажана. Удалось собрать почти все обломки, в результате чего амфора полностью восстановлена⁶. Сосуд имеет приземистое, сильно расширяющееся в районе плечиков тулово, кольцевой, довольно широкий поддон, цилиндрическое горло с краем в виде раструба. Внешняя поверхность амфоры ангобирована белой глиной. Сосуд расписан красным лаком. Декор лучше всего сохранился на горле и верхней части плечиков, хуже – на корпусе, особенно в его нижней части. Орнаментальная роспись имеет следующий вид. Две довольно широкие полосы лака покрывают венчик, одна из них – частично захватывает верхнюю часть горла. Ниже, на горле, с двух сторон расположены прямоугольники, образован-

ные горизонтальными и вертикальными полосками разной ширины; посередине прямоугольники разделены горизонтальной волнистой линией. Участок верхней части тулова, между горлом и нижними прилепами ручек, декорирован лучеобразными, сильно вытянутыми треугольниками, направленными острыми углами вниз. Далее, по плечикам, находятся три горизонтальные широкие полосы. Ниже – две более узкие. Наконец, еще одна, плохо сохранившаяся полоса просматривается в нижней части тулова сосуда. Следы окраски лаком присутствуют и на поддоне. Ручки украшены орнаментом в виде лесенки – двумя длинными вертикальными полосками, пересеченными короткими горизонтальными.

Высота амфоры составляет 43.5, диаметр устья – 13.5–14, диаметр горла на уровне его соединения с корпусом – 11, диаметр корпуса – 29.5, поддона – 11 см (рис. 3, 1; 4, 1).

Горит и колчанный набор

Застежка от горита. Представляет собой круглый в сечении бронзовый стержень, обтянутый тонким золотым листом. В нижней части застежки, по стержню, отчетливо виден соединительный шов. Концы застежки оканчиваются стилизованными, но вполне узнаваемыми львиными головками. Уши животного плотно прижаты к голове, пасть открыта. Глаза переданы узкими глубокими щелями, что создает эффект прищура, нос и усы моделированы гравированными линиями. В средней части застежки расположен перехват с гладкой поверхностью для ременной петли. По обе стороны от него – по семь узких рельефных рубчиков. Поверхность застежки, особенно в районе рубчиков, покрыта бронзовым окислом, львиные головки потерты. Длина изделия равна 7.7 см, сечение стержня по краям – 1.4×1.1 – 1.2 , по центру – 1.2×1 см. Сечение головок 2×1.8 см (рис. 3, 2; 4, 2).

Остатки горита. Представлены довольно многочисленными заклепками (101 экз.), изготовленными из обрезков бронзовой проволоки сечением 0.15 см. Края обрезков расклепаны. Длина заклепок разная: 0.3–0.7 см (рис. 3, 45; 4, 9–12). Ни деревянной основы предмета, ни кожаного (?) покрытия, увы, не сохранилось. Тем не менее, расположение значительной части заклепок *in situ* позволяет вполне однозначно считать их металлическими деталями горита – т.е. футляра для лука, имеющего специальное отделение для стрел. По-видимому, заклепки выполняли как крепежную, так и декоративную функцию. Их расположение фиксирует следующие размеры горита: ориентировочная длина не менее 65, ширина до 25, толщина до 5 см.

⁶ Реставрация вещевого комплекса погребения проведена сотрудником Отдела археологии Днепропетровского национального исторического музея Ю.Ю. Фаныгиным. Фотографии к публикации подготовлены А.В. Андросовым.

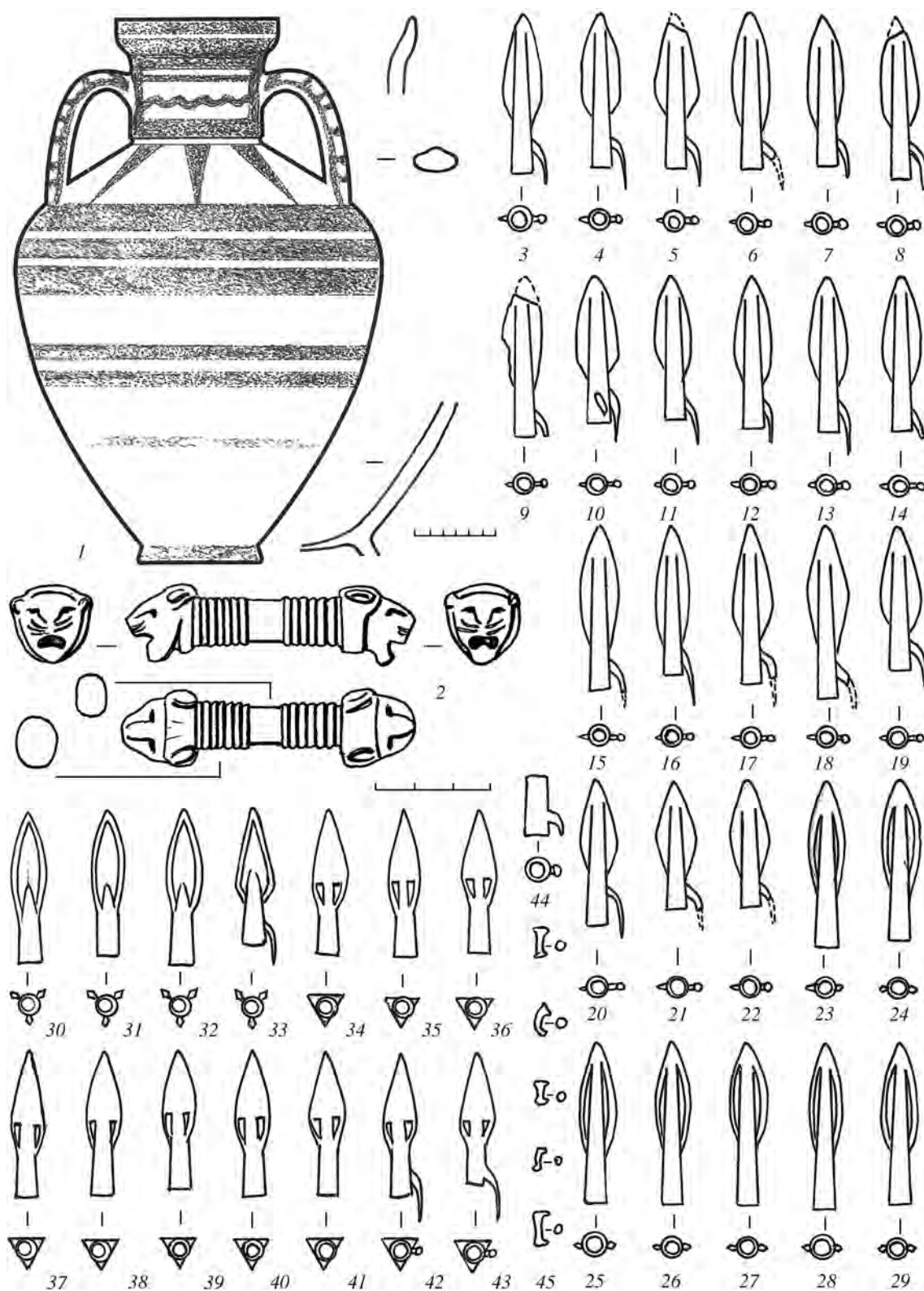

Рис. 3. Инвентарь захоронения: 1 – расписная столовая амфора; 2 – бронзовая, плакированная золотом застёжка от горита; 3–44 – бронзовые наконечники стрел; 45 – бронзовые заклепки от горита.

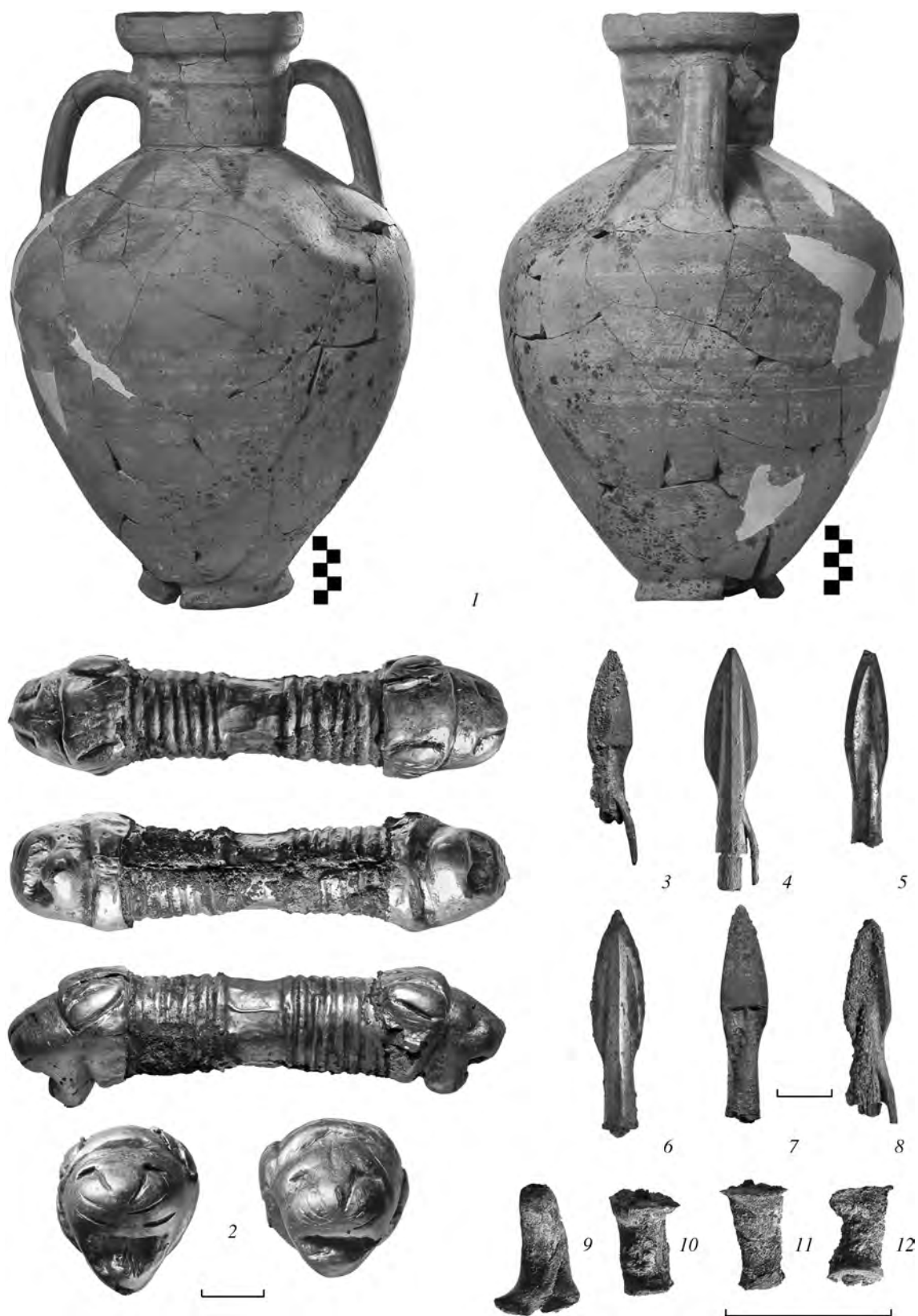

Рис. 4. Фотоиллюстрации находок: 1 – столовая расписная амфора; 2 – застежка от горита; 3–8 – наконечники стрел; 9–12 – заклепки от горита.

Колчанный набор. Сохранилось 42 (типологически определяется 41) двухлопастных, трехлопастных и трехгранных бронзовых наконечника стрел, составляющих шесть типов.

Двухлопастные наконечники (27 экз.) представлены двумя основными типами:

Тип 1. Наконечники без шипов, с лавролистной или слегка ромбической головкой и высокой втулкой (7 экз.). На одном из экземпляров – следы литейного брака в виде отверстия в нижней части втулки. Высота наконечников – 4.3–4.5 см (рис. 3, 23–29; 4, 6).

Тип 2. Наконечники с лавролистной или ромбовидной головкой, довольно высокой втулкой и шипом в ее нижней части (20 экз.). Различия контура головки объясняются, скорее всего, не типологическими особенностями наконечников, а степенью обработки или заточки ее на абразивах. Вероятно, наконечники отливались в аналогичных формах. Изменение же формы пера, а иногда и размеров наконечников, связано с их дальнейшей эксплуатацией. На некоторых экземплярах – следы литейного брака в виде отверстий на втулках. Высота наконечников варьирует от 3.3 до 4.5 см (рис. 3, 3–22; 4, 4).

Трехлопастные наконечники (4 экз.) включают 2 типа:

Тип 3. Наконечники с лавролистной головкой и довольно высокой втулкой (3 экз.). Высота 3.9–4.1 см (рис. 3, 30–32; 4, 5).

Тип 4. Наконечник с остролистной головкой, высокой втулкой и шипом в ее нижней части. Высота экземпляра 3.5 см (рис. 3, 33; 4, 8).

Трехгранные наконечники (10 экз.) также представлены двумя типами:

Тип 5. Наконечники с лавролистной головкой, украшенной в нижней части углублениями, и довольно высокой втулкой (8 экз.). Высота 3.7–3.9 см (рис. 3, 34–41; 4, 7).

Тип 6. Аналогичные по форме наконечники, но с шипом в нижней части втулки (2 экз.). Высота 3.5 и 3.8 см (рис. 3, 42, 43; 4, 3).

Все указанные наконечники имели практически одинаковый внутренний диаметр втулки – до 0.3 см. От одного из экземпляров сохранилась лишь втулка с шипом в нижней части, в связи с чем точное типологическое определение наконечника невозможно (рис. 3, 44). Практически у всех наконечников, во втулках – остатки древков. По данным ксилотомического анализа, они изготовлены из березы.

К числу интереснейших сохранившихся предметов вещевого комплекса, безусловно, принадлежит расписная столовая амфора, являющаяся южно-ионийским импортом. Подобные амфоры производил Милет. По типологии Р.М. Кука и П. Дюпона, сосуд относится к типу “g” ранних милетских столовых амфор. Сравнительно недавно время подобных сосудов определяли первой половиной VI в. до н.э. (Cook, Dupont, 1998. P. 170, 171. Fig. 23, 7 “g”). Бесспорно, ближайшей аналогией амфоре из Китайгорода в Северном Причерноморье является сосуд из кургана № 2 (погребение № 10) могильника Бушуйка близ с. Высочино на Нижнем Дону (рис. 5, 1) (Беспалый, Парусимов, 1991. С. 192, 193. Рис. 6, 20). Амфора из Бушуйки, в основном сходная по всем метрическим параметрам и декору с сосудом из Китайгорода, имеет лишь меньшую высоту – 37.3 см. Этот сосуд в свое время был отнесен к керамической продукции северо-ионийских центров и датирован серединой VI в. до н.э. (Беспалый, Парусимов, 1991. С. 194). Позже В.П. Копылов, со ссылкой на Р.М. Кука и П. Дюпона, определил ее в качестве милетского импорта первой половиной VI в. до н.э. (Копылов, 2000. С. 158).

Однако новейшие исследования в области изучения архаической греческой керамики и милетских амфор, в частности, вносят уточнения в датирование данной продукции. Морфологические особенности китайгородской и бушуйской амфор позволяют отнести их к типу Mile A Id = SiA Id милетских сосудов, время которых ныне определяется в рамках 610–580 гг. до н.э. (Seifert, 2004. Taf. 140. Kat. 102, 103)⁷. Стоит также подчеркнуть, что орнамент в виде лучей, украшавших верхнюю часть сосудов из Китайгорода и Бушуйки, хорошо известен на милетских ойнохоях стиля MWG II, найденных, например, на Березани и относящихся к концу VII (Чистов, 2006. С. 64, 104, 115. Ил. 24, 3), рубежу VII–VI вв. до н.э. (Rosamentir, Solovyov, 2006. S. 111. Abb. 9). Продолжает бытовать подобный орнамент и в более позднее время – в первой половине VI в. до н.э. (Борисфен-Березань, 2005. Кат. 21, 28).

Нужно подчеркнуть, что целый экземпляр расписной столовой милетской амфоры встречен в Северном Причерноморье впервые.

Застежка от горита из Китайгорода пополняет, в общем, небольшой перечень плакированных золотом предметов аналогичного назначения, найден-

⁷ Сердечно благодарим ведущего научного сотрудника Отдела античной археологии Института археологии НАНУ, д-ра ист. наук А.В. Буйских за любезную консультацию при изучении данного сосуда.

ных на довольно значительной территории. Всего таких изделий известно семь.

1. Застежка из кургана № 406 у с. Журовка, в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья (рис. 5, 3), время которого определяется второй половиной VII в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 163) или третьей четвертью указанного столетия (Галанина, 1997. С. 186).

2. Застежка из Мельгуновского (Литого) кургана на пограничье Правобережной Степи и Лесостепи (рис. 5, 2), который датируется рубежом VII–VI вв. до н.э. (Мурзин, 1984. С. 19, 20), концом VII в. до н.э. (Черненко, 1981. С. 25), а в последнее время – 650–600 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 295).

3. Застежка из погребения № 81 кургана на Темир-Горе, близ Керчи (Восточный Крым) (рис. 5, 4), убедительно датируемого 40–30-ми годами VII в. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 295; Вахтина, 2004. С. 209).

4–6. Три застежки из курганов группы Келермес на Кубани – № 1 / 1903; №№ 3, 4 (?) / 1904 (раскопки Д.Г. Шульца) (рис. 5, 5–7), датируемых серединой – второй половиной VII в. до н.э. (Галанина, 1997. С. 186, 190).

7. Застежка из кургана № 6 у с. Обиточное в Приазовье (бывш. Ногайск) (рис. 5, 8), относимого ко времени келермесского кургана № / 1903 (раскопки Д.Г. Шульца) (Яценко, 1959. С. 50) или в абсолютных датах – к третьей четверти VII в. до н.э. (Галанина, 1997. С. 186).

До находки в кургане у Китайгорода было известно только четыре застежки, концы которых оформлены в зооморфном стиле. На мельгуновском экземпляре (длина застежки 7.5 см) и застежке из кургана № 6 у с. Журовка (длина 7.9 см) – это львиные головки (Придик, 1913. С. 20. Рис. 14; Бобринской, 1905. С. 31), в келермесском кургане № 3/1904 (длина застежки 8.6 см) – барьяны головки (Галанина, 1997. Табл. 4, 34; 13, 34), кургане № 4 (?) / 1904 также Келермесской группы – стилизованные копыта (Галанина, 1997. Табл. 13, 68). Впрочем, нельзя исключать, что застежка с деформированными концами из кургана на Темир-Горе (Яковенко, 1972. С. 262. Рис. 1, 2) была первоначально подобна мельгуновской, т.е. украшена стилизованными львиными головками (Галанина, 1997. С. 186). Остальные два экземпляра, происходящие из келермесского кургана № 1 / 1903 (длина застежки 6.7 см) (Галанина, 1997. Табл. 13, 7) и кургана № 6 у с. Обиточное (длина застежки 7 см) (Яценко, 1956. С. 163. Рис. 6), различаясь в некоторых деталях, подобны друг другу по наличию выступающих по краям валиков.

Несомненно, ближайшей аналогией застежке из Китайгорода, с учетом украшения концов львиными головками, а поверхности – рифлеными рубчиками, является мельгуновский экземпляр. К тому же у него близкие размеры: длина 7.5 см (длина китайгородской застежки 7.7 см). Застежка из кургана № 406 у с. Журовка, также с львиными головками, имеет, в отличие от мельгуновской и китайгородской застежек, не рубчатую поверхность палочки, а гладкую. Вместе с тем по общей пропорции застежке из Китайгорода (рис. 3, 2) бесспорно близка застежка из кургана № 4 (?) Келермесской группы, украшенная по концам барьяными головками (рис. 5, 5).

Приведенные ориентировочные размеры горита из Китайгорода (длина до 65, ширина до 25 см) также вполне укладываются в представления о размерах архаических горитов. Например, достаточно точные размеры установлены для горита из погребения № 2 кургана Репяховата Могила в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье, относящегося к концу VII – началу VI в. до н.э. (Полін, 1987. С. 26, 27). Его длина составляла около 63–65, ширина – до 35 см (Ключко, 1977. С. 51).

Сохранившиеся бронзовые наконечники (типы 1–6) – двухлопастные с лавролистной или в определенной степени ромбовидной головками, с шипом или без шипа на втулке, трехлопастные с лавролистной головкой, с шипом или без шипа, трехгранные с лавролистной головкой, с шипом или без шипа на втулке – вполне свойственны колчанам наборам второй половины VII – начала VI в. до н.э. В качестве нескольких примеров можно указать наконечники из погребений в курганах Лесостепи (Репяховата Могила; курган № 38 у с. Гуляй-Город; Старшая Могила) (Ильинская и др., 1980. С. 36. Рис. 6, 1–5, 12–14, 16–30. С. 45. Рис. 13, 2, 3, 14–17; Ильинская, 1975. Табл. II, 2–11, 15–19; Ильинская. 1968. Табл. II, 26–39) и Степи (Мельгуновский курган; курган № 3 у с. Подгородное; курган № 3, погребение № 10 могильника Бушуйка у с. Высочино) (Придик, 1911. С. 18, 19; Мурзин, 1984. С. 15. Рис. 3, 5; Беспалый, Парусимов, 1991. С. 189. Рис. 6, 14, 15).

Итак, несмотря на ограбление захоронения, мы располагаем достаточными материалами для определения его даты. Напомним, что хронологическая позиция импортной милетской столовой амфоры находится в пределах 610–580 гг. до н.э. Бронзовые наконечники стрел относятся к типам, бытовавшим со второй половины VII до начала VI в. до н.э. Вместе с тем все бронзовые застежки, плакированные золотом, в том числе украшенные по краям стилизованными головками львов (ближайшая ана-

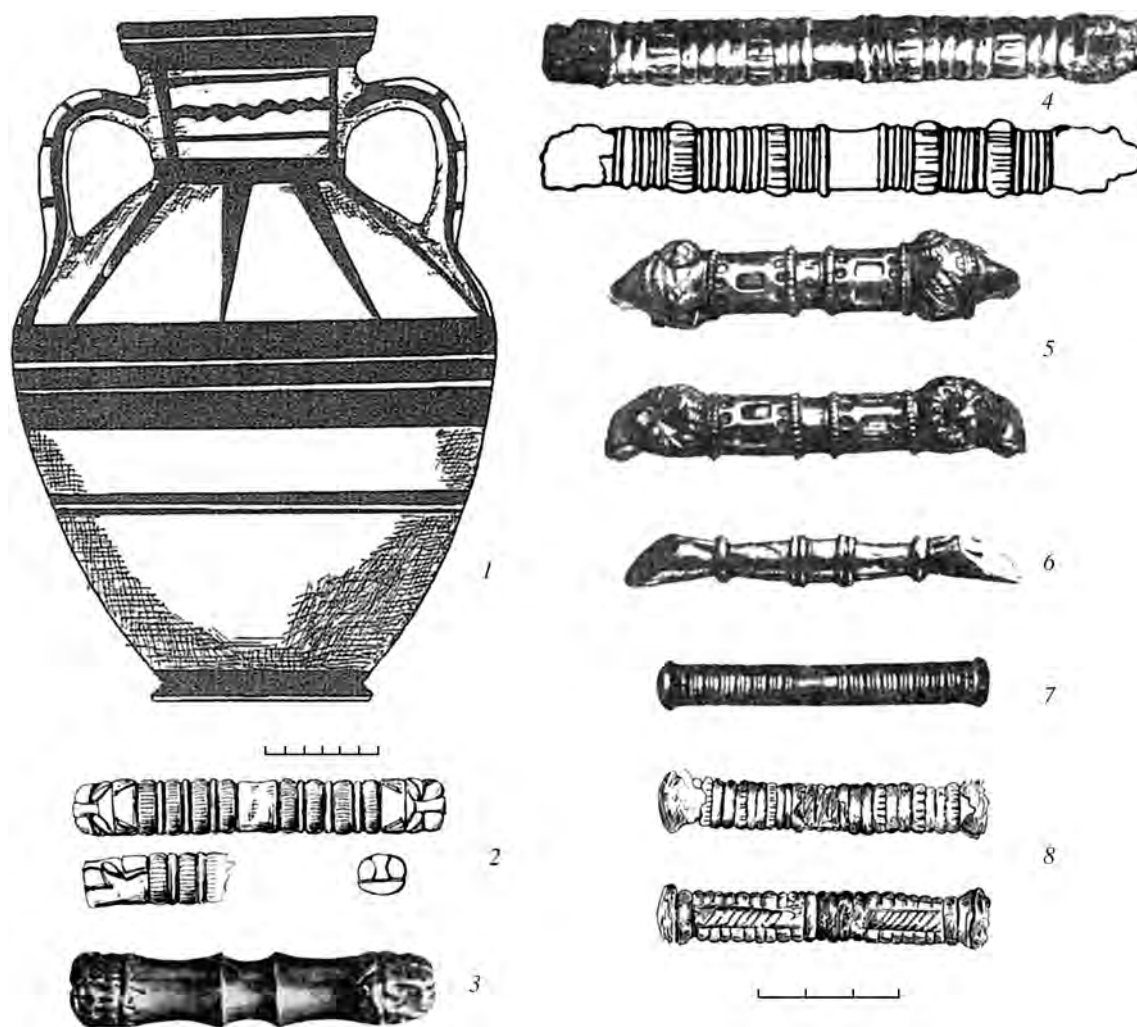

Рис. 5. Аналогии находкам из погребения в кургане близ Китайгорода: 1 – амфора из кург. № 2 могильника Бушуйки близ с. Высочино; 2–8 – застёжки от горитов из курганов: Мельгуновского (2); № 406 у с. Журовка (3), на Темир-Горе (4), группы Келермесских (5–7), № 6 у с. Обиточное (8).

логия китайгородской находке – из Мельгуновского кургана) происходят из погребальных комплексов, надёжно датированных второй половиной – концом VII в. до н.э.

Учитывая это обстоятельство и нижние хронологические рамки милетской амфоры, у нас есть достаточно оснований определить дату погребения в Китайгороде 610–600 гг. до н. э.

Захоронение мужчины-воина в кургане у Китайгорода совершено с соблюдением канонов, свойственных раннескифскому погребальному обряду северопричерноморской Степи: покойник лежал вытянуто на спине, головой на запад. Действительно, в архаических скифских захоронениях степного Северного Причерноморья покойники чаще всего располагаются вытянуто на спине, хотя и встречаются иногда положение на боку и элементы скорченности (Мурзин, 1984. С. 53, 54; Бессонова, 1990.

С. 28; Ольховский, 1991. С. 58). В равной степени характерным для скифского обряда захоронения является и доминирование западной ориентировки, иногда с определенными отклонениями к северу или югу (Мурзин, 1984. С. 54; Бессонова, 1990. С. 27; Ольховский, 1991. С. 58).

Стоит отметить, что амфора в Китайгородском погребении (половина корпуса ее сохранилась *in situ*) располагалась в головах покойника, т.е. так же, как и ее аналогия в захоронении № 10 кургана № 3 могильника Бушуйка (Беспалый, Парусимов, 1991. С. 191. Рис. 7, 4. С. 193), что также можно рассматривать как элемент обрядности.

Как уже указывалось, неизвестно, что представляло собой скифское погребальное сооружение в китайгородском кургане. Ясно лишь одно: покойник, судя по всему, размещался на деревянном

помосте, на выровненной горизонтально насыпи более древнего кургана.

Для раннескифского периода свойственно многообразие типов погребальных сооружений, в том числе в насыпи и на уровне древнего горизонта (Мурзин, 1984. С. 49; Бессонова, 1990. С. 20–22; Ольховский, 1991. С. 56). Помост, остатки которого зафиксированы в китайгородском захоронении, функционально вполне сопоставим с известными в скифской погребальной практике деревянными настилами-ложами (Ольховский, 1991. С. 58, 67, 105). Их доски нередко располагались на специальных поперечных лагах, выполняющих то же назначение, что и бруски помоста, – поддерживать и возвышать настил над горизонтальной поверхностью. Деревянные настилы, лежа (иногда их также называют “щитами” и “помостами”) свойственны для захоронений среднего и высшего слоя скифского населения (Ольховский, 1991. С. 105).

Разумеется, судить о социальном статусе мужчины, погребенного в могиле, которая подверглась ограблению и разрушению, непросто. Тем не менее, отдельные факты позволяют предположить, что воин, похороненный в кургане близ Китайгорода, принадлежал к скифской элите. Об этом свидетельствует не только и не столько обнаруженная в захоронении милетская расписная амфора, возможно, наполненная дорогим вином (вспомним, что погребение в Бушуйке, где была подобная амфора, по иному сопровождающему инвентарю в целом довольно скромное), а в первую очередь наличие застежки от горита, плакированной золотым листом.

В литературе неоднократно отмечалось, что подобные застежки, бесспорно, являются вещами престижного характера и маркируют скифские погребения весьма высокого социального ранга (Бессонова, 1990. С. 34; Галанина, 1997. С. 186). Сказанное прекрасно подтверждается материалами Келермесских и Мельгуновского курганов, в которых были обнаружены такие предметы. Да и захоронение в кургане № 406 у с. Журовка в украинской Лесостепи, несмотря на ограбление, сохранило значительное количество разнообразных вещей, свидетельствующих о знатности покойника. О принадлежности к элитарной группе скифского общества мужчины, некогда погребенного в кургане у Китайгорода, говорит и наличие специального погребального помоста для покойника.

В заключение хотелось бы отметить следующий нюанс. Новая находка южно-ионийской расписной столовой амфоры в раннескифском воинском захоронении в кургане близ Китайгорода в Приорелье вполне подтверждает справедливость недавно вы-

сказанной мысли о том, что «на сегодняшний день архаическая художественная керамическая продукция Милета, “метрополии 100 городов”, для района Северного Причерноморья наиболее выразительно представлена отнюдь не в греческом, а в варварском мире» (Вахтина, 2004. С. 208, 209).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.* Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3. С. 179–195.
- Бессонова С.С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины / Ред. В.М. Зубарь Киев: Наук. думка, 1990. С. 17–39.
- Бобринской А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. Вып. 14. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1905. С. 1–43.
- Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки / Ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. 151 с.
- Вахтина М.Ю.* О начале распространения южно-италийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 204–211.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Геологічні пам’ятки України: в 4-х томах / Ред. В.І. Калінін, Д.С. Гурський. Т. II. Київ: Державна геологічна служба, 2007. 320 с.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наук. думка, 1968. 203 с.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975. 224 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1980. С. 31–63.
- Ключко В.И.* Новые данные о типах скифских горитов и колчаных наборах VI в. до н.э. // Новые исследования археологических памятников на Украине / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наук. думка, 1977. С. 47–54.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наук. думка, 1989. 335 с.

- Копылов В.П.* Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В. И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 157–166.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984. 134 с.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Полидович Ю.Б.* К характеристике курганного погребального обряда Степной Скифии архаического периода // Тез. докл. междунар. конф. “Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья”. Запорожье, 1994.
- Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам’яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.
- Придик Евг.* Мельгуновский клад 1763 года. МАР. Вып. 31. 1911. 24 с.
- Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2003. 161 с.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981. 167 с.
- Чистов Д.Е.* Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 56–112.
- Яковенко Э.В.* Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.
- Яценко И.В.* Скифские погребения близ Ногайска (по материалам раскопок Н.И. Веселовского в 1887 г.) // ВДИ. 1956. № 1. С. 161–163.
- Яценко И.В.* Скифия VII–V веков до нашей эры. Тр. ГИМ. Вып. 36. 1959. 119 с.
- Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998.
- Posamentir R., Solovyev S.* Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ostgriechisch Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St.Petersburg // IM. 2006. Bd. 56. P. 103–128.
- Seifert M.* Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet // BAR Int. Ser. 1233. L.: Archaeopress, 2004.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 2

© 2014 г. И.В. Рукавишникова, Л.Т. Яблонский

Институт археологии РАН, Москва (rukavishnikovairina@yandex.ru)

Ключевые слова: Филипповский могильник, ранние кочевники Южного Урала, погребальный комплекс.

The article is devoted to the publication of one of the big barrows of the burial Filippovka 2, situated at the distance of the 13 km from the burial Filippovka 1 in the Southern Ural. A range of the analogues in materials is discovered allowing synchronizing these sites. The analysis of the publishing materials gives the opportunity to reconstruct the necropolis of the early herdsmen, being formed gradually during the century, from the end of the 5th till the end of the 4th centuries BC. In closed assemblages different objects and herdsmen weapon were documented *in situ*.

Курганный могильник Филипповка 2 расположен на территории Илекского р-на Оренбургской обл. РФ, на водоразделе рек Урал и Илек, в 4 км к западу от деревни Филипповка и в 7 км к северо-северо-востоку от дер. Песчаное, к западу от сухой ныне р. Песчанка. Могильник насчитывал семь курганов. Наиболее крупная насыпь кургана 1 расположена в его центре. Она имеет высоту 4 и диаметр около 50 м. Вокруг находились шесть курганов меньших размеров. Насыпи малых курганов подвергались постоянной распахке и полностью сnivelированы (высота 20–40 см.).

Курган 2 находился в 40 м к северу-западу от кург. 1. Размеры кургана: диаметр 30, высота 1 м (рис. 1). В 2007–2008 гг. курган подвергался неоднократным попыткам ограбления вручную. В 2007 г. траншеи грабителей были засыпаны силами Приуральской экспедиции, но в 2008 г. курган снова грабили. До начала работ в рельефе насыпи читалась большая воронка по центру.

В основном насыпь состояла из слоя темно-коричневого суглинка с включениями гидрокарбонатов (толщиной до 0.30–0.40 м в центре), но была сформирована из нескольких досыпок, о чем свидетельствует ее слоистость в северном секторе. Согласно стратиграфическим наблюдениям в профилях трех меридиональных бровок, первоначальная насыпь была возведена на обваловке из выкида основного погр. 1.

На восьмом метре на север от нулевого репера в восточном профиле центральной бровки читался смыв с первой насыпи, который перекрывала досыпка – вторая насыпь.

В восточном секторе основную насыпь кургана и линзу выкида прорезала яма впускного погр. 4. Заполнение ямы и выкид из нее были перекрыты прослойкой (толщиной до 10 см) второй насыпи, что читалось в восточном профиле восточной бровки. В том же профиле была видна впущенная в насыпь яма погр. 5, прорезавшая досыпку от погр. 4 и имевшая собственный выкид и досыпку насыпи, которые выделялись тонкими прослойками.

В обеих траншеях между тремя бровками на глубине 0.45–0.80 м от центрального репера фиксировались отдельные человеческие кости. Они принадлежали разным костякам: взрослому мужчине (фрагмент черепа) и взрослой женщине (зуб и бедренная кость)¹. В южной поле кургана на глубине 0.94 м от центрального репера были найдены фрагменты гончарной красноглиняной керамики высокого качества с однородным тестом (рис. 2, 4). Предположительно, это фрагменты фасосской керамики (по определению А.А. Завойкина).

Погребение 1 (рис. 2, 1–3), основное, находилось в центре кургана, где была зафиксирована яма с нечеткими очертаниями, которые образовались в результате многочисленных грабительских вкопов. Первоначально могильная конструкция представляла собой неглубокую яму подпрямоугольной в плане формы, размерами 3.2 × 4.6 м, возможно, с небольшим дромосом, разрушенным действиями грабителей. Яма имела деревянное перекрытие в виде наката из плах, уложенных радиально и, возможно, перекрытых перпендикулярными к ним плахами. В северо-западном секторе, в заполнении

¹ Все антропологические определения сделаны Л.Т. Яблонским.

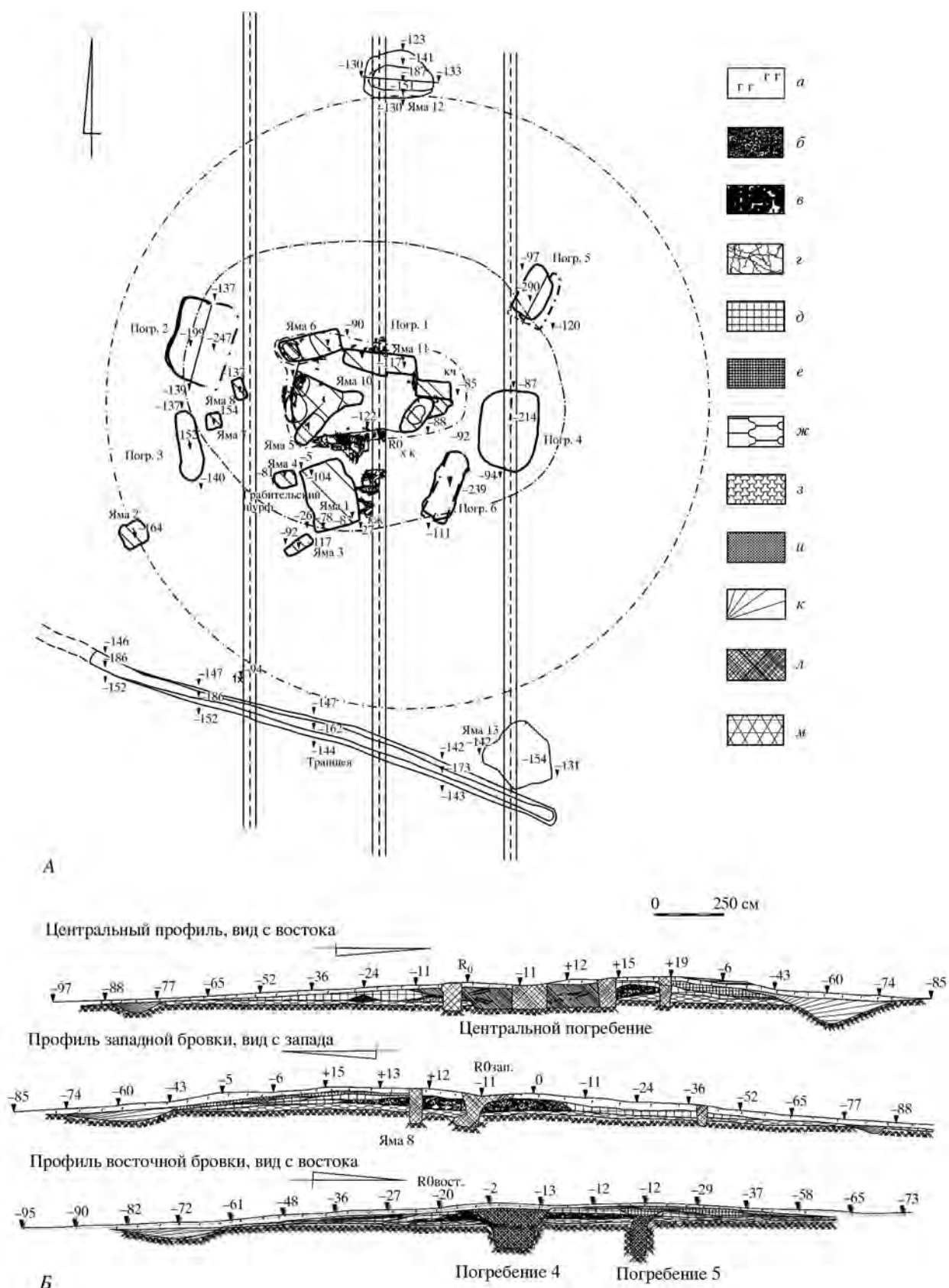

Рис. 1. Курган 2 могильника Филипповка 2: А – план, Б – профили бровок. Условные обозначения: а – слой пахоты; б – материковый выкид; в – валик; г – дерево; д – насыпь 1; е – насыпь 2; жс – погребенная почва; з – заполнение ямы; и – затечное заполнение ямы; к – заполнение грабительских ям; л – заполнение разграбленного центрального погребения; м – слой промочки на смыве с насыпи.

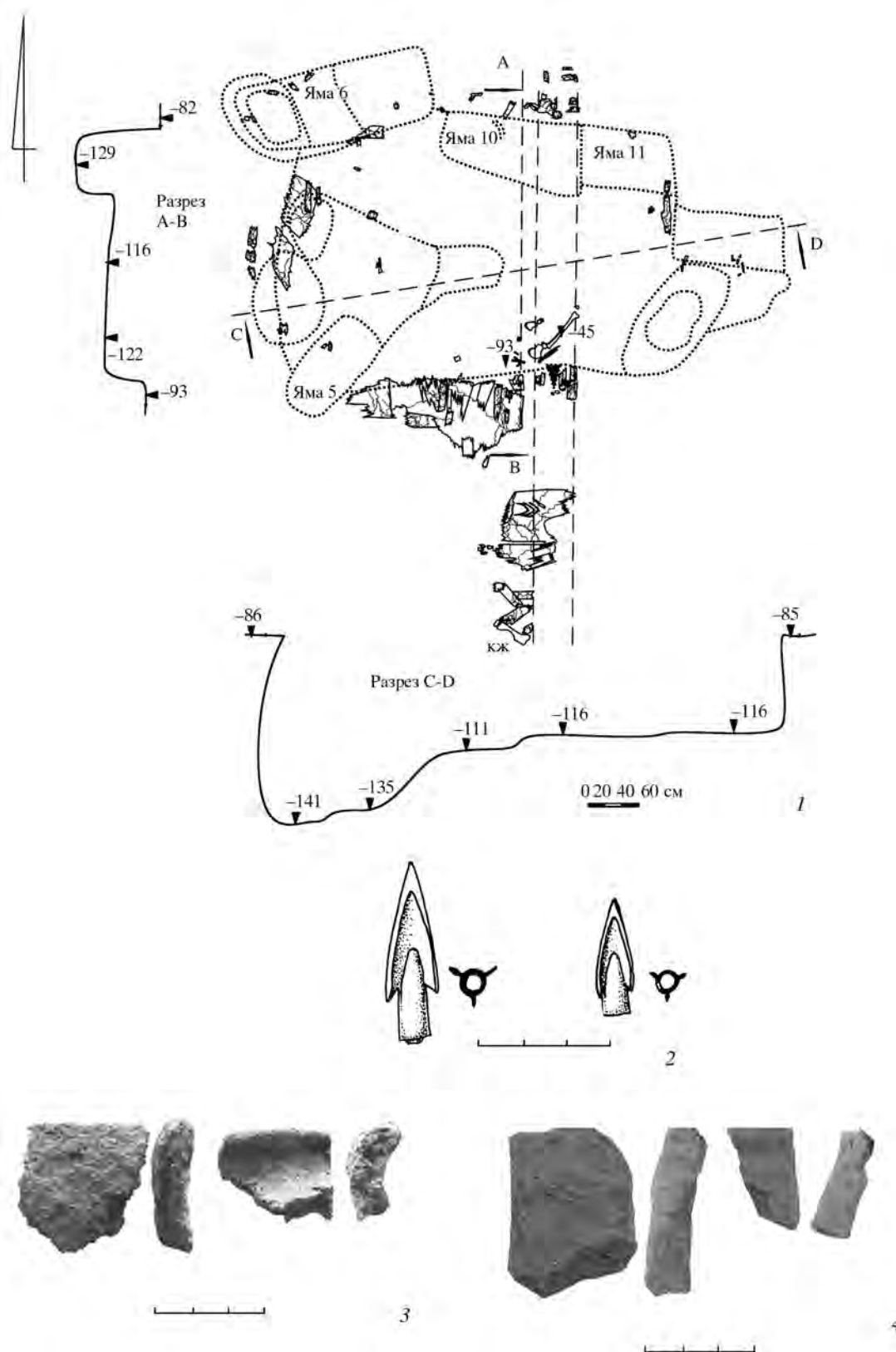

Рис. 2. Погребение 1 и керамика из насыпи кургана: 1 – план и разрезы погр. 1; 2 – бронзовые наконечники стрел из заполнения погр. 1; 3 – фрагменты лепной посуды из заполнения погр. 1; 4 – фрагменты керамики из насыпи кургана.

были зафиксированы следы белесого тлена. В юго-западном углу (в заполнении грабительской ямы 5) были найдены человеческие кости – тазовые и бедренная, принадлежавшие мужчине 40–45 лет. Бедренная кость располагалась вертикально. В южном секторе расчищены ребра, в метре к центру от западной стенки – плечевая кость человека. В центре также зафиксированы разрозненные человеческие кости. Видимо, это было коллективное погребение в неглубокой яме с деревянным шатровым перекрытием, покрытым корой и ветками и располагавшимся по кольцевому валику, который состоял из материкового выкида из ямы. Перекрытие было подожжено, а затем засыпано земляной насыпью.

В заполнении ямы были обнаружены лошадиная бабка и два бронзовых наконечника стрел: один – в южном секторе, другой – в восточном. Наконечники стрел однотипные: трехлопастные, с выступающей короткой втулкой; перья в профиль дуговидные, с опущенными концами, боек треугольный (рис. 2, 2). Размеры первого наконечника: общая длина 40, длина втулки 20, наибольший размах перьев (у основания) 12 мм. Размеры второго наконечника: общая длина 25, длина втулки 14, наибольший размах перьев (в нижней трети головки) 9 мм.

Также в заполнении, в северо-северо-западной части ямы были найдены фрагменты лепной керамики (рис 2, 3).

Вокруг центрального погр.1 были выявлены впускные захоронения.

Погребение 2 (рис. 3, 4) располагалось в западном секторе кургана и прорезало слой выкида из центральной ямы. Могильная конструкция представляла собой подпрямоугольную яму с подбоем, ориентированную по линии С–Ю с отклонением в направлении ЮЗ–СВ. Темное пятно входной ямы с затечным заполнением фиксировалось на уровне материка вместе с пятном от просевшего подбоя, сделанного вдоль восточной стенки. Размеры ямы со ступенью и подбоем 2.95×3.0 м. Ступенька подбоя, шириной 0.7 и высотой 0.5 м, находилась на глубине 0.7 м от поверхности погребенной почвы.

Погребение не нарушено. Погребенный, мужчина 40–45 лет, лежал вытянуто на спине, головой на юг, на подстилке, от которой сохранился темный тлен. В теле лучевой кости правой руки у локтя находился бронзовый наконечник стрелы (рис. 4, 7), от чего у мужчины развился остеомиелит в области раневого отверстия. Позвоночник носит следы патологии: деформация позвонков шейного, остеохондроз грудного, компрессионная деформация поясничного отделов. Фиксируется остеопороз обеих берцовых костей.

В подбойной нише, у северной стенки, в ногах погребенного, был найден глиняный лепной круглодонный сосуд (рис. 3, 1). Рядом с сосудом, южнее, находилась грудина лошади (ребра и позвонки в сочленении). На ребрах лежал длинный (около 28 см) железный нож (рис. 3, 2).

Ближе к южной стенке подбоя, справа от черепа находился неопределимый железный предмет плохой сохранности длиной 11 см и толщиной около 1 см (рис. 3, 6). Вдоль правого предплечья лежал короткий железный меч синдо-меотского типа, очень плохой сохранности, без перекрестия с навершием в виде прямого валика (рис. 3, 8). Длина меча 36 см. Правее был расположен колчан со стрелами (рис. 4, 5). Нижняя часть колчана частично сохранилась, благодаря окиси бронзы от наконечников. Колчан состоял из слоев меха и кожи. Длина сохранившейся части 8 см. На фалангах пальцев рук скелета сохранились следы меха. Древки стрел сохранились в длину до 20 см, некоторые имеют следы заточки. В верхней части над древками находились сильно окисленные предметы: железный крюк (не сохранился); железный предмет с верха колчана, возможно, петля или сложная застежка (рис. 3, 9; 4, 6); фрагментированная костяная ложечка (рис. 3, 10); бронзовая ворворка (рис. 3, 11); железные обоймы. Данный комплекс можно интерпретировать как горит с карманами, в которых лежали эти предметы и железные обоймы; железный крюк закрывал колчан. Каркас колчана, видимо, был сделан из прутьев, внутренняя часть сформирована из меха, внешняя – из кожи.

В колчане находилось 104 бронзовых наконечника стрел (трехлопастных и трехгранных) (рис. 3, 7) и одна, вероятно, деревянная стрела. В целом, наконечники делятся на две категории: деревянные (I) и бронзовые (II). Единственный деревянный наконечник цилиндрический в сечении, остроконечный (тип 1). Бронзовые наконечники подразделяются на два отдела (I – базисные со скрытой втулкой, 19 шт.; II – с выступающей цилиндрической втулкой, 85 шт.). Наконечники отдела I представлены двумя типами (1 – трехгранные, с прямым основанием перьев; 2 – трехгранные с опущенными концами перьев), наконечники отдела II – четырьмя типами (1 – трехлопастные с треугольной в профиль головкой и прямым основанием пера; 2 – трехлопастные с треугольной в профиль головкой и с опущенными концами перьев; 3 – трехгранные, миниатюрные, с короткой втулкой, с треугольной в профиль головкой и слабо выделенными концами граней; 4 – трехгранные с длинной втулкой, с треугольной в профиль головкой и слабо выделенными концами граней).

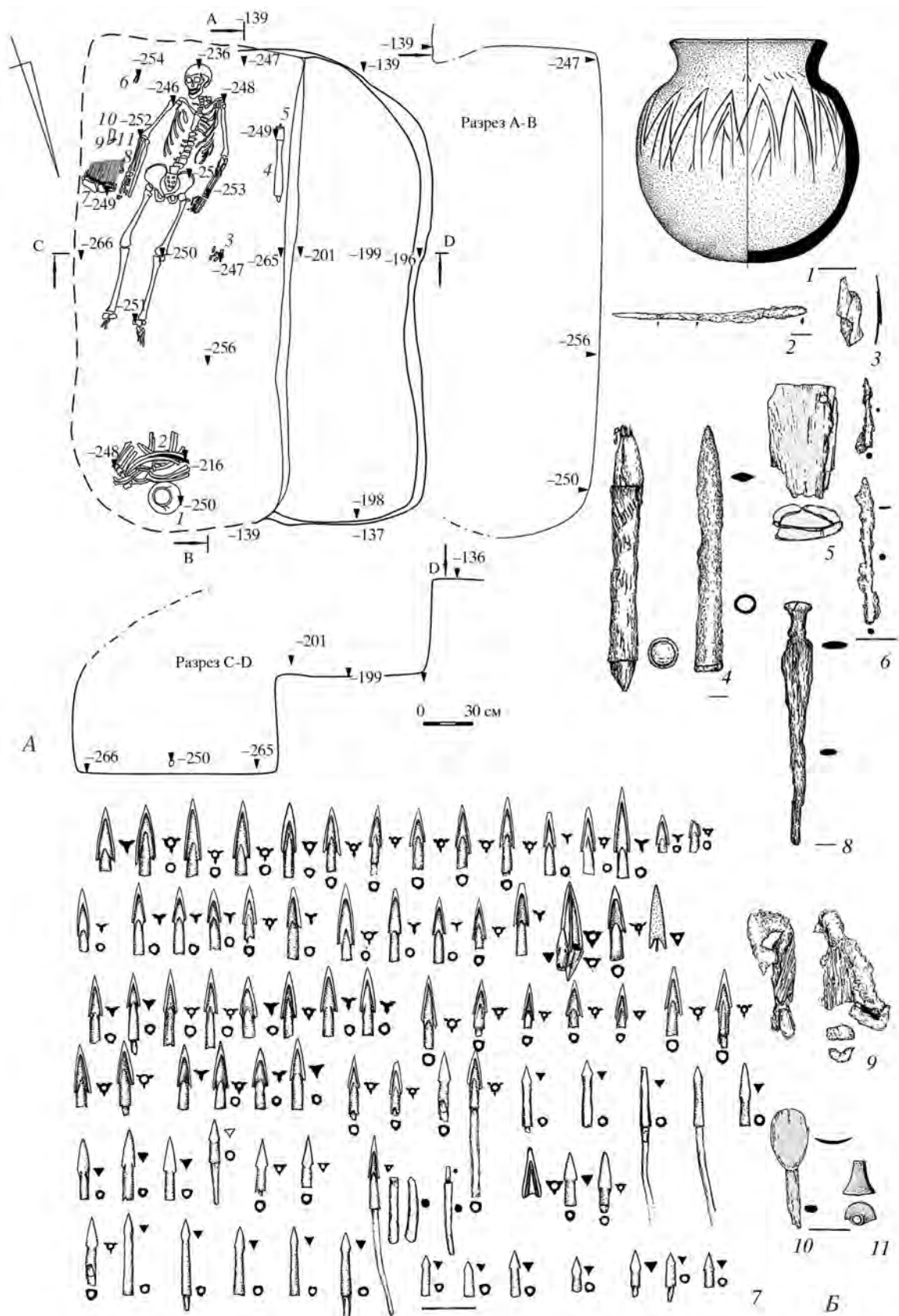

Рис. 3. Погребение 2: А – план и разрезы, Б – инвентарь (1 – сосуд; 2 – нож; 3, 6, 9 – предметы; 4 – наконечник копья; 5 – чехол для копья; 7 – наконечники стрел; 8 – меч; 10 – ложка; 11 – ворворка) (1 – глина; 2, 4, 6, 8, 9 – железо; 3, 5, 10 – кость; 7, 11 – бронза).

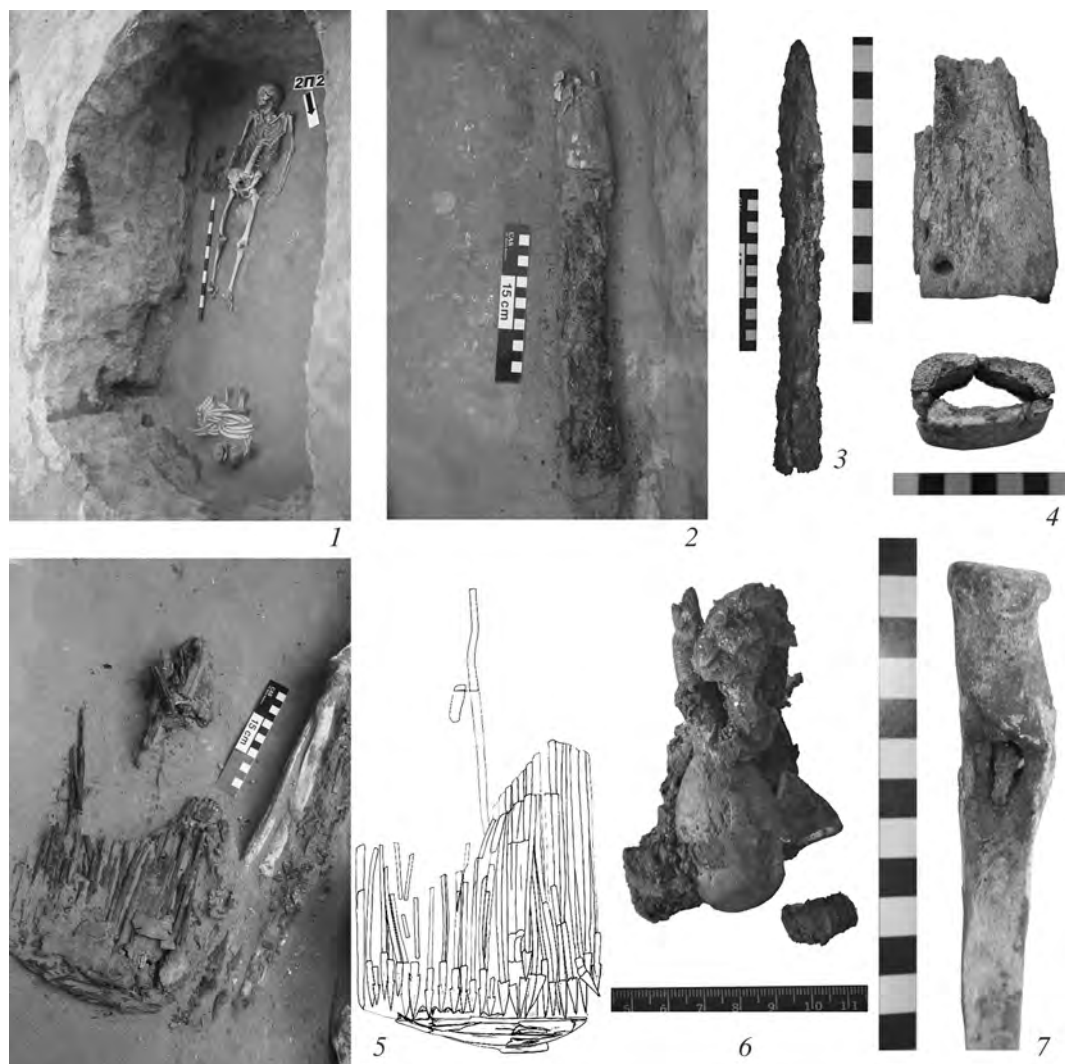

Рис. 4. Погребение 2, фото: 1 – вид погребения после расчистки; 2 – копье *in situ*; 3 – наконечник копья; 4 – чехол для копья; 5 – горит с наконечниками стрел; 6 – набор предметов с верхней части горита; 7 – наконечник стрелы в лучевой кости человека.

Слева от черепа, под ступенькой, находился железный наконечник копья с длинной втулкой (общая длина около 40 см) (рис. 3, 4; 4, 2, 3). Острие наконечника было заключено в костяной футляр трапециевидной формы длиной около 10 см, с отверстием и со следами резьбы на поверхности (рис. 3, 5; 4, 4). На окончании втулки читался ожелезненный деревянный тлен от древка.

Вблизи коленных суставов скелета слева находился костяной предмет, сохранившийся в виде мелких тонких фрагментов (рис. 3, 3).

Погребение 3 (рис. 5, А) располагалось в юго-западном секторе кургана. Узкая могильная яма размерами 2.2×0.6 м имела форму вытянутого овала и была ориентирована меридионально. Прослежена на незначительную глубину 0.15–0.20 м. В заполнении, ближе к стенкам, были найдены хаотич-

но расположенные человеческие кости, что говорит об ограблении погребения.

Погребение 4 (рис. 6; 7, 1–4) располагалось в восточном секторе кургана. Подквадратная в плане яма была ориентирована строго по сторонам света. Размеры ямы: 2.65×2.10 м. Глубина ямы от поверхности погребенной почвы 1.37 м. Деревянное перекрытие лежало на уровне погребенной почвы; внутри ямы плахи перекрытия фиксировались ниже уровня погребенной почвы.

На дне могилы, на глубине 1.09 м от поверхности погребенной почвы был расчищен скелет мужчины, умершего в возрасте около 30 лет. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой строго на юг, и располагался на органической подстилке, которая фиксировалась местами в виде прослойки темного тлена. На уровне коленей

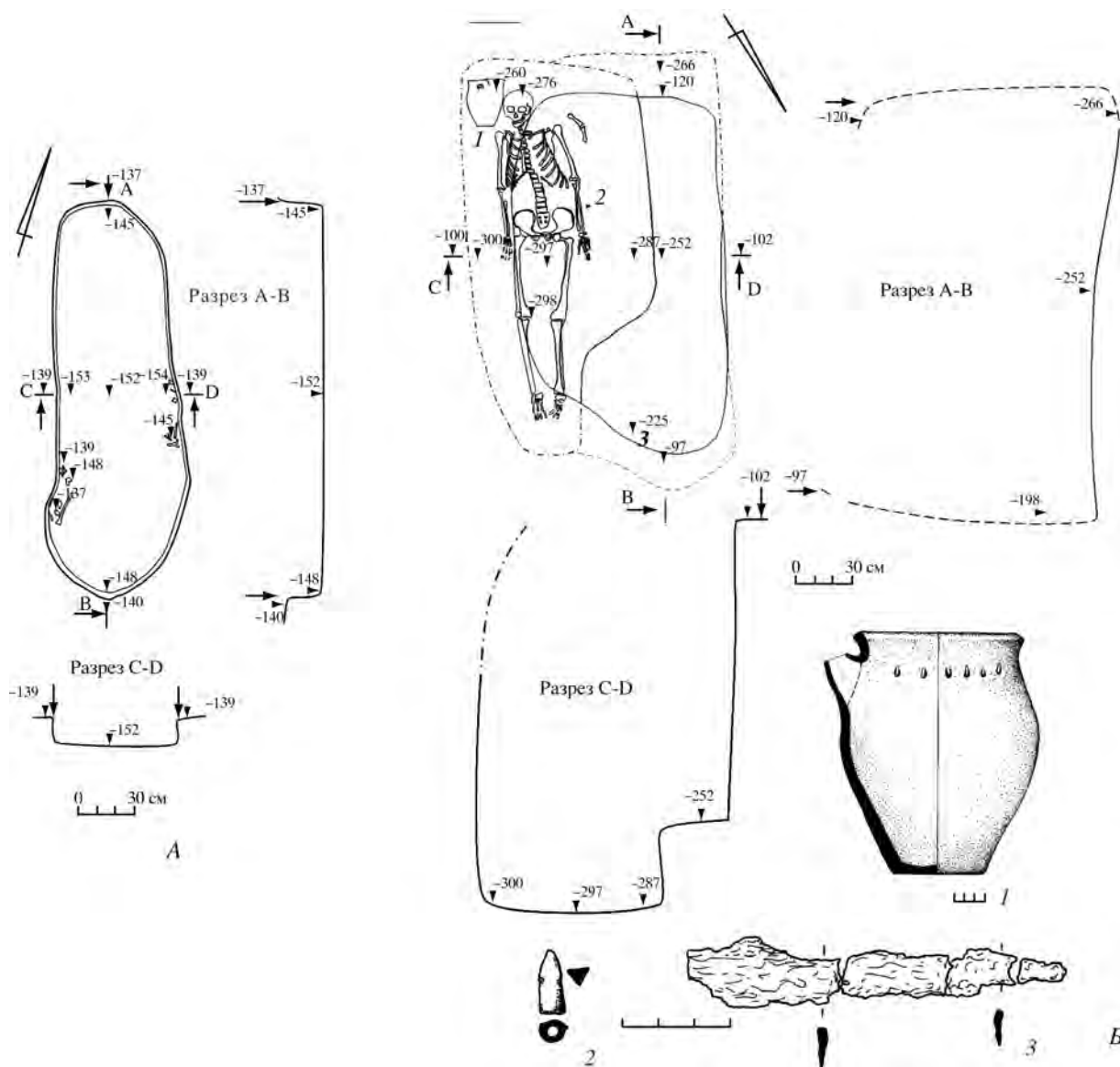

Рис. 5. Погребения 3 и 5. А – план и разрезы погр. 3; Б – план, разрезы и инвентарь погр. 5 (1 – сосуд глиняный; 2 – наконечник стрелы бронзовый; 3 – нож железный).

погребенного, справа от него, зафиксированы кости посткраниального скелета и фрагмент черепа младенца 1.5–2 лет. По всей вероятности, младенец лежал поперек ног взрослого, но в результате деятельности грызунов детский скелет оказался разрушен.

На шейных позвонках погребенного лежал бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 6, 1). В центральной части ямы, над погребенным, на 0.37 м выше дна найдены часть железного предмета, возможно, обоймы (рис. 6, 2), и железный колчаный крюк, двухплоскостной со щитком (рис. 6, 3). Ближе к северо-восточному углу ямы лежал крупный фрагмент венчика лепного красноглиняного сосуда со следами прокала (рис. 6, 4), который

находился у восточной стенки. Также в северо-восточной части ямы, у северной стенки была расчищена лопатка барана.

Слева от костяка на дне ямы, в районе бедра были зафиксированы *in situ* остатки колчана с 94 бронзовыми наконечниками стрел с древками, уложенными параллельно (рис. 6, 13). Сохранились незначительные фрагменты колчана: оплетка, следы швов. Типологический состав наконечников повторяет тот, что был зафиксирован в погр. 2. Один из наконечников длинный, листовидный, двулопастной с выделенной втулкой (рис. 7, 3). Среди наконечников были найдены фрагменты костяной ложечки (не сохранилась) и маленькая железная обойма (рис. 6, 14).

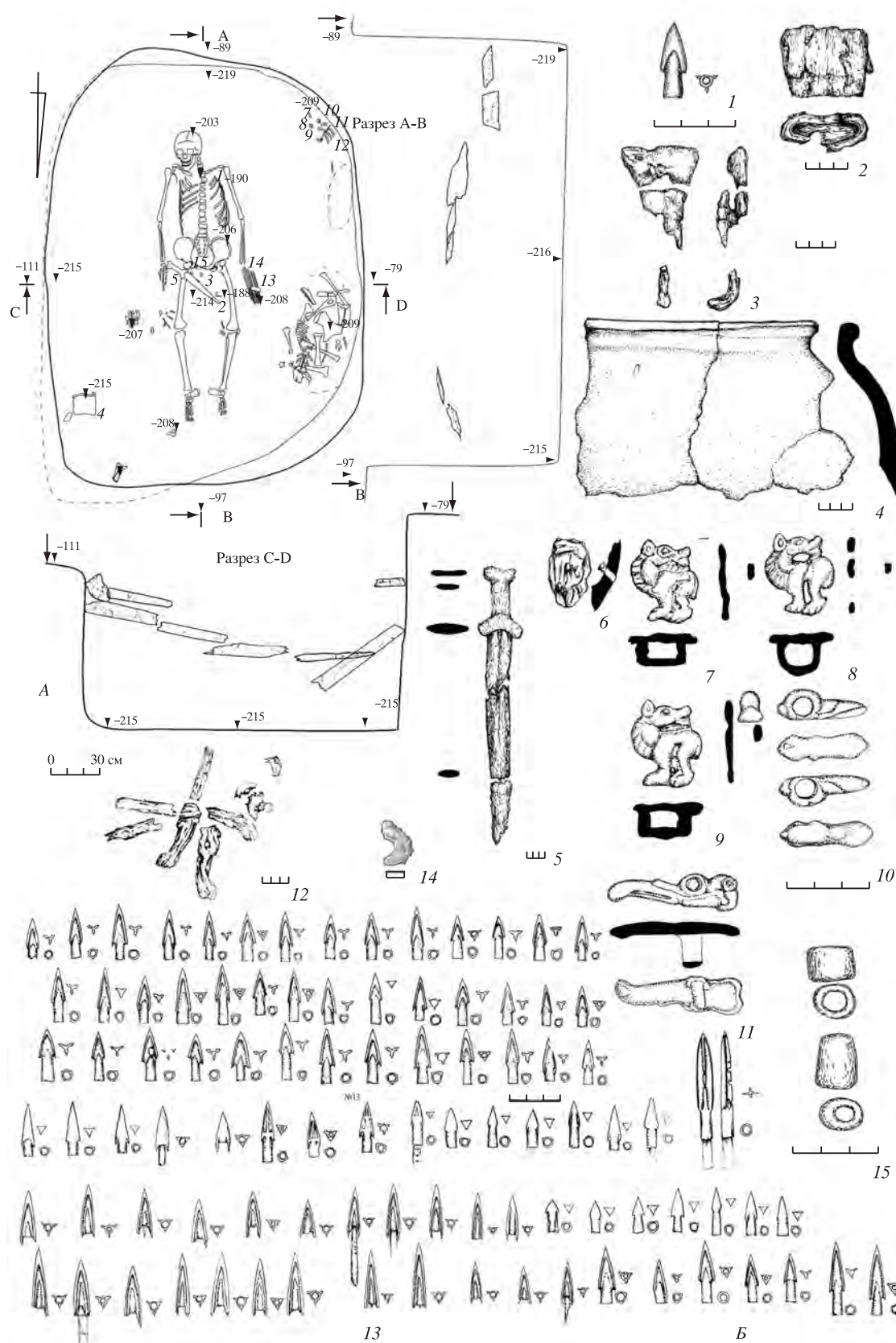

Рис. 6. Погребение 4: А – план и разрезы, Б – инвентарь (1, 13 – наконечники стрел; 2 – обойма; 3 – крюк; 4 – венчик сосуда; 5 – меч; 6 – фрагмент блюда; 7–11 – уздечные бляшки; 12 – фрагменты псалиев и удили; 13 – наконечники стрел; 14 – фрагмент ворворки; 15 – темлячные подвески) (1, 7–11, 13 – бронза; 2, 3, 5, 12, 14 – железо; 4 – глина; 6 – дерево; 15 – кость).

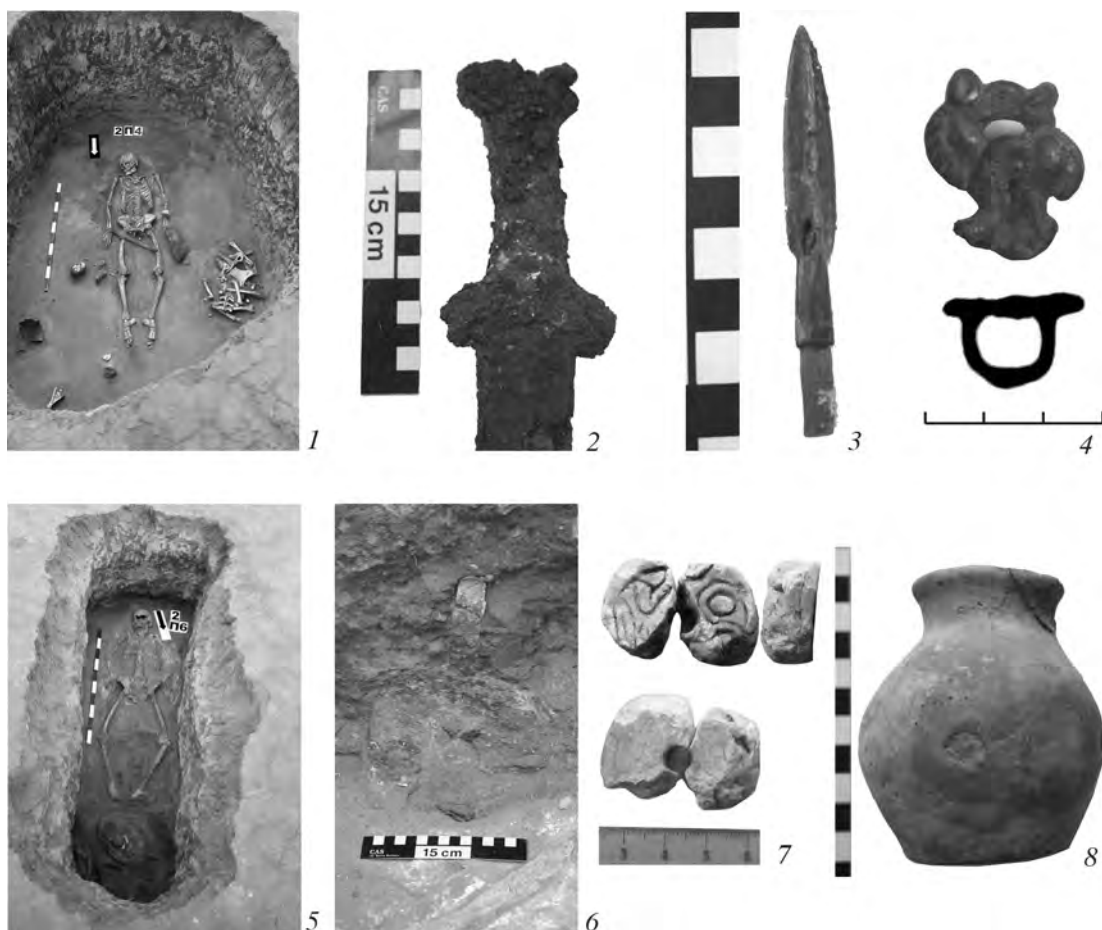

Рис. 7. Погребения 4 и 6: 1, 5 – вид погребений после расчистки; 2 – меч; 3 – наконечник стрелы; 4 – уздечная бляшка; 6 – зеркало; 7 – пряслице; 8 – сосуд (1–4 – погр.4; 5–8 – погр. 6).

В юго-западном углу, выше дна ямы, на глубине 1.20 м от поверхности погребенной почвы находились фрагменты сильно корродированных железных удилищ и псалиев (рис. 6, 12). Под ними были найдены бронзовые детали узды: три зооморфные бляшки в виде стилизованного стоящего волка с повернутой назад головой (рис. 6, 7–9; 7, 4), бляшка в виде головы птицы с длинным клювом и ухом (рис. 6, 10); пронизь в виде головы птицы с длинным широким клювом (рис. 6, 11).

Под западной стенкой зафиксирован мощный (до 10 см) темный слой тлена.

В северо-западном углу на тлене от деревянного блюда располагались кости барана, лошади и птицы. Сохранился небольшой фрагмент деревянного блюда с бронзовой заклепкой толщиной около 1–1.5 см (рис. 6, 6).

На правом бедре погребенного, под углом к нему, рукоятью у кисти лежал железный меч-акинак с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 6, 5; 7, 2). Размеры: длина: 40, длина

рукояти 9, ширина клинка 3, ширина рукояти 2.8, толщина 0.8 см. Под тазовыми костями находились две костяные продолговатые темлячные подвески (рис. 6, 15).

Погребение 5 (рис. 5, Б) располагалось в северо-восточном секторе кургана и было совершено в яме с подбоем. Размеры ямы: длина 2.20, ширина от 1,0 в южной части ямы до 0.5 м в северной, ориентировка ЮЗ–СВ. У северо-западной стенки имелась ступенька. Глубина ступени 1.5 м, глубина погребальной камеры 1.95 м от поверхности погребенной почвы. Погребение не потревожено. В заполнении, на глубине 1.23 м от поверхности погребенной почвы, у северной стенки ямы найден железный фрагментированный нож (рис. 5, Б, 3).

В подбойной нише расчищен скелет взрослого мужчины, лежавшего вытянуто на спине, головой на юго-запад, на подстилке или обмазке серовато-зеленоватого цвета. Слева от черепа находился большой лепной сероглиняный сосуд с носиком-сливом, плоскодонный, с широким горлом, орна-

ментированный по горлу пальцевыми вдавлениями (рис. 5, Б, 1). Размеры сосуда: высота 27, диаметр венчика 19, диаметр тулова 22, диаметр горла 17.6, толщина стенки 1.1, диаметр носика 3 см. Тесто грубое с примесями талька, крупных включений отошителей, что соответствует местной кочевнической керамической традиции.

Под левой локтевой костью зафиксирован бронзовый наконечник стрелы (рис. 5, Б, 2). Наконечник бронзовый трехгранный, с длинной втулкой и слабо выраженными основаниями граней.

Справа от черепа были расчищены кости барана в сочленении.

Погребение 6 (рис. 7, 5–8; 8) располагалось в юго-восточном секторе кургана и прорезало выкид из центрального погр. 1. Могильная яма имела размеры 2.30×0.65 м и была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы 1.4 м от уровня погребенной почвы. В северо-восточном углу была сделана подбойная ниша глубиной 1.47 м от уровня погребенной почвы. Захоронение не потревожено. По южному и северному бортам ямы фиксировались деревянные плашки, которые были уложены на поверхность почвы. По дну ямы отмечена прослойка тлена подстилки. В разрезе этой прослойки была видна ее многослойность, что может свидетельствовать о существовании органического настила. Следы органического тлена отмечены и на скелете (женщина, 40–45 лет). Погребенная лежала на спине в “позе всадника”, руки слегка согнуты в локтях, головой ориентирована в южный сектор.

Под черепом были обнаружены хризолитовые бусы (рис. 8, 2, 3), которые лежали *in situ* по обе стороны от шейных позвонков (см. прил. 1). Слева от левой плечевой кости, у стенки, находилось вертикально поставленное бронзовое зеркало в меховом чехле, зафиксированном в виде тлена. Зеркало дисковидное, с длинной ручкой, диск гладкий, без бортика (рис. 7, 6; 8, 1).

Слева от левого предплечья под стенкой лежал железный наконечник стрелы с фрагментом древка (рис. 8, 4). Наконечник с черешком, возможно трехгранный, сильно корродированный. Около него зафиксирован мощный слой деревянного тлена.

На кистях обеих рук находились бронзовые разомкнутые браслеты с утолщением на концах и с насечками на поверхности (рис. 8, 5, 6).

В ногах погребенной был прослежен тлен от деревянного блюда. На нем находился истлевший деревянный сосуд диаметром около 25 см, раздавленный упавшим перекрытием. Внутри блюда были зафиксированы: с северной части – красно-

то-розоватое охристое пятно, по центру – маленький лепной сероглиняный сосудик (рис. 7, 8; 8, 7), плоский кусок природного гипса (рис. 8, 9) и два фрагмента алебастрового пряслица декорированного в зверином стиле (рис. 7, 7; 8, 8). Глубокой гравировкой в линию изображен свернувшийся хищник. Здесь же найден фрагмент охристого вещества (см. прил. 2).

К востоку от этого комплекса в стенку погребения уходила ниша, на дне которой были расположены грудина лошади и кости барана. Сверху на костях лежал железный длинный нож (рис. 8, 10).

Помимо нескольких ям явно грабительского происхождения, в кург. 2 были выявлены ямы, сооруженные в древности.

Яма 12 была расположена в северной поле кургана, имела подпрямоугольную форму и была ориентирована строго по линии З–В. Размеры на глубине 1.30 м от центрального репера 1.8×2.6 м. Видимо, яма была сделана для впускного погребения, но не использована. Находок в яме не было.

Яма 13 – находилась к юго-востоку от центрального репера, имела нечеткие границы. В темном затечном заполнении ямы были рассыпаны зубы лошади.

Рассмотрим вопрос о датировке комплексов (в порядке создания: погр. 1, погр. 4, далее остальные погребения).

Погребение 1. Основное погребение, расположенное под центральной частью насыпи, было полностью разграблено в древности и современности. По-видимому, погребение было коллективным, судя по антропологическому материалу из грабительских выкидов. Оба найденных в яме бронзовых наконечника стрел можно датировать концом V–IV в. до н.э.

Погребение 4, возможно, синхронно центральному, хотя и впущено в зону выкида из последнего. Датировочные вещи: железный меч-акинак с бабочковидным перекрестием и когтевидным навершием. Время бытования подобных мечей – вторая половина VI – середина IV в. до н.э. Так, например, подобный меч, датированный VI в. до н.э., мы видим и в кургане у пос. Черниговский (Смирнов, 1964. С. 300); в кург. 7 могильника у с. Сара (Смирнов, 1964. С. 328), Бес-Оба, Сынтас (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 137). В этих же комплексах встречаются и лепные сосуды с носиком-сливом. А.Д.Таиров объяснял появление железных мечей с когтевидным навершием на Южном Урале еще в конце VI в. до н.э. торговыми отношениями с западными территориями (Таиров, 1998. С. 89). В погр. 4 имеется колчан с бронзовыми наконечни-

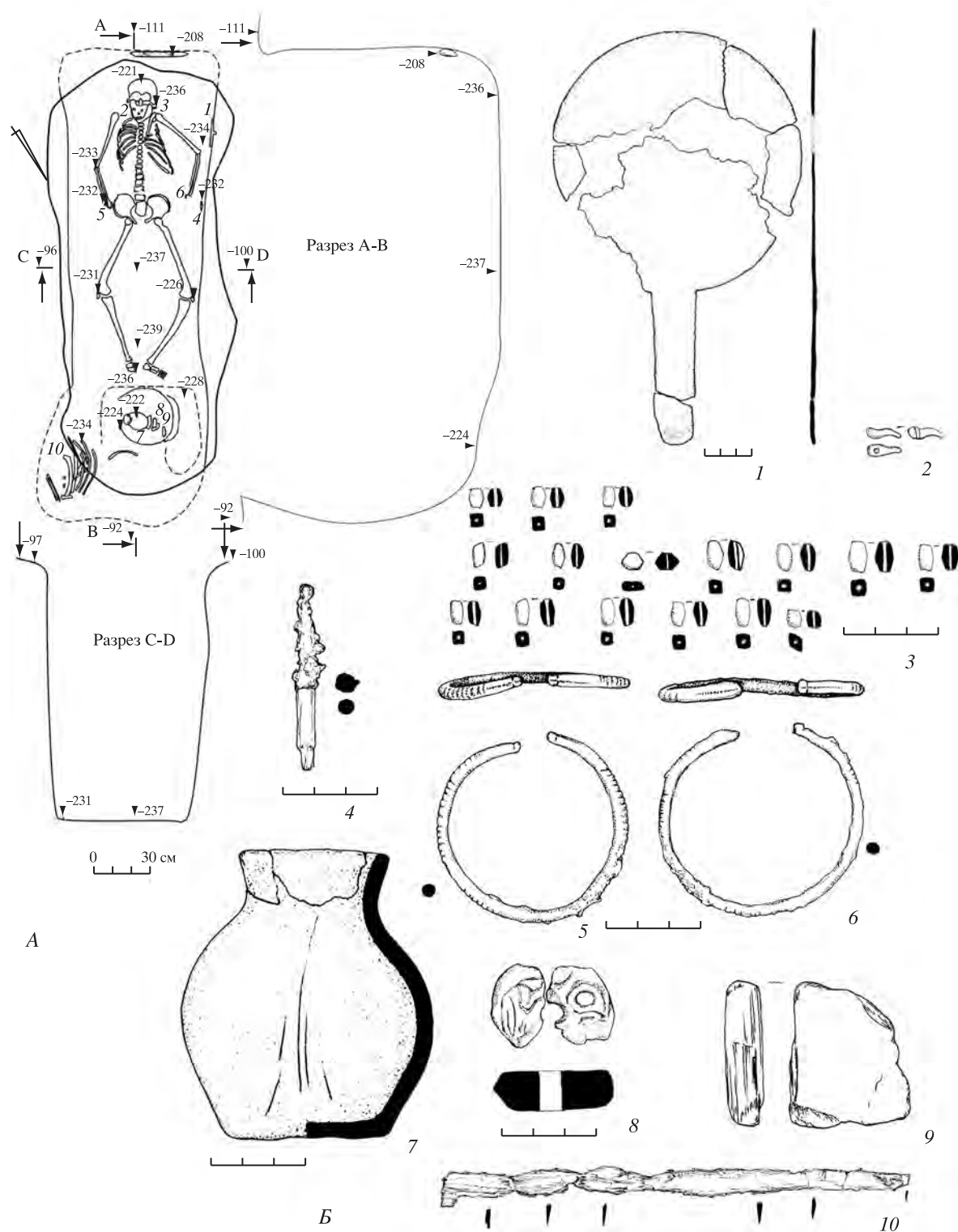

Рис. 8. Погребение 6: А – план и разрезы, Б – инвентарь (1 – зеркало; 2, 3 – бусы; 4 – наконечник стрелы; 5, 6 – браслеты; 7 – сосуд; 8 – пряслице; 9 – пластина; 10 – нож) (1, 5, 6 – бронза; 2, 3 – хризолит; 4, 9 – железо; 7 – глина; 8 – алебастр; 9 – гипс; 10 – железо).

ками стрел, представленными типами V–IV вв. до н.э., и костяной ложечкой. Длинный дулопастный бронзовый наконечник стрелы восходит к прототипам эпохи бронзы (Смирнов, 1961. Табл. 1). Набор

бронзовых бляшек декорирован изображениями в зверином стиле. Это стоящий на цыпочках волк с повернутой назад головой с гривой. Волк – популярный образ звериного стиля Южного Урала

(Королькова, 2006), и стилистические особенности изображения волка на бляшках из погр. 4 находят аналогии в южноуральских древностях. Например, в основном погребении кург. 4 могильника Пятимары было найдено роговое блюдо, декорированное в зверином стиле (Смирнов, 1964. С. 327. Рис. 33, 79), где один из образов является самой близкой аналогией бронзовым бляшкам-волкам из нашего кургана. Хищник на бронзовой бляшке в такой же позе представлен в погр. 2 кург. 43 могильника у с. Сулы (Рыков, 1925). Уздечная бляшка, аналогичная бляшке в виде птичьей головы из комплекса погр. 4 (рис. 6, 10), с головой птицы с длинным клювом и ухом, превращенным в головку другой, была найдена в могильнике Алебастрова гора. Похожее изображение происходит из могильника Бес-Оба 8, а также из Восточно-Курайлинского 20 могильника (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 137–156). Все это комплексы V–IV вв. до н.э. Набор стрел из этих памятников также близок набору из погр. 4. Состав колчана из погр. 4 типологически близок к колчанам из могильника Филипповка 1, который датируется от рубежа V–IV вв. до н.э. до третьей четверти IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 284). В целом, набор признаков, характерных для погр. 4, соответствует набору наиболее встречаемых среди “восточного” варианта “савроматской эпохи” (Статистическая обработка..., 1994. С. 179; Железников и др., 2006. С. 37).

Погребение 2 – погребение воина. Воин был погребен с характерным для ранесарматского времени комплексом вооружения: мечом, копьем, колчаном с луком и стрелами. В ногах было положено деревянное блюдо с грудиной лошади и бараниной, с длинным ножом, воткнутым вертикально. Наконечник копья был одет в костяной чехол. Известен чехол с зооморфным декором из Блюменфельдского кургана А 12 V в до н.э (Смирнов, 1964. С. 305). Меч из погр. 2 – железный, без перекрестия, с прямым навершием, синдо-меотского типа, датируется IV в. до н.э. (Мещеряков, Яблонский, 2007) и находит аналогии в некоторых комплексах Филипповки 1 (Яблонский, Мещеряков, 2007).

Комплекс содержит круглодонный сосуд с фесто-нами по плечикам, как и встреченные в подбойных погребениях курганной группы Лапасина у с. Любимовка IV в. до н.э (отдел 2 плоскодонной посуды савроматов по К.Ф. Смирнову (1964. Рис. 42, 61), со схожим обрядом и набором стрел, в том числе с тамгами, и костяной ложечкой. Тамги на бронзовых наконечниках стрел фиксировались также по материалам кург. 4 могильника Филипповка 1 (Яблонский, Мещеряков, 2007). Колчан сложносоставной, состоящий из меха, кожи, бересты и каркаса

из прутьев (пример подобного колчана опубликован исследователями (Краева, Купцов, 2007, С. 33) по прекрасно сохранившемуся образцу), вмещал в себя комплекс предметов: 104 бронзовых наконечника стрел, костяную ложечку и бронзовую ворворку. По набору стрел соответствует IV в. до н.э. Погребение можно датировать второй половиной IV в. до н.э.

Погребение 5. Сосуды с носиком часто встречаются в погребениях Волго-Уральского региона (например, очень близкая аналогия в кург. 25 погр. 5 юго-восточной группы курганов у с. Бережновка) и были включены К.Ф. Смирновым (1964. Рис. 66) в отдел 6 плоскодонной посуды савроматов IV–III вв. до н.э. Сосуд из погр. 5 (рис. 5, Б, 1) относится к распространенной в данном регионе группе лепной керамики IV–III вв. до н.э. (Васильев, 2001. С. 177), хотя наиболее ранние подобные формы появляются в VI в. до н.э. (Левина, 1979). Трехгранный наконечник стрелы датируется IV–III вв. до н.э. К этому времени относится весь комплекс.

Погребение 6 женщины в “позе всадника” с ритуальным комплексом в ногах и с посвятительной пищей. Наличие зеркала с ручкой без бортика и железной стрелы, так же как и особенности погребального обряда, указывают на возможность отнесения комплекса к рубежу IV–III вв. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 11–13; 22; 26, 3). Аналогии прослеживаются в могильниках Сара, кург. 7 и Новый Кумак, кург. 19, погр. 1 (Смирнов, 1964. Рис. 72; см. также: Хазанов, 1963) (IV–III вв. до н.э). Алебастровый предмет имеет декор в виде свернувшегося хищника. Стиль изображения относится к поздним проявлениям звериного стиля: упрощенно-стилизированный, геометрический. Аналогии предмету и изображению находятся в лесной зоне (Черных Е.М. и др., 2002. С. 167. Рис. 69). Вероятная дата комплекса – конец IV в. до н.э.

Таким образом, насыпь кургана была сформирована в конце V – первой половине IV в. до н.э. над центральным погр. 1, которое было перекрыто деревянным накатом, а может быть, более похожей на шатровую конструкцией, так как яма центрального погребения углублена в материк лишь незначительно (ок. 30 см.). Конструкция перекрытия опиралась или накрывала обваловку, сложенную из дерна на выкиде из могильной ямы, и была накрыта слоем коры и веток. Погр. 1 синхронизируется с курганами могильника Филипповка 1 и другими элитарными курганами Южного Приуралья.

Выкид и насыпь к востоку от центрального погребения были прорезаны впускным погр. 4, также перекрытым деревом. После совершения этого погребения насыпь была увеличена. Еще четыре пог-

ребения располагались вокруг центрального. По характеру заполнения могильных конструкций, а также исходя из планиграфии, можно сделать вывод, что эти погребения прорезали насыпь и выкид из погр. 1. Судя по расположению всех впускных погребений вокруг центрального, можно предположить, что это единый погребальный комплекс. Найденная в насыпи фасосская керамика показывает, что окончательно комплекс был завершен не позднее рубежа IV–III вв. до н.э.

Расположение погребений вокруг центрального и ориентация погребенных в южный сектор соответствует таким памятникам Южного Приуралья как: кург. 6 в могильнике Пятимары, датированный V в. до н.э. (центральное погребение с деревянным накатом) (Смирнов, 1964. С. 295); Кырык-Оба (Гуцалов, 2007. С. 75–92) и Биш-оба (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 137–156). Это же расположение погребений фиксируется в памятниках прохоровской культуры и в непосредственно самом эпонимном памятнике – могильнике Прохоровка (Яблонский, 2010. С. 37). Как показал К.Ф. Смирнов (1975, С. 156) в IV в. до н.э. на Илеке “характерно господство южной ориентировки погребенных с отклонениями к западу и востоку”.

Курган 2 использовался для захоронений с конца V до рубежа IV–III вв. до н.э.

Приложение 1. Анализ состава металла бронзовых бляшек в виде волка из кург. 2 погр. 4 могильника Филипповка 2

В лаборатории Института археологии РАН был проведен анализ состава бронзовых бляшек в виде волка (Луньков и др., 2011; Рукавишникова, 2010. С. 152). Приводим результаты анализа (№ 49686) одной из бляшек: Cu – 0,08, Sn – 1,03, Pb – 0,07, Zn – 0,13, Bi – 0,13, Ag – 0,03, Sb – 0,39, As 0,68, Fe – 0,05, Ni – 0,02, Co – 0. В этом предмете основа сплава – медь, лидирующая примесь – олово.

Данным бляшкам, отлитым по утрачиваемой модели, свойственна известная по материалам других памятников Южного Приуралья стилистика (Рукавишникова, 2010. С. 152). Для нашей работы ценны разработки Т.Р. Барцевой, указавшей, что в изученных ею выборках бронз Южного Приуралья для более раннего времени скифского периода (VI–V вв. до н.э.) характерны сплавы “чистая медь” с небольшими примесями (лидирующая – олово), позже появляются и оловянисто-мышьяковые (Барцева, 1981. С. 94).

Приложение 2. Исследование дерева из погр. 2 и 4 кург. 2 могильника Филипповка 2 (Институт археологии РАН, Л.Н. Соловьева, Москва)

В лабораторию ИА РАН на определение породы древесины были переданы фрагмент лука и древков стрел (всего около 40 обломков). Несмотря на то, что находки были извлечены из сухого слоя, дерево очень хорошо сохранилось. Для каждого образца было изготовлено три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Анализ строения древесины осуществлялся по подготовленным срезам при помощи бинокулярного микроскопа с целью выявления характерных признаков породы.

Исследование срезов показало, что кибит лука был выполнен из вяза (*Ulmus L.*)², для изготовления древков стрел в большинстве случаев использовалась береза (*Betula*), а также единично ива (*Salix*). Отмечу, что исследованный ранее фрагмент ножки предмета парадной мебели ахеменидского типа из могильника Филипповка-1 (раскоп 2010 г.) был также сделан из вяза (Соловьева, 2012. С. 291).

Приложение 3. Бусы из погр. 6 кург. 2 могильника Филипповка 2 (О.В. Аникеева, ГосНИИР, Москва)

В шейном ожерелье было расчищено 24 бусины, из них четыре стеклянные сохранились во фрагментах; две были сделаны из голубого прозрачного стекла, имели округлую форму (диаметр 5–6 мм) и две из просвечивающего зеленого стекла.

Остальные 19 бусин сделаны из материала, визуально неотличимого от прозрачного стекла. Микроскопия и качественный микрохимический анализ показали, что это хризолит – минерал зеленовато-желтого цвета, прозрачный, хрупкий, но твердый. Основное отличие от стекла – относительная твердость (твердость по шкале Мооса 6,5–7).

Бусы имеют форму природных кристаллов и размеры: шестигранная призма – 14 шт., длина 7–11 мм, торцевые грани имеют форму четырехугольника, близкого к квадрату, высотой 3–5 мм; ромбоэдр – 2 шт. (одна во фрагментах), длина 6, высота 7 мм, поперечное сечение – ромб; уплощенный ромб – 1 шт., длина 5,5, высота 7 мм.

Также в ожерелье есть 2 подвески. Одна имеет грубоватую форму четырехгранной усеченной пирамиды с отверстием в верхней ее части; высо-

² Кибит лука из погр. 5 кург. 4 могильника Филипповка 1 и по крайней мере одно древко стрелы также были сделаны из вяза (Гольева, 2011. С. 43).

та – 11 мм, основание – четырехугольник размером $5 \times 3,5$ мм. Вторая подвеска более совершенной формы, поверхность ее тщательно отшлифована и выполирована в форме зуба с отверстием в верхней части; высота 11, ширина в месте сверления 3 мм.

Технологический анализ показал, что эти бусы изготавливались в одном ремесленном центре. Все они, за исключением подвески в форме зуба, имеют грубоватую форму природных кристаллов, поверхность их не шлифована, только приполирована. Способ сверления идентичен для всех хризолитовых бус: отверстия просверлены с двух сторон трубчатым металлическим сверлом, имеющим диаметр режущей кромки 1,5 мм.

Хризолит – редкий минерал, известный с глубокой древности. Древние выработки хризолита известны на о. Зебергет в Красном море. Месторождения на территории Верхнего Египта стали разрабатываться только в римское время (Ферсман, 1954. С. 146).

Аналоги призматическим и ромбоэдрическим бусам из хризолита были определены автором в раннесарматских курганах, датируемых концом V–IV вв до н.э., где они встречены в единичных экземплярах: могильнике Лабазы (кург. 2, погр. 2, раскопки Н.Л. Моргуновой 2004 года)³; Новокумакском могильнике (кург. 17, раскопки К.Ф. Смирнова)⁴ и могильнике Филипповка 1 (кург. 4, погр. 4 и 5; кург. 16, погр. 2; кург. 28 погр.1 (Яблонский, 2011. С. 18).

В значительных количествах (8 шт.) они были определены мною среди материалов раннепрохоровского погр. 6 кург. 5 могильника Бердянка V, датируемого III в до н.э. (Моргунова, Мещеряков, 1999. Рис. 10, 9). Поэтому не исключена возможность, что эти бусы изготовлены из уральского хризолита местными мастерами, тем более, что галька ювелирного хризолита есть на Урале в россыпях (Здорик и др., 1970. С. 167).

Приложение 4. Камни и пряслице из кургана 2 могильника Филипповка 2 (О.В. Аникеева, ГосНИИР, Москва)

В изножье погребения 6 был расчищен жертвенный комплекс, в состав которого входили деревянный сосуд, сероглиняный сосудик, пластинка природного гипса, два фрагмента “алебастрового пряслица”, фрагмент красной охры.

Пряслице представляло собой диск с отверстием размерами: диаметр 38, высота 13, диаметр отвер-

стия 5–6 мм. На обеих сторонах торцевых граней нанесен резной линейный рисунок в зверином стиле, ярко выраженный на одной грани и контурный, слабо нанесенный – на второй.

Пряслице состоит из двух фрагментов, по данным минералогического анализа расколотого до захоронения, так как поверхностные гипергенные минеральные преобразования на торцевых гранях и сколах совершенно идентичны. Материал – природный микрозернистый минеральный агрегат желтовато-белого цвета, в структуре которого отчетливо прослеживаются микрокристаллические выделения игольчатого и пластинчатого вида. Это алебастр.

Находок алебастровых пряслиц, орнаментированных в зверином стиле, на Южном Урале неизвестно, хотя поверхностные залежи природного гипса обнажаются на западном склоне Южного Урала (Здорик и др., 1970. С. 118).

На Урале в культовых комплексах эпохи энеолита и раннего железного века (поселение Палатки 2, многослойный памятник Шигирский Исток III, Усть-Вагильский и Махтыльский холмы, погребение Гладунино) присутствуют тальковые булавы и диски с зооморфными изображениями или солярными знаками, в погребениях, как правило, найденные расколотыми на две части (Сериков, 2011. С. 120). В раннем железном веке по территории Среднего Зауралья на памятниках иткульского металлургического очага были широко распространены тальковые и тальк-хлоритовые пряслица, большая часть которых украшена солярным орнаментом. Среди гравировок встречаются изображения свернувшегося хищника, противостоящие фигуры, сцены преследования одного животного другим (Сериков, 2011. С. 122); также встречаются орнаменты в геометрическом или фигуративном стиле (Викторова, 2003. С. 194–197).

Для выяснения происхождения камня был сделан рентгенофазовый анализ, который показал, что в составе алебастра преобладает гипс (90–95%), в качестве изоморфной примеси присутствуют кальцит, арагонит (1–5%), как самостоятельная минеральная фаза установлен доломит (1–3%). В I тыс. до н.э. древние выработки алебастра, представленного гипсом, разрабатывались в Месопотамии, древнем Иране и древней Турции (Аникеева и др., 2010. С. 35). Данные рентгенофазового анализа состава гипсов Южного Урала, к сожалению, отсутствуют. Алебастры близкого состава известны в Месопотамии и Турции. Данные по турецким алебастрам показывают, что содержание гипса может достигать в них 98–99%. Важно, что во всех образцах установлено присутствие доломита как самостоятельной

³ Автор приносит благодарность Н.Л. Моргуновой за предоставление неопубликованного материала.

⁴ Орский историко-краеведческий музей, инв. № 7881. 72 з, ж.

минеральной фазы. Древние выработки турецкого алебаstra известны под Анкарой и начало их разработки датируется концом III – началом II тыс. до н.э. (De Jesus, 1980. Р. 20–22). На основании полученных данных можно предположить, что это пряслице было изготовлено в древней Анатолии в ахеменидское время.

Красная охра найдена рядом с пластиной природного гипса, на поверхности которого присутствуют следы растирания красной краски. Это позволяет предположить, что она использовалась в качестве красящего пигмента. Рентгенофазовый анализ состава фрагментов красной охры показал, что на 96–99% они сложены минералом гематитом и относятся к группе красных железняков. Это осадочная гематитовая руда является одной из важнейших разновидностей железных руд и ее месторождения широко распространены на Урале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // НАВ. Вып. 11. Волгоград, 2010. С. 27–52.
- Барцева Т.Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981 г.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и проблеме III в. до н.э. // МАВД. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 169–179.
- Викторова В.Д.* Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Материалы междунар. науч. конф. (XVI Уральское археолог. совещ.). Пермь: Пермский ГУ, 2003. С. 194–197.
- Гольева А.А.* Древесина в ритуальной обрядности курганного могильника Филипповка I // Естественно-научные методы в изучении Филипповского I могильника / Ред. Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2011. С. 40–46.
- Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. / Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 75–92.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006.
- Здорик. Т.Б., Матиас В.В., Тимофеев И.Н., Фельдман Л.Г.* Минералы и горные породы СССР, М.: Мысль, 1970.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 272 с.
- Краева Л.А., Куцов Е.А.* Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 30–38.
- Левина Л.М.* Поселения VII–V вв до н.э. и “шлаковые” курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. IX. М.: Наука, 1979. С. 178–190.
- Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Рентгенофлуоресцентный анализ меди и бронз: серия 2009–2010 гг. // Аналитические исследования лаборатории. Вып. 2. М.: Таус, 2011. С. 116–137.
- Моргунова Н.Л. Мецераков Д.В.* “Прохоровские” погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999. С. 124–146.
- Мецераков Д.В., Яблонский Л.Т.* О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М.П. Абрамовой. МИАР. № 8. / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М., 2007. С. 357–368.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–163.
- Рукавишников И.В.* Изучение стилистических черт изображений в зверином стиле и анализ металла этих предметов. Происхождение предметов с изображениями в зверином стиле из Южного Приуралья // Матер. конфер. “Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии”. Барнаул: Азбука, 2010. С. 151–154.
- Рыков П.С.* Суловский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. Т. IV. Вып. 3. Саратов, 1925. С. 28–102.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4(17). С. 117–130.
- Соловьева Л.Н.* Результаты исследования фрагмента деревянной ножки трона из случайных находок в районе кургана №1 могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 291.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха / Ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. 223 с.
- Смирнов К.Ф.*, Вооружение савроматов. М.: Наука, 1961 (МИА № 101).
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д 1-9. М.: Наука, 1963.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
- Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. Вып. II. Оренбург, 1998. С. 87–96.

- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) Т. I / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Ферсман А.Е.* Очерки по истории камня. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.
- Черных Е.М., Ванчиков, Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М., 2002. 188 с.
- Яблонский Л.Т., Мецераков Д.В.* Раскопки “царского” кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2. С. 55–62.
- De Jesus, P.* The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia // BAR International Series. № 74. Oxford, 1980.

РЕМЕННАЯ НАКЛАДКА РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

© 2014 г. И.О. Гавритухин

Институт археологии РАН, Москва (gavritukhin@rambler.ru)

Ключевые слова: Подмоскowie, VII в., ремennые гарнитурь, византийские влияния, Акалан.

The fragment of the pressed strap-mount found at the multilayer settlement Sosnovka IV in Ozyorsk district, Moscow region is published. The strap-mount belongs to the Akalan series which is considered thoroughly in the article. Closer examples belong to the variant 1 dated from 610/620 to the middle of the 7th century or to the variant close to the finds in Voznesenka of the third third of the 7th century. The analysis of the historical situation in the Oka river region argues for the dating of the strap-mount to the second – third fourths of the 7th century and its relation with the Middle Dnieper region. It cannot be ruled out that the strap-mount appeared in the Moscow region much later, for instance, as an imported scrap metal for recasting.

Публикуемый фрагмент накладки (рис. 1, А, Б) найден на селище Сосновка IV, на правом берегу р. Ока, в Озерском р-оне Московской обл. (рис. 2, 12) Ростиславльской экспедицией ИА РАН. Материал (с 2001 г. вскрыто около 300 м²) датируется от IV в. до н.э. до середины XII в. н.э., преобладает VIII(?)/IX–XI вв. Слой сильно перемешан. Накладка происходит из небольшой ямы 112 (2010 г., раскоп I, уч. 3, кв. 64, глубина –59), там же найдены четыре фрагмента лепной керамики, близкие образцам, датированным VIII/IX–XI вв. (Коваль, 2004 и сообщения в “Археологических открытиях”).

Накладка (№ 439 по полевой описи) выполнена прессовкой по тонкой бронзовой (анализ металла не производился) пластине. Фрагмент 20 × 21 мм, имеет форму щита, обращенного килевидным концом вниз. В центре изображен трилистник, “вырастающий” из нижней части внутреннего бордюра, повторяющего очертание сохранившейся части изделия; на черенке трилистника – круглое утолще-

ние. Внутренняя часть листьев и утолщения углублена, отчего изображение приобрело контурность. Поле между трилистником и внутренним бордюром заполнено выпуклыми фигурами. Утолщение в нижней части внутреннего бордюра украшено углублениями в стиле “точка-запятая”. Внутренний бордюр с боков и внизу окаймлен полосой из коротких отрезков, перпендикулярных бордюру. Она окружена линейным внешним бордюром, за которым идет скос, образующий края изделия. В верхней части фрагмента – следы слома, посередине – следы сгибания и трещина. Края деформированы, на одном из участков – загнуты к обратной стороне.

Изделие принадлежит к группе прессованных двучастных накладок с килевидным или полукруглым верхом. Данные о гарнитурах с такими накладками обобщены в двух дополняющих друг друга работах (Garam, 2001. S. 113–157; Гавритухин, 2001a. С. 109–117). Сейчас можно уточнить эти наблюдения. Прежде всего – дать более четкое определение

Рис. 1. Накладка с селища Сосновка IV: А – прорисовка; Б – фото.

Рис. 2. Карта распространения накладок серии Акалан. 1 – Халимба; 2 – Мезокамаром; 3 – Колькед-Фекетекапу; 4 – Будапешт, ул. Фежервари; 5 – Ясапати; 6 – Тисафюред; 7 – Сегед-Фехерто; 8 – Фелнак; 9 – Акалан; 10 – Среднее Поднепровье (локализация условна); 11 – Вознесенка; 12 – Сосновка; 13 – Дмитриевка; 14 – Луначарка; 15 – Архон; 16 – Балта; 17 – Елантау. Условные обозначения: а – накладка из Сосновки; б – вариант 1; в – вариация, близкая варианту 1; г – вариации, синхронные варианту 1; д – набор из Фелнака; е – комплекс из Вознесенки; жс – прочие.

серии Акалан. К ней относятся накладки и наконечники, основу орнамента которых составляет пятилистник (часто фактически превращенный в трилистник) с остроконечными неширокими листьями и выступами на стебле; конец накладок имеет килевидную форму (*тип* Акалан определен Э. Гарам более широко).

В рамках серии Акалан выделяется вариант 1. Для него показательно: три верхних листа сравнительно (с другими вариантами) – короткие и широкие; на нижнем щитке двучастных накладок изображен трилистник с кружком на стебле. “Стильные” образцы таких накладок представлены находками из Акалана (рис. 2, 9; 3, 65–69; 4, 1; Fiedler, 1994; см. др. публикации там и ниже, при обсуждении хронологии; в подписи к рис. 35 статьи А.В. Комара (2006) опечатки: находки из Акалана приведены под номерами 1 и 5, а не 1 и 2; изображения даны зеркально) и моделью для прессовки из Среднего Поднепровья (рис. 2, 10; 3, 70; Рыбаков, 1953. Рис. 76, внизу справа; Корзухина, 1996. С. 414,

№ 102.62. Табл. 92, 4). Менее аккуратно сделана накладка из Мезокамарома (рис. 2, 2; 3, 71; 4, 2; Garam, 2001. Taf. 98, 3; XXXIV, 1). Еще более грубо – гарнитуры из погр. 259 Колькеда-Фекетекапу А, где представлены лишь простейшие формы накладок (рис. 2, 3; 3, 73–76; 4, 6; Kiss, 1996. S. 75, 76. Taf. 57; 139, 9–11; Garam, 2001. Taf. 98, 2), которые отличают и прямые бока, что позволяет говорить об особой вариации в рамках варианта 1 или близком ему особом варианте.

Ключевой для датировки варианта 1 является находка из Акалана, сделанная болгарскими солдатами в 1912 г. при рытье окопов на подступах к Стамбулу. В первой публикации (Филов, 1913) упоминаются “около 420 золотых монет и несколько украшений”, на фото дано 4 образца накладок, а монеты определены как относящиеся “в основном к трем видам” (выпуски императоров Фоки, Ираклия I, Ираклия и Ираклия Константина – от 602–610 до 613–641 гг.) и “не более 3–4 экземпляров” императора Маврикия Тиберия (582–602 гг.). Тот

Рис. 3. Ременные гарнитуры с накладками серии Акалан. 1–4 – Луначарка; 5–14 – Халимба (5–11 – погр. 85; 12–14 – погр. 261); 15–20 – Дмитриевка, катакомба 52; 21 – Архон; 22–24 – Елантау, курган 4; 25–36 – Тисафюред (25–29 – погр. 429; 30–36 – погр. 257); 37–50 – Ясапати, погр. 264; 51 – Балга; 52–55 – Вознесенка; 56–60 – Фелнак; 61–64 – Сегед-Фехерто А, погр. 167; 65–69 – Акалан; 70 – Среднее Поднепровье; 71 – Мезокамаром; 72 – Сосновка IV; 73–76 – Колькед-Фекетесапу А, погр. 259; 77–79 – Будапешт, ул. Фехервари, 149–151, погр. 8.

Рис. 4. Накладки серии Акалан. 1 – Акалан; 2 – Мезокамаром; 3, 4 – Вознесенка; 5 – Будапешт, ул. Фехервари, 149–151, погр. 8; 6 – Колькед-Фекетекапу А, погр. 259; 7 – Халимба, погр. 261; 8 – Тисафюред, погр. 257.

же автор (Filow, 1914) пишет о “420 золотых и 2 серебряных” монетах, из которых Маврикия Тиберия “только 2 или 3”. В наиболее полной публикации поступления в Народный археологический музей в Софии (Юрукова, 1992) приведены 5 накладок четырех форм и 18 монет, в том числе 1 тремиссий Маврикия Тиберия 584–602 гг., 4 солида Фоки 603–607 гг., 3 солида Ираклия 610–613 гг., 5 солидов Ираклия 613–616 гг., 4 солида Ираклия 616–625 гг. (по каталогу; в тексте говорится о 7 монетах 613–616 гг. и 2 монетах 616–625 гг.), 1 гексограмма Ираклия, датируемая “около 615–638 гг.”. У. Фидлер, опубликовавший фото накладок и с обратной стороны, упоминает 13 монет; на основании ссылок в публикации Б. Филова он отмечает отсутствие монет Иераклиона как соправителя Ираклия (выпускались с 632 г.), а монеты Ираклия и Ираклия Константина определяет как выпущенные между 625 и

629 гг. (Fiedler, 1994. S. 31). Таким образом *terminus post quem* для клада является 616 (несомненно) или 625 (наиболее вероятно) г. Многие авторы на основе определений монет Б. Филовым связывали клад с осадой Константинополя войском во главе с аварами в 626 г. (см. библиографию: Fiedler, 1994. S. 31). Немало специалистов, опираясь и на стилистику находок, датируют комплекс “после 613 г.”, “второй четвертью VII в.”, “около 630–640-х годов” (см. библиографию: Kiss, 1996. S. 216).

Погребение 259 Колькеда-Фекетекапу А расположено в зоне “С1” памятника, что соответствует ранней части I “среднеаварского” периода, датируемого около 620/640 – 660/680 гг. (Гавритухин, 2001a; Gavrituchin, 2008). Остальные находки накладок варианта 1 не имеют оснований для датировки.

Ряд очевидных отличий орнаментации малых наконечников из погр. 8 могильника Будапешт, ул. Фехервари, 149–151 (рис. 2, 4; 3, 77–79; 4, 5; Nagy, 1998. FO 32) от образцов варианта 1 позволяет относить их к особому варианту, вероятно, имеющему близкий прототип с вариантом 1. Т. Вида считает рассматриваемые вещи накладками на женский пояс германского круга (Vida, 1996. S. 112. Abb. 10, B), однако наличие у них задней пластины и крепеж одним штифтом в верхней части изделия являются свидетельством того, что это именно наконечники. Большой шарнирный наконечник из этого комплекса (рис. 3, 79) относится к группе, обычной для “раннеаварского” и I “среднеаварского” периодов и лишь единично представленной позднее (Kiss, 1996. S. 224; Vida, 1996); среди бус нет образцов, появляющихся со II “среднеаварского” периода (около 660/680–690/710 гг.: Гавритухин, 2001а; 2005; Gavrituchin, 2008).

Вещи из погр. 167 Сегед-Фехерто А (рис. 2, 7; 3, 61–64; Madaras, 1995) стилистически наиболее близки находкам из Колькеда и Будапешта, но еще более схематизированы; пряжка (рис. 3, 61) обычна для комплексов “раннеаварского” и I “среднеаварского” периодов.

Модели для прессовки из Фелнака (рис. 2, 8; 3, 56–60; Tănase, 2005; 2010. P. 269–277. Pl. XXII–XXV; библиография; написания “Felnac” и “Fönlak” соответствуют румынскому и венгерскому названию населенного пункта в Трансильвании; ныне – в составе Румынии; в 1899 г., когда было найдено погребение, – в составе Венгерского королевства, части Австро-Венгрии) отличаются от образцов варианта 1 более узкими боковыми лепестками, выходящими на бордюр; схематизацией орнамента, особенно заметной по нижней части двучастной накладки; большому наконечнику. Датировка – около первой трети VII в. (Garam, 2001. S. 115–124; Tănase, 2010. P. 176–178; библиография) – базируется на сопоставлении с образцами из Акалана (см. выше), предполагаемых датировках стиля “точка–запятая”, накладок серии Арадац – Фелнак (тип Фелнак по Э. Гарам), наконечника и зооморфных фигурок, сопоставимых с находками из Мартыновки, малых пальчатых фибул группы “славянские VII в.” по Й. Вернеру (“поствосточногерманские днестро-дунайской подгруппы”: Гавритухин, 1991). Но есть и контраргументы.

Орнаментация стиля “точка–запятая” есть на накладках последних десятилетий VII в. (Гавритухин, 2001а. С. 111). Э. Гарам (Garam, 2001. S. 119–124) и Н. Хрисимов (2009. С. 13) исключают из круга “классических” образцов стиля позднейшие экземпляры (в том числе датированные монетами

не ранее 670-х годов), но не отрицают, что этот мотив единично представлен во второй половине VII в. (Garam, 2001. S. 123). К кругу “классических” образцов Э. Гарам относит и накладки из Кунаготы. А. Киш указал на ряд аналогий из этого комплекса среди опорных памятников II “среднеаварского” периода (Kiss, 1992). Правда, эти соответствия неполные, что, наряду с неоднократно отмечавшимися аналогиями более раннего времени, делает наиболее приемлемой датировку комплекса стыком I и II “среднеаварских” периодов (Гавритухин, 2001а. С. 115, 149). Сам же стиль существовал и в первой половине VIII в. (Комар, 2010. С. 179).

О дате накладок серии Арадац – Фелнак, включающей и середину VII в., свидетельствуют наблюдения М. Мартина над хронологией могильника Линц – Цицлау и находка двух гарнитуров в зоне С могильника Колькед-Фекетекапу А (Гавритухин, 2001а. С. 111, 117). Единичные накладки этой серии (Комар, 2006. Рис. 36, 28, 29) есть в Санжарах (горизонт Перещепины, синхронизируемый с I “среднеаварским” периодом) и Вознесенке (см. ниже). Клады круга Мартыновки есть основания датировать второй – третьей четвертями VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996; Гавритухин, 2005; Gavrituchin, 2008). Модель пальчатой фибулы относится к редкому варианту, а днестро-дунайская подгруппа в целом существовала как минимум до второй половины VII в. (Гавритухин, 1991. С. 129, 130; Родинкова, 2010. С. 266).

Кроме того, в Фелнаке есть модели для мелких фигурных накладок и наконечника, украшенного в одном из вариантов стиля “плетеной ленты” (Гавритухин, 2001а. Рис. 54, 12, 16; 64, 6, 16; Tănase, 2005. Pl. VII, 14, 15; VIII, 7, 15; 2010. Pl. XXIII, 11, 12; XXV, 4, 7), получивших широкое распространение во II “среднеаварский” период. Тем не менее относить к нему комплекс (Комар, 2006. С. 117) – не правильно. Как и в отношении Кунаготы отличие поздних аналогий в деталях и наличие многих более ранних вещей дают основание для датировки концом I или стыком I и II “среднеаварских” периодов, когда стили, показательные для II “среднеаварского” периода, формируются и фиксируются единичными прототипами (Гавритухин, 2001а. С. 149, 151).

К особому варианту серии Акалан (с узкими листьями; повернутыми вверх нижними листьями пятилистника) относятся находки из погр. 264 Ясапати (рис. 2, 5; 3, 37–50; Madaras, 1994) с золотой имитацией монеты не ранее 637–641 гг. (Somogyi, 1997. № 32). Наверное, в гарнитур с ними входили пряжка и накладка с наконечником другой серии (рис. 3, 45–47). Э. Гарам отнесла этот наконечник к типу Панчево (в основном соответствует типу Буда-

пешт, ул. Шаллай по Kiss, 1996. S. 223; типу Гатер по Balogh, Köhegyi, 2001). Предложенная авторами упомянутых работ датировка соответствует I “среднеаварскому” периоду по терминологии, принятой в данной работе.

Фрагменты наконечников, ближайшие аналогии которым относятся к серии Акалан, но в сборных гарнитурах, найдены в погр. 257 и 429 Тисафюреда (рис. 2, 6; 3, 25–36; 4, 8; Garam, 1995). Э. Гарам эти комплексы отнесены к первому периоду могильника, основанного около 650 г. или немного позднее, что подтверждено и анализом автора данной статьи (фаза “а”: Гавритухин, 2001а; 2005; Gavrituchin, 2008), т.е. они отражают культуру финала I “среднеаварского” периода. Два близких по составу комплекта, включающие наконечники серии Акалан, встречены и в погр. 85 и 261 в Халимбе (рис. 2, 1; 3, 5–14; 4, 7; Töörök, 1998). Их хронология близка той, что у образцов из Тисафюреда, но нельзя исключить и датировку II “среднеаварским” периодом (механическое выделение Д. Терекм 10 поколений конца VI – IX в. – по 3 на 100 лет – неубедительно). Эти наконечники стилистически близки находкам из Фелнака, продолжая тенденцию к схематизации образцов, и принадлежат особым вариантам, вероятно, локальным.

В Вознесенке, по А.В. Комару (2006. С. 79, 92–94), представлены два гарнитура с накладками серии Акалан. По публикациям (наиболее полные: Гринченко, 1950; Комар, 2006. Рис. 11; 15, 3, 4, 6–11, 13, 15, 16; 16, 1, 3, 7, 8; 17, 2, 7; 18, 26; 20, 2–4; 21, 6–9; 22, 1, 2, 7; 27, 1–4, 7–10; 28, 2–4; 29; 31; 34, 18–23, 25–28; 35, 3, 4, 7–9, 13; 36, 2, 4, 6, 9, 13, 25, 29, 32–34, 43–45; 37, 5, 7, 10–12, 14, 17, 18, 30, 31, 33, 36, 42, 46, 48–50; 38, 5–7; 39, 1, 7; 40, 1–3, 6; 42, 1, 2, 9, 10; 43, 1, 2; 46, 15, 17; 47, 2, 4, 5, 8, 12; 48, 41; 51, 5, 6, 12, 13; Хрисимов, 2009; библиография) это нельзя проверить. Для представленного в Вознесенке (рис. 2, 11; 3, 52–55; 4, 3, 4) варианта серии Акалан показательны узкие листья основного трилистника, как у ряда дунайских находок; схематизированные трилистники на наконечниках; украшение нижнего щитка двучастных накладок композицией, как у образцов варианта 1, но схематизированной.

Хронология Вознесенки большинством авторов определяется в рамках последних десятилетий VII и/или первой половины VIII в. (см. обзор: Гавритухин, 2005. С. 386–387; Хрисимов, 2009). По-моему, наиболее обоснована дата около третьей трети VII в. или 660/680–690/710 гг. (Гавритухин, 2001а; 2005; Gavrituchin, 2008). А.В. Комар относил комплекс к горизонту 705–725 гг. (1999), затем пытался сузить эту дату (2006), но недавно остановился на интервале около 690–710 гг. как из времени “археологиза-

ции” комплексов, около 680–700 гг. – их “формирования” (2010). Н. Хрисимов (2009) датировал Вознесенку около 620–630 гг., до горизонта Перещепины.

К показателям ранней даты Н. Хрисимов отнес пару маленьких пряжек, украшенных в стиле “точка–запятая” (2009. Рис. 4, 3. С. 13). Слабые места этого аргумента представлены выше. Еще одну маленькую пряжку он отнес к стилю накладок с элементом в виде “рыбьего хвоста”, появление которого, вслед за Ч. Балинтом, датировал не позже VI в. (Хрисимов, 2009. Рис. 4, 4. С. 13). Здесь достаточно указать на прямые аналогии пряжке в кавказских комплексах, датируемых после 650 г. (Гавритухин, 2005. ИС-14; 2001б. Рис. 78, 14. С. 46–48).

Украшенный полыми шариками золотой пояс из Вознесенки Н. Хрисимов считает более ранним, чем образцы из Перещепины и Келегеев, маркирующие верхнюю хронологическую границу “гранулированного стиля”, за которой следует его излет (2009. Рис. 5. С. 14, 15). Однако А.В. Комаром, вслед за А.К. Амброзом, указано на близость техники грануляции гарнитура из Вознесенки, накладки из Ветрена, оружия из Глудос, броши из Озори и др. (2006. С. 93. Рис. 17; см. также Станилов, 2006. С. 70–84). То есть “вознесенский” вариант “гранулированного стиля” использовался и во II “среднеаварском” периоде, а исключать из этого круга пояс нет оснований. В рамках периода IIIб Кисловодской шкалы (около 650/680–720 гг.) датируется наконечник с каймой из полых шариков, найденный в катакомбе 113 Мокрой Балки, причем его очертания близки образцам II “среднеаварского” периода (Гавритухин, 2001б. Рис. 78, 28. С. 46–48). Поздние даты подтверждаются изображением поясов VIII в. с накладками, окантованными крупными шариками (Daim, 2000; Гавритухин, 2005. Рис. 1, 286–288), т.е. выполненными в “гранулированном стиле” или относящимися к его имитациям, что подразумевает хронологическую близость прототипов.

Клинки из Вознесенки Н. Хрисимов на основании трех фотографий и реконструкции А.И. Семенова сопоставляет с палашами, имеющими короткое перекрестье, расширенное посередине и на концах, и Р-образные скобы ножен, что указывает на горизонт, предшествующий II “среднеаварскому” периоду (Хрисимов, 2009. С. 18, 19. Рис. 8). Однако палаш не вытесняется саблей тотально, он известен и в среднеаварское время, например, в Тисафюреде (Garam, 1995; Гавритухин, 2001а. Рис. 18). Перекрестья следует сопоставлять не только с относительно ранними образцами, но и с продолжающими эту линию развития перекрестьями сабель II “среднеаварского” периода (например, Гавритухин,

2001a. Рис. 53). Скобы на сабле из Иванчи, вопреки мнению Н. Хрисимова, имеют прямые аналогии на палашах, а не “отдаленно напоминают” их (например, Гавритухин, 2001a. Рис. 51, 1, 2). О существовании Р-образных скоб позднее середины VII в. свидетельствуют, например, находка из Маняка и среднеазиатская живопись (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 122, 123, 125, 126).

В отношении аналогий некоторым вещам из Вознесенки, встреченным с монетами (Хрисимов, 2009. С. 24–29), достаточно напомнить, что находка с монетой совсем не обязательно механически дает верхнюю хронологическую границу памятника или стиля. Наконец, Н. Хрисимов обходит обсуждение фигурных обильно украшенных и других накладок, обычных во II “среднеаварском” периоде и близко датированных древностями Восточной Европы (например, Комар, 2006. Рис. 37; Гавритухин, 2005. ИС-15, -16). Не обсуждалась и пряжка, рисунок которой был специально прислан автором данной статьи болгарскому коллеге (Хрисимов, 2009. Рис. 4, 2), чьи аналоги, хоть и с прорезной обоймой, известны в первой половине VIII в. (см. Гавритухин, 2005. ИС-34).

Предлагаемое А.В. Комаром 10-летнее отличие дат “формирования” и “археологизации” комплексов является схоластикой: вещь могла попасть к новому хозяину в год его смерти; помещение ее в могилу свидетельствует о присутствии в культуре людей, живущих в это время; разница в 10 лет практически неуволима на уровне возможностей датирования массового материала (см. также Гавритухин, 2001a. С. 45, 46).

Исключение А.В. Комаром из хронологических рамок *горизонта* Вознесенки интервала 660–680 гг. основано на исторической “калибровке” даты *комплекса*. Взаимосвязанные комплексы круга Перещепины составляют ранний горизонт культуры уровня каганов и их ближайшего окружения в Поднепровье на склоне эпохи Великого переселения народов, горизонт Вознесенки – поздний. Прямых указаний на то, какому мощному объединению принадлежал этот блок, в письменных источниках нет, но известно, что перед 680 г. произошли распад Великой Булгарии, подчинение хазарами части болгар, миграции нескольких болгарских объединений. Если принять хазарскую атрибуцию блока (А.В. Комар и др.), то для Перещепины будет логична дата около 680 г. или чуть раньше, а дата Вознесенки сдвигается вверх. Нельзя исключить и разделяемую многими болгарскую атрибуцию, тогда Вознесенку надо датировать до 680 г., а Перещепину – раньше (не ранее 640-х годов по монетам). Пока автор ограничивается рамками археологии.

На основе рассмотрения технологических и стилистических особенностей вещей А.В. Комар выделяет узкодатируемые группы. Например, исходя из цепочки “оригинальное изделие – близкое подражание – отдаленное подражание – создание нового типа” практически все прессованные гарнитуры византийского круга подразделяются на “стадии”, соответствующие ее звеньям. При чем “стадия” для гарнитура, невзирая на серию или тип (не говоря уже про вариант) накладок, отождествляется с “подгоризонтом” (Комар, 2006. С. 94). В итоге Фелнак оказывается позднее Озоры, одного из опорных комплексов II “среднеаварского” периода, Глодо-сы – еще позднее и т.д. Детальный разбор хронологии в данной статье нужен и потому, что дает основания для опровержения указанных выводов А.В. Комара.

Вернемся к серии Акалан. Накладку из Балты (рис. 2, 16; 3, 51; Уварова, 1900. Табл. LXV, 13) от образцов варианта 1 отличают зауженные боковые листья трилистника; от ряда венгерских находок и Вознесенки – сравнительно короткие листья; от всех этих накладок – сильно вытянутый центральный лист. Образец из Архона известен автору статьи лишь по схематичной зарисовке (рис. 2, 15; 3, 21; Ковалевская, 2000. Рис. XVIII, 18). Судя по ней, на этой накладке, как и на балтинской, центральный лист вытянут. Вероятно, это – свидетельство особой линии эволюции в рамках серии; возможно, отмеченные пропорции центрального листа появились уже у византийского прототипа упомянутых вещей из Осетии. Четырехлистник на нижнем щитке накладки из Архона может быть воспроизведением трилистника на черенке с округлым утолщением, как на образцах варианта 1 и из Вознесенки, или особым мотивом. Все это явно отличает кавказские образцы от накладок серии Акалан в Карпатской котловине и, наряду с находками из Вознесенки, позволяет говорить о восточных линиях ее эволюции. Интересующие нас комплексы из Балты и Архона не опубликованы, что делает анализ их хронологии делом будущего (для темы данной статьи он не имеет принципиального значения).

Еще один важный для нас комплекс с Кавказа – разрушенное погребение, доследованное И.А. Аржанцевой в Луначарке (рис. 2, 14; 3, 1–4). Найденная здесь накладка (рис. 3, 1) относится к кругу сильно упрощенных имитаций образцов серии Акалан, судя по всему, локальных. Наличие маленького зеркальца с широким ободком и грузика с ушком (возможно, пуговица) позволяет соотнести рассматриваемое погребение с периодом IIIв Кисловодской шкалы, датированным около 700–730/760 гг. (Гавритухин, 2001b. С. 46–48. Рис. 78, 36, 37).

К позднейшим комплексам с накладками серии Акалан (по реконструкции С.А. Плетневой они

входили в оголовье коня) относится и катакомба 52 Дмитриевского могильника (рис. 2, 13; 3, 15–20; Плетнева, 1989. Рис. 40). Начало функционирования этого и некоторых других некрополей в лесостепной зоне бассейна Северского Донца связывается с переселением части северокавказского населения под арабским натиском на Хазарский каганат в 730-е годы. Некоторые вещи, включая и интересующее нас оголовье, вполне могли быть принесены мигрантами, т.е. эти вещи отражают культуру более раннего времени, чем период упомянутого переселения (Гавритухин, 2005. С. 396, 414, 415, 418, 419; библиография).

Наконечникам из Дмитриевки близка находка из кургана 4 Елантау (рис. 2, 17; 3, 22–24; Боталов, Гущалов, 2000. Рис. 48). Судя по всему, они являются упрощенными имитациями наконечников, близких образцам из Вознесенки, во всяком случае, принадлежат очерченным выше восточным линиям эволюции накладок серии Акалан. Комплекс из Елантау включает также горизонтально симметричную накладку (рис. 3, 23), относящуюся к упрощенным вариациям образцов, хорошо представленных в Вознесенке и на Кавказе, единично – западнее, и датированных последней третью VII в. или немного позднее (Комар, 2006. Рис. 37, 1–9, 17; Гавритухин, 2005. ИС-16; в этой работе – опечатка: среди образцов ИС-16 вместо “рис. 1: ..., 56” должно быть “рис. 1: ..., 58”).

Попробуем суммировать приведенные стилистические и хронологические наблюдения, соотнося их с зонами находок.

Особую локализацию (рис. 2, 9) имеет комплекс из Акалана, накладки из которого принадлежат наиболее стильным образцам варианта 1 (рис. 3, 65–69; 4, 1). Учитывая, что Акалан находится внутри пространства, ограниченного стеной Анастасия, прикрывающей ближайшие подступы к Константинополю (Fiedler, 1994. S. 32), связь этого клада с событиями 626 г. представляется наиболее вероятной. Й. Юркова (1992) отметила, что набор монет из Акалана не характерен для византийских кладов, и интерпретировала монеты как часть добычи, но накладки посчитала принадлежавшими одному из предводителей варваров. Однако если сокрытие части добычи людьми, осаждавшими Константинополь, в ходе их отступления или смуты после жестокости кагана по отношению к отрядам, потерпевшим неудачу в морском штурме, вполне допустимо, то трудно представить воина, прячущего накладки своего статусного пояса. Логичнее предположить, что они (одна из них сломана, скорее всего, в древности) были частью добычи, т.е. непосредственно византийскими.

Сопоставление накладок из Акалана с моделью из Среднего Поднепровья приводит некоторых авторов к выводу о том, что клад из Акалана принадлежал предводителю болгарского корпуса, участвовавшего под эгидой авар в осаде Константинополя. Рассуждения в этом направлении с меньшей вероятностью могут подвести к соотношению этих находок со славянами. Оба варианта подразумевают включение части Поднепровья в 620-е годы в зону, контролируемую Аварским каганатом, что не имеет подтверждения источниками.

Соотнесение клада из Акалана с событиями 626 г. дает *terminus ante quem* появления рассматриваемой серии накладок. Следует отметить, что оформление этой серии, да и всей группы прессованных гарнитуров, имеющих накладки с килевидным или полукруглым верхом, произошло незадолго до 626 г., учитывая отсутствие таких гарнитуров среди довольно представительного круга находок в византийских крепостях, датированных монетами ранних выпусков Ираклия, и в других комплексах начала VII в.

Концентрации накладок серии Акалан фиксируются в Карпатской котловине, в зоне Аварского каганата (рис. 2, 1–8). Находка из Мезокамарома (рис. 3, 71; 4, 2) дает пример тиражирования накладок варианта 1 и включения этого региона в ареал ранних образцов двучастных накладок с килевидным верхом. Комплексы из Колькеда, Будапешта, Сегеда (рис. 3, 61–64, 73–79; 4, 6) позволяют говорить о скором появлении местных реплик – в I “среднеаварском” периоде, даже в его ранней части. Модели из Фелнака (рис. 3, 56–60) дают непосредственное подтверждение производства в Среднем Подунавье местных вариаций гарнитуров с накладками серии Акалан. В поздней части I “среднеаварского” периода накладки этой серии, судя по находкам в Тисафюреде и Ясапати (рис. 3, 25–50; 4, 8), представлены наиболее схематизированными образцами и используются в смешанных гарнитурах. Таковы и находки из Халимбы (рис. 3, 5–14; 4, 7), позволяющие предполагать, что излет использования накладок серии Акалан в Карпатской котловине мог захватывать и часть II “среднеаварского” периода.

Наличие патрицы в Среднем Поднепровье (рис. 2, 10; 3, 70) позволяет включать и Восточную Европу в зону производства ранних образцов гарнитуров с двучастными накладками, имеющими килевидный верх, в том числе и варианта 1 серии Акалан. Упрощенные варианты таких накладок в Поднепровье, судя по находкам в Вознесенке (рис. 2, 11; 3, 52–55; 4, 3, 4), были в ходу и в третьей трети VII в. Иной ритм развития, находки на Кавказе (рис. 2, 14–16;

3, 1, 21), стилистические особенности позволяют говорить о восточных линиях эволюции серии Акалан, отличающихся от дунайских линий. Активные контакты культур Кавказа и Поднепровья в VII в. многократно обсуждались, но влияния здесь позднеантичной культуры объяснимы и особыми связями Византии с каждой из этих зон (например, Гавритухин, 2010. С. 49–52, 55, 57, 58). Для Поднепровья трасса контактов могла идти напрямую с Балкан или (особенно для VII в.) через Крым, а для Северного Кавказа – через Закавказье или Боспор.

В отношении ряда днепровских двучастных накладок с килевидным или округлым верхом очевидно крымское посредничество. Отметим наличие в Крыму аналогий на уровне серии (а может быть и прототипа) для накладок серии Арадац – Фелнак из Санжар и Вознесенки (сравни: Гавритухин, 2001а. Рис. 38, 47 и Комар, 2006. Рис. 36, 28, 29), как и для накладки в стиле “точка–запятая” из клада в Хацках (сравни: Айбабин, 1990. Рис. 43 и Корзухина, 1996. Табл. 22, 4–6). Близость накладок из Вознесенки образцам варианта 1 может рассматриваться как наличие в Поднепровье особой линии развития в рамках серии Акалан начиная со среднеднепровской патрицы или как следствие нескольких византийских импульсов. В последнем случае накладки из Вознесенки имитируют византийские образцы варианта 1, бывшие в метрополии актуальными дольше, чем в дунайской зоне ее влияний.

Из приведенных выше примеров следует, что утверждение А.В. Комара (2006. С. 94) об отсутствии в Северном Причерноморье поясов византийского круга “первой стадии” (т.е., собственно, византийских) нуждается в корректировке. Вероятно, к восточным линиям переработок византийских образцов (не исключая производство в Херсонесе, на Боспоре или в других крымских византийских центрах) относится и гарнитур с накладками серии Лелехей из Национального музея истории Украины (Комар, Стрельник, 2008), хотя до публикации этой находки серию Лелехей можно было рассматривать как локальную дунайскую (Гавритухин, 2001а. С. 115). Не исключено, что по мере роста информации мы не сможем назвать ни одной серии накладки с килевидным и округлым верхом, которые бы не имели “родоначальника” в византийской среде.

Если накладки серии Акалан из Поднепровья или Осетии и можно рассматривать как тесно связанные с византийскими прототипами, то находка из Луначарки (рис. 2, 14; 3, 1–4) – свидетельство предельного упрощения в рамках серии. Это позволяет говорить о наличии в рамках восточных линий всех отмеченных А.В. Комаром стадий (возможно и более дробное их подразделение) переработок ви-

зантийских образцов. Накладки из Дмитриевского могильника и Елантау – примеры схематизированных изделий на северо-восточной периферии ареала серии Акалан (рис. 2, 13, 17; 3, 15–20, 22–24). Эти гарнитуры, включающие накладки других серий, как и в Аварском каганате (но позднее, чем там), показывают одну из форм угасания изобразительного мотива, характерного для рассматриваемых вещей.

Итак, мы получили картину, в рамки которой следует вписать наладку из Сосновки. Обстоятельства этой находки и ее уникальность для Поочья не позволяют дать однозначный ответ на вопрос о том, с чем связано появление накладок серии Акалан далеко к северу от основного ареала. Нельзя исключить, что публикуемый обломок попал в Поочье уже в качестве лома, привезенного из далеких южных областей (возможно, уже в роменское время). Если же допустить, что в Поочье попала актуальная для эпохи накладка, можно получить более отчетливую картину.

Обломок из Сосновки мог принадлежать накладке варианта 1 (рис. 3, 66, 70, 71; 4, 1, 2), датированной от 620-х годов до середины VII в., или варианту, близкому тому, что представлен в Вознесенке (рис. 3, 52; 4, 3, 4), что не исключает третью треть VII в. Активные связи Поочья со Средним Поднепровьем в VII в. документированы находками днепровских фибул и накладок геральдических стилей (Воронцов, 2003. Рис. 1, 3, 4; 3; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 36, д; 37, 7, 9, 16; 38, 2; 39, е; 49, 6; 51, 1А/В, 1В/С; Родинкова, 2006. Рис. 2, 12; 7, 1). Связи Поочья со Средним Подунавьем в это время слабы и многократно опосредованы (например, Гавритухин, 1997). Для середины или третьей четверти VII в. в Поочье прослеживаются катастрофические потрясения (Ахмедов, 2010; неопубликованные раскопки А.М. Воронцова в Акиньюшино), после которых связи региона с южными культурами обрываются на долгое время. Таким образом, наиболее вероятно попадание накладки серии Акалан в Поочье во второй – третьей четвертях VII в. из Среднего Поднепровья.

Горизонт этого времени в Сосновке IV пока не выделен, но раскопана лишь малая часть памятника и исследование керамической коллекции не закончено. Среди металлических находок следует отметить железную В-образную пряжку с насечками из слоя раскопа 2010 г. (того же, где найдена интересующая нас накладка) и медную китайскую монету, выпущенную в 553 г. в империи Северная Ци (Коваль и др., 2005. С. 156). Недалеко от Сосновки, на городище Ростиславль, зафиксирован выразительный слой с пожаром V в. (Тавлинцева,

2010). То есть в Сосновке и на близлежащих памятниках древности эпохи Великого переселения народов есть, и накладка серии Акалан вполне вписывается в их контекст. Надеюсь, что новые находки позволят на более обширном материале говорить о византийском влиянии VII в., простирающемся до Подмоскovie.

Благодарю начальника Ростиславльской экспедиции Владимира Юрьевича Ковалёва за сведения о памятнике и разрешение опубликовать накладку; за помощь в работе (особенно за присылку труднодоступных изданий и фотографий вещей) – Алексея Викторовича Комара, Бояна Тотева, Уве Фидлера, Алексея Михайловича Воронцова, Николая Хрисимова, Анну Анатолиевну Кадиеву; Ирину Аркадиевну Аржанцеву – за сведения о неопубликованных материалах из ее раскопок и разрешение привести некоторые предоставленные ею рисунки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 3–86, 175–241.
- Ахмедов И.Р.* Проблема “финального” периода культуры рязано-окских могильников // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010 (Раннеславянский мир; Вып. 13). С. 7–34.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казхастанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.
- Воронцов А.М.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Власта, 2003. С. 294–300.
- Гавриутхин И.О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Гос. музей искусства народов Востока; Московский археологический научн. центр, 1991. С. 127–141.
- Гавриутхин И.О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зб. Вып. 12. Мінск, 1997. С. 43–58.
- Гавриутхин И.О.* Хронология “среднеаварского” периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: Донецкий нац. университет. 2001а. Т. 2. С. 45–162.
- Гавриутхин И.О.* Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001б. С. 40–49, 148–148.
- Гавриутхин И.О.* Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары / Ред. В. Петрухин, В. Москвич, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапиро. Иерусалим: Гершаим; М.: Мосты культуры, 2005 (Евреи и славяне; Т. 16). С. 378–426.
- Гавриутхин И.О.* Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010 (Раннеславянский мир; Вып. 13). С. 35–87.
- Гавриутхин И.О., Иванов А.Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удм. ИИЯЛ, 1999. С. 99–159.
- Гавриутхин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / При участии И.Р. Ахмедова, А.В. Мاستыковой, В.Ю. Малашева, В.Е. Родинковой, О.А. Щегловой. М.: ИА РАН; Курский областной краеведческий музей, 1996 (Раннеславянский мир; № 3). 296 с.
- Гринченко В.А.* Пам’ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III. С. 37–63.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 264 с.
- Коваль В.Ю.* Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. 2004. № 1. С. 154–166.
- Коваль В.Ю., Трусков А.В., Волков И.В., Лагутин А.Б., Медведь А.Н., Русаков П.Е., Тавлинцева Е.Ю.* Работы Ростиславльской экспедиции // АО–2004. 2005. С. 154–156.
- Комар А.В.* Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. № 2. Київ, 1999. С. 111–136.
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: Донецкий нац. ун-т. 2006. Т. 5. С. 7–244.
- Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 169–206.
- Комар А.В., Стрельник М.А.* Подражание золотому византийскому поясному набору VII в. с изображением птиц // РА. 2008. № 2. С. 148–158.
- Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435, 525–705.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

- Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. 2006. № 4. С. 41–51.
- Родинкова В.Е.* Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010 (Раннеславянский мир; Вып. 13). С. 261–276.
- Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. 1953. № 17. С. 23–104.
- Станилов С.* Художественный металл на Българското ханство на Дунав (7–9 век). София: Класика и стил, 2006. 323 с.
- Тавлицева Е.Ю.* Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосковья. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. С. 24–33.
- Уварова П.С.* Могилиники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900. 381 с.
- Филов Б.* Находка при Акаланъ // Известия на българското археологическо дружество. 1913. Т. 3, св. 2. С. 324, 325.
- Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: Донецкий нац. ун-т. 2009. Т. 7. С. 9–42.
- Юркова Й.* Съкровището от Акалан // Нумизматика и сфрагистика. 1992. Вып. 1, 2. С. 10–16.
- Balogh C., Köhegyi M.* Fajsz környéki avar kori temetők II. Kora avar kori sírok Fajsz-Garadombon // Studia archaeologica. VII. Szeged, 2001. О. 333–363.
- Daim F.* “Byzantinische” Gurtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt / Hrsg. F. Daim. Innsbruck: Wagner, 2000. S. 77–204.
- Fiedler U.* Die Gürtelbeatzstücke von Akalan. Ihre Funktion und kulturelle Stellung // Изв. Археологическия институт Българска Академия на науките. Т. XXXVIII. 1994. С. 31–47.
- Filow B.* Archaeologische Funde im Jahre 1913: Bulgarien // Archaeologischer Anzeiger. 1914. S. 416–418.
- Garam É.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995. 696 s.
- Garam É.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; MTA Régészeti Intézete, 2001. 432 s.
- Gavrituchin I.* Archaeological heritage of the Avar khaganate and the southern part of Eastern Europe. Periodisation, dating and synchronisation // Antaeus. 2008. 29–30. P. 63–125.
- Kiss A.* Zur Zeitstellung des “münzdatierten” awarischen Fürstengrab von Kunágota // A Janus Pannonius Muzeum Evkonyve. 36 (1991). 1992. S. 67–84.
- Kiss A.* Das awarenzeitlich gepidesche Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1996. 671 s.
- Madaras L.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Jászapáti. Debrecen; Budapest: Kossuth Lajos Tudományegyetem, 1994. 256 s.
- Madaras L.* The Szeged-Fehértó “A” and “B” cemeteries. Debrecen; Budapest: Kossuth Lajos Tudományegyetem, 1995. 248 p.
- Nagy M.* Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. T. 1, 2. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; MTA Régészeti Intézete, 1998. S. 213, 222.
- Somogyi P.* Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1997. 181 s.
- Tănase D.* Câteva observații cu privire la mormântul de orfevru din epoca avară descoperit la Felnac (Jud. Arad) // Analele Banatului. Serie nouă. Arheologie–Istorie. 2005. XII–XIII. P. 237–264.
- Tănase D.* Prelucrarea metalelor lumea barbară la Dunărea Mijlocie și Inferioară în sec. VI–VII. Timișoara: Excelsior Art, 2010. 431 p.
- Török G.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Halimba. Debrecen; Budapest: Kapitális Druckerei, 1998. 254 s.
- Vida T.* Bemerkungen zur awarenzeitlichen Frauentracht // Etnische und kulturelle Verhältnisse an der mittleren Donau vom 6. bis 11. Jahrhundert / Hrsg. D. Bialeková, J. Zábojník. Bratislava: Veda, 1996. S. 107–124.

ИСТОРИЯ НАУКИ

В.А. ГОРОДЦОВ И А.М. ТАЛЬГРЕН В ПЕРЕПИСКЕ:
ОТ ДИАЛОГА К РАЗРЫВУ ОТНОШЕНИЙ

© 2014 г. С.В. Кузьминых*, И.Е. Сафонов**

*Институт археологии РАН, Москва

**Воронежский государственный университет

Несомненный интерес для истории археологической науки в России и Финляндии представляет личная переписка двух выдающихся ученых – Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) и Арне Михаэля Тальгрена (1885–1945) или Михаила Марковича Тальгрена, как дружески величали его русские коллеги и ряд западных археологов (Э. Миннз, Г. Мергарт, Э. Лайд и др.). Эпистолярное наследие В.А. Городцова и А.М. Тальгрена содержит информацию, как правило, не отраженную в официальных документах. Скрытые пружины многих действий, отношения персонажей к событиям своего времени, а также объяснения и мотивы их поступков – все это выявляется лишь в личных документах.

Судьбы ученых перекликаются между собой: В.А. Городцов – сын дьячка, А.М. Тальгрэн – пастора (Kivikoski, 1954a. P. 77). Наиболее интенсивный период творческой деятельности у них приходится на 1910–1940-е годы. Наиболее существенный вклад они внесли в изучение эпохи бронзы Восточной Европы, Урала и Сибири. Оба были создателями оригинальных концепций развития бронзового века (Городцов, 1910; 1915; 1927; Tallgren, 1911; 1916; 1926), оказавших в свое время сильное влияние на развитие самой проблематики эпохи бронзы и на целые поколения исследователей, посвятивших себя ее изучению.

Переписка с разной степенью интенсивности и отдельными перерывами продолжалась почти 20 лет (1908–1927 гг.). Сложность общения заключалась в том, что В.А. Городцову ни разу не удалось выехать за рубеж, в то время как А.М. Тальгрэн неоднократно бывал в России, а затем в СССР (1908, 1909, 1915, 1917, 1924, 1925, 1928 и 1935 гг.). Во время этих поездок он нечасто имел возможность лично встречаться с Городцовым и обсуждать интересовавшие их проблемы археологического изучения древностей России. Основной диалог происходил в переписке, причем она являет редкий для той эпохи случай, когда в архивах отложились письма обоих корреспондентов.

Письма русского археолога хранятся в личном фонде А.М. Тальгрена в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 230.5). Одно из них обнаружено в рабочем архиве ученого в Музейном ведомстве этой страны (папка “Сейма”). В фонде 431 (В.А. Городцов) ОПИ ГИМ, соответственно, отложились письма Тальгрена. Некоторые из них, прежде всего с русской стороны, не имели конкретной даты написания и отправления, но все они, согласно контексту содержания, будут при публикации помещены в порядке их написания и отправления (см. ниже номера писем). Переписка велась на русском языке.

Личное знакомство Василия Алексеевича и Михаила Марковича относится к 1908 г., когда ассистент Исторического музея в Гельсингфорсе приехал в Москву, в Российский Исторический музей, для изучения археологического материала. Молодой финский исследователь только начинал свой путь в науке. В.А. Городцов к тому времени был уже зрелым исследователем и не только по возрасту (старше А.М. Тальгрена на 25 лет), но и по жизненному опыту. За его плечами были служба в армии (в 1906 г. в чине подполковника вышел в отставку), большой опыт полевых исследований в Окском бассейне, на Верхней Волге, в Подонцовье и уже признанные в научном мире достижения. С выходом в отставку и началом работы в Историческом музее начинается новый этап творческого пути Василия Алексеевича, теперь уже целиком посвященный археологии (рис. 1).

В отличие от своего русского коллеги А.М. Тальгрэн изначально тщательно планировал научную деятельность, решив посвятить жизнь археологии еще в молодом возрасте (Kivikoski, 1954a. P. 82–88). В 1903–1905 гг. он учился в Александровском университете в Гельсингфорсе, затем слушал лекции корифеев европейской археологии О. Монтелиуса и О.Альмгрена в Стокгольме. В эти годы он определился с областью своих научных интересов, сосредоточившись на изучении бронзового века. Этим выбором,

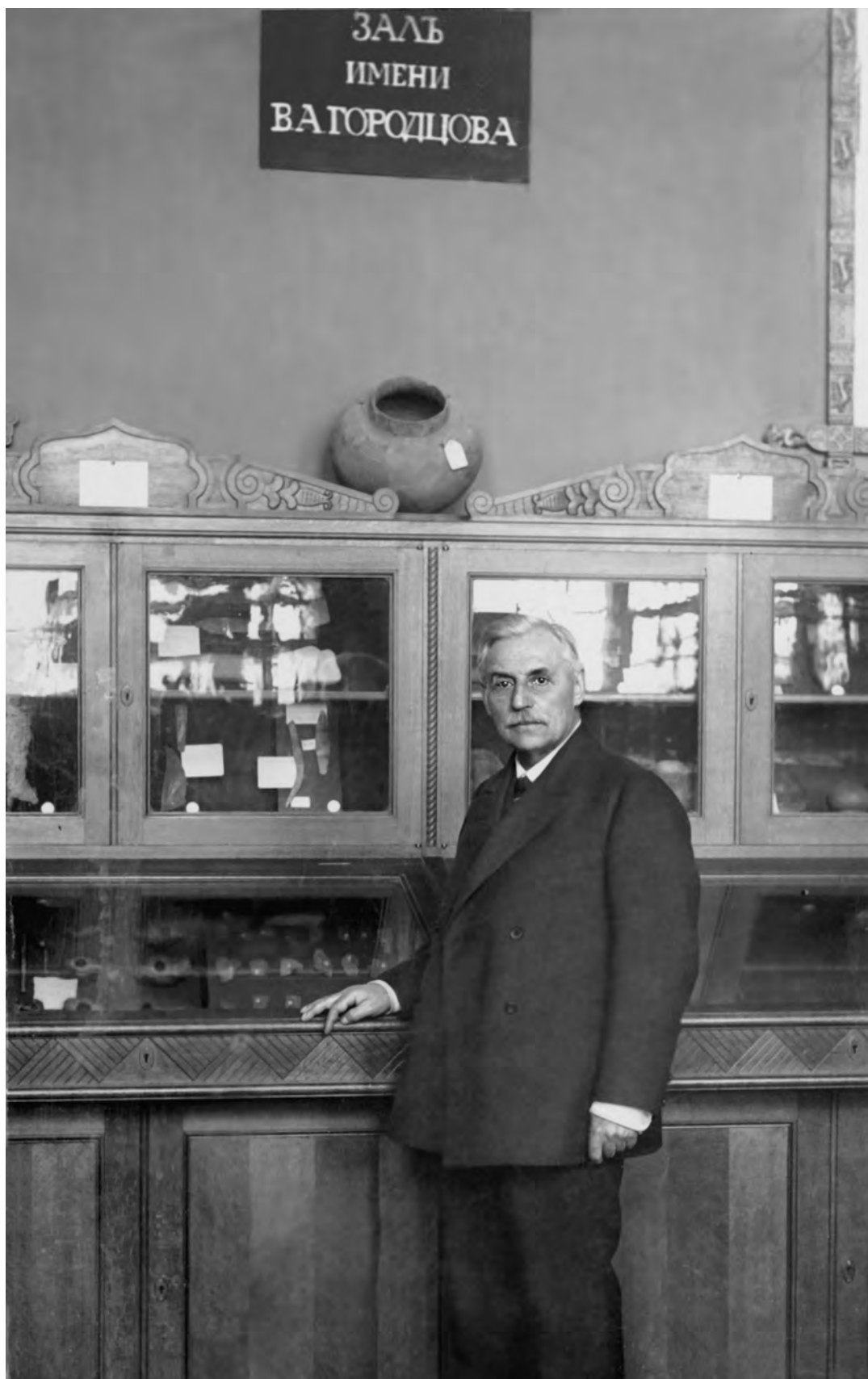

Рис. 1. В.А. Городцов в зале Исторического музея, носящем его имя. Фото 1923 г. по случаю 35-летия научной деятельности ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

Рис. 2. А.М. Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. 1920-е годы (Архив Музейного ведомства Финляндии).

по словам самого ученого, он был обязан известному финскому историку и археологу Й.Р. Аспелину. Михаила Марковича в особенности привлекал бронзовый век Восточной Европы, что было вполне в духе финской научной традиции того времени. Даже когда изменившиеся после революций 1917 года политические реалии затруднили проведение исследований на территории бывшей империи, Тальгрэн не отказался от намеченных планов. Он видел свою цель в том, чтобы продолжить археологические изыскания, начатые Й.Р. Аспелиным, поскольку к началу XX в. традиция научных путешествий на восток, заложенная последним, в Финляндии практически угасла. Финские археологи в то время уже не были единодушны в необходимости развития восточного направления исследований, основные силы они отдавали охране и сохранению собственно финских древностей (Kivikoski, 1954a. P. 24, 25; Salminen, 2003. P. 101–106, 117–119).

Для решения поставленной цели А.М. Тальгрэн в 1908 г. совершил серию научных поездок. В январе он отправился в Лондон и Париж через

Стокгольм и Копенгаген и вплоть до июня изучал восточные древности (особенно китайские и персидские) в Британском музее и музее Сен-Жермен, а также проводил время в библиотеках за чтением книг, недоступных в Финляндии, а в сентябре впервые отправился в Россию (Kivikoski, 1954a. P. 88–90).

В Петербурге, в Археологической комиссии, А.М. Тальгрэн познакомился с А.А. Спицыным и сразу пришелся по душе патриарху русской археологии. Тот, зная о планах финского археолога посетить в Москве Исторический музей и познакомиться с хранителем археологических памятников В.А. Городцовым, дал ему рекомендательное письмо (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 151, 152). В музее при содействии Василия Алексеевича Тальгрэн обработал коллекции, необходимые для работы над диссертацией. С этого времени между ними и завязалась переписка (рис. 2).

Письма хронологически делятся на несколько групп, отражающих интенсивность общения ученых: № 1–6 (1908–1909 гг.); 7–10 (1911 г.);

11–13 (1913 г.); 14–39 (1915–1917 гг.); 40–45 (1921–1927 гг.).

Во время поездок и экспедиций в Россию Михаил Маркович не только собрал важный научный материал, но и побывал на самих памятниках и в регионах, откуда происходил этот материал. Погружение в сложнейшие проблемы археологии Северной Евразии было бы невозможно без привязки исследуемых им артефактов и памятников к той или иной ландшафтно-географической среде. Не меньшее значение имели и прямые контакты с русскими исследователями (Кузьминых, Сафонов, 2003; 2009. С. 151–155; Кузьминых, 2011; Кузьминых, Усачук, 2011). Обмен мнениями и полемика, безусловно, положительно сказались на изучении эпохи бронзы Восточной Европы в первой трети XX в. Значение подобного опыта трудно переоценить, и переписка В.А. Городцова и А.М. Тальгрена – яркий тому пример.

Известно, что личные отношения ученых могут стимулировать научные исследования и поиски или же, напротив, приводят к конфликтной ситуации, когда не удается развести или примирить научные интересы. Судя по переписке, отношения Василия Алексеевича и Михаила Марковича прошли определенную эволюцию. Первоначально они развивались по первому сценарию, но в 1920-е годы их подточил дух соперничества и недоверия. К счастью, не произошло конфликта: В.А. Городцов попросту прервал переписку с финским археологом. Остается сожалеть, что развивавшийся столь плодотворно диалог был прерван. В проигрыше оказались оба ученых, да и развитию отечественной археологии разрыв отношений не пошел на пользу.

В ранних письмах в Гельсингфорс (№ 10, 11, 13) Василий Алексеевич выражал глубокий интерес к трудам А.М. Тальгрена и даже желание выучить финский язык. Ему была небезынтесна точка зрения коллеги по ряду проблем восточноевропейской археологии бронзового века, особенно после выхода в свет диссертационного исследования финского ученого (Tallgren, 1911). После двухлетнего перерыва переписка возобновилась в 1911 г. именно по инициативе Городцова.

Несмотря на несходство в оценке некоторых проблем, оба корреспондента не скупилась на похвалу в адрес друг друга, а также тех исследований, которыми занимались. Так, Тальгрэн в 1915 г. инициировал прервавшуюся переписку следующими словами: “Нет второго человека в мире, которого мне так хотелось бы встретить сейчас, как Вас. Спицын, конечно, прекрасный человек, но мне кажется, что хотя он вообще так хорошо знает русский доисторический материал, все-таки не вполне понимает

бронзовый век в России” (№ 14). В этом же письме финский ученый сообщал о намерении показать В.А. Городцову “<...> свои карты распространения разных типов бронзовых предметов в России, дополнить эти карты и, м[ожет] б[ыть], вместе с Вами издать их <...>”.

В последней фразе прозвучало крайне важное предложение о совместной работе и возможных будущих публикациях. Городцов напрямую не отклонил его, но и не поддержал, отреагировав следующим образом: “Глубоко тронут Вашим добрым отношением ко мне и искренне благодарю Вас за постоянную память. Я ждал Вас в Москве на Вашем обратном пути из Сибири, но, к моему несчастью, судьбе не угодно было устроить нашу встречу” (№ 15). В дальнейшей переписке вопрос совместных исследований и публикаций уже не поднимался.

В подтверждение добрых и даже дружеских отношений между учеными приведем несколько выдержек из писем. А.М. Тальгрэн, сентябрь 1915 г.: “Сегодня 2 часа тому назад я получил Ваше письмо, так[ое] хорошее, приятное и любезное, как всегда. Крепко жму Вашу руку по поводу Вашего тяжелого несчастья” (№ 17); завершается письмо такими словами: “Еще раз благодарю Вас за Ваши книги и Вашу любезность, и Ваше содействие вообще. Желаю Вам силы в нынешнее печальное время. Искренне уважающий Вас”. Примечательны строки ответного письма (№ 18) В.А. Городцова: “Мне много хотелось бы с Вами говорить и советоваться, но Вы так далеко <...>”. В октябре того же года – следующие строки из Гельсингфорса: “За Ваше сегодняшнее письмо я Вас сердечно и искренне благодарю. [Не] хватает мне русских слов и выражений, чтобы я мог бы объяснить, как я обрадовался, когда [у]видел Ваши рисунки” (№ 20). И в этом же письме: “Если бы я мог, я Вас сделал бы доктором *honoris causa*!”.

В ноябре 1915 г. В.А. Городцов, выразив несогласие со взглядами финского ученого на происхождение фатьяновской культуры, завершил спор, как и принято в нормальных отношениях между коллегами: “Большое спасибо Вам, дорогой Михаил Маркович, за те импульсы, которые Вы дали в Ваших прекрасных письмах. От всей души желаю Вам полнейших успехов в научных трудах и освещении минувшей жизни наших отдаленных предков” (№ 24).

В апреле или мае 1917 г., в отклике на городцовское предложение о передаче погребения из муромского Подболотьевского могильника в Национальный музей Финляндии, Тальгрэн написал: “Еще раз благодарю Вас и желаю Вам всяких благ. Очень я обрадовался бы, если мог видеть Вас у нас

в Гельсингфорсе. Это Вы знаете и без слов” (№ 34). В июльском письме (№ 37) он вновь приглашает Василия Алексеевича в Финляндию: “Приезжайте сюда [в Хельсинки], все-таки <...> нас объединяет наука и любовь к старине”.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы почувствовать искреннее уважение и доброжелательное отношение Городцова и Тальгрена друг к другу.

Тем не менее разрыв между ними произошел, и тому были как объективные, так и субъективные причины. Прежде всего – несходство позиций по вопросам культурогенеза в эпоху бронзы на территории Евразии. Особенно ярко это демонстрируют письма декабря 1916 г. (№ 31, 32). Городцовское содержит разбор основных выводов книги Тальгрена о металлических орудиях и оружии бронзового века из коллекции В.И. Заусайлова (Tallgren, 1916). В.А. Городцов получил этот труд в конце сентября одним из первых в России, но не сразу откликнулся на него. Ссылаясь на занятость, он первоначально написал в Гельсингфорс, что “<...> по прочтении книги <...> я непременно напишу Вам о том впечатлении, какое произведет чтение, хотя я уже заранее уверен, что кроме прекрасного впечатления не будет другого, так как все труды Ваши, касающиеся памятников бронзовой эпохи Российского государства, являются драгоценным вкладом в науку” (№ 29).

В начале декабря Василий Алексеевич повторил высокую оценку работы финского ученого (№ 31), которая, как он считал, выполнена “<...> отлично с соблюдением определенного научного метода, а главное – с ясным стремлением установить истину, какой бы она ни была. Это же самое главное. Честь и слава Вам <...>”. Но все же главными явились следующие критические строки: “Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на крито-эгейскую культуру <...>; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре <...>. Как видите, разница принципиальная, требующая примирения в решении основного вопроса о ходе развития главных очагов культурной базы”.

Фоном для подобной оценки стала работа В.А. Городцова о культурах бронзовой эпохи в Средней России (1915), которая к тому времени уже была “напечатана, но не выпущена еще издательством” (№ 29). Она, наряду с более ранней “Бытовой археологией” (Городцов, 1910), в концептуальном плане существенно расходилась с книгой Тальгрена о коллекции В.И. Заусайлова (Tallgren, 1916). Мы знаем, что его диссертационное сочинение (Tallgren, 1911), носившее прежде всего публи-

кационный характер, Городцов воспринял самым положительным образом. Критическая оценка 1 тома “Collection Zaoussailov...”, конечно же, не была вызвана ревностью или завистью к успеху более молодого коллеги, тем более что Василий Алексеевич прекрасно понимал – если коллекция хранится в Гельсингфорсе, по сути в руках Тальгрена, другой вариант ее публикации вряд ли возможен. Но именно принципиальная разница в понимании процессов культурогенеза на евразийском пространстве в эпоху раннего металла стала той гранью, прежде всего для русского ученого, за которой в дальнейшем последовало охлаждение в их отношениях.

В ответном письме (№ 32) Тальгрэн поблагодарил Городцова и за критику, и за высокую оценку книги, а также выразил восхищение только что полученным трудом о культурах бронзовой эпохи в Средней России. Но при этом финский исследователь не стал вступать в спор по поводу “хода общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху”, деликатно заметив: “Для меня не особенно важны в изучении восточно-русского бронзового века памятники старины в Месопотамии, б[ыть] м[ожет] тоже [касается] и Крито-Микенского края. Они лежат слишком далеко. Важны только культурные очаги в Сибири, на Кавказе, в Венгрии (и в Скандинавии)”. Ответ на критику он завершил следующими словами (правда, не без ехидства в последних строках по поводу Туркестана): “Еще раз благодарю Вас за Ваш важный труд о культурах бронзовой эпохи. Он, безусловно, один из столпов для изучения российской археологии. Надеюсь, что Вы еще успеете издать много нового, и что мы оба еще тогда в жизни [будем живы], когда русские археологи находят [найдут] замечательные древности из Туркестанской земли”.

Безусловно, финский ученый дорожил мнением своего коллеги из России, но гораздо более важной являлась для него собственная оценка сделанного. Тальгрэн сознавал, что главное в его книге – не идеи и отвлеченные конструкции культурогенеза, а сам источник и предложенная классификация орудий и оружия. На примере известной сводки А.А. Штуkenберга (1901), вобравшей в себя гораздо меньшее количество медных и бронзовых орудий и оружия с территории Волго-Камья, он понимал, что 1 том “Collection Zaoussailov...” будет востребован в русской и европейской археологии. Появившиеся к тому времени в российской периодике положительные отклики на его книгу (Теплоухов, 1916) были тому залогом.

Переписка 1917 г. была начата В.А. Городцовым (№ 33), предложившим передать в Национальный музей Финляндии погребение из муромского Под-

болотьевского могильника. Это коренным образом изменило основной сюжет диалога. Активное общение двух предшествующих лет в значительной степени способствовало выработке, огранке концептуальных представлений Городцова и Тальгрена о развитии культур бронзового века Восточной Европы. При этом порою чувствовалась определенная неуверенность в собственной правоте и требовалась поддержка уважаемого коллеги (“правильно ли я понимаю”, “возможно, что Ваша точка зрения правильна”). В письмах 1917 г. дискуссии отошли на задний план, в них в большей мере проявляется дружеская поддержка ученых в непростое для России и Финляндии время. И В.А. Городцов, и А.М. Тальгрэн не раз писали друг другу, что связаны одной целью – сделать как можно больше для развития науки.

В июне месяце Василий Алексеевич продолжил в переписке обсуждение некоторых проблем, прежде всего Сеймы, и в этой связи – к утверждению собственной точки зрения: “С 10 по 19 мая я был в Нижнем Новгороде, чтобы видеть вновь найденные вещи в Сейме <...>. Очевидно, Сейминская культура отходит от Урала. Я глубоко уверен, что великолепные сейменские вещи отливались в восточных литейных мастерских, так как в Нижегородской губ[ернии] и вообще в Ср[едней] России литейных руд нет, и поэтому большие мастерские не могли быть местными” (№ 35). Следом он интересуется ближайшими планами А.М. Тальгрена и одновременно делится своими: “Как Вы поживаете и что намерены предпринять текущим летом? Лично я предполагал заняться изучением культуры бронзовой эпохи Ю[жной] России <...>” (№ 36).

К сожалению, бурные политические события осени 1917 г., Гражданская война в России и Финляндии, прерванная почтовая связь не дали возможности продолжить этот диалог.

После октября 1917 г. переписка надолго прервалась и возобновилась – к радости обоих – только в 1921 г. Тальгрена интересовали все археологические новости из страны, в которой он не был уже четыре года. Городцов был “искренно по-детски рад”, узнав, что его финский коллега жив, здоров и по-прежнему деятелен. Василий Алексеевич поделился впечатлениями – отнюдь не радостными – о состоянии музеев и в целом археологического дела в новой России, рассказал о том, что вынес из своей недавней поездки по городам Поволжья и Приуралья (№ 40) (Худяков, 1920; Кузьминых, 2007; Малов, 2010).

Но несмотря на возобновление переписки, ворота к прежним, дружеским отношениям не произошло. Послереволюционные и 1920-е годы – со-

вершенно иной период в жизни и деятельности Городцова и Тальгрена: изменились страны, произошли перемены и в социальном статусе обоих археологов.

В эти годы Михаил Маркович впервые попробовал себя в качестве лектора (в университете Хельсинки). В 1920–1923 гг. он возглавлял кафедру археологии в университете Тарту и положил немало сил на становление археологических исследований в Эстонии. В 1924 г. А.М. Тальгрэн возвратился в университет Хельсинки, став первым штатным профессором кафедры финской и скандинавской археологии. Преподавание здесь стало для него более щадящим, чем в университете Тарту: “<...> в первые годы у него даже не было студентов, которые хотели бы избрать археологию в качестве научной карьеры, так что свободное время он посвящал собственным занятиям, среди которых редактирование журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” постепенно выходило на первое место» (Kivikoski, 1954a. P. 104).

Идея создания журнала возникла у Тальгрена еще в 1915 г., после путешествия на восток России, когда перед ним открылась вся панорама евразийской археологии. В 1924 и 1925 гг. возобновились его поездки в Россию. Они придали заметный импульс научным занятиям и еще больше укрепили финского ученого в мысли реализовать проект издания ESA. Ему удалось подтвердить дружеские отношения со старыми коллегами, наладить контакты с более молодым поколением археологов и привлечь их к совместной работе в журнале. В 1925 г. на издание ESA был получен государственный грант, и вскоре вышел первый том серии (второй по общей нумерации) – книга о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926). В предшествующие годы был опубликован ряд его крупных монографических исследований (Tallgren, 1917; 1918; 1919; 1920; 1922). Кроме того, А.М. Тальгрэн стал по сути штатным автором в “*Reallexikon der Vorgeschichte*” Макса Эберта: финским ученым написана основная часть статей и обзоров об археологических культурах и выдающихся памятниках бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (см. их список в: Kivikoski, 1954b).

Для В.А. Городцова 1920-е годы стали пиком его организационной и педагогической деятельности (Кузьминых, Белозерова, 2012). До революции он не занимал видных постов в учреждениях археологического профиля. Теперь же стал одной из центральных фигур в Историческом музее (вплоть до увольнения в 1929 г.), 1 МГУ, а затем в РАНИОН (где с 1922 г. возглавлял секцию археологии в Институте археологии и искусствознания), Археологи-

ческом подотделе при Отделе по делам музеев НКП РСФСР, Московском отделении ГАИМК. Служба требовала приложения его неумной энергии, полной отдачи сил и занимала практически все время. При этом следует учитывать, что В.А. Городцову шел седьмой десяток.

Свидетельством возобновления дружеских отношений ученых является то, что в июле 1924 г. Тальгрэн, будучи в Москве, был приглашен в дом Городцовых. Вернувшись в Хельсинки, Михаил Маркович выразил благодарность коллеге за “<...> неутомимую помощь и любезность во время моего пребывания в Москве и за то беспокойство, которое я Вам причинял, отвлекая Вас от Ваших работ” (№ 41). Результаты поездки 1924 г., в том числе информация о посещении Исторического музея, нашли отражение в обзоре Тальгрэна о том новом, что произошло в российской археологии после 1917 г. (Tallgren, 1925).

В бумагах Городцова имеется небольшой текст под названием “Галичская культура”, записанный по следам встречи с Тальгрэном 27 июля 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 83, 84об.). Из него явствует, что между ними состоялся продолжительный разговор о галичской и других культурах центра и севера Европейской России. Михаил Маркович подарил коллеге свою новую работу о фатьяновской культуре (Tallgren, 1924) и по просьбе Василия Алексеевича изложил свои представления о хронологии Сеймы, Галича и фатьяновской культуры (выделяя в них ранние и поздние наслоения), а также северокавказских (Майкоп, станция Царская) и донецких катакомбных древностей. Василий Алексеевич отметил, что “с его суждением я согласен, но не вполне” (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 83об.). Он пытался доказать Тальгрэну, что “Фатьяново старше Сеймы, а Сейма старше Галича”, но финский археолог остался при своем мнении. Более подробный разговор шел о материалах Туровского поселения, культурные наслоения которого представлялись Михаилу Марковичу – в отличие от Городцова – разновременными. Далее, по замечанию Василия Алексеевича, его коллега “настоятельно проводил мысль, что фатьяновская культура имеет генетическую связь со среднегерманской: связью их служат сверленные топоры и особый вид керамики” и в то же время отмечал ее связи с кубанской культурой (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 84, 84об.).

Казалось бы, возобновившийся диалог должен был укрепить прерванные отношения. Но в реальности эта встреча послужила незримой причиной дальнейшего охлаждения во взаимоотношениях Городцова и Тальгрэна. В записях российского ученого есть следующий комментарий к длительной

беседе с финским коллегой: “В заключение мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые уже много лет он развивает” (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 84об.).

Последние письма (№ 42–45) датируются рубежом 1926–1927 гг. Но в эти годы переписка ведется уже от случая к случаю. В основном это благодарности за полученные книги и оттиски статей, просьбы о фото некоторых вещей из собрания ГИМ, рекомендация магистранту из Эстонии Э. Лайду и т.д. В промежутке между 1924 и 1926 гг. теплые и уважительные отношения между В.А. Городцовым и А.М. Тальгрэном, судя по всему, сходят на нет. В мае 1926 г. Михаил Маркович получил книжную бандероль из Москвы и незамедлительно откликнулся: “Большое Вам спасибо за присылку Ваших новых работ, которые я сегодня получил. Я очень обрадовался, получив их, т.к. думал, что по неизвестным мне данным [причинам] в наших отношениях сделалось изменение [произошли перемены]” (№ 42).

Через три месяца Тальгрэн обратился к Городцову с просьбой: “Многоуважаемый Василий Алексеевич! Для своей работы о бронзовом веке Причерноморских степей очень прошу [хотел бы] получить Ваш портрет. Я хочу поместить в этот труд снимки 18 важнейших исследователей. Все остальные снимки у меня уже имеются, но не мог достать Вашего” (№ 43). Показательно, что финский ученый обратился напрямую к Городцову уже в крайнем случае, не найдя его фото другими способами. Василий Алексеевич откликнулся на эту просьбу без промедления. В то же время следует вспомнить, что он крайне скупно информировал Тальгрэна о своей волжской поездке 1920 г. и ее итогах (№ 40). Материалы, собранные во время этой поездки, являются весьма значительными. Для финского археолога в свете переноса его исследовательских занятий на изучение лесостепных и степных культур Восточной Европы они, несомненно, представляли большой интерес.

Осенью 1926 или в 1927 г. В.А. Городцов прореагировал на присылку книги о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926): “Глубокоуважаемый Михаил Маркович, большое спасибо Вам за присылку Вашей прекрасной книги. Извиняюсь, что долго не мог уведомить Вас о получении книги: я все время был занят большими и неотложными работами”. В отличие от Тальгрэна, целиком погрузившегося в эти годы в издание ESA, но все же имевшего время для творческих поисков и дальнейшей разработки проблематики бронзового века Евразии, Городцов действительно был

чрезмерно перегружен прежде всего организационной работой в НКП РСФСР и других местах. При этом он старался продолжить полевые исследования – Волжская экспедиция 1925 г., Старшее Каширское городище в 1925–1926 гг. и др., занимался подготовкой и публикацией статей по разным вопросам отечественной археологии, в частности по киммерийской культуре, дако-сарматским религиозным элементам в русском народном творчестве, мусульманским светильникам, скальным рисункам Тургайской области и др.

Из множества проблем, которые исследовались ученым в 1920-е годы, только работа о киммерийской культуре и краткий очерк о культурах бронзового века на территории СССР (Городцов, 1927) явились прямым продолжением и воплощением его планов по изучению эпохи бронзы Восточно-Европейской равнины, которые им строились в 1916–1917 гг. в продолжение труда о культурах бронзовой эпохи Средней России (Городцов, 1915). Еще летом 1917 г. В.А. Городцов писал А.М. Тальгрёну о том, что из-за невозможности раскопок и других проектов “осталось только одно: заняться обработкой накопленных ранее материалов” (РАНБФ. Coll. 230.3). Перед революцией Василий Алексеевич объехал большинство музеев в центре, на востоке и юге Европейской России. В начале 1920-х годов, благодаря административным возможностям, он возобновил изучение коллекций губернских и уездных музеев (вплоть до Иркутска и Минусинска на востоке). Раскопки Туровского и Панфиловского поселений, курганов на Средней Волге также были связаны с разработкой еще неясных вопросов палеометаллической эпохи. В Музейном отделе НКП РСФСР к нему стекалась и вся информация о результатах новейших раскопок в стране.

Важным стимулом для продолжения работ по эпохе раннего металла являлась и педагогическая деятельность Городцова. Приход в высшую школу и подготовка специалистов-археологов требовали качественно иного уровня преподавания по сравнению с Московским археологическим институтом и университетом Шанявского. Возникла потребность в систематическом изложении древнейших этапов человеческой истории. Так родилась идея написать обобщающие труды в серии “Археология”. Том 1 (“Каменный период”) был издан (Городцов, 1923). Подготовительные материалы и конспекты лекций свидетельствуют о том, что в 1920-е годы Василий Алексеевич вел курс лекций “Палеометаллическая эпоха” на основе “Бытовой археологии” (1910), но при этом выделял отдельные археологические культуры и приводил их описание (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 187. Л. 21, 55, 63 и др.).

К разработке проблем бронзового века ученый активно вернулся в середине 1930-х (по договору с ИАЭА АН СССР; см. подробнее: Кузьминых, Белозерова, 2011; 2014) и в предвоенные годы, о чем свидетельствует огромный неоконченный том “Археологии”, посвященный палеометаллической эпохе (см. об истории его создания: Сафонов, 2002), но во второй половине 1920-х годов Городцов, скорее всего, намеренно отошел от исследований в области бронзового века. По всей вероятности, ему было неловко осознавать, что более молодому финскому коллеге удалось подготовить и издать обобщающую работу по эпохе бронзы южной половины Восточной Европы (Tallgren, 1926), в то время как сам он, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних разысканий.

А.М. Тальгрёна на глазах В.А. Городцова из подмастерья вырос в мастера, признанного специалиста по бронзовому веку Северной Евразии. Высокий научный авторитет финского ученого не только в Европе, но и в СССР, возможно, явился дополнительным раздражителем самолюбия Василия Алексеевича. Для молодого поколения археологов, прежде всего провинциальных, он был таким же кумиром, как и признанные корифеи отечественной археологии А.А. Спицын и В.А. Городцов (Кузьминых, 2006. С. 17).

Благодаря журналу “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” работы многих советских археологов в 1920-е – начале 1930-х годов стали известны в Европе и мире. Городцова, как и его коллег по Историческому музею (учитывая богатейшее археологическое собрание ГИМ), Тальгрёна надеялся увидеть в числе самых активных авторов журнала. Но, к сожалению, ни Василий Алексеевич, ни большинство его учеников и сотрудников археологических отделов ГИМ (включая А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, С.В. Киселева, А.П. Смирнова, Д.А. Крайнова, Е.И. Крупнова и др.) не откликнулись на этот призыв. Исключение – П.А. Дмитриев, О.А. Кривцова-Гракова, Л.И. Якунина-Иванова, чьи статьи вышли в ESA. В то же время сотрудники эллино-скифского отдела, в частности его руководитель А.А. Захаров и Б.Н. Граков, стали активными авторами журнала.

Судя по всему, ученики Василия Алексеевича не просто догадывались о негативном отношении шефа к персоне редактора ESA. Далеко за пределы ГИМ вышли в 1926 г. разговоры о том, что Тальгрёна, имея в виду его книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья, обобрал Городцова. Во всяком случае именно этими слухами делится с А.А. Захаровым казанский археолог В.Ф. Смолин (ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 5 (II). Л. 695об.). Еще

одним лейтмотивом отказа от сотрудничества с Тальгреном и ЕСА явилось активное участие в публикационной деятельности журнала Б.С. Жукова, его учеников и сотрудников созданной им палеоэтнологической лаборатории при Институте антропологии 1 МГУ (П.Ф. Преображенский, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, Г.Ф. Дебеч, Е.И. Горюнова, А.В. Збруева, А.Е. Алихова, С.П. Толстов). В ситуации, когда взаимоотношения между Городцовым и Жуковым были, мягко говоря, натянутыми (см. письма В.П. Левашевой Н.К. Ауэрбаху; цит. по: Китова, 2007. С. 256, 257), это могло стать препятствием к совместной работе их учеников.

Заключая обзор, отметим, что тесное взаимодействие В.А. Городцова и А.М. Тальгрена началось в 1908 г. и закончилось в 1924. Это были непосредственные контакты ученых, прежде всего – длительное общение в переписке. Сотрудничество, а соответственно, и переписка прерываются – и в этом нет сомнения – по инициативе Городцова. Его негативное отношение к финскому археологу сформировалось к середине 1920-х годов и сохранилось вплоть до последних дней. На склоне лет, в 1943 г., в заметках по хвалынской палеометаллической культуре была сделана запись: “...Тальгрэн раскопки в южной России не производил и для датировки пользовался только личным необыкновенным усмотрением <...> следует заметить, что Тальгрэн так плохо знал русские древности и так плохо вел раскопки, что Галичевскую стоянку отнес к древнейшей бронзе, когда она в действительности относится ко времени развитого железа” (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38. Л. 44, 45). Но ни публично, ни в переписке ученые не позволили себе каких-либо неуважительных выпадов по отношению друг к другу, как то, к примеру, случалось во взаимоотношениях Городцова с его немецким коллегой Геро фон Мергартом (см. подробнее: Детлова и др., 2014). Тальгрэн, сожалея об охлаждении к нему со стороны Городцова, и в дальнейшем с неизменным почтением относился к трудам и личности русского ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 г. М.: Синодальная Типография, 1915. С. 121–226.
- Городцов В.А.* Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 397 с.
- Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. VII. Стлб. 610–626.
- Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 46–60.
- Городцов В.А.* Старшее Каширское городище: (Результаты археологических исследований в 1925–1926 гг.). М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933. 106 с. (ИГА-ИМК. Вып. 85)
- Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В.* Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // STRATUM plus. 2014. № 1. С. 211–227.
- Китова Л.Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭ, 2007. 272 с.
- Кузьминых С.В.* Письма В.Н. Чернецова А.М. Тальгрэну: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. М.Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006. С. 17–34.
- Кузьминых С.В.* Штрихи к научной биографии В.В. Гольмстен: пять писем А.М. Тальгрэну // Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: ООО “Офорт”, 2007. С. 98–114.
- Кузьминых С.В.* А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX в. // ТАС. Вып. 8. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 5–27.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ // Тр. III (XIX) ВАС. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.: Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 333, 334.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: С.-Петербург. филиал Архива РАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Письма В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // STRATUM plus. 2014. № 1. С. 229–294.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке // Чтения, посв. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. Ч. 1. С. 6–8.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 145–162.
- Кузьминых С.В., Усачук А.Н.* “Милльон этой власти проклятий!...” (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрэну) // История археологии: личности и школы (к 160-летию

- В.В. Хвойки) / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 195–216.
- Малов Н.М.* Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья: К 150-летию со дня рождения исследователя // Изв. Саратовского ун-та. Нов. серия. Серия “История. Международные отношения”. 2010. Вып. 2. С. 36–40.
- Сафонов И.Е.* Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии “Археология” // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 62–70.
- Теплоухов С.А.* Рец.: А.М. Tallgren. Collection Zaoussaïlov au Musée Historique de Finlande à Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze // Ежегодник Рус. Антрополог. общества. Пр.: С.-Петерб. ун-т, 1916. Т. VII. С. 1, 2.
- Худяков М.Г.* К посещению Казани В.А. Городцовым [в 1920 г.] // Казанский музейный вестник. 1920. № 7, 8. С. 117, 118.
- Штукенберг А.А.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII. Вып. 4. С. 165–213.
- Kivikoski Ella.* A.M. Tallgren // ESA. 1954a. Supplementary Volume. P. 77–121.
- Kivikoski Ella.* The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA. 1954b. Supplementary Volume. P. 122–145.
- Salminen T.* Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki, 2003 (SMYA; V. 110). 278 p.
- Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft, 1911 (SMYA; T. XXV: 1). IX+229 s.
- Tallgren A.M.* Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Edité par la Commission des collections Antell, 1916. 47 p.+XVI pl.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman à Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors: Société Finlandaise d'Archéologie, 1917. 93 p. + XII pl.
- Tallgren A.M.* Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande à Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors: Edité par la Commission des collections Antell, 1918. 59 p. + XII pl.
- Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft, 1919 (SMYA; T. XXXI: 1). 203 p.
- Tallgren A.M.* L'âge du cuivre dans la Russie centrale // SMYA. 1920. T. XXXII: 2. P. 1–23.
- Tallgren A.M.* Zur Archäologie Eestis: Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 N. Chr. T. I. Dorpat, 1922 (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis; Bd. III: 6). 140 p. + III pl.
- Tallgren A.M.* Fatjanovokulturen i Centralryssland // FM. 1924. P. 1–30.
- Tallgren A.M.* Neues über russische Archäologie // FUF. Anzeiger. 1925. Bd. XVII. S. 1–40.
- Tallgren A.M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926 (ESA; T. II). 248 p.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛЧИН: МЕТАЛЛОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ АРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова

Институт археологии РАН, Москва

Борису Александровичу Колчину, основоположнику нового направления в археологии, в июне 2014 г. исполнилось 100 лет. Внедрение в археологию по его инициативе методов естественных и технических наук значительно расширило возможности исторических реконструкций. Эти методы позволили получать принципиально новую информацию о внутреннем строении и составе металлического артефакта с выходом на технологию производства и, соответственно, на историю ремесла. Одним из основных методов в изучении проблем древней металлургии и металлообработки является метод археологической металлографии¹ (археометаллографии).

Б.А. Колчин первым в отечественной археологии использовал этот метод для решения чисто исторических проблем. Можно сказать, что ему принадлежит честь разработки метода археологической металлографии. Принципиальная разница между технической и археологической металлографией заключается в том, что в первом случае конечная цель состоит в определении соответствия физико-химических свойств продукта заданным параметрам его производства. Во втором – задача прямо противоположная: определение исходных параметров изготовления артефакта на основании технических характеристик готового изделия.

В основе метода археометаллографии лежит определение на основании микроскопических данных технико-технологической схемы изготовления артефакта. Под технологической схемой подразумевается последовательность кузнечных приемов, применявшихся при формовке изделия. При этом обращается внимание на качество исполнения отдельных операций, правильность выбора температурного режима. Микроскопический анализ позволяет характеризовать и сырьевой материал, который был использован при изготовлении предмета. Обработка полученных аналитических

данных ведется по единой методике: в пределах конкретной археологической культуры (культурно-исторической общности) материалы распределяются матричным способом по следующему принципу: памятник – категории кузнечных изделий, категории – технологические схемы, технологические схемы – хронология. В итоге можно говорить об особенностях производства, отражающих местные кузнечные традиции.

Обобщение результатов проведенных исследований позволяет перейти к построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Таким образом, металлические артефакты становятся полноценным историческим источником. Возможности метода археологической металлографии Б.А. Колчин блестяще продемонстрировал в своих фундаментальных трудах по истории черной металлургии и металлообработки Древней Руси (1953; 1959). Впервые на основании массового металлографического анализа нескольких сотен предметов были даны основные технические характеристики древнерусского кузнечного ремесла.

В истории развития древнерусского ремесла, прослеженного на материалах Великого Новгорода, исследователем выделены технологические изменения, которые хорошо укладываются в хронологический контекст и дают возможность проследить динамику развития древнерусского ремесла. Зафиксированные изменения Б.А. Колчин увязывает с общим экономическим подъемом древнерусского государства в XII в. (рост городов, расширение рынка сбыта продукции городского ремесла) (1959. С. 54).

Технологический анализ древнерусской кузнечной продукции продемонстрировал использование в производстве сложных технологических схем, требующих разносторонних знаний о физико-химических свойствах металлов. Это позволило Б.А. Колчину, несмотря на отсутствие письменных свидетельств, говорить о существовании инсти-

¹ Металлография – наука о внутреннем строении, особенностях структуры и свойствах металлов и сплавов.

тута ученичества в древнерусском ремесле (1953. С. 201).

Особое внимание Б.А. Колчин уделял важнейшей проблеме в истории экономики Древней Руси – выяснению характера товарных отношений между городскими ремесленниками и сельскими производителями (1953. С. 190). В этом плане большое значение имеет сравнительный технико-технологический анализ кузнечных изделий, происходящих как из городских, так и из сельских центров. На его основании стало возможным выделять городскую и деревенскую продукцию и соответственно решать вопрос о степени развитости товарообмена. Б.А. Колчин вполне обоснованно полагал, что городские ремесленники большую часть своей продукции – орудия труда и инструменты – поставляли в деревню, откуда в свою очередь наряду с сельскохозяйственной продукцией получали сырье – кричное железо и древесный уголь (1953. С. 193).

Полученные Борисом Александровичем результаты по истории древнерусского кузнечества не утратили своей актуальности и сегодня. Его работы положили начало широкомасштабным исследованиям истории кузнечного ремесла, основные направления которых были намечены Б.А. Колчиным. Поскольку исследованные материалы по древнерусскому кузнечеству охватывали лишь определенную часть истории древнего ремесла, он четко осознавал необходимость расширения работ как в хронологическом, так и в географическом плане. С этой целью Борис Александрович на рубеже 50–60-х годов прошлого века в рамках лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР сформировал группу металлографии². В это же время при его непосредственном участии была создана лаборатория структурного анализа на кафедре археологии Исторического факультета МГУ, приоритетным направлением исследований которой стало изучение изделий из цветного металла (Рындина, 2006. С. 5). С момента образования лаборатории и до настоящего времени ее возглавляет ученица Б.А. Колчина Н.В. Рындина.

Своими работами Н.В. Рындина внесла большой вклад в развитие археометаллографических исследований цветного металла. Примером широких историко-технологических реконструкций могут служить ее основополагающие исследования по истории металлообрабатывающего производства эпохи энеолита и бронзы у народов Юго-Восточ-

ной Европы и Северного Кавказа (Рындина, 1971; 1998; 2005).

В качестве приоритетных задач изучения истории черной металлургии и металлообработки Б.А. Колчин определил исследование материалов из памятников раннего железного века и раннего средневековья.

Основные принципы археометаллографии, заложенные Б.А. Колчиным, получили развитие в работах его учеников. Интенсивные работы по металлографическому исследованию кузнечных изделий из памятников различных культур привели к созданию фундаментального банка аналитических данных (в настоящее время он насчитывает около 13 000 анализов). В свою очередь это потребовало систематизации, обобщения, осмысления многочисленных, но разнородных и разнообразных данных по технике и технологии обработки черных металлов в Восточной Европе, начиная с древнейших времен и по эпоху средневековья. Результаты этих работ воплотились в коллективной монографии, созданной сотрудниками группы металлографии уже после ухода из жизни Бориса Александровича в 1984 г. (Терехова и др., 1997).

В монографии задействованы материалы по кузнечеству предскифской и скифской эпох, рассмотрены особенности железообработки в античных центрах, дана характеристика железных изделий из памятников лесной и лесостепной зоны, введены в научный оборот данные, характеризующие железообработку племен салтово-маяцкой культуры и народов Прикамья, рассмотрены вопросы формирования традиций в кузнечном ремесле Древней Руси. На основании анализа археометаллографических данных намечены рубежи, маркирующие динамику развития железообработки на территории Восточной Европы.

В этом плане одной из центральных является проблема начальных этапов освоения черного металла. Как установлено, появление первых железных изделий на территории Восточной Европы в начале I тыс. до н.э. было обусловлено контактами местных народов с развитыми центрами железообработки в Передней Азии и Закавказье. В этот период выделяются три региона, знакомых с железной индустрией: Северный Кавказ, Северное Причерноморье и Среднее Поволжье.

На основании технико-технологических характеристик железных изделий этого времени можно сделать вывод о существовании двух традиций в освоении черного металла в указанных регионах: восточноевропейской и закавказской. Восточноевропейская традиция берет начало в Северном

² В нее вошли: Н.Н. Терехова, Г.А. Вознесенская, Л.С. Розанова, позднее к ним присоединились М.М. Толмачева и В.И. Завьялов.

Причерноморье с белозерского времени. Она основана на использовании простых операций изготовления изделий целиком из железа. Применение таких приемов улучшения рабочих качеств орудий, как цементация (искусственное получение стали) и термическая обработка не фиксируется вплоть до скифского времени (Шрамко, 1965; Шрамко и др., 1977).

Закавказская традиция характеризуется применением высоких (для раннего железного века) технологий – цементации и термообработки. Она восходит к достижениям развитых ближневосточных цивилизаций (Терехова, Эрлих, 2000. С. 135–137).

Во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. происходит распространение черного металла и способов его обработки на всей территории Восточной Европы. Появляется множество локальных центров железообработки, особенности которых определяются характером используемых сырьевых ресурсов и профессиональными навыками мастеров.

Новый этап в развитии техники железообработки фиксируется в последней четверти I тыс. н.э. Он связан с возникновением раннегосударственных образований. Технология кузнечного ремесла характеризуется внедрением сложных технологических схем. В городских центрах идет процесс выделения узкоспециализированных мастеров.

Как было показано в работе, развитие восточноевропейского кузнечества являлось составной частью общеевропейского процесса становления ремесла. На отдельных этапах оно испытывало определенное влияние извне. Взаимодействие внешних импульсов и местных традиций обусловило специфические черты железообрабатывающего ремесла Восточной Европы (Терехова и др., 1997. С. 299).

В дальнейшем в качестве основного направления в археометаллографических исследованиях нашей группой была обозначена такая важная проблема, как “Традиции и инновации в производственной культуре древних народов”. Ее разработка позволяет наглядно продемонстрировать возможности археометаллографического метода для решения исторических проблем. Работа включает поэтапное выполнение серии разнообразных проектов, в числе которых культурно-исторические связи различных народов, взаимодействие варварского мира и городских цивилизаций в сфере производства, влияние инокультурных факторов на развитие кузнечного ремесла, производство в деструктивные периоды.

Результаты выполнения проектов нашли отражение в серии коллективных монографий. Значе-

ние инокультурных факторов в производственной сфере рассмотрено на примере истории кузнечного ремесла финноугорских народов (Завьялов и др., 2009). Огромный аналитический материал по железообработке финноугров Поволжья и Предуралья, задействованный в монографии, позволил сделать вывод о том, что на протяжении длительного времени в производственной культуре этих народов отмечается неизменность технико-технологических традиций. Несмотря на многочисленные миграции, вторжения иноэтничного населения на территорию финноугров, трансформацию местных культур, заметного изменения в их кузнечестве вплоть до IX в. н.э. не происходит. Лишь в конце I тыс. у некоторых финноугорских народов наблюдаются изменения в технологии кузнечного производства. Этому способствовал ряд факторов, важнейшие из которых – определенный уровень экономического развития, активное участие в трансъевропейской торговле по Великому Балтийско-Волжскому пути, обусловившее непосредственные контакты с носителями инокультурных традиций (Завьялов и др., 2009. С. 237, 238).

Проблема традиций и инноваций в кузнечном ремесле рассмотрена на материалах из памятников Северной Руси (Завьялов и др., 2012). Как удалось показать, формирование традиций в северорусской железообработке имело различные истоки: в одном случае – скандинавские, в другом – славянские. Носители скандинавских традиций появляются на территории Северной Руси на рубеже VIII–IX вв. в связи с активизацией Балтийско-Волжской магистральной. Именно с ними связана такая инновация в производственной сфере, как технологическая сварка (трехслойный пакет – сварка заготовки из трех полос металла – двух железных и стальной между ними). В кратчайший срок новая технология занимает доминирующее место в кузнечном производстве Древней Руси. Анализ археометаллографических данных позволил определить, как и в каких формах происходило распространение новационной технологии. Установлено, что на территории Восточной Европы технология трехслойного пакета представлена двумя основными вариантами, обозначенными нами как северо-европейский и восточноевропейский (Завьялов и др., 2007). Отличительной чертой северо-европейского варианта является использование для боковых полос фосфористого железа, а для центральной полосы – высокоуглеродистой стали. Именно такие орудия представлены среди ранних материалов из скандинавских поселений эпохи викингов. При изготовлении трехслойных ножей по восточноевропейскому варианту наблюдаются определенные отступления от стандарта: это использование или

обычного железа, или сырцового стали, или сварка пакета из однородного материала. Изделия северо-европейского варианта представляют либо импорт, либо продукцию мастеров, работавших в скандинавских производственных традициях, в то время как восточноевропейский вариант являлся попыткой местных мастеров освоить новую технологию.

Хорошо датированные аналитические данные из Новгорода позволяют проследить соотношение двух вариантов трехслойной технологии во времени. Как следует из проведенных нами исследований, в X в. наблюдается доминирование изделий, изготовленных по северо-европейскому технологическому варианту. В начале XI в. количество таких артефактов резко уменьшается. В последующие столетия они представлены единичными экземплярами. В то же время восточноевропейский технологический вариант, возрастая с XI в., максимального значения достигает в XII. Резкое сокращение доли северо-европейского технологического варианта в Новгороде в XI в., возможно, объясняется общеисторической ситуацией, связанной с пребыванием здесь скандинавов (Арбман, 2006. С. 163; Носов, 1990. С. 163; Покровская, 1999. С. 63).

Однако скандинавский технологический импульс не стал основой дальнейшего развития древнерусского кузнечного ремесла. Уже в XII в. в нем происходит смена технологических приоритетов. Трехслойный пакет сменяется технологией наварки³, уходящей своими корнями в западнославянский мир. Так, в VII–VIII вв. наварная технология была широко распространена в Великой Моравии и на славянских памятниках междуречья Вислы и Одера (Piaskowski, 1974. S. 83–94; Pleiner, 1967. S. 93, 138). В это же время единичные изделия, выполненные в наварной технологии, появляются на восточнославянских памятниках (Вознесенская, 1978. С. 64; Вознесенська и др., 1996. С. 59). Позднее, начиная с X в., технология наварки постепенно распространяется на территории Древней Руси: в X в. она известна в Новгороде, в XI – в Суздале, а в XII–XIII вв. становится ведущей технологией городских древнерусских ремесленников. Таким образом, именно она определила основное направление развития древнерусского железообрабатывающего производства на протяжении нескольких последующих столетий.

Метод археометаллографии был привлечен нами и для решения такой важной проблемы, как влияние татаро-монгольского нашествия на производственную сферу Древней Руси. До сих пор не утиха-

ют споры о степени его негативного воздействия на различные ремесла. Так, по мнению Б.А. Рыбакова, “по целому ряду производств прослеживается падение или даже полное забвение сложной техники” (1948. С. 534). В настоящее время с накоплением археологического материала решение этой проблемы не выглядит столь однозначным. На основании анализа разнообразных археологических источников ряд исследователей пришел к выводу, что разрыва в культурных традициях во многих областях жизни древнерусского населения не происходило (Ивакин, 2003. С. 65; Макаров, 2003. С. 6; Чернецов, 2003. С. 15). Что касается кузнечного ремесла, то в контексте поставленной проблемы такой вопрос до недавнего времени не поднимался. Чтобы понять, как развивалось древнерусское кузнечное ремесло в условиях деструктивного периода, было проведено исследование кузнечной продукции из памятников, как подвергавшихся татаро-монгольскому разорению (Москва, Тверь, Коломна), так и избежавших его (Новгород, Псков). В результате мы пришли к выводу, что деструктивный период в истории Руси не сказался пагубным образом на развитии кузнечного дела. Наиболее ярко это иллюстрируется распространением наварной технологии, которая в XIII–XV вв. продолжает оставаться доминирующей в русском кузнечном ремесле. Объяснить этот факт можно тем, что сформировавшаяся еще в домонгольское время технология к середине XIII в. уже прочно закрепилась как традиция в системе древнерусского ремесла, и ремесленники сумели не только сохранить, но и передать ее последующим поколениям мастеров.

Одной из наиболее сложных проблем в изучении средневековой металлургии и металлообработки железа является выявление и характеристика сырьевых источников. Развитие специализированного городского ремесла требовало поступления значительных по объему сырьевых материалов. Показательна в этом отношении находка в Новгороде скопления товарных криц общим весом более 85 кг. Касаясь проблемы черной металлургии, Б.А. Колчин подчеркивал, что кузнечное производство было городским ремеслом, а производство железа – деревенским (1953. С. 192). Таким образом, черная металлургия играла существенную роль в развитии товарных отношений между городом и деревней (Колчин, 1953. С. 200). Обратиться к этой проблеме нам позволили материалы одного из регионов Древней Руси – Рязанского княжества (Завьялов, Терехова, 2013). Редкой удачей для археологов оказалось открытие здесь производственного комплекса домонгольского времени на поселении Истье 2, включающего все звенья металлургического процесса: добыча руды и ее обогащение, выплавка же-

³ Первым, кто отметил этот факт на примере новгородского ремесла, был Б.А. Колчин (1959. С. 54).

леза в сыродутном горне, первичная обработка крицы. Значительная площадь памятника (около 4 га) и многочисленные артефакты, связанные с металлургией (руда, шлаки, обломки сопел), указывают на интенсивную работу по железнорудной и соответственно на значительные объемы производства. Комплексное аналитическое исследование образцов руды, шлака, кузнечных изделий, дополненное экспериментальным моделированием сыродутного процесса, позволило получить исчерпывающую характеристику местного металлургического производства (Буланкин и др., 2011; Завьялов, Раткин, 2011). Определен и ремесленный центр, на который работал данный производственный комплекс. Им была столица Рязанского княжества, удобно расположенная вниз по течению на водной артерии (р. Истья – р. Ока), связывающей оба памятника.

Полученные данные полностью подтверждают тезис Б.А. Колчина о разделении кузнечного и металлургического производств между городскими и сельскими центрами (1953. С. 200).

Для понимания сути металлургического процесса большое значение имеет экспериментальное моделирование, на что особое внимание обращал Борис Александрович. Именно с его именем связаны первые в России работы по физическому моделированию процесса получения железа сыродутным способом. В 1961 и 1962 гг. Б.А. Колчиным на базе Новгородской археологической экспедиции были проведены экспериментальные плавки железа в реплике древнерусской наземной шахтной печи X–XIII вв., известной по археологическим источникам.

В ходе этих работ стало возможным определить роль и значение эксперимента в системе историко-технологических реконструкций. По словам Б.А. Колчина, “удача или неудача единичного опыта еще не решает окончательно вопроса о древней технологии. Если один, два, даже три раза у нас что-то не получилось (а не получилось из-за отсутствия элементарного опыта, навыка или незнания маленького древнего секрета), это не значит еще, что в древности было не так. И наоборот, если что-то сразу удалось (согласно нашей интерпретации археологического факта, довольно часто фантастической и далекой от реальности), то это нужно еще поставить под сомнение и провести неоднократную проверку” (Колчин, Круг, 1965. С. 196, 197). Таким образом, результат эксперимента (положительный или отрицательный) не может служить аргументом в подтверждение или опровержение какой-либо гипотезы. Задача эксперимента заключается в другом – приблизиться, насколько это возможно, к миропониманию мастера, на основе личного восприя-

тия попытаться определить степень сложности тех или иных технологических процессов.

В результате накопления банка археометаллографических данных мы приступили в настоящее время к конструированию моделей технологического развития кузнечного ремесла. Их построение и исследование способствует получению наиболее адекватного представления об изучаемом процессе или явлении. Применительно к нашей теме под моделью технологического развития понимается совокупность трех взаимозависимых составляющих, таких как технико-технологический стереотип, производственные традиции и инокультурные воздействия. В результате появляется возможность выявлять особенности и закономерности становления и формирования кузнечного ремесла в конкретной культурно-исторической общности, определять роль традиций и инноваций в этой отрасли производства, раскрывать характер этнокультурных взаимодействий.

На основании аналитических данных по кузнечному производству различных народов Восточной Европы можно констатировать, что модель технологического развития является отражением производственной культуры определенного общества. Формирование конкретной производственной культуры подвержено влиянию множества факторов. Наиболее существенные среди них – степень экономического и общественно-политического развития, уровень развития техники, производственные традиции, межэтнические контакты и т.д. Мы выделяем несколько технологических моделей. Условно их можно определить как “архаичная”, “консервативная” и “прогрессивная” (Завьялов, Терехова, 2014).

Для архаичной модели характерно отсутствие динамики в развитии техники на протяжении длительного периода. Производство не воспринимает инновационные воздействия. Примером такой модели может служить кузнечество финноугров в V в. до н.э. – VIII в. н.э. (Завьялов и др., 2009. С. 132).

В отличие от архаичной консервативная модель открыта для технологических инноваций. Однако эти инновации консервируются в местной производственной среде. Дальнейшего развития кузнечной техники не происходит. Такая модель характерна для пермских народов Предуралья в X–XVII вв. Так, воспринятая местными мастерами в IX–X вв. скандинавская традиция (технология трехслойного пакета) законсервировалась на несколько столетий, превратившись в основу пермского кузнечного ремесла (Завьялов, 2005. С. 158).

Прогрессивная модель воспринимает и развивает технологические инновации. Она характеризуется динамичным производством, в основе которого лежит трансформация технико-технологического стереотипа. Наиболее ярким примером является кузнечное ремесло Древней Руси. Археометаллографические данные позволяют констатировать неоднократную смену ведущих технологических схем: широко распространенный в IX – первой половине XII в. трехслойный пакет во второй половине XII в. сменяется технологией наварки, которая в свою очередь в конце XV – XVI в. уступает свое место цельноштамповым конструкциям (Завьялов и др., 2007. С. 156, 157). Эти изменения связаны, и здесь нельзя не согласиться с Б.А. Колчиным (1959. С. 54), с динамично развивающейся экономикой Древнерусского государства и расширением рынка сбыта продукции городского ремесла.

Итак, археометаллографический метод стал составляющей частью комплексных археологических исследований, расширяя возможности исторических реконструкций. Заданное Б.А. Колчиным новое направление в археологических исследованиях продолжает развиваться в соответствии с задачами, которые диктуются современными археологическими открытиями.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 13-06-12004офи_м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбман Х. Викинги. М.: Евразия, 2006. 320 с.
- Буланкин В.М., Завьялов В.И., Иванов В.А. Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2011. С. 166–174.
- Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н.э. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 61–65.
- Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В. Чорна металургія та металлообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: ІА НАНУ, 1996. 192 с.
- Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермлян: археометаллографическое исследование. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.
- Завьялов В.И., Раткин М.А. Моделирование сыродутного процесса // Экспериментальная археология: задания, методы, моделирования. Київ: Ліра-К, 2011. С. 104–118.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. 272 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы // КСИА. 2014. Вып. 233.
- Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батьево нашествие // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 59–65.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). М.: Академия наук СССР, 1953 (МИА; № 32). 260 с.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Академия наук СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–122.
- Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. М.: Наука, 1965 (МИА; № 129). С. 196–215.
- Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 5–11.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Покровская Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 51–64.
- Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.; Л.: Академия наук СССР, 1948. 803 с.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: МГУ, 1971. 142 с.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите–энеолите). М.: Едиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Рындина Н.В. Возможности металлографии в изучении древних изделий из меди и ее сплавов (эпоха раннего металла) // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 114–138.
- Рындина Н.В. Уроки Б.А. Колчина // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 4–14.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.

- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.* Проблемы перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск: ГУП "Наследие", 2000. С. 135–137.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.* Древнейшие стальные изделия на Северо-Западном Кавказе (к проблеме культурных контактов в предскифское время) // *Kimmerowe. Scytowie. Sarmci*. Kraków: Księgarnia akademicka, 2004. S. 431–446.
- Чернецов А.В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. М.: Наука, 2003. С. 12–17.
- Шрамко Б.А.* Появление и освоение железа в Восточной Европе // Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР. Вып. 4. Харьков, 1965. С. 219–227.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // *СА*. 1977. № 1. С. 57–74.
- Piaskowski J.* Untersuchungen der Fruh-Mittelalterlichen Eisen- und Stahltechnologie der Slaven in der Gebieten zwischen Weichsel und der Oder // *Archeologia Polona*. 1974. XV. S. 83–94.
- Pleiner R.* Die Technologie des Schmiedes in der Grossmährischen Kultur // *Slovenska archeologia XV–1*. Bratislava, 1967. S. 77–188.

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА В СЕМИ ТОМАХ. Т. II / Ред. коллегия С.Г. Кляшторный, В.В. Овсянников, А.В. Псянчин, Ф.Г. Хисамитдинова. Науч. рук. издания М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. 414 с.

В 2009 г. вышел в свет первый том семитомной «Истории башкирского народа» под общей редакцией М.М. Кульшарипова. Том оказался неудачным, о чем уже было сказано в научной печати (Горбунов и др., 2012. С. 176–180). Через некоторое время, оказавшееся достаточным для того, чтобы были опубликованы третий–шестой тома указанного многотомника, вышел второй том, в котором, как сказано в Предисловии, «рассматривается политическая, социально-экономическая и культурно-духовная история башкирского этноса (IX – первая половина XVI в.) и племен края (V–VIII вв.), которые впоследствии участвовали в этногенезе или вошли в состав башкирского народа...» (с. 5). По своему содержанию второй том, как и первый, состоит из двух частей: археолого-историко-антропологической и филолого-этнографической. Авторами второй части являются И.Г. Галаяудинов, Ф.А. Надршина, М.Х. Надергулов, Ф.Г. Галиева, О.А. Мудрак и др. Написанные ими разделы вынесены в главу «Духовная и материальная культура башкирского народа» (с. 305–378), содержание и выводы которой должны оцениваться специалистами соответствующих наук.

Более 60% объема рассматриваемого тома (260 страниц из 414) составляют археолого-историко-антропологические разделы и главы, написанные С.Г. Кляшторным, Н.А. Мажитовым, В.В. Овсянниковым, Г.Н. Гарустовичем, Е.А. Кругловым, И.В. Антоновым, А.В. Богачевым, С.Э. Zubовым, А.М. Белавиным, Р.М. Юсуповым. Более 30% текста историко-археолого-антропологической части тома принадлежит перу Н.А. Мажитова (93 страницы, тогда как на каждого из остальных авторов в среднем приходится по 18.5 страниц).

Бросается в глаза специфическая тональность тома, заданная во Введении (авторы – Р.М. Юсупов, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников и М.М. Кульшарипов). По содержанию и смыслу – это историография этнической истории населения Южного Урала в эпоху средневековья. Но в авторском понимании – это историография этнической истории исключительно башкир. Поэтому в качестве основного объекта историографического анализа в рассматриваемом разделе тома фигурируют по сути только три монографии (Руденко, 1955; 2006; Кузеев, 1974; Мажитов, Султанова, 1994; 2009). Работа 2009 г. Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой по существу является расширенным и дополненным вариантом издания 1994 г. Вышедшие за период с 1974 по 2012 гг. монографии исследователей, трактующих этнокультурные процессы в Приуралье в ином, нежели Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова ключе, в историографическом обзоре и библиографии не упоминаются (Останина, 1997; Голдина, 1999; Иванов, 1999; Казаков, 2007; Белавин и др., 2009). О многочисленных статьях по проблемам этнокультурной истории населения Южного Приуралья в эпоху средневековья, опубликованных в последние 20 лет, и говорить не приходится – для историографов второго тома они как будто и не существуют.

Тональность, заданная авторами Введения и объективно поддержанная редакторами тома, определила и тональность

многих последующих разделов. Например, вызывают недоумение некоторые оценки роли того или иного исследователя в формировании источниковой базы по археологии средневековых кочевников Южного Урала, данные Г.Н. Гарустовичем – общепризнанным знатоком средневековой археологии региона, – в написанном им разделе «История изучения археологических памятников тюркоязычных кочевников на Южном Урале» (с. 17–31). Подробно рассмотрев и высоко оценив вклад исследователей XIX и первой половины XX в. в изучение кочевнических памятников эпохи средневековья на Южном Урале, автор среди современных археологов выделяет Н.А. Мажитова, оценивая его исследования как «наиболее масштабные изыскания в этом направлении» (с. 31). Действительно, в 1974–1975 гг. он проводил небольшие полевые работы в Оренбургской области, в ходе которых раскопал курганные могильники, давшие в общей сложности 13 погребений XII–XIV вв. Зато результаты совместных экспедиций В.А. Кригера, С.Н. Заседателевой, В.А. Иванова, проведенных в тех же краях в 1979–1988 гг. (в которых сам Г.Н. Гарустович принимал активное участие), и давших в общей сложности 121 погребение, в большинстве – эпохи Золотой Орды, автором рассматриваемого раздела оценены только как «определенный вклад в дело выявления и изучения памятников позднесредневековых кочевников» (с. 29).

Характерной чертой второго тома «Истории башкирского народа» является эклектичность. Авторы тома делятся на три группы, различающиеся своим отношением к «генеральной линии» исследования – проблеме этнической истории башкир. В *первую группу* входят исследователи, чье видение материала и его интерпретация абсолютно индифферентны к этнической истории башкир, например, С.Г. Кляшторный – автор разделов «Памятники письменности тюрков евразийских степей», «Народы и государства Средней Азии в IV–VI вв.», «Степная империя тюрков», «Древнетюркские народы в Евразийских степях», «Религия и верования ранних тюрков» и «Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах» (с. 40–43; 53–83; 207–211; 231–236). С.Г. Кляшторный, излагая свою, ставшую уже классической концепцию этнополитической и этноконфессиональной истории древних тюрков, оперирует при этом в основном сведениями письменных источников. И что характерно – среди многочисленных этнонимов и политонимов, упоминавшихся в этих документах, наименование «башкорт» до начала X в. нигде не фигурирует.

Тема башкирского этногенеза совершенно отсутствует в разделе «Племена Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н.э.», написанном А.В. Богачевым и С.Э. Zubовым (с. 84–98). Нет ее и в разделе «Племена Верхнего и Среднего Прикамья» (А.М. Белавин; с. 108–120). Опираясь имеющимся археологическим материалом и сведениями средневековых источников – зачастую очень отрывочными и невнятыми – авторы перечисленных разделов, не будучи отягченными идеей всенепременно найти древних башкир, среди своих материалов их и не находят. И не потому, что не хотят, а потому, что исследуемый материал этого не позволяет.

В ином положении находятся авторы, условно отнесенные нами ко второй группе. В силу определенных обстоятельств, имеющих весьма опосредованное отношение к науке, им вынужденно приходится искать (и, конечно же, находить) древних башкир там и тогда, где и когда их быть не могло в силу исторических обстоятельств. Наиболее показателен в этом отношении раздел “Тюрки евразийских степей и Южный Урал в освещении византийской традиции VI–XV вв.” (Е.А. Круглов; с. 32–39). В нем автор приводит описание поездки византийского посланника Зимарха в ставку тюркского кагана Дизабула в 568 г. с целью заключить с ним антиперсидский союз. Описание дается в изложении византийского же историка Менандра Протиктора. Дополняя последнего, Е.А. Круглов пишет, что на обратном пути византийский посол проезжал через Северное Приаралье и Северный Прикаспий (что вполне допустимо) и там путь пролегал в непосредственной близости от территорий, “где кочевали подчиненные Дизабула – семь племен тюрков, т.е. башкир” (с. 34). Но у самого Менандра ничего не говорится о каких-либо тюркских кочевниках на этой территории (Византийские историки. ..., 1860. Отрывок 20). В середине I тыс. н.э. (по данным почвоведов) Северный Прикаспий представлял собой пустыню, а Южное Приаралье – *высыхающую степь* (Демкин, Демкина, 1999. С. 368), т.е. территорию – для эффективного кочевания непригодную. Что и подтверждается отсутствием здесь соответствующих археологических памятников.

Е.А. Круглов старается вплести этноним “башкиры” (“башкорт”) в ткань повествования о временах, когда этот этноним (как и большинство других финно-угорских, славяно-русских этнонимов) вообще не существовал: “саки, возможно, являлись одним из компонентов только еще формировавшегося тогда этноса – башкир” (с. 35) (почему только именно башкир?). Другой пример – представления о том, что носители неволинской и ломоватовской культур Прикамья, по мнению автора, «тесно взаимодействовали с “восточными” (приуральскими) печенегами и вошли затем в состав формировавшегося этноса башкир» (с. 38) (в чем проявлялось это “взаимодействие”, автор не поясняет, а известный археологический материал его не демонстрирует). Пожалуй, действительно не может вызывать серьезных возражений утверждение Е.А. Круглова о том, что восточные (приуральские) печенеги должны рассматриваться как “несомненный компонент формировавшегося в Приаралье этноса ранних башкир” (с. 36). Мысль, высказанная 40 лет назад Р.Г. Кузеевым (1974. С. 389 и сл.), так и не получила ни своего дальнейшего развития, ни опровержения в последующих работах по этногенезу башкирского народа. Но вот что действительно удивляет – это представление автора о характере и времени печенежско-огузских контактов и взаимодействия: “Печенеги же, сквозь пастбища которых, как сквозь масло, прошли и ушли на юго-запад огузы (туркмены), оказались после этого отгесненными на север и расколотыми на две группы” (с. 36). О каком времени идет речь – понять сложно. Если о первой половине XI в., когда гонимые сары-кыпчаками (половцами) огузы были вынуждены покинуть свои приаральские и заволжские территории, то вполне возможно, что, отступая под натиском кыпчаков на запад, часть огузов (торки) действительно могла “как сквозь масло” пройти через пастбища печенегов, но – в степях Восточной Европы. Тогда как другая их часть (сельджуки), уходя на юго-запад, в Джурджан (Гурган) и Мазандаран, вряд ли могла на своем пути встретить печенегов, которых там просто не было.

Если же автор ведет речь о конце IX – X в., то, как об этом свидетельствуют письменные источники (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный) и данные археологии, заволжские печенеги (“восточные” у Е.А. Круглова), союзные с ними башки-

ры и огузы обитали по соседству в степях Заволжья и Южного Приуралья. По Константину Багрянородному – на условиях подчинения первых огузам. Одним словом, предпринятую автором попытку анализа византийских источников на предмет систематизации их сведений о тюрках (с явно выраженной тенденцией увязки этих сведений с древними башкирами) удачной признать нельзя.

Правильнее поступил И.В. Антонов, который в своем разделе “Средневековые авторы о башкирах” просто привел аннотированный перечень восточных, западных и русских источников X–XVII вв., в которых в том или ином контексте упоминаются башкиры (с. 44–49).

В весьма непростой ситуации оказался Г.Н. Гарустович – автор раздела, посвященного распространению ислама среди башкир (с. 212–228), которому, судя по содержанию, пришлось “подгонять” под заданную руководителями тома концепцию о ранней исламизации башкир факты, этой концепции заведомо не соответствующие (или раздел был так отредактирован?). По мнению Г.Н. Гарустовича, исламизация башкир началась уже в VII в. и в общем имела характер “добровольного приобщения” башкир к этой мировой религии. Важную идеологическую предпосылку исламизации автор видит в том, что доисламская религия башкир “приближалась к монотеистическим формам”, их политеизм был иерархичным (имелось представление о главном боге). Вторая идеологическая предпосылка – гибкость ислама, его способность к трансформации, с чем сложно спорить даже при том, что Г.Н. Гарустович не дает глубокого анализа исторической ситуации. Исследователь отвергает представления о первостепенной роли Волжской Булгарии, а затем поволжских золотоордынских городов в исламизации Башкирии, отводя эту роль Средней Азии. Между тем исламизаторская роль развитых регионов Золотой Орды, на наш взгляд, бесспорна. Противоречивы и представления Г.Н. Гарустовича о завершении процесса исламизации. В общем, основные тезисы данного раздела кажутся нам тенденциозными и необоснованными.

В трудном положении оказался и В.В. Овсянников – автор раздела “Вооружение и военное искусство башкир” (с. 268–276). Из названия раздела совершенно определенно следует, что речь в нем должна идти об истории формирования и развития комплекса вооружения, тактических приемов и способов ведения боя именно у башкир как представителей тюркского кочевого и полукочевого мира. В этом контексте он вполне логично нижние хронологические рамки своей темы ограничивает IX–X вв., когда, по его мнению, и сложился “характерный для башкир комплекс вооружения”, состоявший из лука со стрелами, копья, клинка и доспеха (с. 268). Собственно, на этом тему военной истории башкир в эпоху средневековья можно было бы и закончить, поскольку приведенное автором ниже описание башкирского вооружения (со ссылкой на С.И. Руденко и А.С. Доннели, описывавших башкирское оружие XVIII–XIX вв.) заканчивается выводом о том, что “башкирский комплекс вооружения этнографической современности сформировался в X–XI вв. и сохранился практически неизменным в общих чертах. Последнее говорит об отсутствии каких-либо кардинальных изменений в военном деле населения лесостепного Урала” (с. 269, 270). Это, между прочим, в течение почти тысячелетия!

Характерная деталь: описывая комплекс башкирского вооружения, В.В. Овсянников не касается вооружения носителей кушнаренковской и карабызской культур (башкир по Н.А. Мажитову). Чем, в общем-то, нарушает стройность заданной концепции всего тома.

Отсутствие материала, необходимого для раскрытия темы, заявленной в названии раздела, В.В. Овсянников пытается компенсировать рассуждениями о якобы башкирских укреплениях-крепостях XII–XIV вв., о которых, как он сам отмечает, даже в башкирских исторических преданиях не сказано ничего (с. 272). Казалось бы, при объективном подходе к теме уже одно это должно настораживать исследователя. Но, коль скоро “задачи определены”, их нужно решать во что бы то ни стало, и В.В. Овсянников идет по пути, характерному для большей части археологического содержания тома, – вырывает археологические памятники из их культурно-хронологического контекста. Характеристику якобы башкирских оборонительных сооружений автор дает по материалам трех городищ: Уфимского (Чортова), Караабыз и Старо-Калмашевского. Первые два уже были неоднократно описаны и опубликованы (Иванов, 1984; 2007; Иванова, 2007; Морозов, 2000), а материалы Старо-Калмашевского городища, исследованного самим В.В. Овсянниковым в 1993 г., пока в научный оборот не введены. Что же, по мнению автора, указывает на то, что эти укрепления были построены башкирами? Об Уфимском (Чортовом) городище В.В. Овсянников пишет, что во время раскопок В.В. Гольмстен в 1910–1912 гг. там было найдено “некоторое количество лепной керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом, аналогичной посуде чиялыкского типа и гончарной керамики болгарского облика”. Но никто не может сказать, какова была доля этой керамики в общей массе караабызской и бахмутинской керамики. В раскопках Ю.А. Морозова на внутренней площадке Уфимского городища чиялыкской керамики не было вообще (2000. С. 145, 147).

Описывая валы городища Караабыз, В.В. Овсянников использует отчет А.В. Шмидта, но при этом его существенно “редактирует” (с. 274; Шмидт, 1929. С. 4–6).

Такой же тенденциозный пересказ А.В. Шмидта происходит при описании исследования городища Чандар (“Соколиный Камень”) на р. Уфа (с. 274; Шмидт, 1929. С. 23). Так, касаясь находок здесь средневековых вещей, А.В. Шмидт сомневался в их связи с жизнью городища и предлагал “оставить вопрос открытым”. Если для А.В. Шмидта этот вопрос оставался открытым, то В.В. Овсянников его “закрыв”, объявив, что все эти городища – башкирские крепости XII–XIV вв., характерными чертами которых являются шесть признаков, включающих в себя создание поселений на месте древних городищ, использование при строительстве укреплений заброшенных валов и т.д. (с. 274).

Затем вдруг древнебашкирской крепостью объявляется Охлебининское II (Ак-Таш) городище, оборонительные сооружения которого исследовались А.Х. Пшеничнюком. Последние представляют собой “зольный слой” с камнями в его верхней части (Пшеничнюк, 1973. С. 193. Рис. 18). Хронологически В.В. Овсянников связывает их с “раннемусульманскими башкирскими погребениями XII–XIII вв., которые исследованы на площадке городища В.А. Ивановым” (с. 274). Но вообще-то В.А. Ивановым в центре Охлебининского городища были исследованы заведомо языческие погребения XII – начала XIII в., содержащие сабли и принадлежности конской сбруи, т.е. к исламу никакого отношения не имеющие (Иванов, 1977. С. 292–295). Причем здесь эти погребения и конструкция юго-западной оконечности вала Охлебининского II городища, действительно перекрывавшая несколько караабызских погребений и непонятно из чего сооруженная (“зольный слой”), кроме автора раздела, вряд ли кому понятно.

Третью группу составляет один автор – Н.А. Мажитов, перу которого, как уже было отмечено выше, принадлежит более 30% всех археологических текстов. Фактически это пересказ вышедшей в 2009 г. книги Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой

“История Башкортостана. Древность, средневековье”, которая в свою очередь является переизданием “Истории Башкортостана с древности до середины XVI в.” 1999 г. этих же авторов.

Раздел “Волжская Болгария и башкиры” (с. 99–107) открывается сжатым рассказом об истории образования и распада Великой Болгарии хана Кубрата, образовании Хазарского каганата и о переселении части болгар на Среднюю Волгу. Причем, самые свежие исследования, на которые ссылается автор в подкрепление своих рассуждений, – классические книги М.И. Артамонова “История хазар” (1962 г.) и В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова “Ранние болгары на Волге” (1964). Книги других исследователей этой темы – С.Э. Зубова, А.В. Богачева, Р.С. Багаутдинова, Г.И. Матвеевой, Е.П. Казакова Н.А. Мажитовым вообще не упоминаются. Автор сразу же оповещает читателя о том, что “какая-то часть западных башкир (каких, откуда взявшихся? – *авт.*) сразу же вошла в состав Волжской Болгарии” (с. 100). Затем, объявив Больше-Тиганский могильник башкирским, Н.А. Мажитов обрушивается с критикой на исследователей, считающих этот и другие однотипные и синхронные ему памятники караякуповской культуры древнемадярскими. Никаких новых веских доводов в пользу древнебашкирской принадлежности караякуповской культуры автор раздела не приводит, кроме уже набивших оскомину заклинаний типа “Предвзятость данного мнения очевидно во всем” (орфография автора. – *авт.*). Или, например, “идентичность состава находок позволяет привлечь для датировки Больше-Тиганского могильника арабские монеты IX в. из башкирских (? – *авт.*) курганов. Кроме того, в одном из большетиганских погребений (№ 65) найдена такая же монета, но отечественная уже в начале X в. Поэтому сам материал памятника бесспорно указывает на непрерывное его функционирование в IX – начале X в. В течение всего этого времени мадярские племена жили далеко на западе, и это неоднократно засвидетельствовано письменными источниками” (с. 100). Прямолинейность трактовки Н.А. Мажитовым археологического материала, его вольное обращение с письменными источниками, незнание или сознательное игнорирование чужих публикаций по затрагиваемым темам у неискушенного читателя порождают иллюзию логичности и доказательности его пассажей. Обратимся к источникам. Монета из погребения 65 Больше-Тиганского могильника: «Вместе с тем, в 1980 г. было вскрыто погребение 65, **хронологически более позднее, чем основная группа ранее изученных погребений могильника** (выделено нами. – *авт.*). Оно прежде всего датируется пробитой серебряной монетой, висевшей на шее, и, по определению А.Г. Махамажиева, являющейся саманидским дирхемом Исмала Ибн-Ахмеда, чеканенным в 287 г. т.е. 900 г. н.э.” (Халиков, 1984. С. 127). Следует заметить, что погребение 65 Больше-Тиганского могильника относится к группе поздних погребений на западной периферии памятника, исследованных А.Х. Халиковым в 1979–1982 гг. и связанных им с “оставшейся группой древних венгров после ухода основной массы их сородичей на запад” (Халиков, 1984. С. 129). Этот вывод поддерживает И. Фодор, считающий, что в середине VIII в. только часть древних венгров покинула уралоповолжские территории и переселилась западнее, на среднее течение Дона. Таким образом “древние венгры распались на две половины, что является нередким среди кочевых народов. Когда этническая общность вынуждена переселяться на новые места, то вначале обычно отправляется не все население, так как невозможно предвидеть, удастся ли найти подходящую для проживания территорию. Вполне вероятно, что так произошло и в случае с венграми. Оставшиеся в прежних поселениях по какой-то причине не последовали за соплеменниками... Их следы сохранились в упомянутых Больше-Тиганском и Стерлитамакском, а также во многих других могильниках” (Fodor, 2009. Р. 46, 47).

Н.А. Мажитов вправе иметь свою точку зрения, отличную от точек зрения других исследователей, даже если они составляют большинство. Но имеет ли он право **искажать содержание и смысл письменных источников** (выделено нами. – *авт.*), не им, естественно, написанных? Здесь мы вынуждены привести две пространные цитаты, свидетельствующие о том, как рассматриваемый автор не просто вольно трактует, а искажает содержание средневекового нарратива. В его пространных рассуждениях о принятии ислама волжскими булгарами есть такой пассаж: «Официальное принятие религии состоялось в мае 922 г. и проводилось как торжественное общегосударственное мероприятие во главе с ханом Алмушем. На него были приглашены и участвовали “предводители”, т.е. вся знать и “цари его земли”, под которыми следует подразумевать глав союзных народов, что еще раз подтверждает, что в это время Волжская Болгария представляла конфедерацию (союз) ряда княжеств, подчиненных главе государства. В таком понимании **можно предположить, что среди приглашенных были и предводители башкирских племен** (выделено нами. – *авт.*). Главная церемония обращения в ислам сводилась к чтению корана в оригинале, который затем “буква в букву” переводится на болгарский язык; местами совершались коллективные моления с громким чтением изречений из Корана. **Сменивший религию хан** (выделено нами. – *авт.*) получил новое имя Джафар, а имя его отца Муктадира было заменено на Абдаллаха. С минарета торжественно был провозглашен призыв (хутба): “О, Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего Джафара ибн Абдаллаха, повелителя (эмира) болгар, клиента повелителя правоверных”» (с. 101).

Из какого источника Н.А. Мажитов почерпнул эти сведения, понять невозможно. Но то, что не из Ибн Фадлана – очевидно (хотя он и ссылается на брошюру “Путешествие Ибн Фадлана на реку Итиль”, неизвестно кем изданную в Казани в 1992 г.). Ибо в академическом издании книги Ахмеда ибн Фадлана (в переводе и с комментариями А.П. Ковалевского) данный сюжет выглядит так: «Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители и жители его страны, **чтобы услышать чтение письма [халифа]** (выделено нами. – *авт.*). Когда же наступил четверг, и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь присланным ему [в подарок] седлом, одели его в савад и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: “Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо”. И он встал на ноги, сам и присутствовавшие знатные лица из жителей его государства, а он человек очень толстый и пухлый. Я начал и прочитал начало письма и, когда я дошел до слов: “Мир тебе, и воистину я прославляю, [обращаясь] к тебе, Аллах, кроме которого нет иного бога”, я сказал ему: “Ответь пожеланием мира повелителю правоверных”. И он ответил, и они ответили все вместе.

Переводчик не переставал переводить для нас [т.е. наше чтение] буква в букву. Когда же кончили его чтение, то они возгласили “Велик Аллах!” таким возгласом, от которого затряслась земля» (Ковалевский, 1956. С. 131 и сл.).

Таким же образом Н.А. Мажитовым искажен и сюжет с принятием Алмушем нового имени Джа’фар, в котором, как и в первом случае, ни о каком коллективном чтении Корана ничего не говорится. Приведем только начало этого отрывка: «На его (царя Алмуша. – *авт.*) минбаре **еще до моего прибытия уже провозглашали от его имени хутбу** (выделено нами. – *авт.*): “О, Аллах! Сохрани [в благополучии] царя йлытывара, царя болгар!”» (Ковалевский, 1956. С. 132 и сл.), т.е. менять религию царю Алмушу и болгарской знати вообще не имело смысла, ибо мусульманами они стали еще до приезда Ахме-

да ибн Фадлана, о чем он (Ибн Фадлан) честно (в отличие от Н.А. Мажитова) и написал.

Написанная Н.А. Мажитовым глава “Исторический Башкортостан и формирование башкирского народа” (с. 121–168) вообще никакой научной критике не поддается. Приведем только два примера выдумок Н.А. Мажитова. Раздел “Башкортостан в IV–VIII вв.” открывается сведениями о государстве Кангюй, распространявшем (в интерпретации Н.А. Мажитова) свою власть «на весь Южный Урал, который в китайских источниках упоминается как страна “Янь”» (ссылка на Ю.А. Зуева) (с. 123). Сам Ю.А. Зуев на указанных Н.А. Мажитовым страницах своей книги страну Янь упоминает дважды: первый раз в виде цитаты из “Краткого обозрения государства Вэй (Вэй люэ)”, где о стране Яньцай имеются следующие строки: “Есть еще государство Лю, есть еще государство Янь и еще государство Яньцай, иначе называемое Алань. Все они одних обычаев с Канцзюй. На западе граничат с Дацинь, на юго-востоке – с Канцзюй. Там много соболя, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; прилегают к большому озеру/болоту; в прежние времена весьма зависели от Канцзюй, а ныне не зависят” (Зуев, 2002. С. 50). И вторично – на следующей странице: “Видимо, это были отношения иерархической взаимозависимости, в орбите которых оказалось владение Янь (*ngiam*), располагавшееся, **как считал Сира-тори** (выделено нами. – *авт.*), в бассейне реки Камы, левого притока Волги. О нем в “Истории поздней Хань” говорилось: “Государство Янь находится на севере от Яньцай, оно зависит от Канцзюй. Отсюда поступают шкурки соболя” (Зуев, 2002. С. 51). В дальнейшем же страна Янь вообще исчезает со страниц книги Ю.А. Зуева, который все свое внимание сосредотачивает на интерпретации и локализации “владения Яньцай”. В результате анализа китайских и византийских источников автор делает вывод о том, что, во-первых, “термин яньцай/аньцай/хэсу/абзюй – политоним, в значительной степени синонимичный термину сармат...”; во-вторых, «говорить о существовании в этой стране значительных торговых или ремесленных центров городского типа по имеющимся письменным известиям затруднительно, если, конечно, не принимать за таковые укрепления “с земляными/глинобитными стенами” абзюйского правителя или войлочно-юртные гуляй-города на повозках, о которых писал Аммиан Марцеллин»; и, в-третьих, что располагалось оно на территории современного Казахстана, вероятнее всего, в низовьях Сырдарьи и в Приаралье (Зуев, 2002. С. 52, 63).

В присущей ему манере править источники в угоду своим собственным построениям Н.А. Мажитов из выводов Ю.А. Зуева делает свой, достаточно парадоксальный вывод о том, что употребление слова “государство” применительно к “стране или владению Янь” “свидетельствует, что у племен Южного Урала на рубеже нашей эры имелись **общепризнанные государственные организации, которые регулировали все вопросы жизни местных племен и осуществляли сношения со своими великими соседями**” (выделено нами. – *авт.*) (с. 123).

Все дальнейшие тексты разделов, написанных Н.А. Мажитовым, – это его сентенции, изложенные в императивной форме и не согласованные ни с текстами его соавторов по рассматриваемому тому, ни (что значительно хуже) с источниками, которые автор разделов зачастую просто искажает. Так, если в своем разделе С.Г. Кляшторный пишет, что государство Кангюй перестает существовать в конце III в. н.э., распавшись на ряд мелких владений, подчиненных эфталитам (с. 54), то в разделе Н.А. Мажитова оно продолжало процветать еще в середине I тыс. н.э. и в нем, якобы, насчитывались 30 больших городов и 300 малых. Далее следует весьма многозначительная ремарка: “Здесь, **несомненно** (излюбленный довод Н.А. Мажитова) и написал.”

това. — *авт.*), под малыми городами подразумеваются мысовые городища (крепости) (? — *авт.*), укрепленные несколькими земляными валами и рвами” (с. 124). И вообще “культура Кангюя представлена десятками городов, городищами, курганными и грунтовыми могильниками, многие из которых непрерывно существовали, начиная с первых веков нашей эры до X–XII вв.” (с. 124). Откуда взялись эти сведения, понять совершенно невозможно, поскольку все известные источники характеризуют Кангюй как государство кочевническое (Зуев, 2002. С. 97, 101; Габуев, эл. ресурс). Упоминание десятков и сотен больших и малых городов, о которых пишет Н.А. Мажитов (со ссылкой на Н.Я. Бичурина), на самом деле относится к одному из малых владений Кангюя Ань (оно же Бухе или Ги), отождествляемых (В.В. Бартольд, С.П. Толстовым и Т.А. Габуевым) с Бухарой (Габуев, эл. ресурс).

На какой территории автор раздела фиксирует длительное существование (до VII в. как минимум) “кангюйской культуры”, понять совершенно невозможно. Из его сентенций можно вывести, что это Южный Урал: “Важно подчеркнуть, что весь этот различный по составу находок материал кангюйских памятников III–VII вв. является самым массовым и ближайшим южным аналогом культуры племен Южного Урала этого времени” (с. 124)”. Какой это материал, сколько его, как широко он был распространен по региону — неясно. В своих работах Н.А. Мажитов постоянно упоминает материалы джетыясарской культуры, аналогии которым представлены в погребениях турбаслинской и кушнаренковской культур Южного Приуралья. На этом основании он и турбаслинцев, и кушнаренковцев **безоговорочно** отождествляет с переселенцами с территории Кангюя “в широком смысле этого слова” (с. 133, 145). Но по определению Л.М. Левиной (которое Н.А. Мажитов в своих работах упорно замалчивает, хотя постоянно ссылается на него), джетыясарская культура — явление синкретическое, в формировании которого уже на рубеже эр принимали участие носители “зауральских гороховской, саргатской культур и соседних с ними лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья, связываемых их исследователями с угорскими и угро-самодийскими племенами. Вероятно, именно с появлением в последние века до н.э. значительных масс зауральского населения можно увязывать распространение определенных зооморфных и антропоморфных изображений, которые лишь дополняют другие археологические данные и в первую очередь находки сосудов, тождественных керамике гороховской и саргатской культур Зауралья” (Левина, 2000. С. 183). Дальше остается отделиться столь же необузданной, как у рецензируемого нами автора, фантазии и нарисовать картину обратной миграции потомков зауральских угров в лице турбаслинцев и кушнаренковцев (которых, как известно, и связывают с культурами Зауралья и Западной Сибири) с Сырдарьи на Урал.

Возникает вопрос — для чего Н.А. Мажитову нужно подтачивать факты, искажать письменные источники, игнорировать альтернативные мнения других исследователей? Ответ на него сам автор дает в заключительной части рассмотренного раздела. Мы не будем приводить полностью весь абзац, в котором Н.А. Мажитов с присущей ему “уверенностью” допускает, что во второй половине I тыс. н.э. культура населения Южного Урала — бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская — представляли собой южноуральский вариант культуры Западнотюркского каганата. Соответственно, “в плане общественной жизни населения Южного Урала (орфография сохранена. — *авт.*), очевидно, были известны все социальные институты, присущие Западно-Тюркскому каганату. **Сказанное подразумевает существование в крае политических государственных образований во главе со своим каганом (ханом), может быть, на правах наместника центральной**

власти, аппарата управления (чиновники, войска, дружина), сбора налогов, письменности, единой религии во главе с богом Тенгре и т.п. (выделено нами. — *авт.*)” (с. 146).

Допустимый объем рецензии не позволяет продолжить разбор текстов основного автора второго тома “Истории башкирского народа” — разделов “Башкортостан в IX–X вв.”, “Башкортостан в X–XII вв.”, главы “Эпоха Золотой Орды в исторической судьбе башкирского народа”, но и так ясно, что это будет очередная порция выявленных источниковедческих и фактологических неточностей, а то и подтасовок.

Таким образом, за исключением нескольких разделов, написанных С.Г. Кляшторным, А.М. Белавиным, С.Э. Зубовым, А.В. Богачевым, И.В. Антоновым, весь остальной материал в силу своего низкого качества не может быть использован в научной работе. Едва ли он может быть использован и в просветительской работе, ибо содержит массу искажений, чаще всего — преднамеренных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ “Вагант”, 2009. 283 с.
- Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб., 1860. Эл. ресурс. Код доступа: http://krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_06.htm.
- Габуев Т.А. О локализации “малых” владений Кангюя. Эл. ресурс. Код доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/?id=1961>. 06.01.2014.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1999. 464 с.
- Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Коренько В.А. История башкирского народа / Гл. ред. М.М. Кулшарипов. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с., ил. // РА. 2012. № 3. С. 176–180.
- Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 343–368.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Иванов В.А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. 1977. № 4. С. 292–295.
- Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 87 с.
- Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
- Иванов В.А. Население “Уфимского полуострова” в эпоху раннего средневековья // Тр. Камской археолого-этнограф. экспедиции. Вып. IV. Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 64–70.
- Иванова Е.В. История и итоги изучения городищ эпохи средневековья на территории Башкирии // Тр. Камской археолого-

- этнограф. экспедиции. Вып. IV. Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 16–23.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского Ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 571 с.
- Левина Л.М. Древности низовьев Сырдарьи // Рапорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Обзоры древнего Приаралья. М.: Индрик, 2000. С. 125–197.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность, средневековье. Уфа: Китап, 2009. 493 с.
- Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа: Национальный музей РБ, 2000. С. 145–154.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Пишечников А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1973. С. 162–243.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 396 с.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 373 с.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.
- Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1984. С. 122–133 (Советско-венгерский сборник).
- Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа, 1929. С. 1–28.
- Fodor I. Őstörténet és honfoglalás. Budapest: Kossuth Kiado, 2009. 104 p.
- Астраханский государственный университет,
Астрахань
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа
- Государственный музей искусства народов Востока,
Москва
- Д.В. Васильев
- В.А. Иванов
- В.А. Кореняко

Клейн Л.С. ЭТНОГЕНЕЗ И АРХЕОЛОГИЯ. СПБ.: ЕВРАЗИЯ, 2013. Т. 1. 527 с.; т. 2. 528 с. (НЕКОТОРЫЕ, ОТНЮДЬ, НЕ ГОРЬКИЕ, МЫСЛИ “ПРИВЕРЕДЛИВОГО РЕЗЕНЗЕНТА”¹)

Монография представляет собой двухтомник. Каждый том имеет заголовок: том 1 – “Теоретические исследования”, том 2 – “Арии и варяги”. В книге под одной обложкой публикуются как ранее изданные, так и по разным причинам неопубликованные в советскую эпоху работы автора, посвященные этнической тематике в археологии.

Первый том открывается разделом “Этнос”, который содержит восемь статей. В первой статье автор обращается к самому понятию “этнос”, раскрывает спорное содержание этого понятия и прослеживает историю его применения в мировой, советской и постсоветской отечественной науке, характеризует различные системы признаков этноса. Здесь же дается характеристика основных концепций этноса, которые были сформулированы в отечественной науке. В соответствии с советской концепцией, которая базировалась на определении понятия “нация” И.В. Сталина, этнос рассматривался как социально-

историческая или социокультурная категория, в которую не могут входить признаки расы, суть биологического происхождения. При советской власти эта концепция, по мнению автора, оставалась мертворожденной (с. 27). В советской бюрократической практике национальность того или иного человека определялась именно исходя из его биологического происхождения, “по крови” родителей, а выбирать свою национальность можно было только в случае смешанных браков.

Советской концепции в книге противопоставляется “этноландшафтная концепция” Л.Н. Гумилева. По Гумилеву, этнос в своем становлении – феномен природный, подчеркивает Л.С. Клейн. От себя в данном контексте замечу, что биологический характер этносов опровергается и, наоборот, их историческая природа подчеркивается крайней неустойчивостью их биологической структуры, т.е. их расового состава (Бунак, 1938; Проблема расы..., 2002).

Концепции, подобные гумилевской (примордиалистские) можно встретить, по Клейну, и в западной науке. Они вызвали

¹ Перефразированное название одной из работ Л.С. Клейна (1992).

критику со стороны, в том числе, археологов: М.И. Артамонова (1971) и автора рецензируемой книги (Клейн, 1992).

Но, пожалуй, наиболее последовательным критиком концепции Гумилева стал Ю.В. Бромлей, который по определению Л.С. Клейна является создателем “неосоветской” концепции этноса (с. 31). Клейн пишет: “В дискуссии Бромлей... громил ярко талантливую, но явно несостоятельную... концепцию Гумилева, противопоставляя ей свою)” (с. 39).

При этом Л.С. Клейн аргументировано показывает, что по сути обе концепции совпадают. Среди этих аргументов рецензент не увидел первостатейного и главного: и тот, и другой признают историческую реальность существования древних и современных этносов. Существенная часть повествования в первом томе (с. 76 и сл.) отводится авторской критике концепции Л.Н. Гумилева, которая представляется более проработанной, чем у Ю.В. Бромлея. Л.С. Клейн заключает: “И этнос, и прочие социальные системы представляют собой не совокупности биологических особей, а те явления, те сети связей, которые этих особей объединяют” (с. 88).

Любопытно, что если Клейн критикует Гумилева, так сказать, “слева”, то Г.Н. Курочкин резко высказывался против концепции Гумилева, так сказать, “справа”. Так, он писал: «... лишь один Л.Н. Гумилев (весьма вольно обращавшийся с конкретными фактами и являвшийся более литератором, чем историком) на чисто интуитивном уровне пытался разглядеть природные, естественные механизмы [исторических процессов – Л.Я.], но так и не смог вразумительно объяснить причин “пассионарности”... кочевых народов центральноазиатского происхождения» (Курочкин, 1994. С. 53).

Далее, с присущей ему склонностью к классификации любых объектов исследования (например, Клейн, 1971), автор переходит к определениям этноса. Очень важно, что историографический обзор дается в контексте эпохального развития отечественной гуманитарной науки, и автор последовательно рассматривает, таким образом, шесть определений. Важным представляется замечание Л.С. Клейна о роли этнического самосознания (ср.: Тишков, 2003). При рассмотрении этого явления недостаточно учитывать собственное самосознание индивида, надо учитывать еще и мнение окружающих (с. 89).

На с. 92 книги содержится сомнительное, с моей точки зрения, если не близкое к расизму, утверждение (со ссылкой на неких генетиков, но не на их труды) о том, что темперамент, а также одаренность могут передаваться по наследству. Характерно, что в данном случае у весьма аккуратного со справочным аппаратом Л.С. Клейна, ссылка на данное утверждение “генетиков” отсутствует, а хотелось бы знать работу этого генетика/генетиков. Однако чуть ниже Клейн справедливо отмечает роль воспитания в формировании личности человека. Видимо, личное уважение к Л.Н. Гумилеву (с. 103, например), о котором упоминается часто, приводит к некоторым противоречиям в позициях Л.С. Клейна по части критики его концепций. Это лишний раз подтверждает роль личностного отношения любого автора в научной дискуссии.

Это отношение ярко, как мне кажется, проявляется и в последующих главах тома, которые, с моей точки зрения, выглядят в нем несколько инородно: гл. 6 “Евреи и казаки”, гл. 7 “Этнография русских и некоторые ее проблемы”. В первом случае, как отмечает и сам автор, содержатся повторы из начальной части книги. Что касается гл. 7, думаю, что это тема для целого коллектива этнологов и антропологов, которые могли бы заняться (и занимаются) ею профессионально и фундировано, а не между прочим, в разговоре о теории этноса.

Исключительно актуальна для понимания современного состояния национализма в современной России гл. 8, которая называется “Этнографическая наука и национальный вопрос”. В ней автор возвращается, в частности, к проблемам теории этноса, но уже в связи с относительно недавними концепциями В.А. Тишкова, который, по мнению Л.С. Клейна (и по моему мнению тоже), “отрицает этнос, как некий организм, как бы физическое тело, имеющее четкие границы” (с. 120). В противоположность традиционной советской, В.А. Тишков (1997) выдвинул концепцию “этничности”. Может показаться, что уже поэтому концепция Тишкова вступает в противоречие с концепциями этноса и Л.Н. Гумилева, и Ю.В. Бромлея. Так ли это? Рецензент спрашивал об этом ведущих современных этнологов, но четкого ответа на этот вопрос так и не получил.

Сам Л.С. Клейн выражает свое отношение к позиции В.А. Тишкова достаточно определенно: “Для устранения жесткости и упрощенности бытующих толкований незачем устранять само понятие этноса” (с. 122). Для археологов и физических антропологов это утверждение в определенной мере развеивает сомнения (например, Яблонский, 2011а, 2013) в самой возможности проводить исследования этногенетического плана. Кроме того, эта позиция некоторым образом примиряет концепции В.А. Тишкова и Ю.В. Бромлея, что немаловажно, особенно для молодых специалистов.

И Л.С. Клейн не просто делает заявление по этому поводу, но аргументирует свою позицию и выдвигает собственное определение этноса: “Этнос – это большая группа людей, объединяемых убеждением (не обязательно верным) в своем общем происхождении. Они основываются на некоторых реальных признаках, а вот сколько их и какие это признаки – дело случая. В одних случаях – язык, в других – религия, в третьих – расовые особенности и т.д.” (с. 123).

В этом определении рецензенту не нравятся только слова “большая группа”, так как в этнографии хорошо известны и этносы, которые никак нельзя назвать большими, например малые этносы Дагестана или ягнобцы Памира, или некоторые народы сибирского Севера и многие другие малые этносы.

Часть II первого тома озаглавлена “Коссинна и коссинизм”.

Она открывается воспоминаниями автора о его мытарствах при попытках публикации материалов, которые критиковали концепции Коссинны, связанные с постулатом широких возможностей археологии для установления фактов тех или иных древних миграций.

Характеризуя личность Густава Коссинны, Л.С. Клейн отмечает, с одной стороны, его трудный по-человечески характер, а с другой – утверждает, что он, несомненно, обогатил науку. Между тем, по словам Л.С. Клейна, “Коссинна стал предтечей и основоположником гитлеровской археологии и его учение вошло в идеологический арсенал национал-социализма” (с. 145).

Коссинна привнес в археологию идеи миграционизма², и именно советские археологи, по словам Клейна, прежде всего, переняли и освоили его методы. Хотя ниже он пишет³ о том, что А.Л. Монгайт, например, в 1957 г. поставил под вопрос уравнение “культура = этнос”, а еще в 1952 г. писал об идеях Коссинны, как об идеях реакционных.

² В Германии, однако, Коссинну считали автохтонистом, поскольку он отстаивал идею автохтонности германцев на Севере Европы, откуда они и осуществляли свои миграции (Клейн, рецензируемое изд. С. 147).

³ Опять к вопросу о личностных оценках.

Затем следует очень интересный и поучительный для нас очерк о формировании научных концепций Коссинны в контексте тенденций развития германской археологии в довоенные годы.

Фактически раздел о Коссинне и коссиннизме является самостоятельной монографией, о чем и сообщает сам Л.С. Клейн на с. 134 рецензируемой книги.

Вполне логично, что часть III первого тома, озаглавленная “Этногенез”, начинается с проблемы происхождения славян. Во-первых, потому что именно эта проблематика легла в основу советской археологии чуть ли не с первых ее шагов, а во-вторых, по признанию автора, именно со славянской тематики начался его путь в археологии⁴.

Собственно говоря, Л.С. Клейн использует тему славянско-го этногенеза только для того, чтобы на этом примере высказать собственные соображения по поводу этногенеза вообще.

В своих рассуждениях о понятии “этногенез” Л.С. Клейн утверждает, что “выражения” (он так пишет) “этногенез”, “происхождение народов” неудачны, аргументируя это следующим образом: “... они были бы правомерны..., если бы процесс этнического развития (этническая история) был бы в самом деле подобен генеалогии какой-то семьи..., но этнические процессы шли не такими простыми прямолинейными путями, а гораздо более сложными” (с. 269).

Здесь я бы с Л.С. Клейном поспорил: на самом деле “этногенез” того или иного народа и его “этническая история” совпадали не на всем протяжении этнической истории: этнос еще не сформировался, процесс этнической истории еще не начался, а этногенез его уже происходил, часто до времени формирования этноса. Хотя и на этой стадии этногенез (как исторический процесс) тоже не был простым и прямолинейным. Так, ребенок по возрасту своему еще не имеет паспорта, но день получения этого документа был подготовлен всей его предыдущей жизнью, его физическим и умственным развитием. После получения паспорта-этнонима оба процесса действительно могут совпадать.

Зато можно уверенно согласиться с мнением автора о том, что признаки языка, материальной культуры и физической антропологии того или иного народа могут и не совпадать. Здесь надо поддержать его в споре с Н.Я. Марром (1935). Впрочем, об этом многожды писали отечественные антропологи (Дебеч и др., 1952; Проблема расы..., 2002).

Мне кажется, что Л.С. Клейн как раз и видит главную проблему этногенеза в закономерном несовпадении данных смежных дисциплин при изучении этногенеза любого народа и убедительно доказывает это обстоятельство на многих страницах. Хотя этот подход можно было бы изложить в одном предложении, понятном каждому: как известно, признаки культуры, в том числе языка, передаются с помощью механизмов, отличных от способов передачи признаков биологических; одновременно признаки языка могут передаваться способами, отличными от тех, с помощью которых передаются признаки материальной культуры (вспомним теорию лингвистической непрерывности С.П. Толстова, 1950).

На с. 280 Л.С. Клейн приводит собственное определение понятия “этногенез”. Не стану его здесь переписывать, во-первых, из экономии места, а, во-вторых, потому, что мне оно не

нравится. В принципе правильное, оно постулирует неверное, с моей точки зрения, положение о том, будто бы главная задача этногенетического исследования – идентифицировать древний этнос с тем или иным современным, когда и как этот последний появился на своей нынешней территории. Это опасное заблуждение. Невозможно упрекнуть Льва Самуиловича в склонности к национализму. Но это его заблуждение как раз и может поставить его в ряды современных националистов, которые только и занимаются повсеместно установлением связей собственного этноса с каким-то древним, имеющим, следовательно, преимущественное право на владение той или иной территорией, в качестве титульной нации, так сказать (Яблонский, 2010а).

Справедливости ради надо сказать, что чуть ниже и на с. 288 Л.С. Клейн признает, что «знать это необходимо – не для обоснования “исторических прав” того или народа на землю, в принципе бездоказательных», а для того, чтобы проследить реальные русла культурно-исторических процессов и “оживить” некоторые древние останки, опираясь на родственные им современные явления. Я согласен, если признать родственными явлениями современное артиллерийское орудие и пращу.

Мне больше нравится классическое определение В.П. Алексеева: «Под этногенезом понимается вся та совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводит к окончательному сложению его этнического лица, т.е. определенная историческая реальность, которая и охватывается термином “этногенез”» (Алексеев, 1986. С. 3). Ни слова об идентификации, но достаточно определенно.

Этногенез по сути своей – междисциплинарное научное направление, и Л.С. Клейн неслучайно обращается к проблеме методики междисциплинарных сопоставлений. Каждый не зависимый от археологии источник иногда превращается в ведущий, основной, а остальным остается лишь подлаживаться к нему.

На памяти рецензента в различные эпохи такими “ведущими” источниками становились то методы абсолютного датирования по ¹⁴C, то DNA-исследования, то исследования “биоархеологические”. Нынче стыдно публиковать археологическое исследование, если в нем не представлены “методы естественно-научных дисциплин”, например, датирование по ¹⁴C, даже в том случае, когда оно дает результаты, вступающие в явное противоречие со всей совокупностью собственно археологических данных, пусть в части относительной хронологии (ср.: Клейн, реценз. изд. С. 355), если в нем отсутствует реконструкция генома, хотя сами генетики признают недостаточную степень надежности методов реконструкции ДНК на древнем материале и отсутствие пока необходимой базы данных для сопоставлений.

Но главное, как мне кажется, в междисциплинарных подходах даже не в этом. Известно, что целостность любой науки, в том числе и археологии, базируется на собственном *специфическом* объекте исследования (в нашем случае – фрагментированные остатки материальной культуры) и на собственных *специфических* методах. Уберите эти два фактора, и наука перестанет существовать как самостоятельное научное направление, ее границы будут размыты, и она вообще исчезнет как явление фундаментальной науки. Не надо клеить противные лепные горшки, не надо классифицировать наконечники стрел, не надо изучать ременные гарнитуры: спросите физиков – они установят дату археологического памятника; спросите у генетиков – и они установят для вас наличие или отсутствие миграции, степень родства тех или иных древних популяций. Вот и весь этногенез! Чего тут копыта ломать? Вот только археологии

⁴ Любопытно, что и автор этой рецензии на кафедре археологии МГУ специализировался в начале по археологии ранних славян, и его первая научная публикация в сфере антропологии тоже была посвящена краниологии ранних славян (Яблонский, 1977).

в этом во всем нет нисколько. Она нужна только чтобы выкопать что-нибудь органическое, какой-нибудь скелет, все равно какой и все равно, где. Когда-нибудь органо-металлодетекторы научатся искать органику, и археология как наука вообще исчезнет, исчерпает сама себя.

Археолог, для того, чтобы этого не случилось, читай книгу Л.С. Клейна и раздел 2 тома 1 “Этногенез и археология: новый подход”.

М.М. Герасимова в разговоре со мной высказала очень удачную, как мне кажется, иллюстративную идею. Дословно процитировать не могу, но смысл сводится к следующему: если доктор прописал вам два лекарства в разных пузырьках, то не следует думать, что если вы эти лекарства перельете в один сосуд и выпьете, то быстрее достигните результата. Скорее всего у вас просто расстроится желудок, и только. Каждое лекарство имеет собственное физиологическое назначение, и принимать их надо по отдельности, оценивая в отдельности же достигнутые результаты.

Сходное понимание “отдельности” Л.С. Клейн высказывает на с. 289–290 своей книги. Мы оказываемся единомышленниками и в этом вопросе.

Кстати, в этом контексте не худо бы вспомнить и мнение В.П. Алексеева о соотношении смежных наук в процессе изучения конкретного этногенеза. Коротко, суть этих высказываний сводится к следующему (Алексеев, 1989. С. 144–153): важное условие комплексного подхода в этногенетическом исследовании – это учет того, что реально можно ожидать от каждого вида источников. Так, исторические источники охватывают только позднейшие периоды становления человеческого общества, они выборочны, подчинены этническим и личным стереотипам автора, основаны на сведениях, часто полученных “из третьих рук”, и поэтому часто недостоверны, мифологичны⁵. “Значение языка как этнического определителя в современную эпоху еще не дает нам права рассматривать именно лингвистические данные в качестве основной базы для этногенетических построений” (Там же. С. 148), (ср.: Шнирельман, 1996).

Этнографические данные также описывают только близкие к современности явления и поэтому требуют разрешения вопроса о соотношении стадиального и исторического и отработки построения специальных моделей этногенетической направленности (Шнирельман, 2013).

Археологические данные имеют неоспоримые преимущества, так как они охватывают весь период существования человечества. Однако слабость их состоит в выборочности и неполноте “мертвой” культуры по сравнению с “живой”. Кроме того, со времен А.А. Спицына (1899) отечественная археология недалеко продвинулась в вопросе соотношения понятий “археологическая культура” и “этнос” в силу, прежде всего, неразработанности базового в археологии понятия “археологическая культура” (Каменецкий, 1970; Клейн, 1970, 1971; Шнирельман, 2013. С. 66).

Кроме того, часто забывают, что каждая из смежных дисциплин, используемых в этногенетическом исследовании,

имеет собственные ограничения, вытекающие как раз из специфичности объектов ее исследования. Так, этнография/этнология не способна отвечать на вопросы, связанные с датировкой объекта, антропология, вопреки распространенному мнению, ничего не может сказать относительно датировки скелетов, относящихся к *Homo Sapiens Sapiens* и об их этническом происхождении. Возможности археологии в процессе идентификации древнего этноса крайне проблематичны (см. подробно: Этничность в археологии..., 2013).

Признаки языка (историческая лингвистика) могут распространяться без миграций и при автохтонном развитии популяций в силу закономерностей “лингвистической непрерывности” (Толстов, 1950). А названия этносов могут меняться только под давлением политических обстоятельств, как это случилось в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1973).

Л.С. Клейн видит в процессе синтеза данных археологии и смежных дисциплин два этапа (с. 285): во-первых, это включение находок в археологические системы: типы, типологические ряды, культурные секвенции и т.д.; только после этого следует приступать к интеграции, к историческому синтезу: процессов с процессами, систем с системами. И мне кажется, что это правильно. К сему я мог бы добавить, что такой синтез следовало бы осуществлять не через простое цитирование удобного для исследователя результата, полученного коллегой-смежником, а через создание временных междисциплинарных коллективов для решения проблем локальных этногенезов. Боюсь, что при современных принципах организации гуманитарных наук, это невозможно⁶. Но развитие электронных коммуникаций надежду все же оставляет. Ну, а пока, путеводной звездой, возможно, станет книга Л.С. Клейна?

На с. 289 он правильно пишет о, казалось бы, очевидном, но не всем, факте: исследовать этногенез традиционной методикой стало невозможным потому, что “представления об этносе, на которых она основана, оказались иллюзией и дискредитированы”. В этих условиях новые цели исторической реконструкции Л.С. Клейн видит в археологическом изучении материальной культуры устойчивых групп людей, которые передавали ее от поколения к поколению. Иными словами – изучение каналов информации (по Л.С. Клейну) или вертикальных потоков информации (по С.А. Арутюнову, 1989). Ссылаясь на публикацию М.И. Артамонова (1971), Клейн вторит ему: археологи в состоянии проследить только преемственность в материальной культуре, тогда как языковую преемственность они ухватить не могут.

В заключении к разделу (с. 293) автор говорит о том, что археология и история не лежат рядом с другом, а следуют одна за другой. Это ставит вопрос о том, что Л.С. Клейн, в отличие от подавляющего большинства археологов, не считает археологию частью истории. Но ясного ответа на этот вопрос здесь он не дает. Впрочем, в более развернутой форме эта тематика нашла отражение в другой работе Л.С. Клейна (2004).

Пояснение, однако, можно найти ниже, на с. 306. Там прямо сказано, что археология не является ни простым антикварным коллекционированием ценностей, ни историей материальной культуры, ни вообще дубликатом истории или социологии. Она осуществляет переход от материальных древностей к исторической интерпретации. О некоторой обособленности археологии, где она, наука особой методологической природы,

⁵ Так, например, Геродот практически через запятую перечисляет такие этнонимы, как скифы, савроматы, одноглазые аримаспы, амазонки, плешивые, золото стерегущие грифы. Многие хотят быть прямыми наследниками скифов, но я, почему-то не слышал о попытках выявления у наших современников генетических связей с плешивыми или с одноглазыми аримаспами, хотя грифы, злато стерегущие уже, кажется, появились на современной историко-географической арене.

⁶ В 70-е годы прошлого столетия идея об организации специальных подразделений по разработке проблем этногенеза витала в воздухе и обсуждалась. Но Ю.В. Бромлей на базе Института этнографии АН СССР не смог этого сделать, а В.П. Алексеев на базе Института археологии РАН – не успел...

выступает в качестве третьей по отношению к истории и этнографии наукой, говорится и на с. 313, 314. Полагаю, что такая позиция вполне правомерна и, во всяком случае, нуждается в обосновании.

Рассматривая общие проблемы археологии неолита Европы, автор выстраивает концептуальные модели его изучения и утверждает, что археологическая культура остается одним из основных объектов археологического изучения. Но изолированное рассмотрение культур является ущербным. Выход за пределы археологической культуры не означает утраты ее границ, но позволяет рассмотреть археологический материал в рамках целостных систем, определяющих многое в судьбе и облике своих частей (в том числе, культуру).

Путь исследования автор видит в изучении т.н. секвенций. Секвенция колонная – это последовательность культур одной местности (иногда автохтонное развитие, иногда – его иллюзия), а трассовая секвенция или генетическая секвенция – это последовательность культур преемственно продолжающих одна другую независимо от местности.

Проблеме соотношения археологии и этнографии Л.С. Клейн посвящает специальный историографический очерк, насыщенный ссылками на отечественную и, что очень важно, зарубежную литературу. Это еще раз доказывает глобальность проблемы. К сожалению, в обзоре этноархеологических исследований в тексте книги не нашлось места упоминаниям о работах Н.А. Томилова, который определял “этноархеологию” “как научное направление (или даже как отдельную формирующуюся науку), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем” (Томилов, 1999. С. 6). Между тем, в российской науке и сегодня нет общего понимания того, что есть этноархеология (Шнирельман, 2013. С. 65), и в контексте рассуждений Л.С. Клейна эта тема могла бы занять достойное место. Я не имею возможности развивать ее здесь. Автор монографии, однако, приходит к заключению о том, что именно “этноархеология образует другой аспект связи археологии с этнографией, создающий базу не столько для частных интерпретаций, сколько для теории археологической интерпретации вообще” (с. 352).

Следующий раздел книги посвящен проблеме кооперации археологии с лингвистикой. Автор открывает его замечанием относительно иллюзии, которую разделяют и археологи, и лингвисты. Она состоит в представлении о том, что генеалогическое древо построения языков должно найти точное соответствие в археологии и археологических культурах. На самом деле, по мнению автора, единого древа культур, соответствующего древу языков нет и таковое не будет построено никогда (с. 354). Возможно. Хотя есть и более оптимистические точки зрения (см. например, Петрухин, Раевский, 2004). Но сентенция автора: “этногенез и культурогенез не совпадают” у рецензента вызывает отторжение. Культурогенез, даже если речь в данном случае идет о языке, составляет неотъемлемую часть любого этногенеза и с этой точки зрения, совпадение неоспоримо.

По мнению рецензента, языковые классификации лингвистов, которые в археологии считаются чуть и не абсолютными, на самом деле иллюзорны и крайне гипотетичны, хотя семьи языков вполне реальны. Говоря о миграциях по данным археологии, Л.С. Клейн показывает ошибочность представления о том, что с этносом передвигается вся его старая культура в неизменном виде. В миграцию уходят иногда только молодые

воины-мужчины и только женщины, поступающие в замужество (с. 360, 361). К этому можно добавить, что в раннем железном веке Южного Приуралья в авангарде миграций шли не просто воины-мужчины, а элитные роды кочевников, призванные закрепиться на новых территориях (Яблонский, 2011б, 2012) и сформировать здесь новые мировоззренческие, религиозные, художественные и иные принципы (Таиров, Гуцалов, 2006. С. 327).

Переходя к обзору новых подходов к этногенезу, Л.С. Клейн (с. 371) правильно устанавливает факт, что сегодня из нескольких концепций этноса ни одна не постулирует жесткой, регулярной связи между материальной культурой, языком и этническим самосознанием (ср.: Этничность в археологии..., 2013). И продолжает там же: этнос – категория социального сознания, способная отражать разные виды объективных общностей в социальном бытии (ср.: Соколовский, 2013). Говоря о возможных стратегиях синтеза смежных дисциплин в изучении этногенеза Л.С. Клейн формулирует понятие “проекция” с. 374–375), которое для рецензента осталось не очень прозрачным. Речь идет, как будто, о том, что смежные дисциплины освещают жизнь и культуру с разных сторон и по-разному. Проекция не должны друг с другом совпадать. Мне это кажется очевидным (см. выше). Не так очевидно, как понятие “проекция” проясняет это несовпадение, но, возможно, это непонятно только рецензенту.

Переходя далее к проблеме преемственности в погребальном обряде, Л.С. Клейн старается доказать, что, в отличие от традиционного понимания его особой устойчивости в этногенезе (см., например, Ольховский, 1991 – Л.Я.), способ погребения порою переживает радикальные смены в рамках одной этнической традиции и даже одной религии (с. 383).

Далее, в полемике с биохимиком А.А. Клесовым Л.С. Клейн на примере проблемы славянского этногенеза критикует использование DNA-анализов для выявления конкретных этногенезов. Рецензенту, который не является специалистом в области антропогенетики, трудно вмешаться в эту полемику. Однако некоторые положения, выдвинутые Клейном, у меня сомнений не вызывают. Среди них то обстоятельство, что гаплогруппы, как и расы – общности биологической природы (у Клейна – “биологической классификации” (с. 393), что в данном контексте не совсем точно). И еще одно: ДНК-генеалогия не должна служить основой для самостоятельной реконструкции этногенеза, а лишь подспорьем в такой реконструкции (с. 395). Абсолютно согласен.

Между тем, появление нового научного направления, названного “этническая геномика”, открывает и новые, как представляется рецензенту, возможности использования методов популяционной генетики в процессе изучения этногенезов. Так, сегодня появилась возможность анализировать отдельно вклад в историю этноса женской линии (по маркерам мтДНК) и мужской линии по маркерам Y-хромосомы) (Лимборская и др., 2002; ср.: реценз. изд. с. 386). Впрочем и сами авторы концепции, как и Л.С. Клейн, признают необходимость сопряжения своих методов с данными других наук и, в первую очередь, популяционной антропологии.

Заключительные разделы тома 1 монографии Л.С. Клейна посвящены проблеме выявления миграций по данным археологии. В первых строках сюжета автор вновь возвращается к теме “археологическая культура” и правильно, с точки зрения рецензента, указывает на то обстоятельство, что в археологических культурах отложились в преобразованном виде *этнографические* (но не обязательно *этнические*), культуры живых обществ прошлого. Рецензент также различает эти понятия (Яблонский, 2009).

Не менее ценным представляется замечание автора о том, что при отслеживании смены культур возникает иллюзия, будто этим рядом (“колонная секвенция”) представлено реальное непрерывное развитие одного и того же населения (с. 403). Противоположная иллюзия – принимать каждую смену культур в колонной секвенции за результат прихода нового населения.

Далее Л.С. Клейн переходит к археологическим критериям выявления миграций и видам миграций, археологическим признакам миграций, указывая на неоднозначность и противоречивость трактовки этих признаков.

В связи с этим (и не только) у рецензента вновь возникает вопрос о причинах отсутствия в томе раздела, посвященного физической, как нынче говорят, антропологии.

Во-первых, совершенно очевидно, что при дифференцированной природе передачи социальных и биологических признаков, именно антропологические популяции являются носителями любых этносов или этничностей. Уже этим обстоятельством диктуется прямая необходимость привлечения данных физической антропологии (далее – антропологии) к этногенетическим исследованиям и к теории этногенеза.

Во-вторых, при чтении книги не возникает сомнений в степени эрудиции ее автора в совсем разных отраслях гуманитарных наук и даже в области генетики. Об этом, в частности, свидетельствует и список прилагаемой к монографии литературы.

Между тем, современная теория этногенеза лучше всего была разработана именно в отечественной науке (Чебоксаров, Чебоксарова, 1985; Андрианов и др., 1989), антропологами, в частности (Акимов, 1971; Алексеев, Бромлей, 1973; Алексеев, 1974; Алексеева, 1973; Бабаков, 1977) и еще в сотнях работ по большому и локальному этногенезам. Ведь в упомянутом библиографическом списке к изданию приводятся работы В.П. и Т.И. Алексеевых, хотя к основополагающим я бы добавил еще монографии В.П. Алексеева (1979, 1989⁷). Кстати сказать, специальные страницы монографии Алексеева 1989 г. посвящены именно проблемам реконструкции древних миграций (с. 196 и сл.).

Присоединяясь к мнению отечественных антропологов, отметим: окончательно факт миграции могут зафиксировать только данные антропологии и только тогда, когда миграция приводит к смене антропологического покрова в данном регионе. Ибо распространение признаков культуры и языка, в частности, как хорошо знает Л.С. Клейн, далеко не всегда связано с миграциями и переселениями.

По части отсутствия в томе 1 раздела, специально посвященного роли антропологии в исследовании этногенеза рецензент остается в полном недоумении.

Нет этого раздела и в томе 2. Этот том озаглавлен “Арии и Varia”, проще говоря – арии и “разные”. Фактически, том 2 содержит попытки решения практических проблем локальных этногенезов на основании теоретических разработок, которым был посвящен первый том. В нем собраны опубликованные ранее и неопубликованные работы автора, касающиеся проблем этногенеза ариев и народов, которых Л.С. Клейн к индоариям не причисляет. Это и древние обитатели Кипра, и тохары, и германцы. Касается автор и сложной проблемы происхождения индоевропейцев. Всего в томе 31 раздел, каждый из которых по разнообразию затронутых в них проблем и способов их решений, вполне достоин отдельной рецензии. Чего стоит, например гл. 4 “Приход ариев: кто и откуда?” или гл. 17

“О степном происхождении индоевропейцев”, заключительная глава “Происхождение индоевропейцев и археология”. Конечно же, в рамках этой работы рецензент не в состоянии оценить весь этот многообразный и глубоко поданный материал.

Поэтому здесь лишь пунктирно можно обозначить некоторые основные положения книги. Так, Л.С. Клейн приводит целую систему доказательств, что древнейшими ариями были носители катакомбной археологической культуры Северного Причерноморья. Именно отсюда они распространились на Средний Восток и территорию современного Пакистана через Среднюю Азию и Казахстан (Т. 2. Рис. 2)⁸. В этом контексте надо вспомнить, что в свое время Л.С. Клейн много и успешно занимался археологией катакомбной культуры, что, как мне кажется, в определенной мере проявилось в “архео-центризме” автора в трактовке особой роли катакомбников в истории ариев.

На с. 78 автор указывает на археологические соответствия обряду очищения костей умерших перед погребением, но среди этих соответствий отсутствуют ссылки на надежно установленные данные с территории Хорезма I тыс. до н.э., которые в этом контексте могли бы быть полезны (Рапопорт, 1971; Яблонский, 2010б). Ведь автор не исключает (с. 79), что именно в скифо-массагетское время арии прибывали в Индостан. Не участвуют эти материалы и в рассуждениях автора о захоронениях в горшках, как реализации идеи о продолжении жизни (с. 90). А ведь на территории левобережного Хорезма были раскопаны сотни таких сосудов-астоданов, и данные о них опубликованы (Яблонский, 1999).

Далее Л.С. Клейн вступает в полемику с Е.Е. Кузьминой. Согласившись с ней в том, что прародина индоевропейцев находилась в степи, а не в Передней Азии, как думали Т.В. Гамкрелидзе с Вяч. Вс. Ивановым и некоторые археологи, он не соглашается с ней в части этнической интерпретации носителей андроновской культуры, настаивая, что только катакомбная археологическая культура годится на роль культуры индоариев.

Некоторые части тома представляют собой отдельные сюжеты, статьи, опубликованные в 80–90-х годы прошлого столетия, но малодоступные современному читателю. Таков раздел “Происхождение нуля”, в котором речь идет об археологических свидетельствах игры в кости в памятниках эпохи бронзы, раздел “Археологические следы древнейших индоариев в Причерноморье”. Таков очерк о происхождении майкопской культуры и развернутая рецензия на книгу Д. Энтони “Конь, колесо и язык” в контексте проблемы степного происхождения индоевропейцев.

В разделе 19 “Индоарии и скифский мир” Л.С. Клейн вполне резонно, на мой взгляд, критикует “азиатскую” гипотезу происхождения скифов (с. 244–245). Остается лишь удивляться тому, что современные поборники этой гипотезы (см., например, Мурзин, 2014) никак не комментируют давние работы на эту тему многих археологов, среди которых сам автор книги и не менее авторитетные ученые – М.И. Артамонов, В.Б. Виноградов, Д.С. Раевский. Здесь можно добавить, что со срубниками (помимо признаков культуры, перечисленных Клейном) скифов связывает еще и физическое (краниологическое) сходство (Дебец, 1971). Далее автор развивает идею о связи скифов также с катакомбниками, и здесь о краниологическом сходстве тех и других с такой же определенностью, как в срубном варианте, говорить уже не приходится.

В заключении раздела приводятся критические замечания других ученых, высказанные в дискуссии по поводу “катакомб-

⁷ Последняя книга издана в издательстве “Наука”, а не “Высшая школа”, как ошибочно указано в библиографии Л.С. Клейна.

⁸ Здесь и далее рецензент будет ссылаться на страницы и рисунки второго тома монографии.

ной” гипотезы Л.С. Клейна. И с некоторыми из них нельзя не согласиться. Публикация этих замечаний делает честь автору книги.

“Катакомбная” гипотеза развивается и в следующем разделе книги “Индоарии в степях”.

Вторая часть тома посвящена *Varia*, т.е. локальным этногенезам народов, которые к ариям не относятся. К этой части тома привлечены данные по археологии Крита и Кипра, вновь поднимается тохарская проблема, исследуются данные по этногенезу германцев.

Касаясь проблемы происхождения индоевропейцев, автор подвергает анализу статьи в сборнике материалов археолого-лингвистической конференции памяти Н.Я. Мерперта. Он достаточно резко критикует доклад Иванова с Гамкрелидзе, указывая на отсутствие в нем данных археологии, и еще резче просто громит концепцию С.А. Григорьева, называя ее “шедевром дилетантизма” (с. 438). Далее он оценивает “степную” модель происхождения индоевропейцев, которую отстаивают М. Гимбутас, Д. Мэллори и Д. Энтони и к которой на конференции с собственной аргументацией присоединился С.В. Куланда.

Фактически, этот раздел книги является критическим анализом сборника, но он не содержит прямо заявленной позиции автора по вопросу дискуссии и носит констатирующий характер.

Но вполне определенно по этому поводу Л.С. Клейн высказывается в заключительном разделе тома после предпринятого им анализа археологического материала. Там он указывает на европейскую локализацию прародины индоевропейцев (с. 463 и карта рис. 7).

Книга снабжена иллюстрациями и большим списком использованной литературы на русском и иностранных языках.

Завершая эту рецензию, следует остановиться на главном.

В книге под одной обложкой объединены теоретические и практические работы автора в области этногенеза как самостоятельного научного направления. Некоторые из этих работ были написаны и частично опубликованы в 70–80-е годы прошлого столетия. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на фактологическом содержании исследований, ведь в последние десятилетия археологический материал накапливался лавинообразно. Нельзя сказать, однако, что вновь накопленные данные и материалы круто изменили наши представления даже по глобальным проблемам этногенеза, например в вопросе о прародине индоевропейцев. Вместе с тем, работы, собранные в двухтомнике, имеют огромное значение в том плане, что заставляют читателя думать вообще и думать, в частности, о том, что изучение любых этногенезов не подчиняется прямолинейным схемам, которые мы так часто находим и которых следует избегать.

Излишне много говорить о том, что Л.С. Клейн давно и надежно зарекомендовал себя в качестве крупного теоретика в археологии и ученого-энциклопедиста. И в рецензируемом издании он еще раз подтвердил эти рекомендации. Некоторые замечания рецензента обусловлены дискуссионностью при решении затронутых проблем и никоим образом эту оценку под сомнение не ставят.

По мнению рецензента, любой археолог, независимо от его узкой специализации, должен прочитать этот труд Л.С. Клейна, труд, который заставляет по-новому думать и подходить к оценке конкретных археологических материалов в плане их этногенетического истолкования.

Следует поздравить автора с выходом в свет этой фундаментальной монографии, которая, уверен, войдет в золотой фонд мировой археологической историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов М.С. Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ. Т. IV. Уфа.: Гилем, 1971. С. 45–51.
- Алексеев В.П. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 4–18.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высш. шк., 1979. 216 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 444 с.
- Алексеев В.П. Этногенез. М.: Высш. шк., 1986. 176 с.
- Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1973. С. 3–21.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука, 1973. 332 с.
- Андрюанов Б.В., Наумова О.Б., Хитъ Г.Л., Яблонский Л.Т. Всесоюз. науч. конф. “Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана” (Звенигород, 20–23 ноября 1988 г.) // СЭ. 1989. № 4. С. 117–120.
- Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л.: ЛГУ, 1971. С. 16–32.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / Ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1989. 246 с.
- Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза. Ашхабад: Ылым, 1977. 175 с.
- Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. / Ред. М.С. Плисецкий. Тр. НИИ антропологии МГУ Т. 4. М.; Л., 1938. С. 5–46.
- Дебец Г.Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии / Ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 9, 10. (МИА № 177).
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1.
- Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. 1991. 448 с.
- Клейн Л.С. Горькие мысли “привередливого рецензента” об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 228–246.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 472 с.
- Курочкин Г.Н. “Эра кентавра” евразийской степной зоны и ее историческое содержание // Взаимодействие древних культур и цивилизаций. мат-лы методол. семинара. Археологические изыскания. Вып. 13. / Ред. В.М. Масон. СПб., 1994. С. 51–57.

- Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы / Ред. Г.П. Георгиев. М.: Наука, 2002. 261 с.
- Март Н.Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике // Избранные работы. Т. 5. Л.: 1935. С. 310–322.
- Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. 134 с.
- Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев: Видавель Олег Філюк, 2014. 119 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. М.: Наука, 1991.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 415 с.
- Проблема расы в российской физической антропологии / Ред. Т.И. Алексеева. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. 96 с.
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма // ТрХАЭЭ. Т. VI. М.: Наука, 1971. 127 с.
- Соколовский С.В. Современные концепции этнической идентификации и проблема атрибуции археологических памятников // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 80–113.
- Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № 8.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: ИИА УрО РАН, 2006. С. 312–340.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 543 с.
- Томилов Н.А. Этноархеология: новое направление российской науки // ВОО. 1999. Вып. 2.
- Толстов С.П. Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии // СЭ. 1950. № 4. С. 3–23.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры / Ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Институт археологии РАН, Москва
- Шнирельман В.А. Археология и лингвистика: проблемы корреляции в контексте этногенетических исследований // ВДИ. 1996. № 4. С. 89–95.
- Шнирельман В.А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности? Матер. Круглого стола / Ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 48–79.
- Яблонский Л.Т. Серия черепов из раннеславянского городища у с. Супруты // ВА. Вып. 54. М.: 1977. С. 190–211.
- Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма / Ред. Ю.А. Рапопорт. М.: Вост. лит., 1999. 326 с.
- Яблонский Л.Т. Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: Андерсен, 2009. С. 150–158.
- Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010а. С. 52–63.
- Яблонский Л.Т. Переход к зороастрийскому погребальному обряду у скотоводов Хорезма // Древние культуры Евразии / Ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2010б. С. 252–258.
- Яблонский Л.Т. Кризис концепции этногенеза? // ВеА. Вып. 19. М.: 2011а. С. 96–103.
- Яблонский Л.Т. Новые раскопки в Казахстане и проблема формирования раннесарматской культуры // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы / Ред. А.З. Бейсенов. Алматы, 2011б. С. 59–64.
- Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт южно-уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. Матер. междунар. науч. конф. / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2012. С. 370–392.
- Яблонский Л.Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 32–47.

Л.Т. Яблонский

Пшеничнюк А.Х. ФИЛИППОВКА: НЕКРОПОЛЬ КОЧЕВОЙ ЗНАТИ IV ВЕКА ДО Н.Э. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с., ил. ISBN 978-5-916-080978

Рецензируемая монография А.Х. Пшеничнюка посвящена публикации материалов Филипповского курганного могильника (Илекский р-он Оренбургской обл.), исследованного в 1986–1990 гг. экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством автора. В течение 5 полевых сезонов было раскопано 17 из 29 курганов могильника. Полученные материалы – предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, многочисленные ахеменидские импорты, уникальные золотые и сереб-

ряные скульптуры и предметы в “скифо-сибирском” зверином стиле – с самого момента исследования получили широкую известность в России и за рубежом, свидетельством чему являются выставки, проведенные в России, США и Италии в 2000–2003 гг. (см., например, The Golden Deer of Eurasia, 2000; Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti, 2001; Золотые олени Евразии, 2001).

Книга открывается Предисловием (с. 5–18), написанным ответственным редактором тома Н.С. Савельевым, взявшим на себя труд подготовки рукописи, законченной еще в 1996 г., к изданию.

Глава 1 (с. 21–61) посвящена описанию раскопанных комплексов. Глава 2 (с. 62–67) описывает погребальный обряд. В Главе 3 представлена классификация материалов – предметов вооружения и конского снаряжения, украшений, предметов женского туалета, посуды (с. 68–79). В заключительной главе (с. 80–86) дается характеристика произведений звериного стиля.

В Заключении (с. 87–89) А.Х. Пшеничнюк обсуждает датировку могильника, который датируется им в целом IV в. до н.э., приходя к выводу, что большинство погребений может быть отнесено к началу столетия, отмечая при этом, что “Филипповский могильник синхронен в целом таким известным погребальным памятникам кочевников, как Солоха, Чертомлык, Толстая Могила, курган Иссык и др.”. Впрочем в этой фразе содержится противоречие тезису о датировке курганов началом IV в. до н.э., так как среди указанных исследователем комплексов представлены и скифские курганы Приднепровья третьей четверти столетия, и курган Иссык, датировка которого вызывает дискуссии. Фраза о том, что Филипповский могильник существовал в пределах 30–50 лет (с. 89), дает понять, что наиболее ранние погребения относятся к началу столетия, а сам могильник вписывается, таким образом, в первую его половину. А.Х. Пшеничнюк подчеркивает, что “в отношении Филипповки важен не столько хронологический, сколько культурно-этнический аспект”, относя могильник к раннесарматской (прохоровской) культуре и считая его некрополем родового или племенного клана, занимавшего ведущее место в военно-политическом союзе племен Южного Урала. Точка зрения о датировке Филипповского могильника в рамках IV в. до н.э., вероятнее всего в интервале от начала до третьей четверти столетия, находит подтверждение в работах исследователей, выводы которых базируются как на находках импортных сосудов ахеменидского круга и бус (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284), так и предметов узды прикубанского типа (Канторович, Яблонский, 2009. С. 81–83; Переводчикова, 2013. С. 334–336), хотя высказывалась точка зрения и о том, что погребение в кургане 10 датируется последней четвертью IV в. до н.э. (Васильев, 2004. С. 160, 161; 2006. С. 60).

Издание сопровождается тремя Приложениями. Первое из них (с. 235–247), подготовленное В.К. Федоровым, включает черно-белые фотографии конца 1980 – начала 1990-х годов, на которых представлено большинство из неопубликованных в каталогах изделий из драгоценных металлов, происходящих из кургана 1. Здесь же приводятся данные по конструктивным особенностям, сохранности, размеру, весу и пробе металла ряда вещей, которые удалось идентифицировать по крайне скудным записям в описи и акте пробирной палаты (1994 г.). Второе приложение (Р.М. Юсупов, А.И. Нечвалода) посвящено краниологическому анализу шести относительно хорошо сохранившихся черепов (с. 258–269). Третье (А.И. Нечвалода) представляет поэтапные антропологические реконструкции лиц мужчины, захороненного в погребении 1 кургана 24, и женщины, погребенной в кургане 14, выполненные по методу М.М. Герасимова и Г.В. Лебединской (с. 270–275).

Введение в научный оборот полевой документации по 17 курганам Филипповского могильника, несмотря на то, что со времени раскопок прошло почти 30 лет, следует приветствовать, так как исследователи наконец-то получили возможность представить контекст значительной части великоленных находок, известных до сих пор преимущественно по публикациям в выставочных каталогах (например, *The Golden Deer of Eurasia*,

2000. Р. 72–179. № 1–127; Oro. *Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti*, 2001. Р. 178–248. № 112–212; Золотые олени Евразии, 2001. С. 67–154. № 1–139). Значительная часть книги – графические иллюстрации (планы курганов и погребений, профили бровок, разрезы могильных ям, рисунки находок), а также черно-белые фотографии находок и видов раскопок (с. 91–234, рис. 1–189). Эти материалы – безусловная ценность для исследователей, так как планы курганов и погребений по большей части до сих пор не публиковались (исключение: Pshenichniuk, 2006. Р. 40–45), а на рисунках и фотографиях представлены, в том числе вещи, которые по тем или иным причинам не попали на выставки (см., например, рис. 28, 3; 30, 2–5; 45; 47, 1; 48; 60, 61 и т.д.), а также полевые фотографии расчистки тайников, погребальных камер и дромосов (рис. 18; 31; 37; 49, 1; 177–179).

В некоторых случаях в подписях к рисункам даются ошибочные сведения. Так, например, представленная на рис. 38 керамическая плитка с рельефной розеткой и покрытием “египетской синей” (Трейстер, 2012а. С. 206; Трейстер и др., 2012. С. 92, 93. Кат. № А13.1.3.7; цв. табл. I.59; II.21, 4; рис. I.86; II.63, 1), воспроизведенная по предоставленному нами рисунку О.И. Куриных, ошибочно обозначена как “гипсовая (?) плакетка”. Представленный на рис. 134, 2 амулет в виде агатовой пластины с золотой оправой из кургана 17 дан в перевернутом виде; кроме того, один из сохранившихся элементов оправы на рисунке изображен ошибочно развернутым петлей с боковой стороны; правильное положение – петлей вверх. Мы обратили внимание на эти ошибки в рисунке (Трейстер и др., 2012. С. 147. Прим. 15) и поставили о них в известность и редактора книги, тем не менее досадная ошибка осталась неисправленной.

Вряд ли необходимо строго судить главы, посвященные описанию находок, подготовленные еще в середине 1990-х годов, в которых дается лишь краткое описание основных категорий без подробного анализа. Впрочем, эта лакуна, так или иначе уже частично заполнена другими исследованиями находок из раскопок А.Х. Пшеничнюка в Филипповке, в частности, посвященными импортным предметам ахеменидского круга (Трейстер, 2008. С. 160–164; Treister, 2010. Р. 236–241; Трейстер, 2012а. С. 206, 207; 2012б. С. 50–52, 64, 65, 70–72, 84, 85; 2012в. С. 116–119; 2012г. С. 148, 149, 151–153, 155, 156), костяным ложечкам (Федоров, 2013. С. 49. № 59, 60), предметам конской узды (Očir-Gorjaeva, 2005. S. 88, 92. Abb. 79) и искусства, в том числе обкладкам деревянных сосудов и другим предметам, выполненным в зверином стиле (например, Королькова, 2006. С. 37, 38, 40–47, 49–51, 53, 55–57, 59, 60 и т.д.; Korolkova, 2006. Р. 199, 200. Fig. 3, 5–7; Переводчикова, 2006а; б; 2007; 2008; 2010; Переводчикова, Таиров, 2010; Рукавишников, 2009. С. 103, 109. Рис. 2, 8, 9; 110. Рис. 3, 3.6; Мещеряков, 2010. С. 247, 248. Рис. 1, 1), фигурке всадника из кости (Мещеряков, 2010. С. 248. Рис. 1, 2), серьгам местных типов (см., например, Лылова, 2008. С. 85–87. Рис. 1, 1, 2. 3.5; 2009. С. 26, 27, 29, 30. № 12, 16–18; С. 31. Рис. 1, 2; С. 32. Рис. 2, 4–6; 2010. С. 238. Рис. 1, 2; С. 239, 241. Рис. 2, 3–5; 245. № 12, 16–18). В любом случае, совершенно очевидно, что рецензируемая книга не решает проблемы публикации материалов из Филипповских курганов. Они существуют, они хранятся в Уфе в прекрасно оборудованном музее и заслуживают полной публикации. Другой вопрос – возможность доступа к ним специалистов...

Знаменательно, что рецензируемая публикация вышла в свет практически одновременно с полным исследованием всего могильника Приуральской экспедицией Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского в 2004–2009 и в 2013 гг. (см. каталог выставки находок в Оренбурге: Сокровища сарматских вождей, 2008 и недавно опубликованные мате-

риалы раскопок 2004–2009 гг.: Яблонский, 2013), в результате которого в заключительный сезон раскопок в не раскопанном А.Х. Пшеничником останце кургана 1 было открыто непотроженное женское погребение с уникальными находками. Это еще одно важное обстоятельство, заставляющее ждать выхода полной публикации материалов исследования могильника Филипповка-1, включающей не только описания курганов, погребальных комплексов и инвентаря, но и подробный анализ последнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В.Н. К хронологии выючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 58–62.
- Золотые олени Евразии: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже / Отв. ред. А.Ю. Алексеев, Е.Ф. Королькова. СПб.: Славия, 2001. 247 с.
- Канторович А.Р., Яблонский Л.Т. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 73–99.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Лылова Е.В. Серьги из I Филипповского курганного могильника // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Матер. междунар. научн. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. 21–25 апреля 2008 г. / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 85–90.
- Лылова Е.В. Об одном типе серег из погребений ранних кочевников Южного Урала // ВЧГУ. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 26–36.
- Лылова Е.В. Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком из погребений ранних кочевников степной зоны Южного Урала // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010 (МИАР; № 13). С. 237–246.
- Мецзяков Д.В. Образ всадника в искусстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010 (МИАР; № 13). С. 247–253.
- Переводчикова Е.В. 2006а. О цвете золота на оковках деревянных сосудов из I Филипповского кургана // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III Междунар. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000): Тез. докл. М.: ГИМ, 2006. С. 37, 38.
- Переводчикова Е.В. 2006б. Скифский звериный стиль Прикубанья и филипповские курганы // Liber archaeologicae: Сб. статей, посв. 60-летию Бориса Ароновича Раева / Отв. ред. А.В. Симоненко. Краснодар, 2006. С. 107–113.
- Переводчикова Е.В. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из 1-го Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2007. С. 60–62.
- Переводчикова Е.В. Золотые оковки сосудов из I Филипповского кургана: к постановке вопроса о месте производства // “Ювелірне мистецтво – погляд крізь вікі”. Музейні читання: Матер. науков. конф. (12–14 листопада 2007) / Отв. ред. Л.В. Строкова, Л.С. Клочко, С.А. Березова, Ю.О. Билан. Київ, 2008. С. 64–72.
- Переводчикова Е.В. Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010 (МИАР; № 13). С. 295–298.
- Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля Прикубанья и дата Филипповских курганов // 6 Междунар. Кубанская археолог. конф. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 334–336.
- Переводчикова Е.В., Таиров А.Д. Произведения звериного стиля из 1-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 198–212.
- Рукавишников И.В. Композиция Филипповского могильника и некоторые изображения пазырыкского звериного стиля // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 100–118.
- Пшеничнюк А.Х. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 76–93.
- Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев Уфа: Гилем, 2006. С. 26–37.
- Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Димур, 2008. 142 с.
- Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на “ахеменидскую тему” в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Матер. междунар. научн. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. 21–25 апреля 2008 г. / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 145–170.
- Трейстер М.Ю. Детали парадной мебели из Филипповки // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 1. М.: Таус, 2012а. С. 203–207.
- Трейстер М.Ю. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 1. М.: Таус, 2012б. С. 50–87.
- Трейстер М.Ю. Предметы вооружения и конского снаряжения ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 1. М.: Таус, 2012в. С. 115–119.
- Трейстер М.Ю. Ахеменидские ювелирные украшения и украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 1. 2012 г. С. 134–167.

- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 2. М.: Таус, 2012. С. 84–156.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В двух томах. Т. 1. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44–61.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. I. М.: Институт археологии РАН, 2013. 232 с.
- Korolkova E.F. Camel Imagery in Animal Style Art // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. The Metropolitan Museum of Art Symposia / Eds J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; L.: Yale University Press, 2006. P. 196–207.
- Očir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga (Archäologie in Eurasien; Bd. 19). Mainz, 2005.
- Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti / Eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. Milan: Electa, Metropolitan Museum of Art, 2001. 260 p.
- Pschenichniuk A.S. Burial Ritual of the Filippovka Kurgan in the Ural Region // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. The Metropolitan Museum of Art Symposia / Eds J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; L.: Yale University Press, 2006. P. 40–45.
- The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes / Eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, Yale University Press, 2000. 303 p.
- Treister M. 'Achaemenid' and 'Achaemenid-inspired' Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers (Black Sea Studies; 11) / Eds J. Nieling, E. Rehm, E. Aarchus; Aarchus University Press, 2010. P. 223–279.

Институт переднеазиатской археологии,
Свободный Университет, Берлин

М.Ю. Трейстер

СЕМИНАР «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: БОЛГАР И СВЯЖСК». КАЗАНЬ, 21–22 ФЕВРАЛЯ 2014 г.

21–22 февраля 2014 г. в г. Казань состоялся семинар, подведший итоги полевых исследований 2013 г., на котором были представлены результаты работ на Болгарском городище и в Свяжске – памятниках, имеющих существенное значение для самоидентификации народов Поволжья. В его работе приняли участие специалисты из Института археологии Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета, Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Института археологии РАН, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Первостепенное значение для осуществления масштабных работ на ключевых памятниках Татарстана имели доклады, посвященные “археологической инженерии”, – разработок приборов и методик для обследования территорий и датировки. *Д.И. Хасанов, Б.М. Насыртдинов и К.И. Бредников* (Казань) проанализировали результаты новейших геофизических исследований территории Болгарского городища. Применение самых современных методов магнитной и электроразведки, высокоточной гравиразведки и сейсмоакустических исследований позволило обследовать обширную площадь памятника и прилегающую акваторию. В коротком сообщении *Д.В. Тишин* (Казань) привел результаты радиоуглеродного датирования образцов из Болгара, хотя их обработка и анализ еще не закончены. О применении и апробировании методических разработок с использованием современных геодезических методов и ГИС при проведении полевых археологических исследований на Болгарском городище рассказали *А.В. Старовойтов и Д.И. Хасанов* (Казань); по их мнению, такие методы позволяют максимально точно проводить фиксацию археологических объектов. *Л.В. Мельников* (Казань) выступил с сообщением о почвенных и растительных ассоциациях археологического комплекса “Болгарское городище”.

Центральная часть семинара была отведена докладам, в которых рассказывалось о результатах раскопок на конкретных объектах Болгарского городища, достигнутых в 2013 г.

С.Г. Бочаров (Симферополь, Украина) сообщил о предварительных результатах работ в районе речного вокзала, где были зафиксированы горизонты русского села XIX–XX вв. и слои золотоордынского времени (IV – поздний и ранний). В основании слоя зафиксирован горизонт с именковской керамикой. Среди объектов позднего золотоордынского периода интересна глиняная суфа (печь-лежанка) с топочной камерой и системой дымоходов.

Чрезвычайно широкие раскрытия проводились в центральной части Болгарского городища. *В.Ю. Коваль и Д.Ю. Бадеев* (Москва) продолжили изучение “Болгарского рынка” середины XIV в., включая фундаментальную постройку (городской базар?), погибшую в 1360–1370-х годах. Многочисленные

находки монет, свинцовых пломб, весовых гирек и обломков дорогой импортной посуды подтверждают правильность интерпретации этого участка как городского центра торговли дорогостоящими товарами. Находки кладов (клад серебряных слитков и двух браслетов серебряных монет в кошельке) явно указывают на высокий уровень достатка жителей этого района в ранний золотоордынский период.

Не менее интересной была информация, представленная *И.В. Волковым* (Москва), о включении в состав монументальных сооружений центральной части Болгара еще одного каменного здания, к тому же обогревавшегося печью с каном. Из завалов строительного мусора поступили детали известнякового архитектурного декора, свидетельствующие о его богатой отделке. На основании находок монет каменное здание было датировано периодом от 1340 до 1360-х годов. Ему предшествовала деревянная постройка, ориентированная в том же направлении и стоявшая на том же месте (от нее сохранились остатки обугленных конструкций и глиняной печи с каном).

В докладе *А.В. Беляева и А.И. Бугарчева* (Казань) были подведены итоги исследований к западу от Черной палаты, также был рассмотрен нумизматический материал с этого участка.

Результатам охранных работ на территории Малого городка (в южной части Болгарского городища) был посвящен доклад *Л.А. Беляева, И.И. Елкиной и А.В. Лазукина* (Москва). В ходе работ удалось изучить остатки погребального сооружения на каменном основании – мавзолея с внутренними захоронениями. Мавзолей стоял между внутренним и внешним рвами укреплений Малого городка, а с восточной и южной сторон от него проходил еще один ров шириной 2 и глубиной 1 м. Время сооружения мавзолея – конец XIV в.

Третья группа докладов была посвящена отдельным категориям находок с Болгарского городища: западноевропейским пломбам (*В.Ю. Коваль*, Москва), серебряным и медным монетам (*Д.Г. Мухаметшин*, Болгар), изделиям из стекла (*С.И. Валулина*, Казань), общеполгарской керамике (*А.А. Куклина*, Москва). С докладом о минералогическом составе белоглиняной керамики XVI–XVIII вв. из Свяжска выступила *В.Н. Бахматова* (Казань). Проведенный петрографический анализ показал однородность всех его хронологических групп. В своем выступлении *Р.Х. Храмченкова* (Казань) затронула проблематику междисциплинарных исследований в определении сырьевых источников керамического производства средневекового Болгара. Рентгенофазовый метод, петрографические исследования и химический анализ сырья и керамики позволяют выделить места добычи глины и понять масштабы керамического производства. С завершающим этот блок докладом выступил *Ю.Д. Обухов* (с. Прасковья), проведший сравнительный анализ орнаментированного сосуда из белого металла с территории Болгара и аналогичной посуды из других городов Волжской Болгарии.

В специальном обзорном докладе *Л.А. Вязова* (Казань) проанализировала пространственное размещение объектов средневековой черной металлургии в Волго-Свияжском междуречье. Поселенческие памятники VIII–X вв. сложились возле рудных месторождений в качестве специализированных центров, связанных с добычей и обработкой сырья.

И.Р. Газимзянов (Казань) подвел итоги работ за 2010–2013 гг. в области исторической антропологии. Анализ и статистической обработке подверглось значительное количество образцов (прежде всего, краниологического материала), что позволило выделить преобладающие среди городского населения

антропологические типы. *Н.В. Харламова* (Москва) добавила к этому одонтологическую характеристику антропологического материала XIII–XIV вв. Археозоологический материал из культурного слоя Болгара и Свияжска был проанализирован в докладах *Л.В. Яворской* (Москва) и *Г.Ш. Асылгараевой* (Казань).

Таким образом, семинар в Казани продемонстрировал значительный прогресс, достигнутый в 2013 г. в археологических междисциплинарных исследованиях Болгарского городища (практически на всех направлениях) и постепенное развитие серьезного изучения объектов позднесредневекового Свияжска.

Институт археологии РАН, Москва

А.В. Лазукин

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ СТУДЗИЦКОЙ (1932–2014)

11 января 2014 г. не стало Светланы Вячеславовны Студзицкой, археолога-музейщика, человека, с которым у ее коллег, друзей и знакомых связаны самые добрые и светлые чувства.

С.В. Студзицкая родилась 5 января 1932 г. в Москве. В предвоенном 1940 г. пошла в школу, которую окончила в 1950; параллельно в 1940–1943 гг. училась в “Гнесинке” – знаменитой музыкальной школе им. Гнесиных. После школы поступила на исторический факультет МГУ. Все университетские годы на кафедре археологии занималась изучением трипольской культуры под руководством Т.С. Пассек, ежегодно участвовала в ее экспедициях в Молдавии. По трипольской тематике был защищен диплом. В 1955 г. С.В. Студзицкая окончила университет с рекомендацией в аспирантуру Государственного Исторического музея (ГИМ) и надеялась продолжить дальнейшую работу по триполю. Но для музея эта тема оказалась не актуальной. В конце того же года Светлану Вячеславовну приняли в ГИМ на должность помощника ученого секретаря и одновременно секретаря директора. С этого времени музей более чем на 50 лет стал ее верным пристанищем и единственным местом работы.

Только спустя пять лет, в 1961 г., С.В. Студзицкую перевели в I археологический отдел, поручив хранение обширного фонда коллекций Сибири и Дальнего Востока эпох неолита и раннего металла. Учет, хранение и пополнение объединенных единой тематикой археологических коллекций в музее предполагает разработку их хранителем разделов концепций и тематико-экспозиционных планов основной экспозиции и временных выставок, а также аннотирование экспонатов, участие в их монтаже, подготовку пояснительных текстов и др. Таким образом, хранитель должен уметь определить научную и экспозиционную значимость археологических комплексов и вписать их в экспозиционный ряд, создав яркий образ явления, не противоречащий современным научным представлениям. Так на долгие годы определилось основное направление музейной работы и научных интересов С.В. Студзицкой.

Именно с погружением в мир музейных древностей исподволь сформировался основной вектор исследовательских интересов С.В. Студзицкой, связанный с изучением памятников искусства малых форм населения лесной полосы Северной Евразии эпох неолита и бронзы и в первую очередь Сибири. Проведение самостоятельных археологических раскопок на этой

территории музея было не под силу, но Светлане Вячеславовне удалось участвовать в работах крупнейших новейших экспедиций АН СССР 1960–1980-х годов на Енисее, Байкале, Лене и ее притоках. Это дало возможность ознакомиться с контекстом находок исследуемых произведений искусства, а работы с Л.П. Хлобыстиным и Г.Н. Грачевой на Таймыре, где археология и этнография неразделимы, дали многое для реконструкции верований таежных охотников и рыболовов.

Прочные связи с коллегами, работавшими в Сибири, остались у С.В. Студзицкой на всю жизнь. Во многих случаях они переросли в многолетнюю дружбу. Во время командировок в Сибирь или Ленинград для участия в конференциях она оставалась у друзей, а ее московская квартира стала самым надежным пристанищем для приезжавших в Москву коллег.

В 1972 г. С.В. Студзицкая защитила кандидатскую диссертацию “Памятники искусства малых форм древней Сибири как

исторический источник”, в которой были подведены первые итоги разработки этой неисчерпаемой темы и намечены дальнейшие направления исследований. Изучение изобразительных памятников древнего искусства требует от исследователя не только скрупулезного изучения археологического контекста находок, но и стилистического анализа и привлечения сравнительных этнографических материалов. Практически каждая ее работа, посвященная мелкой пластике, скульптуре, фигурным налпам на керамике, антропо- и зооморфным изделиям и изображениям, сочетает в себе эти приемы.

Исследование искусства неолита и бронзового века закономерным вызвало у С.В. Студзицкой интерес к изучению проблемы появления шаманизма в древнейших культурах Сибири. Другим импульсом для погружения в эту тему стало знакомство с богатейшими этнографическими материалами по сибирскому шаманизму в музеях Иркутска, Красноярска, Томска, Ленинграда и Москвы. Позже арсенал исследуемых памятников был дополнен находками с территории Восточной Европы, особое место среди них занял Галицкий “клад”. Совершенно органично в круг ее интересов вошли еще две крупные темы – семантика первобытного искусства и реконструкция духовной культуры охотников и рыболовов лесной полосы Северной Евразии эпох неолита и бронзы. Наиболее важными в рамках этой темы являются работы о семантике изображения лоса и змеи на бронзовых сейминско-турбинских кинжалах “княжеского” типа.

Круг образов древнего искусства, исследованных С.В. Студзицкой, необычайно широк. Среди них – произведения байкальского неолита и окуневской культуры на Енисее, находки из Горбуновского и Шигирского торфяников на Урале, волосовской культуры в Окском бассейне и др. Ею было написано множество трудов и очерков о первобытном искусстве в энциклопедических и монографических изданиях. Признанием ее заслуг стало предложение подготовить разделы по искусству Восточной и Западной Сибири для тома “Бронзовый век лесной полосы СССР” в серии “Археология СССР” (М., 1987). На основе собственных разработок она читала курс по первобытному искусству для студентов-искусствоведов МГУ.

Д.Г. Савинов по случаю юбилея С.В. Студзицкой отметил, что ее работы “представляют собой блестящий пример... сочетания различного вида подходов, образец истинного профессионализма: типологический и стилистический анализы, приводимые этнографические материалы, мифологический контекст совмещаются в них без какого-либо насилия, органически, выявляя внутреннюю сущность каждого изображения как такового, и его стилистические особенности – как средство выражения этого внутреннего содержания”.

Государственный Исторический музей, Москва
Институт археологии РАН, Москва

Но чисто исследовательская работа – далеко не единственная в перечне обязанностей музейного археолога, хотя все они в той или иной мере зависят от результатов научных изысканий. Здесь и учетно-хранительские функции, и создание основной экспозиции 1970 и 1990-х годов и множества временных выставок, и консультации по фондам, и написание буклетов, каталогов, и многое другое вплоть до занятий со школьниками.

С.В. Студзицкая с большой ответственностью относилась к своим обязанностям. Несмотря на жесткий рабочий график, она с присущими ей энергией, принципиальностью и безусловной порядочностью принимала самое активное участие в жизни музея. В 1980 г. ее назначили заведующей уже объединенным отделом археологии, которым она руководила по 1987 г. Именно в 1982 г. и началась подготовка к капитальному ремонту здания ГИМ, потребовавшая неимоверных усилий сотрудников отдела для упаковки и неоднократного перемещения полуторамиллионных коллекций внутри и за пределы музея. Перечислить выполняемые С.В. Студзицкой в те годы административные функции невозможно, сюда входило все – от согласования чертежей ящиков для упаковки коллекций до организации их перемещения. Никто тогда и представить себе не мог, что этот процесс растянется на долгие 20 лет, а сохранение фондов станет основной, но не единственной задачей сотрудников отдела. Впоследствии уже в роли ведущего научного сотрудника Светлана Вячеславовна наравне со всеми упаковывала и по окончании ремонта распаковывала коллекции, расставляла их на новые места хранения и сверяла с учетно-хранительской документацией. Этим она занималась все последние годы работы в музее.

С.В. Студзицкая всегда занимала особое место в отделе и музее. Душевная теплота, доброжелательность, умение выслушать и желание помочь каждому конкретному человеку составляли неотразимое обаяние ее личности. Это ведомо не только давним друзьям и почитателям, но и коллегам, впервые обратившимся к ней за содействием. С.В. Студзицкая была не просто носителем старых, еще городцовских музейных традиций, она являлась крепким связующим звеном между разными поколениями сотрудников отдела и музея в целом. Но самой большой ее любовью всегда оставалась молодежь отдела. Светлана Вячеславовна искренне радовалась успехам молодых, не жалея времени, выслушивая, наставляя, советуя и при необходимости защищая.

Трудно свыкнуться с мыслью, что Светланы Вячеславовны с нами нет, но остаются ее труды и светлая память об умном, добром, справедливом человеке и высокопрофессиональном исследователе.

И.В. Белоцерковская
С.В. Кузьминых

СТОЛЯР АБРАМ ДАВИДОВИЧ

(10.05.1921–20.04.2014)

In memoriam

Окончание жизненного пути любого человека всегда отзывается болью и страданиями для близких и друзей. Уход Абрама Давидовича Столяра – большая трагедия для его многочисленных учеников, почитателей и последователей, рассеянных, без преувеличения, по всему миру.

Абрам Давидович родился 10 мая 1921 г. в городе Мелитополь на Украине. Его отец был часовым мастером и ювелиром, получившим образование в Швейцарии, мать занималась домашним хозяйством. Позднее А.Д. Столяр вспоминал свое раннее детство “очень светлым и добрым по всей семейной атмосфере”. Подростком, в 1932 г., вместе с родителями он переехал в Ленинград, о встрече с которым потом отзывался так: “Великий город ... поразил меня, как святыня, с силой, наверное, редко доступной коренным его уроженцам. Я был опынен его духовным богатством и историей, истово полюбил его, проникаясь с течением десятилетий все более глубоким пониманием уникально сдержанной красоты”. Эти детские впечатления и любовь к Ленинграду/Санкт-Петербургу он сохранял всю жизнь.

В Ленинграде 11-летний мальчик попал в гуманитарную атмосферу прекрасной школы № 17 (бывшей гимназии Карла Мая). Кроме того, в течение шести лет он посещал кружки Эрмитажа, Русского музея, Кунсткамеры. Еще школьником, летом 1937 г. участвуя в работах экспедиции на Оленьем острове, Абрам Столяр получил археологическое “крещение” от В.И. Равдоникаса и навсегда отдал свое сердце археологии.

Студент исторического факультета Ленинградского государственного университета с 1938 г., благодаря лекционным курсам прекрасных преподавателей, он получил основу исторического образования, но пока еще не определился с выбором археологической специализации. Практическому освоению специальности послужили полевая практика на раскопках Старой Ладоги и участие в обработке материалов экспедиции в камеральной мастерской Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР). В результате еще студентом второго курса Абрам Давидович был принят в главное академическое археологическое учреждение страны. Приказом № 219 от 25-XI-1939 г. его зачислили в штат временно на должность научно-технического сотрудника.

В августе 1941 г. А.Д. Столяр добровольцем ушел на фронт. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, был ранен, награжден орденом и медалями. Никогда не любил рассказывать о своих военных годах, ограничиваясь короткими фразами: “особых подвигов не совершал, были более достойные, а лишения и горечь потерь словами не передать”.

После демобилизации в 1946 г. Абрам Давидович вернулся на истфак, где навсегда попал под благотворное влияние профессора Михаила Илларионовича Артамонова – “духовного отца” и учителя (так он сам называл “фельдмаршала археологии”) – не только по полному созвучию имен, но и по занимаемому в науке положению), сыгравшего в его жизни исключительную роль. На последнем курсе получил сталинскую стипендию, что было для семьи (отец скончался в 1944 г.) существенным материальным подспорьем.

Завершив с отличием обучение в 1948 г., А.Д. Столяр был принят в аспирантуру кафедры археологии ЛГУ – для челове-

ка с такой “родословной” в политической атмосфере борьбы с космополитизмом конца 1940 – начала 1950-х годов – случай уникальный. Как впоследствии считал сам Абрам Давидович (и не без оснований), этот случай – результат личной смелости М.И. Артамонова (в ту пору проректора по научной работе, а с января по апрель 1950 г. – и.о. ректора ЛГУ), неоднократно многим помогавшего без оповещения и объяснений, руководствуясь заповедью об анонимности истинно добрых дел.

Учеба в аспирантуре совпала с деятельностью возглавляемой М.И. Артамоновым одной из крупнейших в это время в стране Волго-Донской археологической экспедиции, проводившей исследования в зоне строительства канала Волга–Дон. Зачастую жертвуя своими научными интересами, молодой аспирант занимался многочисленными хозяйственными и организационными проблемами большого коллектива, ведущего полевые работы в условиях открытой степи и безлюдной зоны затопления. Определенные сложности добавляло то, что в экспедиции, работавшей в ведомстве одной из “великих строек социализма”, широко использовался труд заключенных женщин. Тем не менее А.Д. Столяру удалось провести раскопки курганной группы у хутора Попова. Это был первый опыт раскопок курганов с использованием землеройных машин.

В профессиональном взрослении Абрама Давидовича помимо М.И. Артамонова принимали участие В.И. Равдоникас, П.П. Ефименко, С.Н. Замятин, П.И. Борисковский, М.П. Грязнов, А.П. Окладников. Работа о Мариупольском могильнике, выполненная в семинаре М.И. Артамонова, была опубликована в 1947 г. в Сборнике студенческих и аспирантских работ истфака ЛГУ. Этот скрупулезный анализ материалов неолитического могильника, сразу же обративший на себя внимание специалистов, в дальнейшем стал основой кандидатской диссертации А.Д. Столяра, защищенной в 1953 г.

Недолго поработав в Крымском филиале Академии наук УССР, А.Д. Столяр возвратился в Ленинград и стал сотрудником отдела истории первобытной культуры Государственного

Эрмитажа (1956–1964 гг.). Помимо сугубо музейной работы, например организации новаторской выставки “Древнейшее прошлое Ленинградской области”, которая строилась на принципах максимальной наглядности экспонируемого археологического материала, достигаемой за счет насыщения экспозиции картами, рисунками, макетами, графическими реконструкциями и другими всевозможными пояснительными материалами, А.Д. Столяр вел значительные полевые исследования на Северном Кавказе. В основном изучались памятники энеолитического времени, среди которых можно выделить раскопки поселения Мешоко. Полученные здесь результаты заставили пересмотреть сложившуюся схему культурно-хронологического взаимодействия населения двух наиболее ярких культур эпохи раннего металла на Северном Кавказе и обогатили археологические собрания музея (Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. СПб., 2009).

Работа в Эрмитаже проходила в атмосфере постоянного визуального контакта с памятниками искусства и личного общения с замечательными специалистами-искусствоведами. Все это постепенно привело к занятиям теми проблемами, где феномен расцвета пещерного творчества в ледниковую эпоху и загадка рождения изобразительной деятельности в палеолите не давали покоя уже не одному поколению исследователей. Директор Эрмитажа М.И. Артамонов настоятельно рекомендовал ученику вплотную заняться именно проблематикой генезиса изобразительного искусства в глубочайшей древности. Тема привела А.Д. Столяра в 1972 г. к защите докторской диссертации “Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении”. После многочисленных коллизий и доработок в 1985 г. работа была опубликована издательством “Искусство” в виде солидной монографии с сокращенным названием “Происхождение изобразительного искусства”, но расширенным содержанием. Автор сформулировал и обосновал свою теорию происхождения изобразительного искусства еще в эпоху финала нижнего палеолита, которая прошла в развитии три последовательные стадии – “натурального творчества”, “натурального макета” и “глиняного периода”. Новаторский подход к разработке темы заключался в том, что исследователь опирался на археологические материалы, а не на умозрительные заключения.

В 1964 г., вслед за учителем, А.Д. Столяр перешел на постоянную работу на кафедру археологии ЛГУ. Ему пришлось готовить и читать разные курсы лекций: “История первобытного общества”, “Основы археологии”, “Энеолит”, “Музееведение”, “Происхождение искусства”. Особенно близкими его научным изысканиям, его своеобразной визитной карточкой стали лекции по последней теме. Посвященные древнему искусству, образные и яркие, утверждающие подлинность и глубину древность пещерной живописи, богато иллюстрированные слайдами, представляющими лучшие образцы искусства Европы каменного века, курсы Абрама Давидовича надолго запоминались слушателям. Названия таких памятников, как Альтамира, Ласко, Бесов Нос, Залавруга прочно входили в сознание студентов кафедры археологии вне зависимости от их специализации. Помимо богатейших профессиональных знаний всегда удивляли огромная эрудиция, внутренняя культура и интеллектуальный потенциал блестящего лектора.

В 1972 г. после внезапной смерти М.И. Артамонова, согласно его воле, А.Д. Столяру пришлось в непростых условиях возглавить кафедру археологии ЛГУ и руководить ее деятельностью до 1995 г. Абрам Давидович подготовил более 100 специалистов-археологов, многие из которых по сей день плодотворно работают в России, странах бывшего СССР и далеко

за его пределами; обучил несколько десятков аспирантов. Под его непосредственным руководством были защищены 25 кандидатских и докторская диссертации.

Кроме напряженной работы на кафедре, он читал лекции на восточном и философском факультетах ЛГУ/СПбГУ, познавательное, научное содержание и блистательное исполнение которых отмечались всеми студентами не только Ленинграда/Санкт-Петербурга, но и других вузов СССР/России, Венгрии, Болгарии, Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии.

Особая страница в разнообразной деятельности А.Д. Столяра – взаимодействие с сибирской археологией. Многочисленные в ту пору студенты, аспиранты и стажеры из разных городов далекого края неизменно находили его поддержку в стенах кафедры археологии, которая становилась для них родным домом. Решающую роль А.Д. Столяр сыграл в судьбах читинских археологов, которых неоднократно посещал с лекциями, консультировал на раскопках палеолитических стоянок.

Его педагогическое мастерство и научная работа неоднократно поощрялись грамотами и знаками Министерства образования, университетскими премиями и дипломами. А.Д. Столяр был удостоен высокого звания “Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации”, награжден нагрудным знаком “Почетный работник высшего образования РФ” и “За отличные успехи в работе”. В 2004 г. ему было присвоено звание “Почетного профессора СПбГУ”.

Основной темой исследований профессора А.Д. Столяра в последние десятилетия стала история Европейского Севера в эпоху мезолита – неолита. Продолжая традицию, заложенную В.И. Равдоникасом, Абрам Давидович основное внимание уделял замечательным памятникам первобытного искусства – карельским петроглифам, по мнению самого исследователя, “раскрывающим тайну движущих сил широкого этнокультурогенеза в лесной полосе в конце эпохи камня”. Основное научное направление, разрабатываемое А.Д. Столяром, было нацелено на решение актуальной задачи аналитико-археологического документирования колоссального пути становления человеческого сознания в свете концепции В.И. Вернадского – Т. де Шардена о духовной сущности человеческого феномена. Особенно ценным вкладом А.Д. Столяра в развитие археологической мысли современности стал его новаторский опыт археологического осмысления происхождения творчества. Он попытался раскрыть исключительную роль гигантских собраний неолитических петроглифов Фенноскандии как основных “инструментов” этно-социо-глобо-культурогенеза всей лесной полосы России.

Свято чтя память учителей, А.Д. Столяр выступил главным инициатором и организатором двух крупных международных конференций, посвященных 100-летию юбилеям выдающихся археологов, его предшественников на посту заведующего кафедрой археологии ЛГУ – В.И. Равдоникаса и М.И. Артамонова. Он также опубликовал памятные заметки о ряде крупнейших советских археологов – Б.Б. Пиотровском, П.И. Борисковском, С.Н. Замятнине, М.П. Грязнове, С.А. Семенове, Б.А. Латынине. А.Д. Столяр всегда с удовольствием рассказывал об их деятельности новым поколениям студентов.

Тех, кому посчастливилось повстречаться на жизненном и научном пути с Абрамом Давидовичем, поражали его острый ум, цепкая память, увлеченность работой, теплое, доброжелательное отношение к людям, готовность помочь, поддержать словом и делом.

Абрам Давидович навсегда останется в сердцах своих многочисленных друзей, младших товарищей, учеников. С любовью и благодарностью будем помнить прекрасного человека,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет,
Музей истории СПбГУ, Санкт-Петербург

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет,
Санкт-Петербург

Университет Тромсё, Норвегия

Институт археологии РАН, Москва

доброго учителя, Абрама Давидовича Столяра, горестно сознавая, что уход блестяще одаренной личности знаменует собой завершение целой эпохи в истории отечественной археологии.

Е.Н. Носов

И.Л. Тихонов

*А.Ю. Алексеев,
С.М. Остаинский, М.Б. Пиотровский,
Ю.Ю. Пиотровский, В.С. Теренин, К.В. Чугунов*

*С.А. Васильев,
Л.М. Всевиов, Е.Ю. Гиря, А.И. Сакса, Н.В. Хвоцинская,
В.Я. Шумкин*

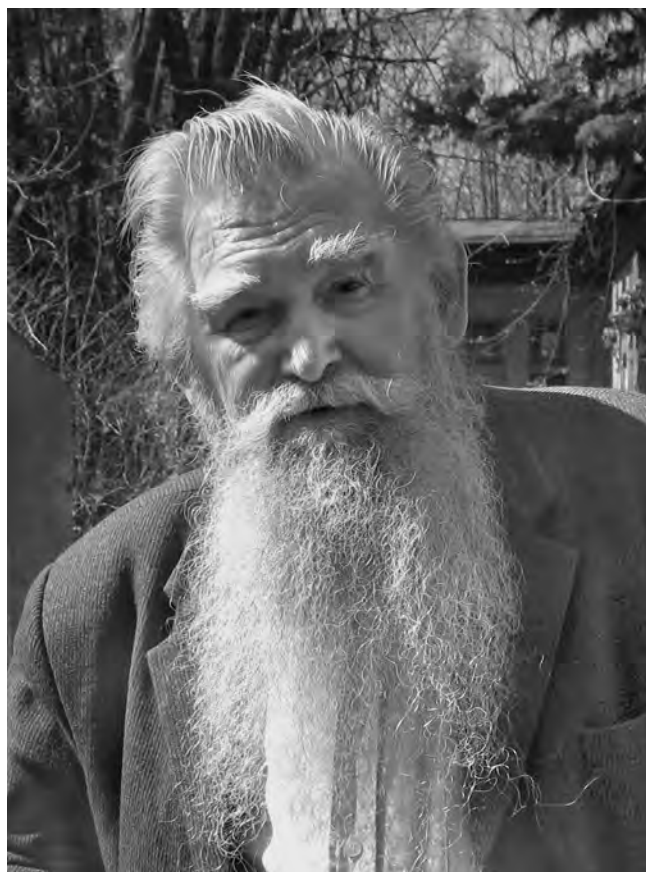
А.Г. Козинцев, Ю.К. Чистов

А.М. Ельяшевич

Кнут Арне Хельског

*В.Л. Державин,
А.Н. Сорокин, А.В. Энговатова*

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ КАМЕНЕЦКИЙ (02.02.1930 – 02.05.2014)

2 мая 2014 г. не стало Игоря Сергеевича Каменецкого, замечательного археолога, разностороннего специалиста, внесшего весомый вклад в развитие советской/российской науки.

Игорь Сергеевич родился в Куйбышеве (Самаре) в семье научных сотрудников. Однако его детские и юношеские годы прошли в Ленинграде. Здесь они с матерью (отец умер в заключении в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.) встретили войну, отсюда были эвакуированы в Кировскую область в середине первой, самой страшной блокадной зимы, сюда возвратились в октябре 1944 г. По окончании школы, с 1948 по 1953 г., Игорь Сергеевич учился на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Впоследствии он неизменно называл своими главными учителями М.И. Артамонова и Л.А. Мацулевича. Первый полевой опыт он получил в крупнейших новостроечных экспедициях того времени: Волго-Донской (1949–1950), Молочанской (1951) и Сталинградской (1952–1954)¹. Наверное, это был перст судьбы, потому что именно новостроечные работы и проблемы сохранения памятников археологии стали одним из главных направлений его дальнейшей жизни.

После окончания университета Игорь Сергеевич недолгое время работал на договорах в Ленинградском отделении ИИМК АН СССР и областном музее краеведения (Ростов-на-Дону), а в 1954 г., как с гордостью отмечал потом, стал первым и единственным на тот момент старшим научным сотрудником Таганрогского краеведческого музея. Молодой, энергичный И.С. Каменецкий интересовался всем – от палеолита до средневековья, но именно здесь произошло его становление как

¹ Годы участия И.С. Каменецкого.

специалиста по археологии меотов и ближайшей варварской периферии античного мира. В 1954–1955 гг. им были проведены самостоятельные раскопки Нижне-Гниловского городища (возглавлял экспедиции Таганрогского музея до 1958 г.). В 1955 г. началось его многолетнее участие в работах Нижне-Донской экспедиции Института археологии Академии наук СССР (ИА АН СССР) в Танаисе (до 1974 г.).

В 1957 г. Игорь Сергеевич поступил в аспирантуру ИА АН СССР и перебрался в Москву, продолжая вести раскопки меотских памятников, изучению которых была посвящена его кандидатская диссертация “Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э.”, защищенная в 1965 г. После окончания аспирантуры И.С. Каменецкого оставили в Институте археологии, где он проработал 54 года – до последнего дня жизни. Здесь Игорь Сергеевич прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом. Сначала работал в секторе скифо-сарматской археологии (с 1963 по 1967 г. – ученый секретарь). Позднее был сотрудником, ответственным секретарем (с 1969 по 1972 г.) и членом редколлегии главного отечественного профильного журнала “Советская археология”.

60-е годы прошлого века в мировой и отечественной науке – время активного поиска новых познавательных возможностей в археологии, разработки теоретических вопросов, растущего интереса к использованию методов точных и естественных наук. Все это стало одной из основных тем исследований Игоря Сергеевича на многие годы вперед. Направлением, почва для которого была подготовлена всей предшествующей работой на хорошо стратифицированных памятниках с многометровым слоем и большим числом находок, оказалось использование методов математической статистики применительно к археологическому материалу. Результатом явились работы по анализу краснолаковой керамики и ряду других категорий находок. Многие идеи нашли изложение в изданной позже книге “Городища донских меотов” (М., 1993). Главным же итогом, получившим всеобщее признание, стал “Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода)” (М., 1975), написанный в соавторстве с Я.А. Шером и Б.И. Маршаком. Книга стала настольной для нескольких поколений исследователей и отнюдь не потеряла своего значения (переиздана в 2014 г.).

Еще одно направление – разработка принципов формализованного описания археологических материалов и специальных кодов по разным категориям источников для создания баз данных с целью последующей их машинной обработки. В 1973 г. Игорь Сергеевич был переведен в лабораторию естественно-научных методов Института археологии, где возглавил кабинет формализации. Для реализации задач удалось закупить наилучшее по тем временам оборудование: перфораторы, сортировщики. Формально кабинет просуществовал до 1977 г., однако фактически уже в 1975 г. весь его коллектив был переброшен на новостроечные работы на юг России. Работу над базами данных в конечном итоге пришлось прервать, но был достигнут важный результат – разработанные Игорем Сергеевичем коды для описания форм керамики и погребального обряда, основные принципы которых так или иначе используются при решении аналогичных задач и по сей день. Созданные с позиций универсального, а не ориентированного на конкретное исследование описания, они по своей логической стройности, четкости и, можно даже сказать, простоте заметно превосходят многие из последующих разработок такого плана. Заложенные в них принципы актуальны и востребованы и сегодня, несмотря

на прогресс, достигнутый в работах с компьютерными базами данных.

В апреле 1975 г. И.С. Каменецкого назначили начальником новостроечной Донской экспедиции и вместо разрозненных, не связанных между собой отрядов постепенно начал создавать крупнейшую на европейском юге России структуру, способную осуществлять работы любой сложности и объема. Организация работы и быта, финансовое и материально-техническое снабжение, подбор кадров, разведки и раскопки, камеральная обработка и написание отчетов – все свалилось сразу. Для одновременного ведения работ на Нижнеманычской, Миусской, Багаевско-Садковской, Верхнесальской оросительных системах, на площадках “Атоммаша” и в других местах Ростовской области был нужен коллектив. Для этого приглашались и проходили проверку делом коллеги-археологи, студенты и аспиранты из разных городов, причем многие сразу же начинали вести самостоятельные работы – от начальников раскопок до начальников отрядов. Налаживалось постоянное сотрудничество с археологической лабораторией Ростовского университета. Для унификации разрабатывались общие правила при ведении дневников, оформлении чертежной документации; устанавливались строгие методические процедуры раскопок и фиксации и т.д. В дальнейшем все это воплотилось в выпуске методических указаний, правил безопасности, финансовых инструкций, общих для всего института и даже за его пределами. Организационная работа – огромная, трудностей много. Но в итоге – экспедиция создана, экспедиция работает. Сам Игорь Сергеевич переезжал из отряда в отряд, обычно кроме общего руководства принимая на себя фотоработы и составление полевых, коллекционных или антропологических описей.

Донская экспедиция проработала четыре года. В Ростовской области не без ее помощи и содействия сформировались и набрали силу собственные новостроечные структуры. В 1979 г. экспедиция перебазировалась в Краснодарский край, сменив название на Северо-Кавказскую, но сохранив большую часть коллектива и организационные принципы. Здесь, на берегу Кубани, Игорем Сергеевичем была обустроена постоянная Северо-Кавказская база института, существующая и по сей день. В 1979–1981 гг. при раскопках Пашковского 6 городища и грунтового могильника Лебеди III им был получен огромный новый материал по меотской культуре. Разработана и опробована методика сплошных площадных разведок, охватывающих целые административные районы, по тем временам – абсолютное новаторство, особенно для курганной археологии. Отдельным направлением стали раскопки уникального по своей сохранности скального средневекового могильника Мошечая Балка в верховьях Лабы, проведенные Каменецким в 1982–1984 гг. совместно с Е.И. Савченко.

Оставаясь неформальным лидером экспедиции, Игорь Сергеевич вплоть до 1995 г. продолжал руководить разведочными отрядами, сосредоточив основное внимание на меотских памятниках и материалах. За это время ему удалось обследовать практически все течение Кубани и множества ее притоков, выявить многие десятки неизвестных ранее городищ и несколько новых локальных районов, существенно скорректировать границы самой меотской культуры, определить ее внутреннюю структуру, для многих памятников – хронологические рамки. И как результат – серия трудов по меотской археологии, посвященных хозяйственно-экономическим вопросам, демографии, социальному устройству – темам, до того практически не разработанным и, как оказалось, неразрешимым только на основании раскопок. И еще раздел, посвященный меотам и их

соседям на Северо-Западном Кавказе для скифо-сарматского тома “Археологии СССР” (М., 1989). И еще многое, что позволяет назвать И.С. Каменецкого создателем и признанным главой особого направления отечественной археологии – археологии меотов, школы, объединяющей десятки специалистов в разных городах страны и прежде всего на юге, в Ростове и Краснодаре.

Работа И.С. Каменецкого в новостроечном секторе Института продолжалась сравнительно недолго, с 1979 по 1985 г., однако реальный вклад его в развитие спасательных работ на новостройках трудно переоценить. Он был соавтором изданных отдельными брошюрами методических указаний, нормативов и расценок, участником множества комиссий, выезжавших для проверки экспедиций, разрешения возникавших во множестве спорных ситуаций или методических вопросов. Развитию и совершенствованию методики исследований различных категорий памятников посвящен ряд его научных публикаций. Позднее эти знания пригодились для дела охраны памятников, в частности – при разработке закона об археологическом наследии в 1993 г.

С 1985 г. и до последних дней Игорь Сергеевич работал в отделе теории и методики Института археологии, с 1994 по 2002 г. был его заведующим. С 1995 г. вошел в редколлегию журнала “Российская археология”, а с 2003 – в редакционный совет. В эти годы, не оставляя прежних тем (меоты, скифо-сарматская археология, вопросы теории, охрана археологического наследия), он стал уделять большое внимание истории археологии, не ограничиваясь известным и очевидным, а добывая из малоизвестных источников данные, не привлекавшие никого ранее.

И, конечно же, совершенно необходимо выделить еще один аспект жизни и трудов И.С. Каменецкого: он был прирожденным Учителем. Признанным и признаваемым. Он учил личным примером, учил дисциплине самодисциплиной прежде всего, что особенно важно в поле. Служил примером пунктуальности в трудовом распорядке своих экспедиций и подразделений. Он знал, что важнее всего – увлечь сотрудников, объяснив им смысл и значение их деятельности. Отсюда регулярное чтение лекций почти в каждой (по крайней мере из тех, что мы застали) экспедиции для лаборантов и рабочих. На эти лекции коллективы отрядов собирались почти в полном составе, отложив все дела и развлечения. Что же касается научных вопросов, они так же детально и увлекательно излагались им в лекциях и

лекционных курсах по теории, методике и применению новых методов. Таких лекций, воспринимавшихся слушателями с огромным и неизменным интересом, было много. Они читались аспирантам и стажерам нашего Института. Они читались для всех желающих в помещении Северо-Кавказской экспедиции в московском Рыбном переулке, пока оно существовало. Спецкурс по формализации в археологии был прочитан в Дальневосточном центре Академии наук СССР (Владивосток), в Уральском и Самарском университетах, выдержки из него – в Академии наук Узбекской ССР и для коллег на Кубе. В 1999–2002 гг. проходил специальный курс археологии на кафедре антропологии МГУ. А с 1999 г. и на протяжении 15 лет курсы по основам археологии и истории археологической науки преподавались в Московском государственном университете культуры и искусств.

Игорь Сергеевич был обаятельным, энергичным человеком. Все вокруг интересовало его до самых последних дней. Он посетил множество стран на четырех континентах. За несколько дней до смерти собирался в Испанию. А потом – на Северо-Кавказскую базу, где на протяжении ряда лет готовил к публикации материалы одного из самых крупных изученных меотских могильников – Лебеди III. Многое, к сожалению, осталось незаконченным.

Он не был амбициозным. Главным в жизни всегда оставалась работа, дело, которое он знал и любил. Его последняя большая книга, посвященная меотам (Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011), вобрала в себя огромное количество материалов, накопленных на протяжении более полувека. И в ней же он упомянул добрым словом практически всех, кто занимался этой тематикой или даже просто соприкоснулся с ней в ходе полевых работ, не сделав исключения ни для оппонентов, с которыми приходилось дискутировать, ни для бывших уже своих подчиненных. В книге, пусть в неявной форме, очень много личного, это не просто исследование. Такое впечатление, будто Игорь Сергеевич если и не прощался со всем и всеми напрямую, то по крайней мере поведал на ее страницах очень многое из пережитого и пережитого.

Нам, кто дружил, общался, работал рядом и в особенности под его началом, кто учился у него, всегда будет не хватать этого замечательного человека.

Прощайте, Учитель.

Институт археологии РАН, Москва

А.Н. Гей, И.А. Сорокина

ПАМЯТИ ВАДИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА РАНОВА (19.02.1924–15.09.2006)

В 2014 году отмечается 90-летний юбилей известного исследователя среднеазиатского палеолита Вадима Александровича Ранова.

В.А. Ранов родился в г. Верхотурье Свердловской области 16 февраля 1924 г., но с 14 лет и до конца жизни жил в Душанбе. В 1941 г. его, ученика 9 класса, не пустили на фронт, но взяли в артиллерийское училище, которое он окончил в 1943 г., сразу попав в страшное танковое сражение на Курской дуге командиром 45-мм противотанкового орудия. С 1943 по 1945 г. у него два ранения и два ордена Красной Звезды. Затем служба на Ляодунском полуострове в Китае и возвращение в Душанбе в 1948 г. капитаном артиллерии. Окончив 10 класс вечерней школы, В.А. Ранов в 1949 г. поступил на историко-филологический факультет Ташкентского государственного университета.

Свои первые исследования Вадим Александрович начинал студентом в 1951 г. в экспедициях под руководством А.П. Окладникова, учеником которого всегда себя считал, и Б.А. Литвинского, на долгие годы ставшего его учителем, руководителем и другом. Но сам Б.А. Литвинский называл В.А. Ранова автодидактом – человеком, который выучил себя сам. С 1955 г. В.А. Ранов провел более 80 экспедиций и стал наиболее ярким исследователем каменного века Средней Азии, уже в 1961 г. создав периодизацию среднеазиатских памятников каменного века.

В научной деятельности В.А. Ранова намечаются два основных этапа. В ходе первого, продолжавшегося 20 лет (1953–1973 гг.), внимание исследователя было сконцентрировано на мустьерских и верхнепалеолитических памятниках, связанных с террасовыми поверхностями и пещерами; на втором, 30-летнем, – на так называемом лессовом палеолите. Эти этапы различались и по характеру ведущих методов поиска, и по стра-

тиграфической характеристике археологических объектов. На первом преобладали геолого-геоморфологические методы, на втором – литолого-стратиграфические (выделение педокомплексов в лессовых отложениях).

Начало первого этапа (1953–1961 гг.) – “героическая стадия” с многочисленными открытиями. В Таджикской депрессии это Кара-Бура, Ак-Джар, Шугноу, Туткаул, Огзи-Кичик; на Памире – Ош-хона; в Фергане – Джар-Кутан, Ак-Тенги и так называемый кайраккумский палеолит. В 1963 г. защищена кандидатская диссертация на тему “Каменный век Таджикистана”.

Вторая половина этапа (1962–1973 гг.) сопровождается исследованиями смежных территорий и важными обобщениями. В 1962 г. – поездка по памятникам Ферганы, открытым П.Т. Коноплей, а в 1966 г. – по крупнейшим стоянкам Узбекистана и Киргизии. Публикуются важные обзоры: “Древности Кайрак-Кумов” (1962 г., совместно с Б.А. Литвинским и А.П. Окладниковым); “Каменный век Таджикистана” (1965 г.); “Палеолитические находки в Южной Фергане” (1976 г., совместно с С.А. Несмеяновым и П.Т. Коноплей); материалы по каменному веку юга Туркмении (1966 г., совместно с Б.К. Лузгиным), а с А.А. Никоновым – по мезолиту Южного Дарваза (1971 г.) и палеолиту Северного Афганистана (1973 г.). Общим итогом первого этапа стала монография В.А. Ранова и С.А. Несмеянова “Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии” (1973 г.), отразившая археологическую и геолого-геоморфологическую характеристики всех основных памятников, представленных на фоне единой корреляционной стратиграфической схемы. Памятники были разделены В.А. Рановым на две группы: стоянки леваллуа-мустьерской фации, близкие к переднеазиатским, и памятники, которые находят аналогии в Восточной Азии, особенно в соанской культуре Индии. Доклад о галечных культурах Средней Азии был представлен В.А. Рановым на VII Международном конгрессе доисториков в Праге (1966 г.). Оригинальны палеоэкологические реконструкции условий существования наиболее крупных мустьерских стоянок открытого и пещерного типов (1971 г., совместно с С.А. Несмеяновым) и более молодых культур на Памире и в Афгано-Таджикской депрессии (1960–1978 гг., совместно с Л.Ф. Сидоровым, А.А. Никоновым, М.М. Пахомовым).

В это время в республиках Средней Азии формировались региональные и корреляционные стратиграфические схемы антропогена, опиравшиеся в основном на расчленение террасовых образований. В.А. Ранов принимал самое активное участие во всех среднеазиатских совещаниях геологов-четвертичников и археологов и в работе Географического общества Таджикистана. Благодаря этому и многочисленным публикациям результаты его исследований быстро становились широко известными.

Второй этап, связанный с изучением мощных лессовых толщ Таджикистана и Афганистана, длился практически всю последующую жизнь В.А. Ранова, когда он тесно контактировал с А.А. Лазаренко, А.А. Никоновым, А.Е. Додоновым, А.В. Пеньковым, М.М. Пахомовым и другими исследователями. Обнаружение в лессовых толщах важных археологических памятников (Каратау, Карамайдан, Кульдара, Лахути, Оби-Мазар, Хонако, Худжи и др.), древность которых достигала 900 тыс. лет, побудило В.А. Ранова освоить новый комплекс методов и вообще переосмыслить возраст заселения древними людьми территории юга Средней Азии. Применение почвоведческих, палеомагнитных, палинологических исследований позволило использовать палеоклиматологию и абсолютное датирование археологических объектов.

Результаты археологической части этих исследований отражены в книге В.А. Ранова, написанной в соавторстве с Г.Р. Каримовой (2005 г.).

В.А. Ранов, несомненно, был человеком выдающихся способностей. Ему были присущи широта научных интересов, стремление к комплексности исследования каждого археологического памятника одновременно с очень тщательной его документацией. Человек и среда обитания – общепризнанная ныне парадигма в археологии – были в его исследованиях неразрывно связаны уже с 60-х годов XX в. Впечатляют результаты его исследований наскальных рисунков. На Памире им были открыты самые высокогорные в мире образцы первобытного искусства. Ему же принадлежит разработка периодизации наскальных изображений Памира.

Вадим Александрович изучал каменный век и во многих зарубежных странах (их более 20) – в Монголии, Индии, Вьетнаме, Китае, Афганистане, Израиле, Чехии, Венгрии, Франции, Германии, Бельгии, США и др. Он посетил почти все древнейшие памятники Старого Света. Личное знакомство с множеством археологических коллекций артефактов разных стран обусловило его удачные попытки коррелировать палеолитические памятники лессового палеолита от Тихого до Атлантического океана и внести вклад в учение о миграционных процессах при смене культур каменного века. Фундаментальной является его концепция эстафетного заселения Ойкумены человеком.

Вадима Александровича охотно приглашали на конференции и для чтения лекций по всему миру, поскольку он приезжал неизменно с новыми материалами, оригинальными идеями и умел излагать их содержательно, интересно, в яркой форме. Будучи к тому же увлекательным собеседником, неистощимым рассказчиком, обладавшим юмором и запасом занимательных историй, он всегда был желанным гостем и сам принимал в Таджикистане коллег из разных стран. Видные ученые-археологи из США, Великобритании, Германии, Франции, Индии, Китая бывали у В.А. Ранова и принимали участие в экспедиционных работах, результатом чего становились совместные доклады и публикации. Трудно переоценить положительный эффект таких совместных работ и для археологии в целом, и для археологии Таджикистана, и для имиджа СССР.

В.А. Ранов работал и читал лекции в крупнейших музеях и научных учреждениях мира: Музее палеонтологии человека (Франция); Музее Пибоди (США); Кембриджском, Лондонском, Шеффилдском, Саутхемптонском, Оксфордском (Анг-

лия); Кельнском (Германия); Пенсильванском, Колумбийском, Гарвардском, Беркли (США) университетах и многих других. В 1982 г. В.А. Ранов был избран секретарем комиссии ИНКВА “Палеоэкология древнего человека”, а в 1991 – ее вице-президентом. С 1986 г. В.А. Ранов – член-корреспондент Германского археологического института, а с 1994 – пожизненный член Клер Колледжа (Кембридж, Англия). В 1994 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук Таджикистана.

Интересы его распространялись далеко за пределы археологии в область естественных наук. Вадим Александрович по праву может считаться одним из основателей геологии палеолита, а затем и геоархеологии Средней Азии. Широта научных интересов, целеустремленность сказались как на количестве публикаций (около тысячи), так и на числе соавторов – более 250 (!).

Много сил отдавал он популяризаторской работе. Легко читаются прекрасно написанные им статья “По следам каменного века” (в книге “Археологи рассказывают”, 1959 г.) и книги “Археологи на крыше мира” (1967 г.) и “Древнейшие страницы истории человечества” (1998 г.). Многочисленны его выступления в газетах, на радио и телевидении.

Работать с Вадимом Александровичем в экспедициях всегда было интересно, поучительно. Его стремление к взаимодействию, открытость, дружелюбность, увлеченность делом способствовали и обсуждению научных вопросов, и магнетически действовали и на молодых сотрудников, и на солидных коллег. В.А. Ранов сам побывал у многих коллег на раскопках, где его активность, богатый опыт и бескомпромиссность позволяли высказывать оригинальные суждения, а его участие делало такие поездки веселыми, даже праздничными предприятиями.

Вадим Александрович обладал “легким пером”, писал постоянно и много. Это касалось и научных работ, и популярных статей, и книг, и газетных “отчетов” об экспедициях внутренних и зарубежных, и эпистолярного жанра. Многочисленные публикации в самых разных изданиях и на разных языках – это неоценимый и, по всей вероятности, еще недооцененный фонд отечественной археологии, который только предстоит систематизировать. И не случайно в заглавии статьи, посвященной его 80-летию, журнал “Археология, этнография и антропология Евразии” назвал В.А. Ранова живой легендой археологии каменного века.

Память о Вадиме Александровиче Ранове навсегда сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось его знать.

Институт геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН,
Москва

Институт физики земли РАН, Москва

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень

С.А. Несмеянов

А.А. Никонов

С.А. Лаухин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ	– Археологические работы в Таджикистане. Душанбе	ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.	ИПЦ ВГУ	– Издательско-полиграфический центр ВГУ
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии. Уфа	КазНУ	– Казахский национальный университет им. Аль Фараби. Алматы
ВА	– Вопросы антропологии. М.	КарГУ	– Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
ВеА	– Вестник антропологии. М.		– Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ВГУ	– Воронежский государственный университет	КГПУ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
ВДИ	– Вестник древней истории. М.		– Материалы и исследования по археологии России. М.
ВОУ	– Вестник Омского университета	МАИЭТ	– Нижневожский археологический вестник
ВЧГУ	– Вестник Челябинского государственного университета	МИАР	– Народный комиссариат просвещения РСФСР
ГБУК МИСР	– Государственное бюджетное учреждение культуры “Музей-институт семьи Рерихов”. СПб.	НАВ	– Омский государственный университет
ДГУ	– Днепровский государственный университет	НКП (Наркомпрос) ОГУ	– Отчет Императорского Российского Исторического музея. М.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.	ОИРИМ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
ИА МОН РК	– Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы	САИПИ	– Тверской археологический сборник
ИА НАН РК	– Институт археологии им. А.Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан. Алматы	ТАС	– Труды Государственного Исторического музея. М.
ИАЭ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск	ТГИМ	– Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.; СПб.	ТГНГУ	– Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ИИА УрО РАН	– Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург	ТСА РАНИОН	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ИИАЭ АН КазССР	– Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова академии наук Казахской ССР. Алматы	ТрХАЭЭ	– Тохаристанская экспедиция
ИИХН НАН КР	– Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук Киргизской Республики. Бишкек	ТЭ УАВ	– Уфимский археологический вестник
		УрГУ	– Уральский государственный университет. Екатеринбург

XB3	– Хочу все знать. М.	OGIS	– <i>Orientis Graeci Inscriptiones Selectae</i> . Leipzig
AMIT	– <i>Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan</i> . Berlin	SEG	– <i>Supplementum Epigraphicum Graecum</i> . Leiden
BAI	– <i>Bulletin of the Asia Institute</i> . Bloomfield Hills	SMYA	– <i>Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja</i> . Helsinki
ESA	– <i>Eurasia Septentrionalis Antiqua</i> . Helsinki	ZPE	– <i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i> . Bonn
FUF	– <i>Finnisch-Ugrische Forschungen</i> . Helsinki	XUARICEA	– Xinjiang-Uygur Autonomous Region International Cultural Exchange Association. Xinjiang (China)
JHS	– <i>Journal of Hellenic Studies</i> . L.		
MDAFA	– <i>Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afganistan</i> . Paris		

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2014 г.

- Алексеев А.Ю.** см. Носов Е.Н.
Алешинская А.С. см. Макаров Н.А.
Бабенко Л.И., Вальчак С.Б. Удивительное “хронопутешествие” одной известной находки. № 1, 137–142
Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма. № 4, 89–96
Бахшалиев В.Б. Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана. № 2, 88–95
Бачура О.П. Сезонный хозяйственный цикл населения синташтинской культуры Южного Зауралья. № 2, 21–26
Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья. № 1, 158–162
Белецкий С.В., Гайдуков П.Г. Памяти Юрия Михайловича Лесмана. № 2, 191
Белоцерковская И.В., Кузьминых С.В. Памяти Светланы Вячеславовны Студзицкой. № 4, 179–180
Беляев Л.А. Levandauskas, Vytautas. Lietuvos Mūro Istorija. Kaunas, 2012. № 2, 179–184
Беляев Л.А., Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. М., 2012–2013. № 2, 177–178
Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону. № 2, 120–126
Бессуднов А.А. И.В. Федюнин. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010. № 1, 177–179
Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из Храма Окса, Тахти-Сангин). № 4, 64–74
Боталов С.Г. см. Досымбаева А.М.
Вальтер Ф. см. Есин Ю.Н.
Вальчак С.Б. см. Бабенко Л.И.
Васильев Д.В., Иванов В.А., Коренько В.А. История башкирского народа в семи томах. Том II. Уфа: Гилем, 2012. № 4, 162–167
Васильев С.А. см. Носов Е.Н.
Визгалов Г.П. см. Жарников З.Ю.
Витязь С.П. Межэтнические контакты раннего Средневековья в Верхнем Понеманье. № 2, 137–141
Воскресенская Е.В. см. Гаврилов К.Н.
Всевиов Л.М. см. Носов Е.Н.
Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. Первый памятник ранней поры верхнего палеолита в Верхнем Подесенье. № 3, 5–18
Гавритухин И.О. Византийская накладка из Подмосквья. № 4, 134–144
Гаджиев М.С., Мاستыкова А.В. Международный научный семинар «Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья» (Махачкала, 2013). № 3, 184–185
Гаилов В.А., Кошеленко Г.А. Храмы огня на территории Южного Туркменистана. № 1, 124–132
Гайдуков П.Г., Завьялов В.Ю. К 100-летию Бориса Александровича Колчина. № 3, 188
Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье. № 4, 19–28
Галиева З.С. Типология керамических сфероконов Средней Азии. № 1, 75–87
Гей А.Н., Сорокина И.А. Игорь Сергеевич Каменецкий. № 4, 183–185
Гиря Е.Ю. см. Носов Е.Н.
Гошек И., Завьялов В.И. Ножи со вставками дамасской стали на территории Чехии и в памятниках Древней Руси. № 1, 148–157
Двуреченская Н.Д. Об одном типе антропоморфных статуэток маргианы (по материалам САЭ 1980–2003 гг.). № 1, 100–112
Дементьева А.С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнёздова. № 1, 143–147
Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-Сангин – Бармашино»: взаимодействие традиций металлообработки в Центральной Азии. № 4, 75–88
Демиденко С.В. О позднесарматских бронзовых литых котлах. № 1, 26–31
Державин В.Л. см. Носов Е.Н.
Диденко С.В. см. Могилов А.Д.
Добровольская М.В., Решетова И.К. Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа. № 2, 39–47
Доде З.В. Ткани с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты. № 1, 54–66
Долгих А.В. см. Макаров Н.А.
Досымбаева А.М., Боталов С.Г. Международная научно-теоретическая конференция “Наследие Западного Тюркского каганата в контексте развития мировой цивилизации”. Астана, 2013. № 3, 182–183
Дэвлет Е.Г. К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля. № 3, 66–78
Ельяшевич А.М. см. Носов Е.Н.
Ершова Е.Г. Природное окружение фатьяновских поселений и могильников в долине Москвы-реки по данным спорово-пыльцевого анализа. № 4, 43–47
Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины. № 3, 79–88
Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С. Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога. № 2, 164–170
Журбин И.В. см. Иванова М.Г.
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Борис Александрович Колчин: металлография на службе археологии. № 4, 155–161

- Завьялов В.Ю.** см. Гайдуков П.Г.
- Золотарев П.М.** см. Березуцкий В.Д.
- Зоткина Л.В.** Технологические особенности выполнения выбитых петроглифов Минусинской котловины. № 3, 89–97
- Иванова М.Г., Журбин И.В.** Археологические и геофизические исследования средневековых поселений бассейна р. Чепца. № 1, 40–53
- Иванова С.В.** Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. № 2, 5–20
- Иванов В.А.** см. Васильев Д.В.
- Илюшина В.В.** Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье. № 3, 26–38
- Исланова И.В.** Вопросы изучения дьяковских древностей Верхневолжья и Валдая. № 1, 14–19
- Канторович А.Р.** Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк). № 3, 156–164
- Карпухин А.А., Мацковский В.В.** Абсолютная генерализованная дендрохронологическая шкала бассейнов рек Шексна и Сухона (1085–2009 гг.). № 2, 76–87
- Качановская М.Г., Рахимжанова С.Ж.** Технично-технологический анализ керамики энеолитического поселения Ботай в Казахстане (по материалам раскопок 2012 г.). № 3, 19–25
- Князева Е.В.** см. Жарников З.Ю.
- Ковалевская В.Б., Погребова М.Н.** А.А. Иерусалимская. Мошевая Балка: Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб., 2012. № 3, 169–173
- Ковтун И.В.** Хвост и грива конской фигурки из Ростовки. № 1, 5–13
- Ковычев Е.В.** см. Харинский А.В.
- Козинцев А.Г.** см. Носов Е.Н.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К.** Технологическая и типологическая вариативность кареноидных изделий в верхнем палеолите Средней Азии. № 4, 5–18
- Комаров К.И.** Городище Александрова гора – памятник археологии V в. до н.э. – XVII в. н.э. № 3, 140–146
- Коноваленко М.В.** см. Жарников З.Ю.
- Кореневский С.Н.** Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника “Клады”). СПб., 2012. № 2, 171–176
- Коренько В.А.** см. Васильев Д.В.
- Коробов Д.С.** Десятая международная конференция “Archaeological Prospection” (Вена, 2013). № 1, 187–188
- Кошеленко Г.А.** О некоторых новых результатах раскопок на городище Тахти-Сангин. № 4, 62–63
- Кошеленко Г.А.** см. Гаيبов В.А.
- Крадин Н.Н.** см. Харинский А.В.
- Кренке Н.А.** Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации. № 3, 39–49
- Кренке Н.А.** Москворецкие памятники фатьяновской культуры. № 4, 29–42
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.** В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений. № 4, 145–154
- Кузьминых С.В.** см. Белоцерковская И.В.
- Кузьмин Я.В.** Успехи междисциплинарных исследований последних лет в области археологии и естественных наук: обзор трудов конференции. № 3, 165–168
- Кулаков В.И.** Коралленберге (Хвойное). Стратиграфия и хронология раннесредневекового поселения в Калининградской области. № 2, 142–152
- Лазукин А.В.** Семинар «Междисциплинарные археологические и естественно-научные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск». № 4, 178–187
- Лаухин С.А.** см. Несмеянов С.А.
- Лебедева Е.Ю.** см. Макаров Н.А.
- Лихтер Ю.А., Столярова Е.К.** 19 конгресс Международной ассоциации по истории стекла. Словения, 2012. № 2, 185–186
- Лобанова Н.В.** К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера. № 3, 98–110
- Лурье П.Б.** Еще раз о “капеллах” Пенджикента и верхнего Зеравшана. № 1, 88–99
- Магай Ж.** см. Есин Ю.Н.
- Макаров Н.А., Шполянский С.В., Долгих А.В., Аleshинская А.С., Лебедева Е.Ю.** Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше. № 3, 50–65
- Мастыкова А.В.** см. Гаджиев М.С
- Мацковский В.В.** см. Карпухин А.А.
- Медведев А.П.** Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.). № 3, 123–139
- Миклашевич Е.А.** Музеефикация памятников наскального искусства в Республике Хакасия. № 3, 111–122
- Могилов А.Д., Диденко С.В.** Курган V в. до н.э. у с. Турия в Днепроградской правобережной лесостепи. № 2, 96–107
- Мошкова М.Г., Трейстер М.Ю.** Стекланный кубок со сценой поединка гладиаторов из кочевнического погребения могильника Лебедевка V (Западный Казахстан). № 2, 108–119
- Мунчаев Р.М.** К 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. № 1, 189–191
- Мыглан В.С.** см. Жарников З.Ю.
- Недашковский Л.Ф.** Структура и внутренние связи окружи золотоордынских городов Нижнего Поволжья. № 2, 48–61
- Несмеянов С.А., Никонов А.А., Лаухин С.А.** Памяти Вадима Александровича Ранова. № 4, 186–187
- Никонов А.А.** см. Несмеянов С.А.
- Номоконова Т.Ю.** см. Харинский А.В.
- Носов Е.Н., Тихонов И.Л., Алексеев А.Ю., Осташинский С.М., Пиотровский М.Б., Пиотровский Ю.Ю., Терещенин В.С., Чугунов К.В., Васильев С.А., Всевинов Л.М., Гирия Е.Ю., Сакса А.И., Шумкин В.Я., Хвошинская Н.В., Козинцев А.Г., Чистов Ю.К., Ельяшевич А.М., Державин В.Л., Сорокин А.Н., Энговатова А.В.** Столяр Абрам Давидович (*In memoriam*). № 4, 181–183
- Осташинский С.М.** см. Носов Е.Н.
- Павленок К.К.** см. Гак Е.И.
- Петров А.С.** Ткань с шитым образом Вознесения из погребения кочевника в Калмыкии: проблемы атрибуции. № 1, 67–74

- Петров Д.А., Яковлев Д.Е.** Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра. № 3, 147–155
- Пилипко В.Н.** Материалы из раскопок поселения эллинистического времени Дашлы 45 (Каахкинский район, Туркменистан). № 1, 113–123
- Пиотровский М.Б.** см. Носов Е.Н.
- Пиотровский Ю.Ю.** см. Носов Е.Н.
- Погребова М.Н.** см. Ковалевская В.Б.
- Полубояринова М.Д.** см. Беговатов Е.А.
- Попова Е.А.** К вопросу о назначении привратных святилищ в греческой ритуальной практике IV–III вв. до н.э. (по материалам городища “Чайка” в Крыму). № 1, 20–25
- Рахимжанова С.Ж.** см. Качановская М.Г.
- Решетова И.К.** см. Добровольская М.В.
- Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г.** Раннескифское погребение у села Китайгород в Приорелье (Украина). № 4,
- Рукавишников И.В., Яблонский Л.Т.** Исследования кургана 2 могильника Филипповка 2. № 4,
- Руссельер Э.** см. Есин Ю.Н.
- Сакса А.И.** см. Носов Е.Н.
- Сарапулкин В.А.** Новые погребения Маяцкого селища. № 2, 127–136
- Сафонов И.Е.** см. Кузьминых С.В.
- Серигов Ю.Б.** Боровка III – мастерская по изготовлению ножей из плиток серого кварцита Леонова (поздний неолит – энеолит). № 4, 97–106
- Скорый С.А.** см. Ромашко В.А.
- Скрипкин А.С.** Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. № 1, 182–186
- Соловьев В.С.** С. Бобомуллоев. История изучения археологических памятников Южного Таджикистана (XX – начало XXI в.). Душанбе, 2010. № 1, 180–181
- Сорокина И.А.** см. Гей А.Н.
- Сорокин А.Н.** см. Носов Е.Н.
- Сотрудники отдела скифо-сарматской археологии.** К юбилею Марины Глебовны Мошковой. № 3, 186
- Столярова Е.К.** см. Лихтер Ю.А.
- Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В.** Клад № 17 из Старой Рязани. № 2, 153–163
- Сыроватко А.С.** Могильники с кремациями на Средней Оке: решение проблемы «Темных веков»? № 4, 48–61
- Теребенев В.С.** см. Носов Е.Н.
- Терехова Н.Н.** см. Завьялов В.И.
- Тихонов И.Л.** см. Носов Е.Н.
- Трейстер М.Ю.** Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. № 4, 174–177
- Трейстер М.Ю.** см. Мошкова М.Г.
- Тропин Н.А.** К 75-летию Анатолия Дмитриевича Пряхина. № 3, 187
- Филимонов Д.Г.** см. Ромашко В.А.
- Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н.** Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье). № 2, 62–75
- Хвощинская Н.В.** см. Носов Е.Н.
- Ходжаева А.К.** см. Гак Е.И.
- Хомякова О.А.** Культура Доллякайм-Коврово (самбийско-натангийская): подходы к дефинициям общности. № 1, 163–172
- Цетлин Ю.Б.** Международный симпозиум “Современные подходы к изучению древней керамики в археологии”. М., 2013. № 2, 187–190
- Чернецов А.В.** см. Стрикалов И.Ю.
- Чернышева Е.В.** см. Гак Е.И.
- Чижевский А.А.** Игральная (гадальная) кость из Гулюковской III стоянки в Нижнем Прикамье. № 1, 133–136
- Чистов Ю.К.** см. Носов Е.Н.
- Чугунов К.В.** см. Носов Е.Н.
- Чхаидзе В.Н.** Грузинская археология в свете новых публикаций (2007–2010 гг.). № 1, 173–176
- Шполянский С.В.** см. Макаров Н.А.
- Шумкин В.Я.** см. Носов Е.Н.
- Щавелев А.С.** Археология образа древнерусского донатора: к выходу книги А.С. Преображенского “Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века”. М., 2010 (2012). № 3, 174–179
- Щербаков В.Л.** О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополя). № 1, 32–39
- Энговатова А.В.** см. Носов Е.Н.
- Яблонский Л.Т.** Клейн Л.С. Этногенез и археология. СПб.: Евразия, 2013. № 4, 167–174
- Яблонский Л.Т.** Круглый стол “Этничность в археологии или археология этничности?”. № 3, 180–181
- Яблонский Л.Т.** см. Рукавишников И.В.
- Яблонский Л.Т.** Экипировка раннесарматского элитного воина (по материалам Филипповских могильников). № 2, 27–38
- Список сокращений. № 1, 192
- Список сокращений. № 2, 192
- Список сокращений. № 4, 188–189